

«Одна из лучших книг по модернизации Китая в мировой синологии. Особенно привлекательно то обстоятельство, что автор рассматривает процесс развития КНР в широком историческом и цивилизационном контексте»

*В.Я. Портяков, доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Института Дальнего Востока РАН*

«Монография – первый опыт ответа на научный и интеллектуальный (а не политический) вызов «краха коммунизма», чем принято считать прекращение СССР»

*Н.А. Косолапов, кандидат исторических наук,
заведующий отделом Института мировой экономики
и международных отношений РАН*

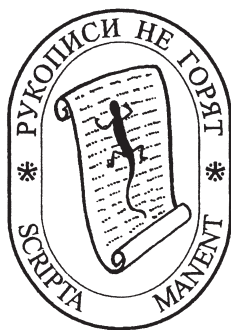
«Первая в российской политологии плодотворная попытка проанализировать трансформации китайского государства и общества сквозь призму западного теоретического знания. Образец творческого развития школы Н.А. Симонии и В.Г. Хороса»

*А.Д. Богатуров, доктор политических наук, профессор,
проректор МГИМО (У) МИД России*

А.В. Виноградов

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Поиски новой идентичности

Эмблема С.И.Дудина

Academic Educational Forum on International Relations
Institute of the Far East, Russian Academy of Sciences

Regional Scholar's Library Series

Andrey Vinogradov

CHINA'S MODERNIZATION MODEL

A Search for New Identity

Moscow
2008

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Институт Дальнего Востока РАН

Региональная библиотека международника

А.В. Виноградов

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

Поиски новой идентичности

Издание второе, исправленное и дополненное

Москва
2008

ББК 63.3(5 Кит)
В 49

В 49 Виноградов Андрей Владимирович. Китайская модель модернизации.
Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное.
М.: НОФМО, 2008

ISBN 5-901981-20-0

Редакционная коллегия серии

д.ф.н. Т.А. Алексеева, чл.-корр. РАН В.Г. Барановский,
д.полит.н. А.Д. Богатуров, д.полит.н. А.Д. Воскресенский,
академик А.А. Кокошин, д.полит.н. М.А. Хрусталеv,
д.ф.н. П.А. Цыганков, д.полит.н. Т.А. Шаклеина

Книга представляет собой второе издание завоевавшей признание читателей работы, в которой впервые в отечественной литературе предложена попытка комплексно осмыслить проблему модернизации Китая через призму классической и современной политической теории.

Рассматриваются вопросы социально-политической и социокультурной трансформации Китая с середины XIX века до современности с использованием широкого круга источников на китайском и западноевропейских языках. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами политики и истории Китая, теории модернизации, мировой истории, сравнительной политологии и глобалистики. Издание адресовано научным сотрудникам, исследователям, студентам, магистрантам, аспирантам направлений «зарубежное регионоведение», «востоковедение и африканистика», «политология», «международные отношения».

ББК 63.3(5 Кит)

Печатается с разрешения

Института Дальнего Востока Российской академии наук

Издание осуществлено при поддержке Фонда Макаруров

ISBN 5-901981-20-0

© Институт Дальнего Востока РАН, 2005
© А.В. Виноградов, 2005, 2008
© Научно-образовательный форум
по международным отношениям, 2008
© С.И. Дудин, эмблема, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Историография проблемы	19
Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования	30
1-1. Взгляд с Востока. Особенности западной цивилизации	32
1-2. Кризис западной цивилизации и марксизм	53
1-3. Движение марксизма на Восток. Русский социализм и большевизм ..	66
1-4. Реальный социализм: природа кризиса	82
Глава 2. Взгляд на Восток. Китай	99
2-1. В поисках утраченного «Дао» (1840—1919). (Вызов Запада.)	101
2-2. Революционные армии и вооруженные партии. Образование КПК и победа социалистической версии модернизации. (1921—1949). (Вызов марксизма.)	119
2-3. Политика и идеология. От «освобожденных районов» до «культурной революции» (1945—1966). (Вызов СССР.)	136
2-4. Классы и поколения. «Культурная революция». (1966—1976) (Вызов традиции.)	149
Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма. Социалистическая модернизация. (1976—1988)	162
3-1. Демаонизация и ферментация реформ. Идеология и политика. Политическая консолидация. (1976—1981)	163
3-2. Экономика и политика. Концептуализация национальной специфики. Экономическая реформа. (1982—1986)	185
3-3. Политика и наука. Дискуссия о марксизме. Марксизм с китайской спецификой. (1985—1987)	199
3-4. Национальная реконструкция марксизма. Концепция начального этапа социализма. XIII съезд КПК. (1987—1988)	214
Глава 4. Во власти реалистического подхода. Политическая модель модернизации. (1989—2002)	232
4-1. Внешний вызов. Социально-политический кризис и общественная мысль. (1989—1991)	234
4-2. Реформы в СССР. Сравнительный анализ	253
4-3. Канонизация Дэн Сяопина и рыночной экономики. XIV и XV съезды КПК. Вызов традиции. (1992—1999)	266
4-4. Механизм воспроизводства власти и культуры. XVI съезд КПК. (1999—2002)	284
4-5. На пути к новому курсу. XVII съезд КПК. (2003—2007)	299
Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации	313
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	331
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	336
ЛИТЕРАТУРА	337

ВВЕДЕНИЕ

Порвав в конце 80-х годов XX в. замкнутое пространство идеологических догм, «перестройка», казалось, подготовила исключительно благоприятные условия для развития общественных наук. Однако набиравший силу процесс оздоровления вскоре был прерван радикальными реформами, в очередной раз в российской истории предложившими готовые рецепты преобразований, автоматически снизив интерес к фундаментальным исследованиям. Образовавшаяся пауза предоставила отечественному обществоведению возможность переосмыслить то, что прежде составляло его официальный фундамент. Интенсивный международный обмен и освоение западных концепций, длительное время исключенных из научного оборота, восполнив пробелы марксистской социологии, тем не менее не смогли существенно образом оплодотворить общественную мысль. Под влиянием политической конъюнктуры и большей частью механической переориентации исследователей на либеральные ценности и подходы так и не было создано ничего концептуально значительного и оригинального. По инерции следуя в фарватере государственной политики, ученые почти утратили веру в свою способность создавать новое, полностью положившись на силу недоступной ранее западной школы¹. Осознание своей ущербности и неполноценности на рубеже веков вновь сделало обретение собственного лица одной из центральных задач отечественного обществознания. Задачи тем более актуальной, что и мировая наука в целом оказалась перед вызовом времени, в котором тесно переплелись внутренние и мировые процессы.

Несмотря на остроту и масштаб, политические потрясения стали не единственной и, конечно, не главной причиной кризиса российской науки. Появление за последние десятилетия принципиально новых факторов развития положило начало трансформации привычной картины мира. Вне зависимости от того, считать ли реформы в СССР/России результатом глобальных изменений, исключительно внутренних причин или их сочетания, не вызывает сомнений, что человечество вступило в качественно новую полосу

¹ См. дискуссию в журнале «Pro et Contra», открытую статьей А. Богатурова «Десять лет парадигмы освоения». (2000. Т. 5, № 1). Некоторые представители научного сообщества, оказавшись наверху властной пирамиды, предельно откровенно сформулировали цель: применить в России то, что уже было открыто «цивилизованным миром». См, например: *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1997.

развития, понять характер и основные тенденции которой можно только путем широких сравнительных исследований, прежде всего наиболее сильно пульсирующих точек, т.е. тех частей мира, где изменения происходят особенно бурно.

В конце XX в. переходные процессы затронули в первую очередь близкие по общественному строю и масштабам страны – Россию и Китай. Очевидные различия в промежуточных итогах реформ не смогли скрыть близости их главного направления. Начавшиеся под непосредственным влиянием успехов либеральной экономики социально-экономические и политические преобразования не привели в них к воспроизводству западной модели развития. Даже наиболее яркое отличие между ними состоит в том, что к общему выводу о невозможности повторения западного пути они пришли по-своему. Россия, увлеченная либеральным романтизмом, за несколько лет успела разрушить многое из того, что прежде составляло основу ее экономического и политического могущества, и вынуждена была остановиться, чтобы хотя бы частично восполнить утраченное. Китай, наоборот, сделав выводы из копирования советского опыта в недалеком прошлом, тщательно оберегая свою самобытность, успешнее России продвигался по пути реформ, предложив в конце концов не просто жизнеспособную, но и весьма эффективную модель экономического развития, заставившую говорить о нем как об одном из потенциальных лидеров XXI века. Вместе с тем различия в провозглашаемых ценностях в первой половине 90-х годов породили новую полосу отчуждения, на протяжении которой предпочтение отдавалось критике, а не беспристрастному анализу и сотрудничеству². Прорубание наперекор западным схемам собственного «окна» в XXI в. расценивалось российским официозом как вызов либеральным реформам, в то время как часть оппозиции усматривала в растущем потенциале КНР стратегическую угрозу России³. Только осознание утраты своего

² Отношение России к Китаю никогда не было благодушным за исключением тех периодов, когда восточный сосед признавал нас старшим партнером. Наоборот, его самостоятельность всегда вызывала подозрительность и беспокойство государственного истеблишмента. Так было в 1960–1980-х годах, когда в отношениях двух стран превалировала идеологическая конфронтация, так было и после, когда до середины 1990-х годов на фоне кризиса в России и Восточной Европе успехи китайских реформ воспринимались у нас с настороженностью и опасением.

³ См.: Яковлев А. Г. «Третья угроза»: Китай — враг № 1 для России? // ПДВ. 2002. № 1, в которой автор полемизирует с точкой зрения, согласно которой Китай является главным и единственным реальным источником военной угрозы. См. также: Богатуров А. Великие державы на Тихом океане. М., 1997. С. 6; Шейнис В. Национальный интерес и внешняя политика России // МЭИМО. 2003. № 4.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

места в мире заставило трезво взглянуть на вещи и признать в Китае союзника в отстаивании общих интересов и прав на самостоятельное и независимое развитие.

Современникам, пережившим крутой вираж истории, трудно непредвзято оценить его результаты. Мнения относительно характера и сущности современных мировых процессов значительно расходятся. Еще несколько лет назад у большинства исследователей не вызывало сомнений, что очередная критическая точка на графике истории образовалась в результате борьбы общественного и личного начал, а распад СССР и кризис социализма в других частях мира свидетельствует о невосполнимых потерях, которые понесла коллективистская парадигма развития⁴. В этом контексте центральным по-прежнему оставался вопрос: является ли поражение коммунистической идеологии в Европе доказательством утверждения единого типа цивилизационного развития, построенного на экономическом либерализме и политической демократии, или это локальное и временное явление, не разрушающее цивилизационного многообразия мира⁵.

В русле интеллектуальной традиции XX в. сущность переживаемой глобальной трансформации действительно можно описать сквозь призму борьбы двух родившихся в Европе общественно-политических течений – либерализма и социализма. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что, объединив планету современными промышленными технологиями, Запад так и не сумел ликвидировать глубоких различий в духовной культуре населяющих ее народов. А порожденные европейской историей общественно-политические системы с асимметричными достоинствами и недостатками удивительным образом оказались близки разным цивилизационным моделям. При этом марксизм, возникший как интеллектуальная и нравственная реакция на изъяны капиталистического развития Запада, был воспринят и использован прежде всего на Востоке. Таким образом, формальную победу либерализма в 90-е годы сегодня уже с полным основанием можно рассматривать как продолжение противостояния традиций восточной духовности

⁴ Эта позиция наиболее ярко прописана Ф. Фукуямой. Более взвешенной и строгой представляется позиция М. Вебера, еще в начале XX в. утверждавшего, что коллективистская идеология, эффективно уравновешивая индивидуалистические импульсы, обеспечивала поступательное развитие европейской цивилизации на протяжении последних 2,5 тысяч лет.

⁵ Начало обширной дискуссии на эту тему было положено статьей Ф. Фукуямы «Конец истории». Дискуссия завершилась не менее шумевшей статьей С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций».

и западной техногенности, что значительно расширяет исторический контекст проблемы. Анализ текущей ситуации осложняется тем, что и сам североатлантический мир столкнулся с трудноразрешимыми противоречиями, которые, с учетом его роли в современном мире, дают основание говорить о глобальном кризисе и неизбежном поиске нового пути общественного развития, первые признаки которого уже проявились.

На протяжении последних столетий мировая история распалась на два потока: немногочисленные развитые страны, определяющие мировой уровень, и государства, развивающиеся в направлении первых. Последние, составляющие абсолютное большинство, выработали особый тип социально-исторического движения, обязательным условием которого является наличие цели трансформации – европейской цивилизации. Сейчас это условие, в силу отсутствия у Запада готового ответа на новые вызовы времени, экологические, демографические, экономические и другие глобальные проблемы, уже не является обязательным и может исчезнуть. Распадется ли мир снова на самостоятельные цивилизационные потоки или консолидируется на новой основе, в значительной степени будет зависеть от того, способны ли страны Востока предложить новую формационную инициативу.

В последние годы, после того как общепринятые идеологические схемы утратили значительную долю своей привлекательности, а вместе с ней и влияния, природа общественного развития Китая все чаще описывается понятием «модернизация», которое, несмотря на неизбежные для популярного и широко употребляемого термина издержки в строгости, весьма точно отражает существо происходящих процессов, акцентируя их уникальный, не имеющий исторических аналогов характер⁶.

⁶ Модернизации и ее различным аспектам посвящены тысячи работ, только историографические обзоры насчитывают десятки наименований. При таком объеме литературы произошло неизбежное в подобных случаях размытие предмета обсуждения. Среди множества определений отчетливо прослеживаются две тенденции. Первая отождествляет ее с формированием культуры современного индустриального общества в Европе и Северной Америке – культуры «модернити», которую можно назвать «имманентной модернизацией». Термин принадлежит В. Цымбурскому. См.: Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером, Тойнби над глобусом XXI.) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3, С. 191. В. Красильщиков использует «органичная» и «неорганичная модернизация». Модернизация и Россия на пороге XXI в. // ВФ. 1993. № 7. С. 42.) Более распространен другой подход, представленный преимущественно конкретными исследованиями социально-экономических процессов в развивающихся странах, утверждающий неизбежность приближения их к западному уровню развития как в технической и экономической, так

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Исследование модернизации как одной из форм социально-исторического движения векторного, альтернативного естественно-историческому, типа предполагает характеристику как цели, в качестве которой выступает западная цивилизация, так и исходной точки – китайской цивилизации. Особое внимание к происходящим в западном мире процессам вызвано тем, что именно они оказали определяющее воздействие на современный мир, став за несколько последних столетий всеобщим эквивалентом общественного развития⁷.

До Второй мировой войны альтернатива развития казалась ясной, имела европейское происхождение и четкую идеологическую определенность, в которой капитализму противостоял социализм, воспринимавшийся как фактор внутреннего развития, не ставивший под сомнение влияние и роль Европы и Северной Америки в мире. Взаимодействие культурных миров определялось термином «вестернизация», отражавшим как реальные социально-экономические процессы, так и политику западных государств. Ситуация изменилась после войны, когда появились свидетельства того, что прежняя модель мира уходит в прошлое: разрушилась колониальная система, серьезно ослабив европоцентричную конфигурацию мира, а часть новых независимых государств избрала некапиталистический путь развития. Появление «третьего мира» усилило противостояние двух общественных систем, дополнив его конфликтом развитых и отсталых государств, а внутриевропейское противостояние приобрело глобальные характеристики, расположившись вдоль оси «Восток-Запад».

Именно поэтому, когда после войны политика «вестернизации» была отвергнута афро-азиатским сообществом, появилась теория модернизации, обосновывавшая западный взгляд на раз-

и в социокультурной областях. Этот вывод базируется на том, что модернизация свойственна странам, где были внутренние предпосылки развития капитализма, но сохранялись отношения личной зависимости – Восточная Европа, Россия, Япония, Бразилия и Аргентина, новые индустриальные страны. В них она происходила под влиянием извне и была догоняющей, в том числе потому, что некоторые элементы социального организма соответствовали требованиям времени, а другие отставали и вынуждены были догонять. Третья волна модернизации затронула страны, где не было внутренних предпосылок для капитализма (Индия, Пакистан, Венесуэла). См.: ВФ. 1993. № 7. С. 35.

⁷ Отсчет современной европейской цивилизации принято вести с Нового времени, породившего научную рациональность, индустриальное хозяйство, соответствующую им политическую систему и культуру «модернити», придавших новое качество обществу, которое стало называться современным, а предшествующее ему – традиционным.

витие новых государственных образований⁸. Ее расцвет пришелся на 60-е годы, когда утвердилось мнение, что в результате распространения передовой техники и технологии, либеральной экономики, воспроизводства индустриальной социальной структуры и соответствующей социально-политической ориентации национальных элит развитие всего мира неизбежно пойдет по западному пути. Тогда же появилось классическое определение модернизации, принадлежащее одному из основоположников теории модернизации Ш. Эйзенштаду: «Исторически модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX века и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках на южноамериканский, африканский и азиатский континенты»⁹. Таким образом, критерии модернизации совпадали с критериями индустриального общества¹⁰, ее обязательными чертами были изменения во всех сферах человеческой жизни и деятельности, при которых трансформация одного института приводила к соответствующим изменениям в других, а единицей анализа являлось национально-территориальное образование – государство. Мировое развитие представало частным случаем европейского. При этом признавалось, что модернизации является особым типом общественных изменений¹¹.

⁸ Но еще до этого, в 1950-х годах, усилиями преимущественно латиноамериканских ученых, выступавших за самостоятельный путь развития своих стран (Рауль Прадеш), была создана теория «центр – периферия», согласно которой развивающийся мир управляется международными организациями (МВФ, ГАТТ, МБРР) под контролем «семерки» промышленно развитых стран, которая стимулировала появление теории модернизации. Позже А.Г. Франк высказал идею, признанную затем ООН, о том, что неразвитость афро-азиатских стран является продуктом капитализма.

⁹ Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966. P. 1.

¹⁰ Разделение общественных функций индивидов, частной и общественной жизни, вытеснение личной зависимости вещной и появление личной независимости; применение технологий, основанных на рациональном (научном) знании, разделение труда, появление (вторичного и третичного секторов хозяйства) рынков товаров, денег и труда; образование централизованных национальных государств, разделение властей и включение населения в политический процесс; дифференциация ценностных систем, религиозный плюрализм, развитие СМИ. См.: ВФ. 1993. № 7. С. 40–41.

¹¹ Подробнее см.: *Tips D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective.* // *Comparative Studies in Society and History*. 1973. № 2. P. 201–202.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Однако вскоре стало очевидно, что в результате уплотнения мирохозяйственных связей стремление к достижению уже существующего уровня обрекает избравших эту модель на постоянное отставание¹². Одновременно стало выясняться, что и черты модерни, успешно объясняя отличия современного европейского общества от средневекового, мало что дают для понимания отличий европейской цивилизации от азиатских, в том числе от китайской. Действительно, за пределами Европы история последних столетий выглядела как процесс освоения материальной культуры европейцев другими народами, отличия которых легко можно было объяснить изменением времени и следующей из этого категорией «отсталости». Однако практические результаты этого процесса, как следовало из проведенных исследований, не свидетельствовали о воспроизводстве западной социальной матрицы, из чего вытекал вывод, что теория модернизации не справляется с возложенными на нее функциями по описанию развития неевропейских стран. В сущности, она в классическом виде воплощала методологические принципы науки Нового времени, противопоставляя современное традиционному, изменения внутри которого рассматривались преимущественно в качестве подготовки к большому фазовому переходу, тогда как типология изменений внутри системы не рассматривалась. Последовательная в своей логике, она признавала право на существенные отличия только между традиционными обществами, а современные понимались ею как цивилизационно единые и внутренне целостные, подверженные только линейным изменениям.

Между тем в самой западной цивилизации продолжали нарастать кризисные явления, разрушавшие прежние представления о принципах социальной организации. Необходим был более глубокий анализ изменений, произошедших в индустриальном обществе, который бы позволил определить их место в глобальном контексте. Продолжая традиции экономического детерминизма, теории постиндустриального общества дали новое объяснение общественно-экономическому развитию Запада, сняв ряд наболевших вопросов. Из анализа развитых стран ими был сделан вывод, что модерни как эпоха индустриальной фазы экономики завершается, последствия чего будут сравнимы с переходом к Новому времени и да-

¹² Теория модернизации в качестве идеологической альтернативы социализму подверглась в силу внутренних противоречий критике. Однако теория мир-системы И. Валерстайна и А. Тоффлера, подвергнув критике теорию модернизации, лишь описала существующие сложности и противоречия, но не смогла предложить конструктивного решения.

же к неолиту¹³. Стремление выйти за рамки обнаружившего изъяны индустриального общества тем не менее не могло быть удовлетворено в рамках экономических концепций. Смещение акцентов в сферу культуры стало ведущей тенденцией общественных наук, в том числе и самой экономической теории, одним из наиболее влиятельных течений которой стал институционализм.

Еще в конце 30-х годов прошлого столетия европейская интеллектуальная элита признала появление нового типа общества, названного постиндустриальным, и его культуры – «постмодернити»¹⁴. Родившись в среде искусствоведов и литературоведов, концепция постмодерна сделал главным объектом своего внимания проблемы культуры. Продолжив тезис о «закате Европы», авторы этой концепции признали ограниченность ценностей Нового времени: универсализма, рациональности и приоритета материального (материального фетишизма). В 70-е годы она приобрела широкую популярность, расширив свои источники за счет усилий представителей различных общественных наук, для которых «стали очевидными социальные пороки индустриальной системы, и поиски такого выхода шли не только в социально-экономическом аспекте, но и связывались с исследованием черт личности человека»¹⁵. Причинами ее широкого распространения стали: рост культурного разнообразия в странах Запада; признание за индивидуальностью решающей роли в развитии культуры, а за развивающимися странами права на самостоятельность; возможная утрата западной цивилизацией лидирующего места в мировой экономике¹⁶, а также формирование собственного концептуального пространства, позволяющего описывать реальность в новых терминах и пересмотреть всю известную историю, включая модернити.

Однако, построив свой фундамент на радикальной критике модернити, на росте плюралистичности, многовариантности развития и индивидуальности, ее сторонники лишились строгих основа-

¹³ ВФ. 1998. № 5. С. 138. Развернутую аргументацию см. также: *Моисеев Н.* Быть или не быть ... человечеству? М., 1999; *Он же.* Мир XXI века и христианская традиция // ВФ. 1993. № 8. С. 11.

¹⁴ Первоначально постмодернити рассматривалась исключительно как культурологическая концепция, ядром которой были новые течения в литературе, искусстве и архитектуре. Не претендуя на статус социологической доктрины, она не оспаривала приоритет всего, что было связано с модернити в экономике, социологии и политике. Первым из обществоведов в 1939 г. термин «постмодернизм» стал использовать А. Тойнби. Подробнее см.: *Иноземцев В.* Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // ВФ. 1998. № 9. С. 27–37.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 34.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ний для конструирования позитивной теории. Остановившись на критике предшествующих взглядов и лишь фиксируя новые факты, они объективно достраивали единую школу, начало которой положила концепция модерна.

После того как она подверглась критике, под ударом оказалась и теория модернизации. В 80-е годы она была связана уже не столько с конкретными результатами социально-экономических преобразований, сколько с общим настроением интеллектуальных кругов, испытывавших влияние постмодернизма, из-за чего произошел отказ от универсализма и идеологической конфронтационности. В результате был разрушен стереотип, в соответствии с которым социализм рассматривался как принципиальный оппонент и противник либерализма. Такое отношение к нему, возможно, и было справедливым до тех пор, пока сам социализм мыслил себя в категориях классового противоборства и «мировой революции». Но по мере ослабления международной напряженности и возникновения противоречий внутри социалистического лагеря его историческая миссия все больше связывалась с ускорением экономического развития отсталых стран, а основания для противопоставления марксизма теории модернизации исчезали. Возникла острая потребность вновь определить их соотношение и вписать в современное концептуальное пространство, тем более что Маркс задолго до появления теории модернизации предельно точно выразил ее императив: «страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹⁷. Распространилось мнение, что если первоначально теория модернизации противостояла марксизму в усилиях обобщить послевоенный опыт развития в странах «третьего мира», то сейчас она вполне вписывается в исследование современности, сложившееся в рамках классической социологической традиции, когда каждый из мыслителей по-своему описывал отличие современности от предшествующих эпох¹⁸.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 23. С. 9. См. также: Т. 4. С. 419–459.

¹⁸ М. Вебер и Т. Парсонс под современным подразумевали деперсонализацию политических и экономических отношений. Для Маркса и марксистов современное относится к распространению рыночных отношений. См.: *Roxborough I. Modernization Theory Revisited. A review article. // Comparative Studies of Sociology and History. October 1988. vol. 30. № 4. P. 756.* На самом деле выделение именно таких отличий убеждает, что принципиального противоречия между ними нет. Очевидно, что рыночные отношения по своей природе деперсонифицированы и отличаются от других общественных отношений. Значительно важнее, что К. Маркс, взяв за основу материальное производство, встал на более прочный базис, что и предопределило популярность его учения. Деперсонификация связана прежде всего с культурными особенностями Европы, следовательно, менее универсальна, а возможно,

Последовавшее постепенное возрождение интереса к теории модернизации было связано с тем, что инспирировавшая ее критику концепция постмодерна сама в конце 80-х оказалась в интеллектуальном тупике, а поражение социализма в Восточной Европе и разразившийся осенью 1997 г. финансово-экономический кризис в Азии вернули сторонникам современной модели западного развития утраченный оптимизм. В результате в 90-х годах понятие «постмодернити» практически перестало использоваться в социологических концепциях, а «модернизация» стала подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития¹⁹. Появились даже утверждения, что современное состояние западного общества, которое еще недавно характеризовалось как постмодернити, на самом деле является зрелой формой модернити, а прежнее состояние, именовавшееся «модернити», следует трактовать как «ограниченную модернити»²⁰.

Вместе с тем идеи постмодерна создали предпосылки для нового типа взаимоотношений формально равноправного сотрудничества. Попытка осмысления нового качества мира была предпринята в концепции глобализации, зафиксировавшей его единство и создавшей поле для сравнения. Если теория модернизации, аргументировав неизбежность перехода от старого к новому, предполагала многообразие в рамках единой цивилизационной матрицы, признала только разные исходные точки, расположенные в пределах традиционного общества, и единый общий финал, то непосредственно выросшая из постмодерна концепция глобализации, приняв историческую легитимность изменений и их обязательный характер, вынуждена была сформулировать проблему цивилизационной идентичности, особо остро вставшую для незападных стран, влияние которых на мировой процесс перестало вызывать сомнения²¹. Универсализм был заменен многообразием, признававшим субъектность за

вообще локальна. Существуют и другие попытки определить отношение марксизма и теории модернизации. П. Бергер считает, что теория модернизации исследует современное общество в целом, тогда как марксизм только его часть — капитализм. См.: *Цыганков А.* Вызов капитализма. (П.Бергер о социальных ориентирах современного общества.) // ВФ. 1993. № 12. С. 100.

¹⁹ Были исследователи, которые не меняли своей оценки модернити. Ю. Хабермас считал, что модернистский проект не завершен, а его потенциал неисчерпаем для нашего времени. См.: *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // ВФ. 1992. № 4. С. 40—52.

²⁰ Цит. по: ВФ. 1998. № 9. С. 33.

²¹ Закономерно, что обладавшие развитой цивилизационной моделью Китай и Япония подтвердили в XX в. свое существенное влияние на развитие мировых процессов.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

другими регионами мира. Главной проблемой концепции глобализации стало не противоречие традиционного и современного, а взаимосвязь глобального развития и национальной идентичности.

Неспособность постмодерна предложить новые методологические принципы предопределила, что и глобализация как идейная конструкция не получила должного развития, стала политизироваться и, претендуя на статус новой идеологии единого мирового процесса, все более трансформируется в инструмент внешнеполитического курса развитых государств, вернувшись, в сущности, к принципиальным положениям теории модернизации – обеспечению единства мира за счет его единообразия²².

В таком контексте модернизация признается характеристикой не только трансформирующегося пространства, но и социально-исторического времени и может рассматриваться как прообраз нового типа развития, проявляющегося пока в отношениях между различными регионами мира, не описываемого ни формационным, ни цивилизационным подходами, раскалывавшими мир во времени и пространстве²³. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, т.е. свойственной европейской истории дискретности. Модернизация, таким образом, предстает не просто сменой одного состояния другим, не признанием самого факта изменений, а процессом постоянной смены, рассматриваемым в качестве одной из важнейших ценностей современного общества, вызываемой не только экономическим и политическим развитием, но и идейно-теоретическим и культурным взаимодейст-

²² А ее наиболее последовательные оппоненты представляют преимущественно левую часть политического спектра. Вообще, глобализация — это характеристика отношений, вытекающая из синхронизации мирового развития и подчеркивающая их всеобщность, а вовсе не унификацию субъектов этих отношений, на которую претендовали вестернизация и модернизация. Естественно желание использовать эти объективные процессы для универсализации мира, на что и направлены усилия сторонников глобализации. В то же время следует признать, что к такой трактовке подталкивает и субстанциализм европейской философии, который затрудняет понимание и описание связей и отношений вообще, а между разнородными субъектами особенно. Новое в мировом развитии — это как раз появление новых по характеру и типу связей между разнородными субъектами.

²³ Генезис цивилизаций и их последующее развитие в значительной степени определяется их отношением к таким фундаментальным явлениям, как пространство и время, тем, как цивилизация осваивает одно и другое. Подробнее см.: *Виноградов А. «Тезисы о пространстве и времени» // XII Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». Информационные материалы ИДВ РАН. Серия Г. М., 2007. С. 96—101.*

вием, которое возможно только между цивилизациями. «Модернизация» указывает на чрезвычайно высокое влияние внешней среды на внутреннее развитие, на то, что в последнее десятилетие стало связываться с процессами глобализации. Социально-политические и социокультурные измерения модернизации в этом контексте можно рассматривать как внутреннюю часть процессов глобализации. Тогда модернизация предстает типом исторического развития, свойственным глобализации.

До тех пор пока внутренние ресурсы технически передового Запада не были исчерпаны, а обеспечивавшие его прогресс черты сохраняли потенциал для развития, возникающие конфликты с внешним миром решались им силовыми методами. Распространив свое влияние по планете, Запад превратил остальной мир в неотъемлемый источник собственного могущества, прервав в то же время диалог культур. Неизбежное вследствие этого истощение потенциала его собственной культуры оставило единственный выход: синтез с внешним миром, который должен был начаться с признания культурного релятивизма. Однако многообразие культурных ценностей не укладывалось в рациональную картину бытия. Усвоенный постмодерном культурный релятивизм с трудом пробивал дорогу на привыкшем к мировому господству Западе, постоянно встречая на своем пути доминирование вещественных критериев, игнорирующих потенциал разнообразия и композиционной сложности мировых культур и цивилизаций.

Признав индивидуальность и качественную разнородность субъектов исторического процесса, постмодерн вновь встал перед задачей найти общее. В рамках однородной цивилизационной среды возможен был единый критерий, функции которого взяло на себя время, предопределив естественно-исторический тип развития. Исчерпание внутренних, органических ресурсов культуры заставило искать выход из кризиса на путях ее искусственного формирования, «доставления», типологически близкого созданию второй, искусственной, техногенной природы. Активное вмешательство человека в исторический процесс привело к появлению ростков нового типа развития, который на начальном этапе наиболее полно воплотился в теории социалистического строительства. Его распространение подтвердило кризис, переживаемый западной цивилизацией, и новый субъектный характер истории, свидетельствующий о переходном характере как в развитии отдельных регионов мира, так и самой эпохи в целом. Вытолкнув общественный организм традиционных восточных обществ из состояния технологического и социально-политического анабиоза, Запад нарушил естественный ход их истории, создав благоприятные пред-

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

посылки для утверждения нового типа развития. Влияние мирового центра заставило развивавшуюся по другим законам периферию избрать мобилизационный путь, асинхронный механизм которого тем не менее впитал основные черты западной цивилизации – дискретность и субъектность²⁴.

Технические достижения Запада, став основанием для глобального утверждения им своих культурных норм, вызвали их отторжение другими народами. Более того, как свидетельствует история XX века, после удара западной цивилизации все они постепенно, хотя и в разной степени, возвращаются к традиционному способу воспроизводства культуры, демонстрируя нарастающее многообразие развития²⁵. А многие страны Дальнего Востока добились права называться развитыми, не поменяв принципиальной конфигурации социальных ячеек и общественных отношений, оказавшихся вполне совместимыми с прогрессом науки и техники.

Особое внимание к КНР, постепенно приобретающей ведущее место в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, продиктовано обстоятельствами двоякого рода. С одной стороны, результаты синтеза культур в азиатских странах, заимствовавших идеологию экономического роста и построивших себя передовыми технологиями, вызывают чувство беспокойства на Западе. Восток по-прежнему воспринимается им в качестве принципиального оппонента, необходимость борьбы с которым остается императивом существования²⁶. С другой – к нему все чаще обращаются с надеждой восполнить утерянные навыки коллективизма и духовности, ценность которых сегодня проявляется в самых разных сферах.

Развитие Китая, с середины XIX в. протекавшее под определяющим влиянием технического превосходства Запада, после 1949 года – социалистических идей, а сейчас приобретающее все большую самостоятельность, органически соединило эти качественно различные процессы. Таким образом, все 3 модели общественного развития, описываемые концепциями перехода от традиционного общества к современному, социалистического строительства и взаимодействия «Восток-Запад», оказались применимы к Китаю, где

²⁴ В субъектности главное отличие Запада и Востока. Если на Востоке она органична в рамках единого целого, то на Западе является результатом исторического развития, в котором дискретность придала ей новую степень полноты через многообразие.

²⁵ И одновременно опровергают постулат классической теории модернизации: сегодня этот процесс затрагивает уже не отдельные государства-нации, а целые культурные ареалы, обнаруживая в них общие черты.

²⁶ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Pro et contra. 1999. Т. 5. № 3; Buchanan P. The Death of the West. NY, 2002.

они, объединившись, предложили принципиально новую модель развития, в которой крупномасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения становятся результатом целенаправленных усилий государства.

Историография проблемы

В XX в. впервые в истории общественное развитие оказалось тесно связано с политическими концепциями, которые не только упорядочивали социальную активность, но и позволяли эффективно передавать исторический опыт от одной культурной среды к другой. Закономерно, что зарождение новой эпохи совпало с вовлечением во всемирную историю все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Единственным способом ее решения могло стать ускорение развития, т.е. смена естественно-исторического типа на новый, субъектный. Материалистическое понимание истории, воплотившее экономический детерминизм европейской цивилизации и основные черты новой эпохи, обусловило универсальный характер марксизма, став главным аргументом при его выборе отстающими странами для решения задач национального и социального освобождения, а также преодоления разрыва с мировыми лидерами.

Адекватный анализ социально-экономических процессов индустриального общества, предложенный марксизмом, способствовал победе коммунистических партий в России и Китае. Однако, поставив своей целью решение задач, вставших перед европейской цивилизацией, марксизм не смог четко выразить характер эпохи и стал восприниматься лишь как средство догоняющего развития, оторвав практику социалистического строительства от ценностей европейской цивилизации и дав тем самым повод для европоцентричной критики социализма. Утратив европейские нравственные ценности, мобилизационная модель развития длительное время не признавалась в качестве самостоятельной, получив наименование «государственно-административный социализм», подчеркивающее ее производный от европейского характер, и в этом качестве не отличалась от других универсалистских общественно-политических теорий.

На практике западные универсалистские теории были неоднородны; между ними существовали не только внутренние различия, но и серьезные противоречия. Буржуазным концепциям всегда противостояли другие, вызывавшие симпатии активной части местного населения и политических элит. Сначала теории вестернизации противостояли теории национального освобождения, затем

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

эстафету их противостояния приняли концепции модернизации и социалистического строительства. Зафиксировав генезис мобилизационного типа развития, последние существенно отличались от других западных моделей, предложив обширные ниши для национальной культуры и политических традиций, уходящих корнями в общину, что обеспечило политический успех их сторонникам. Тем не менее экономическая отсталость социалистических стран предопределила, что соответствие социализма требованиям нарождающейся эпохи, его самостоятельный характер на протяжении длительного времени оказались скрыты проблемами текущего развития, воспринимавшегося как преодоление разрыва с развитым миром. Только в конце XX в. появились основания для того, чтобы связать этот тип развития с поисками национальной (цивилизационной) идентичности.

Господствовавшие социологические, исторические и идеологические концепции оказали определяющее воздействие на изучение социально-экономических и общественно-политических процессов в Китае. До войны американские и западноевропейские ученые рассматривали его в традиционном европоцентристском ключе, уделяя внимание прежде всего вопросам, непосредственно связанным с иностранным присутствием и влиянием, что в целом верно отражало узловые проблемы его развития с середины XIX в. и органично сочеталось с политикой «вестернизации». После 1949 г. и разделения мира на два лагеря ситуация изменилась. Общественные процессы в Китае стали рассматриваться с большим вниманием и заинтересованностью. Это был общий для американской и западноевропейской синологии процесс²⁷. Однако в фундаментальных исследованиях по-прежнему главное внимание уделялось досиньхайскому и республиканскому периодам и редко преодолевался рубеж 1949 года. Текущей ситуацией занимались в основном политологи и экономисты, поставлявшие государственным институтам аналитическую информацию, свидетельствовавшую о модернизации экономики и серьезных социальных сдвигах, но не погружавшиеся в решение фундаментальных, общесоциологических вопросов. В течение двух десятилетий после войны, т.е. в период формирования теории модернизации, основным оставалось изучение западного влияния на традиционную китайскую культуру и общество²⁸. Было ясно, что под влиянием Запада традиционное китайское общество разлагается, но что идет ему на смену, осталось скрытым.

²⁷ См.: Chinese Studies in the UK. L., Б.г. P. 6–7.

²⁸ Cohen P. Discovering History in China. American Historical Writings on the Recent Chinese Past. Columbia University Press, NY, 1984. P. 2.

В конце 60-х годов этот подход был подвергнут критике, поскольку представлял западное влияние исключительно в позитивных тонах, а сопротивление ему Китая – в негативных. Высказывалось мнение, что теория модернизации не просто неадекватная и вредная интеллектуальная конструкция, а прежде всего антикоммунистическая, используемая для оправдания политической, военной и экономической интервенции в Азии в послевоенную эпоху, отрицающая реальность американского империализма²⁹.

Главной проблемой западной синологии в этот период являлось определение пропорций и оценка влияния иностранного элемента и внутренних факторов на развитие Китая, а также сравнение его с другими азиатскими странами³⁰. При этом практически отсутствовали сравнительные исторические исследования России и Китая и влияние на них Запада³¹. Те же, что были, ограничивались рамками изучения коммунизма, в котором цивилизационные различия в полном соответствии с универсалистскими настроениями принадлежали прошлому, сдающему свои позиции современности.

Толчком к переосмыслению представлений о Китае и социалистическом мире послужили война во Вьетнаме и поражение в ней США, положившие начало пересмотру европоцентричной концепции

²⁹ *Peck J.* The Roots of Rhetoric: The Professional Ideology of America's China Watchers. // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. 1969, October. № 2. P. 59–69.

³⁰ В 1930-е годы считалось, что главное влияние на события в Китае оказывал внешний фактор, после войны объяснение китайской истории было возложено на внутренние факторы, а в конце 1960-х в свете войны во Вьетнаме внимание вновь было привлечено к внешним. Сравнивая реакцию Китая и Японии на западное вторжение, ее результаты объясняли различием культур, поскольку внешний фактор был один и тот же. См.: *Levy M.* Contrasting Factors in the Modernization of China and Japan. // *Economic Development and Cultural Change*. 1953. № 2. P. 163–164; *Fairbank J., Reischauer E., Craig A.* East Asia: The Modern Transformation. P. 404. Дж. Пек, однако, считает, что в отличие от Японии западное воздействие на Китай было сильнее, что не позволило ему сопротивляться, а Японии в силу уникальной конфигурации внешних факторов удалось избежать империалистического господства. Есть и другое объяснение успеха японской модернизации. Его причины заключены в умении японцев использовать зарубежный опыт, в то время как Китай этот навык утратил. Японцы использовали учение Конфуция, чтобы управлять государством, а китайцы только для сдачи экзаменов. Цит. по: *Загорский А.В.* Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991. С. 249.

³¹ Автору известна лишь одна, вероятно, из немногих работ: *Wright M.* The pre-revolutionary intellectuals of China and Russia // *China Quarterly*. L., 1961. № 6. P. 175–179. Позже появились еще несколько работ, см., напр.: *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge (UK). 1979. *Westernizing Russia and China* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 3. P. 80–95.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

мирового развития и переоценке послевоенной истории. Взяв часть ответственности на себя, американское обществоведение попыталось рассмотреть развитие других регионов мира с позиций культурного релятивизма. Стало формироваться новое отношение к КНР. Китайская революция была признана не только политическим и идеологическим явлением, но и явлением китайской культуры и истории, что сделало возможным изучение КНР в контексте развития китайской цивилизации, а не просто как идейно-политического феномена современности. Тогда же было признано ошибочным противопоставление теории модернизации и марксизма как интеллектуальных альтернатив. По мнению Дж. Фэйербэнка, теория модернизации – чисто академическая, используемая для понимания того, что происходит в Китае, тогда как марксизм ориентирован на действие, а отношения между ними – отношения части и целого: теория марксизма-ленинизма, скорее, «один из многих вариантов теории модернизации, которая в широком смысле объясняет, что происходит сейчас в мире»³².

Обострение противоречий между СССР и КНР также способствовало росту внимания западных историков и социологов к китайским реалиям. В то время как правополиберальные исследователи увидели в них новое подтверждение кризиса социализма, внимание леворадикальной интеллигенции после непродолжительного поиска нового кумира, вызванного разочарованием в реформах Н. Хрущева, остановилось на коммунистическом Китае, в котором к тому времени «культурная революция» подхватила «эстафету революционного переустройства мира». В Европе и Северной Америке появилось целое направление, представлявшее социально-экономическое развитие КНР как новый почин всемирно-исторического значения.

Реформы 1978 г. не внесли принципиальных изменений в характер изучения КНР. Поскольку в теоретическом отношении постмодерн оказался не завершен, постольку и в исследованиях современного Китая не произошло концептуальных прорывов³³. После того как постмодерн стал терять популярность, выяснилось, что 90-е годы были в основном периодом накопления фактического материала, углуб-

³² Цит. по: *Cohen P. Discovering History In China. American Historical Writings on the Recent Chinese Past.* P. 101. Но при этом центральным для него все равно оставались внутренние проблемы Запада, для которого остальной мир служил лишь обрамлением. С Дж. Фэйербэнком вряд ли можно согласиться по сути. На самом деле теория модернизации объясняет конкретную политику США и ее результаты. Марксизм, наоборот, изначально представляя собой теорию, только затем стал воплощаться на практике.

³³ См., напр.: *Березный Л.А.* Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм? // ПДВ. 2001. № 3; *Он же.* Постмодернизм и проблемы ориенталистики. Заметки по поводу одной дискуссии синологов США. // Восток. 2004. № 2–3.

ленного изучения старых проблем и работы с архивами. До сих пор внимание западных исследователей привлекают в первую очередь экономическая реформа, рост экономического и военно-промышленного потенциала как факторов регионального и мирового развития, а также политическая реформа и перспективы отказа КНР от социалистического пути. Позитивным моментом стало лишь ослабление идеологической конфронтационности их выводов, расширившее пространство для рассмотрения цивилизационных аспектов развития. В западной историографии крайне мало общесоциологических работ, посвященных периоду «народного Китая», когда главный интерес был привлечен к экономике, внешней и внутренней политике³⁴.

В силу многообразия научных школ, в огромном массиве англоязычной литературы встречаются прямо противоположные точки зрения на сущность китайского пути развития, понятие «общественных перемен» и их отличий от европейских. Западная наука, привыкшая рассматривать исторический процесс в терминах противостояния старого и нового, традиционного и современного, часто лишь фиксирует изменения, с трудом признавая смену самих законов, принципов и характера связей³⁵.

Отечественное Китаеведение также разделилось по хронологическому принципу. Классическое, существовавшее несколько обособленно, редко пересекалось с современными экономическими и политическими исследованиями³⁶. Современностью же занималась идеологически ангажированная школа, важным достоинством которой, по сравнению с западной, было более высокое, но не менее тенденциозное внимание к фундаментальным исследованиям.

³⁴ Только традиционный Китай представлял интерес как самостоятельное поле исследований, современный служил лишь подтверждению европейских исторических концепций. Подробнее см., напр.: Hooper B. *Rethinking Contemporary China*. Canberra. 1991. P. 2–9.

³⁵ Одна из ее методологических слабостей в опоре на бинарную логику, существенно ограничивающую богатство исторических процессов. Ее объяснение кроется в ориентации западной цивилизации на материальное развитие, при котором технический прогресс и появление новых орудий труда становились естественным водоразделом отсталости и зрелости, а также универсальным критерием поступательности. Беспристрастному анализу общественное развитие КНР подвергнуто было лишь в относительно небольшом числе работ, но и их авторы придерживались европоцентричных взглядов, рассматривая процессы в Китае сквозь призму противостояния либерализма и социализма. Для данной темы наиболее существенным представляется вклад западной синологии в рассмотрение империалистического влияния на Китай с середины XIX века, его критика, а также анализ причин победы китайской компартии.

³⁶ Частично такое положение объясняется незначительной ролью этих сфер для развития традиционного Китая.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Несмотря на обусловленную классовой методологией односторонность специфика общественного развития Китая давала достаточно большую свободу, по сравнению с СССР и странами Восточной Европы, при описании и характеристике происходящих в нем процессов. Значительную помощь в этом оказывало классическое китаеведение, дававшее исторические аргументы для объяснения современных социокультурных феноменов³⁷. К недостаткам можно отнести длительное отсутствие работ по Тайваню и, как следствие, серьезных компаративистских исследований, посвященных социокультурной трансформации цивилизационно близких Китаю Японии, Кореи и Тайваня³⁸.

Перелом наступил во второй половине 80-х годов, когда интересы идеологической борьбы уступили место необходимости понять и точно описать происходящие в КНР процессы, а также решить ряд принципиальных социологических вопросов. Серьезные результаты были достигнуты в изучении экономики, истории, международных отношений, философии и литературы³⁹. Однако преодолеть «болезнь» страноведческих исследований и выйти на принципиально новый уровень обобщений оказалось не просто. Но если китаеведы еще стремились хотя бы на уровне частного объяснить специфику Китая особенностями его культурно-исторического развития, то для обществоведения в целом типичной оставалась универсалистская позиция⁴⁰.

³⁷ Одним из непосредственных следствий этого явились дискуссии об азиатском способе производства и других «белых» пятнах марксизма, инициированных востоковедами.

³⁸ В последние годы эти пробелы успешно заполняются. См.: *Ларин А.Г.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000; *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжи, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000; Гомиьдан и Тайвань: история и современность. (Материалы научной конференции 23 апреля 1999 г.) М., 1999; *Гудошников Л.М., Кокорев Н.А.* Политическая система Тайваня. М., 1997; Загорский А.В. Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991. На Западе внимание к этой проблеме было весьма высоким в том числе потому, что влияние Японии на начальный этап модернизации в Китае было значительным. См., напр.: *Hoston G.* The State, Identity and National Questions in China and Japan. Princeton, 1994.

³⁹ См.: *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М. 1998; Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика. С.Л.Тихвинского. М. 1998; Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999 и др.

⁴⁰ «...вся действительная специфика той или иной формы социализма состоит только в адекватном национально-государственным условиям воплощении в жизнь единых для всех стран принципов и норм социализма». (*Бутенко А.* Социализм как общественный строй. М., 1974. С. 256). Попытки представить макро-взгляд на развитие Китая предпринимали философы, но и они предпочли исследование внешне

После 1991 г. в изучении Китая появились новые моменты, обусловленные противостоянием двух научных школ: марксистской и либеральной. Первые старались не замечать рыночный характер преобразований, нарушение социалистических принципов распределения, изменения роли КПК в обществе и политической системе, в то время как вторые настойчиво выискивали социально-политические последствия утверждения рыночной экономики и признаки скорого отстранения компартии от власти и победы демократии.

Живой, а не чисто академический интерес к теории модернизации возник у в нашей стране в 90-е годы в связи с распадом мировой соцсистемы. Возникла необходимость классифицировать бывшие социалистические страны. Это было особенно актуально применительно к Китаю, который нарушал складывавшуюся мировую тенденцию, сохраняя социалистическую ориентацию и одновременно демонстрируя устойчиво высокие темпы роста. Модернизация оказалась удобной категорией, которая была лишена идеологической ангажированности и в то же время оставалась синонимом поступательного движения к современности. Так была избрана понятийная среда для описания новых реалий и начала формироваться отечественная версия теории модернизации, которая в отличие от западной, стремящейся к универсализму, позволяла смотреть на процесс изменений изнутри, переживала эти изменения вместе со страной и вела поиск новой идентичности.

В целом хронологическое деление китаеведения в России и за рубежом препятствовало пониманию смены исторических ритмов и типов развития. Исследуя процесс изменений, уловить изменение их типа без широких сравнений как страноведческих, так и исторических, действительно было крайне трудно.

До 80-х годов марксистское понимание общественного развития доминировало и в КНР. Даже процессы в дореволюционном Китае было принято рассматривать в русле формационной теории, сводящей объяснение причин и характера его социально-исторической динамики к борьбе рабочих и крестьян с китайскими помещиками, иностранным капиталом и маньчжурским господством. Концепция «строительства социализма с китайской спецификой», выдвинутая пекинским руководством в начале 80-х годов, расширила рамки исследований, ориентируя на поиск новых социологичес-

более близкого западному миру Тайваня континентальному Китаю. См., напр.: *Буров В.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998. Однако недостаток реалий не позволил им дать удовлетворительного прочтения китайского феномена, невольно подтолкнув к включению его в существующие идеологические конструкции и модели развития.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ких подходов. Однако ощутимого прогресса в нахождении новых теоретических оснований китайской истории добиться не удалось. Существенным стало признание уникальности древней китайской цивилизации и общественной мысли, которые уже не пытались целиком разместить в европейских схемах, а также их влияния на современное развитие.

Радикально ситуация стала меняться с начала 90-х годов, когда поражение социализма в Восточной Европе и СССР автоматически предоставило КНР право претендовать на исключительность. Объяснительные конструкции, предлагаемые обществоведами, стали выходить за рамки марксизма и европоцентричных концепций вообще, не встречая серьезного противодействия со стороны партийного руководства.

Реформаторские импульсы, изменив отношение к реформам как неизбежному выбору между капитализмом и социализмом, подготовили обществоведение в КНР и китаеведение за рубежом для преодоления барьера 1949 г. и воссоединения. И все же для преодоления стереотипов пока мало что сделано. В общем массиве китаеведческой литературы по-прежнему преобладают работы по экономике и хозяйственной реформе, успехи которых наиболее заметны, в то время как работ по социально-политическим процессам и культуре, где оценить характер изменений гораздо сложнее, значительно меньше⁴¹. Задачей восполнить этот пробел и хотя бы частично связать исторические традиции Китая и современные общественно-политические процессы едино объясняется большой историко-методологический раздел как необходимое введение к проблеме его модернизации⁴².

Признавая, что высказываемые в работе взгляды дискуссионны, а сама она не безупречна, автор все же считает, что попытка представить макровзгляд на проблему полезна уже тем, что позволяет увязать различные аспекты преобразований и приблизиться к пониманию их места в общей картине.

Отсчет китайской модели модернизации принято вести с середины XIX века, когда в результате «опиумных войн» началось интенсивное и планомерное проникновение европейских держав в Ки-

⁴¹ Экономические аспекты представлены целым рядом монографий, сопоставляющих реформы в СССР/России, КНР и «азиатских драконах», чего нельзя сказать о проблемах политической культуры. Частично они рассматриваются в монографии Кокарева К.А. Политическая реформа и модернизация Китая. М., 2004.

⁴² В отечественном китаеведении в работах Переломова Л.С., Кожина П.М., Мартынова А.С., Тертицкого К.М., Титаренко М.Л. и др. рассматривается влияние традиций на современные политические процессы. Автор попытался вписать эти исследования в более широкий исторический и социологический контекст.

тай. На протяжении всего этого периода процессы модернизации и синтеза культур протекали болезненно и неравномерно, пройдя несколько этапов. На первом, до 1911 года, изменения протекали при недостаточно эффективном и даже робком участии государства, что в конечном счете предопределило победу новых социальных сил, использовавших западные концепции в качестве официальной основы новой государственной доктрины. Деформация под их влиянием старого культурного архетипа и размывание традиционных общественных и государственных структур сопровождалась усилением зависимости Китая от иностранных держав, а весьма умеренный экономический рост не компенсировал нравственных потерь, усиливших чувство национальной неполноценности. Нараставший вследствие этого социокультурный конфликт привел к росту революционных настроений и социальным потрясениям, гражданским войнам и вооруженным конфликтам, не позволявшим до 1949 г. целенаправленно и последовательно проводить преобразования. Необходимая для модернизации мобилизационность поглощалась решением текущих военно-политических задач, и на комплексные социально-экономические преобразования сил уже не хватало.

После образования КНР адекватному восприятию задач, стоящих перед страной, и, как следствие, выработке соответствующей государственной политики мешали идеологические стереотипы. Борьба за выбор стратегии преобразований не выходила за рамки представлений о линейности исторического процесса с последовательным прохождением определенных стадий и общей конечной целью, не оставлявших значимого места национальной специфике. Если расхождения китайских коммунистов с Гоминьданом еще можно было рассматривать в контексте противостояния интернационального и национального, то на более позднем этапе полемика внутри КПК разворачивалась не вокруг многообразия форм исторического развития, а вокруг стратегии и тактики достижения общих целей⁴³. Национальная идентичность рассматривалась прежде всего в контексте особенностей политической борьбы и социалистических преобразований, а не как самостоятельная категория социально-экономических и общесоциологических теорий.

Трагические события «культурной революции», вскрыв ущербность прежней модели общественного развития, освободили пространство для новых направлений поиска. Только после 1978 года, когда впервые в новейшей китайской истории начался устойчивый экономический рост, появились основания характеризовать прово-

⁴³ Более того, выступая против гегемонизма, КПК сама переболела синдромом мессианства, навязывая свой путь развития через концепцию «третьего мира».

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

димый курс как самобытный и оригинальный путь развития. Освобождение от идеологических стереотипов позволило говорить и о национальной идентичности как о самостоятельной категории, а идея «модернизации китайского типа» потеснила теорию социалистического строительства. В результате поражения социализма в Восточной Европе и СССР многие из прежних взглядов не исчезли, а подверглись аранжировке, став составной частью нового политического и социально-экономического курса КПК.

На рубеже третьего тысячелетия, когда кризис действующего мироустройства стал очевиден, а альтернатива ему так и не определилась, автор стремился обратить внимание на развитие Востока, вписать протекающие в КНР процессы в общемировой контекст и таким образом преодолеть характерный для многих страноведческих работ недостаток обобщений с тем, чтобы найти то общее, что связывает различные страны, и с этих позиций попытаться определить генеральную тенденцию мирового развития.

В работе предпринимается попытка рассмотреть развитие Китая как единый процесс, который описывался в понятиях «традиционное-современное», а затем «социализм-капитализм» и «национальная идентичность-глобализация», акцентируя внимание не столько на различиях в рамках каждой пары, сколько на том, что их объединяет. На примере Китая автор старался проанализировать общие и специфические принципы социальной трансформации и нормы современного общественного развития, уделив особое внимание сравнению с формационно и цивилизационно близкими странами, интерпретировать роль марксизма в этом процессе, а также уточнить представление о национальной идентичности, рассмотрев ее как структурообразующий элемент современного мира⁴⁴. Особое внимание было уделено синтетическому характеру современной общественной мысли Китая, объединившей западную и восточную традиции в рамках официальной политической доктрины, способной адекватно описывать происходящие процессы⁴⁵.

⁴⁴ Это касается институтов власти, экономической системы, культуры, идеологии.

⁴⁵ Подобно тому как европейская цивилизация стала результатом синтеза греческой логики, римского права и иудео-христианской религиозности, а китайская — конфуцианства, буддизма и даосизма, так и современная китайская цивилизация имеет все предпосылки для того, чтобы стать синтезом традиционной культуры и марксизма, который ввел китайскую общественную мысль в мировую, придав ей современный облик. Марксизм, вычленивший техногенную сущность европейской цивилизации и воплотивший политическую субъектность, был воспринят в Китае в качестве символа успеха, дав толчок смене культурных норм. Сосуществование старых и новых ценностей, наличие смешанного понятийного аппарата свидетельствуют о формировании новых символов, принципов диалога и синтеза культур.

Поражение социализма в конце 80-х годов показало, что формационная концепция истории не в состоянии удовлетворительно объяснять процессы, происходящие в современном мире. Это относится к типологии революций, к роли классовых отношений, к анализу общественных процессов в конце XX в. и др.⁴⁶. В работе предпринята попытка рассмотреть общественный строй в КНР не только как общественно-экономическую формацию, но и как субъектный тип общественного развития, требующий особых принципов социальной организации. В работу включены также разделы, посвященные рассмотрению аналогичных процессов в СССР/России, на взгляд автора убедительно поясняющие логику развития Китая.

⁴⁶ Методологические подходы к проблеме были разработаны автором в работах: Концептуальное поле китайской модернизации // Китай на рубеже тысячелетий. Информационные материалы ИДВ РАН. Москва. 1998. С. 30–40; «Синтез» как категория исторического развития на современном Востоке // VII Всероссийская конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». М., 2001. С. 54–59; Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт трансформационной теории. // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128; К проблеме модернизации традиционной китайской методологии. // VIII Всероссийская конференция «Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2002. С. 66–70; Гипотеза о «двойке» и «тройке» // IX Всероссийская конференция «Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2004. С. 148–152.

Глава 1.

Взгляд на Запад.

Историко-методологические начала исследования

В общественных науках широко используются исторические и страноведческие параллели, позволяющие описывать явления, сравнивая их с другими, хорошо изученными, и концептуализируемые понятием «модель». Однако многовековая традиция смотреть на мир глазами Запада скрывает многое из того, что хотелось бы понять. По справедливому замечанию Т. Куна, факты и явления, не вписывающиеся в существующую концепцию, попросту игнорируются¹. От неизбежного искажения картины реального Востока можно избавиться, только освободившись от мировоззренческих стереотипов и ценностных ориентиров западной цивилизации и зафиксировав ее развитие на уровне локальной схемы, указав на историческую обусловленность общественных явлений и институтов². Это позволит не искать в каждом историческом факте подтверждение той или иной концепции, а наоборот, сосредоточиться на генезисе тех черт, которые отсутствуют в китайской истории или существенно отличаются.

В качестве обязательного условия такого рассмотрения необходимо восстановить поворотные точки европейской цивилизации и найти строгое объяснение ее нынешних преимуществ в естественном стечении природных и исторических обстоятельств, уделив внимание не только формированию конкретных институтов, менявшихся со временем, но и фундаментальным принципам их организации. С этих же позиций следует подходить и к рассмотрению истории Китая, освободив ее от объяснительных аксиом европейской науки и сохранив фактологическую основу³. Единый подход и

¹ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolution. 2 ed., Chicago. 1970. P. 24. Эта мысль высказывалась и до него, но не получила широкого признания: историк находит только те факты, которые ищет. Carr E.H. What is History. NY, 1961. P. 26.

² Верно и обратное. Запад в глазах Востока не совсем то, что есть на самом деле. Эта методологическая проблема впервые была поставлена Г. Риккертом, разрабатывалась М. Вебером, но по-прежнему остается актуальной и далекой от разрешения.

³ Для того чтобы понять, насколько отличается Восток от Запада, мы изучаем Восток, но не менее важно изучать и Запад. Преодолеть европоцентристский взгляд на историю способно только западное востоковедение.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

общая система координат, в которой расположатся восточная и западная цивилизации, позволят уровнять их в правах, создав объективные основания для сравнения и сопоставления.

Особого внимания в этом анализе заслуживает марксизм, воплотивший рациональность и агрессивность – нравственные и культурные ценности зрелой стадии развития европейской цивилизации. Появившись как результат интеллектуальной реакции на внутренние противоречия и кризис, поразившие индустриальную Европу, он превратился в один из важнейших факторов мирового развития, а его влияние стало особенно сильным в странах, находившихся на периферии западного мира. Марксистское учение не только было воспринято, но и пустило глубокие корни в других цивилизационных ареалах, изменив и приблизив друг к другу качественно разные модели общественного развития. Более того, возникнув как интеллектуальное и духовное явление европейской жизни, оно актуализировалось в социально-экономический и общественно-политический феномен в иной культурной среде – сначала в российской, а затем и китайской. Если последние два столетия можно назвать началом истории глобального взаимодействия и переплетения мировых цивилизаций, то роль катализатора в этом процессе в отношениях Европы, России и Китая сыграл марксизм⁴.

Именно поэтому одним из важнейших объектов предлагаемого анализа является Россия, оказавшая огромное, во многом решающее воздействие на развитие Китая в XX веке⁵. В России марксизм претерпел радикальные изменения, адаптировавшись к практическим задачам, стоявшим перед другой, неевропейской культурной средой, и превратившись в политический инструмент преобразования действительности. Новая социально-экономическая и социокультурная реальность, продемонстрировав свою жизнеспособность и эффективность, стала влиятельным примером для многих политических сил за пределами Европы.

Перечисленные блоки задают систему координат, в которой располагается китайская модель развития в XX веке. Выделив ха-

⁴ Однако, став интеллектуальным стержнем, он так и не смог стать духовной основой новой цивилизационной ветви. Вскоре после Октябрьской революции под влиянием российских реалий взгляды Ленина претерпели существенную трансформацию. См. разд. 1.3.

⁵ Закономерности ее трансформации могут существенным образом помочь в понимании происходящих в Китае процессов. В свою очередь и история Китая в XX в. дает возможность по-новому оценить развитие России и влияние на нее европейской цивилизации. См. разд. 1.3, 1.4, 4.2.

рактерные черты европейской и китайской цивилизаций и сгруппировав их соответствующим образом, можно будет проследить их трансформацию в иной социокультурной среде.

1-1. Взгляд с Востока. Особенности западной цивилизации

Прогресс человечества за последние два тысячелетия принято связывать с Европой, материальная культура которой действительно придала планете ее нынешний облик. Доминирование западноевропейской цивилизации на протяжении последних нескольких столетий и распространение ее основных черт на остальной мир создали глобальную социально-экономическую и культурную матрицу, в которой были вынуждены искать свое место другие страны и народы⁶. Одни из них не смогли вписаться в новый культурный контекст, были уничтожены или исчезли. Другие, исключительно азиатские, хотя и сохранились, претерпели глубокие внутренние изменения и до сих пор продолжают поиски своего места в мире.

Общепризнанно, что европейская цивилизация в ее нынешнем виде сформировалась в период Нового времени, когда появились наука, вытеснившая религиозное сознание, гражданское общество и торговый капитал. До этого ее основные черты принципиально не отличались от китайской. Однако причина возникновения Нового времени и, соответственно, характерных черт последующего развития Европы остается скрытой. Для выяснения ее сущностных отличий от других мировых центров, сумевших сохранить собственное социокультурное и интеллектуальное лицо, необходимо восстановить поворотные точки европейской истории, уделив первоочередное внимание особенностям материального производства, его влиянию на общественную жизнь и культуру.

Получившая в последние годы признание социоестественная концепция истории утверждает, что главная причина отличий Западного и Восточного миров заключается в своеобразии их окружающей среды, породившей особый характер взаимодействия с обществом⁷.

⁶ При этом количественное сравнение оказывается явно не в пользу Запада, что наталкивает на мысль: а не является ли его нынешнее превосходство неизбежной по закону неравномерного развития, но лишь преходящей фазой исторического цикла, возвышающего попеременно то Восток, то Запад.

⁷ Среди комплекса наук, рассматривающих взаимодействие природы и общества, наиболее известна геополитика — учение о влиянии географической среды на политику, сформировавшееся еще в конце XIX века. В конце XX в. стала бурно

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

Благоприятные энергонасыщенные природные условия на Востоке уже на ранних стадиях генезиса сформировали общество, ориентированное на поиск свободных ниш в окружающем мире. Преобладание природно-климатических факторов над мотивационными («вызов-ответ» по Тойнби) подчинило себе восточное общество, определив его созерцательный, пассивный характер. Задача социума сводилась к тому, чтобы заметить и завладеть существующими, но еще не используемыми природными средствами. Восточный человек встраивался в природу экстенсивно, повторяя логику животного мира, постоянно приспосабливающегося к внешней среде. Наличие достаточного количества готовых к непосредственному применению природных ресурсов требовало лишь объединить трудовые усилия для их использования, что привело к утверждению коллективизма сначала в качестве функциональной, производственной ценности, а затем и этической⁸. В результате на всех уровнях взаи-

развиваться наука о влиянии общества на природу — экология, и тогда выяснилось, что экологическая культура сформировалась у азиатских народов задолго до ее появления на Западе. О влиянии природных ресурсов и климатических условий на генезис общества писали значительно меньше. Эту проблему затрагивали: *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1987. Т. 1.; *Гране М.* Китайская цивилизация. Общественная и частная жизнь. М., 1938; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1987—1990. Т. 1—3; *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993 и др. Вероятно, одним из первых специальных исследований была работа Мечникова Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924. Концептуально она изложена в работах Кульпина Э.С. Восток. (Человек и природа на Дальнем Востоке.) М., 1998; Об основах социо-естественной истории // Восток. 1994. № 1. С. 29—38, Человек и природа в Китае. М., 1990. Характерно, что как научная дисциплина она формировалась при изучении истории неевропейских стран и заставляла объяснять причины очевидных различий. Связано это с тем, что социоестественная концепция истории особенно плодотворна при характеристике начальных стадий общественного развития, когда влияние природы на общество неизмеримо сильнее социальных факторов, а мотивация и количество ресурсов являются основными факторами развития. Доминирование мотивации предопределило рациональный характер западной цивилизации. На Востоке ирригационные системы, обеспечивавшие воспроизводство, возможны были только при коллективных усилиях, а технические и технологические новшества служили в основном для экстенсивного воспроизводства, главным результатом которого стал опережающий рост населения.

⁸ Материальная культура выделила человека из царства природы, впоследствии дав марксизму основание утверждать, что труд создал человека. Позже теория систем строго доказала, что часть как структура-аттрактор действительно может создать целое. Но вряд ли можно считать, что этой частью была материальная культура. Отличие в сфере материального производства на ранних стадиях были ограничены узкими природно-климатическими рамками и были незначительны,

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

модействия с природой человек выступал как совокупный субъект, что накладывало отпечаток на весь спектр внутренних отношений, скрадывая предпосылки для противостояния внутри общества, которое также развивалось экстенсивно, совершенствуя существующие управленческие функции, а не создавая новые⁹.

Доминирование природных факторов над мотивационными создало атмосферу, в которой природа воспринималась как источник жизни, а человеческое вмешательство – как угрозы. Взаимоотношение с окружающим миром было продиктовано стремлением восстановить природную гармонию, нарушенную самим актом появления человека¹⁰. Встроенность во внешний мир предопределила эмпирический и прикладной характер большинства открытий китайской цивилизации, тогда как уже культура античности, а тем более культура Нового времени приучили к мыслям о том, что открытия делаются на кончике пера, альтернативно природе, теоретически¹¹.

В Европе ограниченность готовых для непосредственного использования природных ресурсов требовала принципиально иного характера поведения – не созерцательного, а деятельностного, предопределив формирование социума агрессивного типа, постоянно ощущающего антагонизм «человек-природа», вынужденного противопоставлять себя внешней среде и строить в соответствии с этим свой жизненный уклад. При примитивной технике личная мотивация играла решающую роль в обеспечении экономического роста и производительности труда, предопределив развитие индивидуалистических ценностей. Социальной парадигмой конфликта человека с природой стало формирование классов, выросших на почве разделения труда и развитой производственной деятельности. Гос-

что и позволило стремившемуся к универсализму марксизму выделить материальную культуру в качестве важнейшей причины появления человека. В действительности любой материальной деятельности предшествует деятельность в духовной сфере, где суверенитет человека неизмеримо больше, а ее разнообразие заметно шире, но дошедшие до нас достоверные свидетельства ее существования появились намного позже.

⁹ Ощущение гармонии с природой распространилось на общество, предопределив появление особого «азиатского способа производства», в основе которого лежит не антагонизм, а гармоничность общественных отношений.

¹⁰ Поэтому китайцы верили в природу, с которой жили в мире, а европейцы – в бога, помогавшего им противостоять природе. Даже в типе мышления китайцев, зафиксированном иероглифическим письмом и характером коммуникативной культуры, очевидно преобладание конкретного, природного над абстрактным, теоретическим.

¹¹ См.: Богомолов А. Античная философия. М., 1985. С. 31.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

подствующий тип взаимоотношений с природой был перенесен на социальную среду, также воспринимавшуюся частью враждебных внешних сил. «Рим рос разрушением Альбы»¹².

Постоянные войны и сопровождавшая их смена условий жизни, привычек и норм усиливали динамичность и предприимчивость европейского человека. В то время как Китай искал гармонии с природой, стремясь совершенствовать существующее, а не «познавать» природу в библейском смысле, Европа наращивала мускулы для борьбы, чтобы, покорив ее, восстановить гармонию уже на новых социальных принципах. Воспроизводство и поддержание жизни предполагало постоянную, непрекращающуюся борьбу с внешним миром, ставшую важнейшим источником философской мысли и государственных институтов¹³.

Своеобразие отношений с природой утвердило особую роль универсального медиатора двух миров – орудий труда, как принадлежащих природному миру вещей, так и подвластных человеку. Техногенность постепенно переросла в технократизм, став показателем силы социума по отношению к окружающей среде, органичной частью которой были соседи. Соревнование между ними могло протекать только в материально-технической плоскости, предлагавшей универсальный критерий жизнеспособности культур и заставлявшей заимствовать прежде всего достижения материальной культуры, превратив их в главное средство обмена (торговли). Сформировавшиеся принципы и нормы взаимоотношений западная цивилизация впоследствии эффективно использовала для экспансии, увеличив силу воздействия своего технического превосходства.

Другим существенным элементом, определившим характер античной цивилизации, стало разнообразие народов и культур в Средиземноморье. В результате постоянно осваивавшая новые пространства с помощью анклавов развитой техники и производства ремесленно-торговая древнегреческая цивилизация переносила на новое место только то, что имело функциональную ценность, оставляя ценности родового уклада на прежнем месте и создавая на новом – новую социальную организацию¹⁴. Родовая знать лишалась

¹² *Тит Ливий*. *Crescit interea Roma Albae ruinis*. Цит. по: Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Минск, 1998. С. 275.

¹³ «Война есть отец всего, царь всего. Она сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других свободными». (Гераклит) См.: *Лосев А.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга 1. М., 1992. С. 382.

¹⁴ В Древней Греции из-за переселений, смены места появилось новое понимание о встраивании в среду, где выше роль человека, а не природы и бога. См.: *Восток*. 1999. № 1. С. 187.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

власти, «и вместо прежних чисто родственных объединений возникает рабовладельческий полис, в котором территориальное сожительство соседей берет решающий перевес над узкородственными связями»¹⁵. Рисковый характер операций по экспансии требовал высокой функциональности участников, жизнь которых зависела от практических знаний и умений больше, чем от устоявшихся нравственных норм. На новом месте, вне семьи, человек был вынужден выступать в различных качествах, превращаясь в самостоятельного, автономного индивида со строго очерченным кругом правомочий, определяемых его принадлежностью к городской общине¹⁶. Положение человека в греческих полисах и Риме перестало обуславливаться принадлежностью к родственным коллективам, а стало определяться правом – в отличие от Китая, где оно по-прежнему определялось долгом перед семьей и общиной. В героическом характере индивида было заключено деятельностное, предпринимательское начало, позволившее ему существовать вне рамок семьи и со временем превратиться в личность, ставшую универсальной ценностью западной культуры. Переход к функциональным связям сделал возможным массовое использование рабов, которые не воспринимались полноценными членами коллектива, а, подобно орудиям труда, выполняли определенные производственные функции¹⁷. Важнейшей предпосылкой появления развитой формы рабовладения в Европе стало сосуществование различных этнических групп, являвшихся источником рабов. Эти группы не уничтожали, но и не ассимилировали полностью, создавая анклавные культуры¹⁸.

Наконец, было еще одно обстоятельство, способствовавшее признанию за каждым членом коллектива самостоятельной ценности. Чуждое этнокультурное окружение порождало групповую, горизонтальную солидарность, создававшую предпосылки для формирования общего мировоззрения по отношению к внешнему миру и консолидировавшую сильнее, чем общее происхождение и родственные чувства. Исключительное значение внешних функций впоследствии привело к образованию государств-наций, главной задачей которых стало восстановление и поддержание внутреннего

¹⁵ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 333, 354–362.

¹⁶ Богомолов А. Античная философия. М., 1985. С. 241. Развивающееся общество стало атомизироваться и терять целостность.

¹⁷ Рабовладение окончательно перенесло агрессивную схему отношений с природой на общество и подчинило их формальному закону.

¹⁸ Цит. по: ВФ. 1992. № 3. С. 89. Даже в период зрелости Афинского государства рабами были почти исключительно инородцы, составлявшие военную добычу.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

единства, исчезнувшего вместе с естественными, родовыми связями. Утраченная общественная гармония могла отныне быть достигнута только искусственными средствами.

По мере разложения общины нравственные (родовые по своей природе) регуляторы утрачивали свое значение, в то время как отчуждаемая от человека и незакончивающая свой век одновременно со своим владельцем собственность превращалась в мерило общественных отношений, заложив фундамент материалистической цивилизации Европы¹⁹. Материальные богатства продолжали сохранять, а иногда и увеличивать, свою ценность в новой культурной среде. Передаваемые по наследству, они усиливали расслоение общины, став основой имущественного неравенства. Частная собственность стала точкой опоры в дискретном историческом процессе, придав стабильность существованию отдельного индивида и сделав его более независимым от общества. Превратившись в общепризнанную и бесспорную ценность, она вытеснила интимность общинно-родовых отношений.

Власть перестала быть прерогативой главы рода, став продолжением личных качеств и собственности, сделав деньги универсальным мерилom ценностей, «всеобщим эквивалентом»²⁰. Разграничение власти и полномочий в функционально, а не родственно, организованном обществе неизбежно должно было принять отчужденную, договорную форму²¹. Античная демократия стала механиз-

¹⁹ В отчуждаемой у природы собственности материализовалось отношение европейского человека к внешнему миру. Существует мнение, что древнегреческая колонизация Средиземноморья, как и Великие географические открытия Нового времени, были вызваны правами наследования. Протестантство, таким образом, лишь придало завершенность исторической роли собственности в западном мире.

²⁰ Собственность стала символом покорения внешнего мира и поэтому заняла центральное место в западной цивилизации.

²¹ Античная цивилизация начиналась с городов, отделившихся строгим барьером от внешнего мира. Эту традицию в Новое время продолжило государство-нация, для сохранения своей идентичности отделившееся границами. В городах, которые формировались не только как анклавы компактного проживания ремесленников, но и как ядро другой культуры, сузилась сфера контроля. Нравственные регуляторы, предполагавшие постоянное пребывание в поле зрения членов общины, потеряли свою эффективность, регулирование общественной жизни приобрело дискретный и потому формальный характер: от нарушения до наказания, восстанавливающего норму. Право, отличавшее граждан одной (городской) общности от другой, наиболее полно воплотило особенности античной цивилизации, так как оно давало новый фундамент социальной общности — не кровно-родственный, а формальный и дискретный. В Китае эти функции выполнял долг, процедурой которого был ритуал, аналогичный по своим функциям юридическому закону.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

мом согласования индивидуальных интересов, появившихся как массовое явление в полисах Древней Греции, где между переселенцами устанавливались формальные и функциональные связи. На смену естественной власти авторитета старшего пришел закон, обеспечивающий формальное равенство субъектам социальных отношений, в основе которых лежали имущественные отношения, т.е. отношения по поводу принципиально сравниваемой материальной культуры²². Так родился новый тип социальных связей, родовая община уступила место основанному на других принципах социальному организму – гражданской общине²³. Это была искусственно созданная, как и техника, договорная форма коллективизма, регулируемая собственностью и юридическим законом. Полис и республика стали внешним, чуждым первоначальному родовому обществу институтом.

Государство в Китае развивалось из семьи для регулирования усложнившихся, но не отчужденных отношений, поэтому и средства социального регулирования сохранили неотчужденный характер. Коллективизм оставался естественным состоянием, не порожденным защитными силами общественного организма против энтропии, родовая власть по-прежнему гарантировала материальное благополучие, а собственность не приобрела самостоятельной роли и особых социальных функций.

В Европе движение этносов, смешение культур и религий стирало поступь цивилизации; цивилизованность сменялась периодами разрухи и упадка. Сформировалось особое понимание перемен как насилия и тотального разрушения, в котором новое не вырастало из старого, а утверждалось как отказ от него. Европейская история прочно ассоциировалась с непрерывной борьбой с непредсказуемым результатом и, в отличие от китайской, была переживаемой, а не канонизированной. В этой живой памяти у прошлого было мало привлекательного, оно с трудом подвергалось идеализации. Постепенно идеалом Запада стало стремившееся к непротиворечивой завершенности будущее, а не «золотой век» прошлого. Эта тради-

²² Лосев А. Указ. соч. С. 342–343. Равенство перед законом означало признание субъектности. Основанная на родовых связях естественная иерархичность уступила место горизонтальному принципу организации. Увеличившееся в результате число участников общественного процесса усилило социальную динамику, породив нестабильность, кризисы и вызвав потребность в новых принципах управления.

²³ «С самого начала римское гражданство имело личный характер, определяемый только правом». (Сестон В. Римское гражданство. XIII Всемирный Конгресс исторических наук. М., 1970. С. 3–4) «Гражданин» понимался не в новоевропейском смысле, не как субъект общественно-политического процесса, а как член городской, а не родовой общности. Современное понятие «гражданство» именно на это и указывает.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ция, воплощенная в христианской эсхатологии и исторической спирали абсолютного духа Гегеля, получила затем продолжение и в коммунистической теории Маркса²⁴.

Такие масштабные изменения могли происходить только комплексно, как смена одного другим. Так появилось явление, впоследствии названное общественно-экономической формацией, обязательно открывавшееся и заканчивавшееся революциями. Вслед за порожденной природно-климатическими условиями и географической расчлененностью социокультурной стратификацией история и общественное развитие в Европе стали дискретными.

Подобное было немыслимо в Китае, где характер производства не менялся на протяжении тысячелетий, оказывая значительно меньшее влияние на общественные отношения, а социальные конфликты не усугублялись этнической разобщенностью и не принимали таких острых и затяжных форм, как в Европе. Дальневосточная культура была избавлена от постоянной смены культурных архетипов: главным ее оппонентом оставалась естественная среда обитания, а не конкурирующие этносы и культуры²⁵. Постоянство определило неприспособленность китайской цивилизации к взрывным изменениям, ориентировав на постепенность. Не были сформированы механизмы адаптации к переменам, которые воспринимались как разрушение. Развитие, наоборот, получили инструменты реконструкции и восстановления²⁶. В этих условиях инертность культуры не была сдерживающим фактором, общественный про-

²⁴ Впоследствии появление абстрактной, оторванной от национальной традиции цели стало важнейшим элементом устремленной в будущее культуры «модернити».

²⁵ Одним из первых на эту проблему указал Тойнби А. (*Тойнби А. Постижение истории*. М., 1991. С. 35). Меньшее, чем в Европе, число и предсказуемый характер факторов развития позволяли свести все изменения к конечному числу ситуаций постоянно меняющегося мира, облегчая поиск гармонии. Их неизбежное повторение вводило представление о цикличности развития (64 гексаграммы), что обусловило одну из отличительных черт традиционного китайского мироощущения — органическую спиральность, т.е. нелинейную поступательность. См.: *Виноградов А. Гипотеза о «двойке» и «тройке» // IX Всероссийская конференция «Философии Восточноазиатского региона и современная цивилизация»*. М., 2004. С. 148—152.

²⁶ В зависимости от природы общества социальные потрясения лишь нарушали воспроизводство, но не вели к смене общественно-экономического порядка и улучшению жизни. В отличие от Европы, где в силу большего многообразия существовали силы, способные предложить конструктивную альтернативу, хаос для Китая был всегда деструктивен. Неприспособленность к изменениям заставила его руководство в конце XX века, особенно после «культурной революции», осторожно относиться к преобразованиям, избегать радикализма, что и привело КНР в конечном итоге, к успеху.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

гресс имел другое измерение, в котором бесспорным был приоритет моральных норм. «Фундаментальные принципы мировоззрения этого [китайского] культурного мира ориентированы на гармонизацию межличностных отношений и социоцентричную ориентацию личности...»²⁷. Непрерывность культурной традиции обусловила идеализацию прошлого, приукрашиваемого каждым новым поколением, обращенность в себя, интровертность²⁸. Имея возможность сосредоточить силы на приоритетных направлениях, китайская цивилизация сумела достичь высочайшего уровня совершенства в пределах одного технического порядка уже на относительно ранних стадиях развития²⁹.

Разрушение общины в Европе заставило основание социальной пирамиды, большей частью лишенное материальных богатств, искать устойчивость в духовных ценностях, компенсировавших отсутствие семейной теплоты. Пришедшее с Востока, исторически ориентированного на приоритет общественного, христианство противостояло государственной власти собственников, заложив основы конфликта общественного и личного, из которого затем выросло противостояние социализма и либерализма, уходящее, таким образом, истоками в противостояние Востока и Запада.

Христианство, воплощавшее не только этнокультурный и социальный протест, но и коллективистский идеал общественного устройства, пустило глубокие корни в среде бесправного и этнически чуждого римской власти населения³⁰. Рядом со светской властью, ориентированной на личность и частную собствен-

²⁷ Kleinman A. Somatization: the interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and the meanings of pain // Culture and Depression / A.Kleinman and B.Good ed. Berkeley, 1985. P. 468–469.

²⁸ Признав существование иных, чем материалистическая рациональность, оснований социального бытия, К.Г. Юнг предложил рассматривать Запад и Восток в терминах экстравертности и интровертности, означающих соответственно обращенность вовне, на преобразование и подчинение себе мира и вовнутрь, на преобразование себя в едином, неиерархическом мире.

²⁹ Государство стало рассматриваться не как «инструмент экономических классов», а как институт, играющий решающую роль в развитии. См.: *Фурсов А.И.* Развитие азиатских обществ в XVII — начале XX вв. Современные западные теории. Выпуск 2. (Обзор.) ИНИОН. М., 1991. С. 69.

³⁰ Девальвация нравственности, не только регулировавшей отношения, но и устанавливавшей смысл бытия, лишила Рим внутреннего стержня. Экономические регуляторы материальной цивилизации не уничтожили родовые (нравственные), а видоизменили их, институционализируя в религию, сделавшую шаг от семейных отношений к формальным. Религия восполнила разрушение общинных ценностей и замену их формальным, римским правом. К закону как негативному регулятору,

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ность³¹, появилась духовная – в лице церкви, консолидировавшей низшие слои на общинной основе. Но и для граждан метрополии она оказалась близка и привлекательна. Сложившаяся в античности «специфическая корпоративно-индивидуалистическая динамичность ... сделала население Европы первых веков нашей эры столь благодатной почвой для христианства как “религии личности”»³². На смену гражданской общине пришла религиозная, которая на новом уровне воспроизвела родовый архетип. Однако ее возможности управления светской жизнью оказались ограниченными: собственники были склонны руководствоваться одними нормами, а не имеющие собственности – другими. Светской гегемонии экономической власти была противопоставлена духовная³³. Так, дискретность античного общества органически воплотилась в разделении функций в сфере управления, создав на основе общего принципа единую систему регуляции общественных отношений.

Ни частной собственности в качестве самостоятельного фактора бытия (она была лишь атрибутом субъекта, но не его неотъемлемой частью), ни тем более разделения властей в Китае не было.

относящемуся только к нарушениям, была добавлена позитивная цель и восстановлен механизм нравственного регулирования, давший церкви повод утверждать, что религия является источником нравственности. Таким образом, в христианстве, создавшем духовный облик западной цивилизации, произошел синтез римского права и иудейской религиозности. Христианская Россия в этом отношении не принадлежит европейской цивилизации, поскольку в ней никогда не был осуществлен синтез с римским правом, а греческий логос, объединившись только с христианством, дал почти мистическое понятие «русской души», не обремененной рациональностью римского права.

³¹ Против нее выступали Платон и Аристотель, переживавшие разложение общины и искавшие новые, философские основания общественного устройства. См., напр.: *Поллер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. гл. 3, Т. 2. гл. 11; *Богомолов А.* Античная философия. С. 221.

³² Античность и Византия. М., 1975. С. 393. Христианство можно считать одним из первых достоверных результатов синтеза Востока и Запада. Это подтверждает география европейской культуры. В центре ее утвердилось личностно ориентированное протестанство, на границах – в Италии, Испании, Польше – сохранившее ценность за церковной организацией католичество, а еще дальше – на Балканах и в России – православие. Последующее разделение Европы на два общественно-политических блока воплотило эту традицию.

³³ Их разделение подточило старый общественный строй, заставив искать новые формы сотрудничества. Экономическая власть, воплощая отношения с природой, оставалась первичной, духовная, регулируя только отношения внутри общества, – производной. Такой характер отношений объясняет принципиальную схему марксистского исторического анализа, материалистического анализа вообще.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

На протяжении целых эпох соотношение основных производственных факторов – земли и населения – препятствовало утверждению частной собственности³⁴. Существовала частная инициатива, которая, однако, не передавалась по наследству и, оставаясь социальным явлением, а не социальным институтом, не способствовала формированию особых социальных групп. Семейные, иерархичные по природе отношения регулировались подчинением младших старшим, воплотившимся в принципе «сяо» (сыновняя почтительность, почитание старших)³⁵.

Конфликтный характер Средиземноморской цивилизации вызвал потребность в особой модели регулирования отношений между народами (культурами и религиями), придав их объединению завершенную политическую форму. Консолидировать неоднородное социальное пространство могло только государство, охранявшее цивилизацию от внутренних и внешних угроз. Так проявилась еще одна черта европейской цивилизации – стремление к универсализации и неприятие многообразия³⁶. Однако объем исходного материала был настолько велик, что Римская империя оказалась неспособной его переварить и распалась, заложив, впрочем, фундамент регулирования дискретного общества, который в форме демократии и разделения властей существует до сих пор.

Таким образом, уже на раннем этапе отличие Европы от Китая заключалось в ее ярко выраженной неоднородности и внутренней противоречивости³⁷, предопределив различное отношение двух цивилизаций к человеку и обществу. В Европе сформировалась лич-

³⁴ В китайских условиях «не могло сложиться ни экономического, ни юридического феномена, полностью аналогичного европейскому понятию «частная собственность»». (Меликсетов А. Социально-экономическая политика Гоминьдана. 1927–1949. М., 1977. С. 9.) «На Востоке в условиях переложного земледелия не могло возникнуть ни частной собственности крестьян на землю, ни ее наследственного владения, напоминающего частную собственность». (Иванов Ю. Восток-Запад: некоторые вопросы методологии // ПДВ, 1996. № 6. С. 98–99.)

³⁵ Естественно, что и человек воспринимался не как субъект договорных отношений – гражданин и личность, а как отец и сын, старший и младший. Принцип «сяо» объясняет разное толкование прав человека в Китае и на Западе.

³⁶ Решающую роль в этом процессе сыграло христианство, превратившееся в духовный стержень империи, консолидировав разрозненное в культурном плане население. Однако ему не удалось преодолеть разделенность единого общественно-го организма на два имущественных лагеря. Наука Возрождения усилила универсализм, продолжив христианские традиции единения.

³⁷ В культурной среде, где главным принципом является противоречие, разделены общество и природа, личность и общество, классы внутри общества, частная и общественная собственность, власти и т.д.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ностно-ориентированная культура, в Азии – коллективистская³⁸.

Агрессивность, предприимчивость, абстрактность мышления европейского человека античности заложили черты современного западного общества – дискретность, динамизм и рациональность. В наступившей затем религиозной фазе исторического цикла они прошли инкубационный период, чтобы проявить себя опять уже в новом качестве³⁹. «Христианство ниспровергло все учреждения, все обряды язычества и совершенно уничтожило воспоминание о древней теологии. ... Если бы христиане могли писать на новом языке, у нас, наверное, не сохранились бы воспоминания о древности»⁴⁰. Христианство нарушило индивидуалистические традиции западной цивилизации⁴¹. Именно поэтому восточническая фаза европейской истории, вернувшая ощущение полноты и гармоничности жизни, воспринимается сегодня как «темное Средневековье». Тем не менее христианская эсхатология создала предпосылки для активного участия человека в историческом процессе, и как только в нем появился независимый от Бога человек, идея прогресса стала бесконечной и

³⁸ На Востоке, как и в России, вертикальный механизм управления и отсутствие горизонтальной, классовой солидарности создавали эффект индивидуальной включенности в государство, не воспринимавшееся внешним, отчужденным, как в Европе. См. разд. 1.3.

³⁹ Трудно согласиться с утверждением, согласно которому культура Нового времени создала техногенную цивилизацию. Идея господства над природой в Западной Европе возникла только после Ренессанса, став с тех пор отличительной чертой западной цивилизации. См.: ВФ. 1994. № 2. С. 29; 1992. № 6. С. 4. Эта мысль воспроизводит модель, предложенную О. Шпенглером, в которой культура, умирая, превращается в цивилизацию. На самом деле, я думаю, что в Новое время отличительные черты современной европейской цивилизации не появились, а реализовались в наиболее полной и завершенной форме. Именно поэтому в Китае появление культуры, аналогичной культуре Нового времени, без европейского влияния было отодвинуто за горизонт обозримой истории, несмотря на то, что какие-то элементы ее появлялись. См.: *Березный Л.* Было ли на Востоке «Новое время»? // Филология и история стран Азии и Африки. СПб., 1994. С. 41–43. Новое время в Китае не могло наступить само, так как технические и социально-экономические изменения были невозможны без личности — субъекта, противопоставленного богу, как было в Европе, и породившего науку, технику и демократию.

⁴⁰ *Мактавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Минск, 1998. С. 279. (Вторая декада, книга 2, гл.5.) Возрождение стало попыткой восстановить в памяти утраченное прошлое. В Китае такая задача не стояла, там историю постоянно переписывали, доказывая тем самым ее непрерывность и актуальность. Одним из первых на это обратил внимание: *Гранз М.* Указ. соч. С. 199–200.)

⁴¹ Даже прямая наследница Рима Византия стала превращаться в монархию восточного типа, чему способствовали христианские концепции «света с Востока». (Античность и Византия. С. 391.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

позитивной, породив еще одно отличие от Китая, где идея прогресса оставалась цикличной, близкой христианству. В Европе постепенно «исчезают моменты, на которых покоилось средневековое представление о порядке: начало и конец, границы и середина»⁴².

Конфликты между церковной и светской властью ослабили нравственный авторитет церкви, породив протест как в церковной среде, так и за ее пределами⁴³. Лютер и Кальвин учением о предопределении судьбы добились независимости индивида от действий духовенства, положив начало разрушению религиозной общины. Легитимировав экономическую независимость собственника, протестантство предоставило ему право личного общения с Богом и таким образом ликвидировало фундаментальное противоречие между светской и религиозной властью. По мере ослабления церкви все чаще заключались союзы королей с купцами – политической власти с экономической. Рост влияния последней способствовал формированию либеральной, т.е. торгово-предпринимательской, рациональной культуры, требовавшей приспособления к постоянно меняющимся условиям и сравнения при помощи отчужденных, универсальных материальных ценностей. Новый экономический класс, став влиятельной общественной силой, потребовал равноправного с аристократией и духовенством участия в управлении государством, превратившись в главного инициатора ломки религиозных норм и нравственных принципов, господствовавших в Средние века⁴⁴. Торгово-предпринимательская культура, нарушавшая семейные принципы отношений, была абсолютно неприемлема в Китае, где существовал культ земледелия и общинного труда, доминировала интровертная культура духовных ценностей, значительно меньше ценившая сравнение.

В эпоху Возрождения вновь произошло возвышение индивида, но уже не столько через собственность, сколько через науку, культуру, производство и политическое участие. Место семейных ценностей заняла свобода, воплощавшая результаты борьбы новых классов с церковью и наследственной аристократией. Точно так же, как христианство вернуло индивиду теплоту семейных отношений, Возрождение и Реформация соединили христианские начала нравственности и светскую рациональность, найдя в религиозной гармонии место для деятельностной личности.

На протяжении XVI–XVII веков светская власть вытеснила

⁴² Гвардини Р. Конец нового времени // ВФ. 1990. № 4. С. 137.

⁴³ Они же, в конце концов, привели и к веротерпимости, породившей либерализм.

⁴⁴ Гражданские права в Риме также были результатом борьбы плебеев с патрициями. (Сестон В. Римское гражданство. М., 1970. С. 1.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

церковь из общественной жизни, а наука – религию из сферы сознания⁴⁵. Освобождение от религиозного деспотизма в духовной жизни и церковного в социально-политической привело к росту индивидуализма и свободомыслию, сняв контроль с большинства областей общественной жизни. «Возродив знание греческого мира, Возрождение создало духовную атмосферу, в которой стало возможным соперничать с эллинскими достижениями»⁴⁶. Тогда же общественно-политические концепции стали альтернативой Священному писанию и важнейшим фактором общественной жизни. Наука стала не просто объяснительным инструментом, каким она была в Средние века, но инструментом познания, а общественно-политические теории – руководством к действию. Утопии Т. Кампанеллы и Т. Мора, политические теории Н. Макиавелли и Т. Гоббса не только объясняли, но и предлагали, прорвав теологический барьер между теорией и практикой⁴⁷.

За ослаблением церковного контроля последовали злоупотребления, которые начались всюду, где прежняя власть разъедалась коррозией социально-политического протеста и творчества, усилилась «безнравственность» правителей, дав обильную пищу для спекуляций. В образовавшемся вакууме не действовали ни нравственные, ни правовые регуляторы, общество полностью положило на силу национального характера, воплотившего особенности жизни

⁴⁵ Христианская теология подготовила плацдарм для науки, доказав возможность познания мира и провоцируя уподобление исследователя богу, из чего впоследствии выросло авторское право, отсутствовавшее в китайской традиции «цзя» (школы). «Совместное накопление научной информации было гораздо более обычным в средневековом Китае, чем где-либо на Западе до эпохи Ренессанса». (*Needham J. Time and Eastern Man // J. Needham. The Grand Titration. Science and Society in East and West. L., 1969. P. 281.*) В религиозной фазе европейское общество обратилось от практики, предпринимательства к духу, созерцанию, интровертности. Новое время добавило к теоретическому знанию эксперимент, т.е. вернулось к практике, образовав синтез.

⁴⁶ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. С. 19. Возрождение внесло в христианство живую душу, точно так же, как в свое время христианство оживило греческий логос. На основе всеобщей культуры возник «модернизм» — искусство, понимаемое массами, переставшее быть достоянием элиты. См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 141–145. Обращенность этой культуры в будущее стала новым эмоциональным стимулом развития. Но материалистичное большинство не могло формулировать высокие цели.

⁴⁷ Политические принципы Н. Макиавелли и Т. Гоббса применялись в период острой политической борьбы в СССР/РФ и КНР, а утопии Т. Кампанеллы и Т. Мора приближались к практическому осуществлению в отдельные периоды в КНР и Северной Корее.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

и труда во внутренний мир и психологию индивида. Появление автономного от церкви политического пространства предоставило человеку возможность высказываться по поводу божественных предначертаний и самому определять цель. Возрождение разбудило субъектную природу человека, активизировав деятельность в сфере искусства и искусственного приближения к действительности. Утверждая необходимость концентрации власти в одних руках, которая бы собрала расползающийся духовный и социально-политический мир, Т. Гоббс создал искусственную конструкцию государства⁴⁸. В его подвергнутой впоследствии критике, вульгарной субъектности был прорисован мобилизационный императив развития, пришедший на смену инерции и неэффективности родовой и религиозной общин⁴⁹. Н. Макиавелли и Т. Гоббс сформулировали новый принцип политического бытия: высокая общественная цель не имеет рациональных ограничений в выборе средств, всегда играющих подчиненную роль. До этого цель и средства, находясь в единой системе христианских текстов, не противоречили друг другу.

Свобода выбора, предполагавшая и свободу в выборе средств, обострила ощущение упадка и безнравственности⁵⁰. Их единственным критерием была эффективность или рациональность, т.е. соответствие человеческому разуму, появившемуся в качестве противопоставления Богу только в Средние века⁵¹. По мере того как рациональность превращалась в конкурента религиозной нравственности, человечество стало осознавать ответственность за свои действия и потребность в соответствующих механизмах общественного регулирования. Раньше эта сфера находилась в исключительной компетенции церкви: наказывая за ошибки, Бог заботился и о спасении. Теперь, чтобы спастись, надо было не совершать ошибок – веру заменила ответственность. Именно тогда появились теории, предлагавшие разделить власть между основными общественными силами⁵². Политическая теория Дж. Локка утверждала компромисс в качестве глав-

⁴⁸ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. С. 65.

⁴⁹ Политические построения Т. Гоббса актуальны для стран, переживающих радикальную смену исторических ритмов, в том числе для мобилизационного развития. Однако улавливаемое в монополизации власти влияние общины вызвало неприятие его идей в Европе.

⁵⁰ Свобода субъекта, покорившего природу, стала свободой выбора в общественной жизни. На Востоке она так и не приобрела ценностного содержания.

⁵¹ И ставшего впоследствии еще одним обязательным условием мобилизованности.

⁵² Еще греки и римляне знали и использовали принцип политического равновесия в отношениях между первыми независимыми субъектами — государствами, но не имели его теоретического обоснования. См.: Треверс П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970, С. 1. Оно появилось

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ного средства решения общественных проблем. Сдержки и противовесы, отождествляемые с парламентской демократией и разделением трех властей, как элементы системы ответственности должны были уберечь общество от фатальных ошибок и обеспечить устойчивость в продвижении по неизвестному пути. Следовавшим к уже определенной и заданной цели важнее были скорость и средства ускорения, нравственные аспекты при этом отходили на второй план⁵³.

Начиная с Нового времени в европейском мироощущении власть стала восприниматься как результат компромисса, продукт правового регулирования интересов, сложившийся в условиях противоборства светской и религиозной власти, старых и новых классов, определивших дискретность политической системы. Ниспровергнув старые авторитеты, общество стало конструировать новый аппарат управления, в котором государство воспринималось как ущемляющий интересы индивида, но неизбежный нарост на теле общества. Общество, таким образом, породило личность и государство, которые естественно противостоят друг другу в гораздо большей степени, чем обществу.

Разделение властей привело к заключению общественного договора, породив необходимую участникам для взаимного контроля публичность. Это вовлекло в общественно-политический процесс значительные массы населения, объединившегося впоследствии в политические организации. Признав разделение властей, общество делегировало часть своих полномочий структурам государства, призванным согласовывать противоречия и интересы различных социальных групп. Возникшая для регулирования композиционно более сложного, чем традиционное, индустриального общества, европейская бюрократия присвоила себе функции демократической процедуры.

В Китае не было по-европейски строгого деления на классы, не было «бюргеров» и буржуазии, поэтому, считая новоевропейскую

в XVII—XVIII веках между королем, знатью и народом с тем, чтобы они, контролируя друг друга, предотвращали злоупотребления. (Н. Макиавелли) Принцип разделения властей, свидетельствующий о разложении власти общинного типа, значительно позже сформулировал Монтескье. Однако потребовалось еще 200 лет, чтобы его теоретическая конструкция преодолела инерцию социальной среды и превратилась в реальность.

⁵³ Взгляды Т. Гоббса отвечали задаче создания системы, а Дж. Локка — принципам ее функционирования. Завершение распада родовой общины, сохранявшейся в религиозных формах, и было принято за начало Нового времени. Именно поэтому истоки современной европейской культуры большинство исследователей видит в XV—XVIII веках. В ответ на промышленную революцию и появление рационального взгляда на мир, по М. Веберу, появилась демократия, существенно отличаясь, таким образом, от древнегреческой.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

культуру урбанистической, сегодня иногда даже отрицают существование в нем городов⁵⁴. На самом деле в Китае были города, ремесла, торговля, но механизм регулирования отношений был иным. Государственное устройство традиционного Китая воспроизвело архетип семейных отношений: другой власти не знали и в ней не было необходимости. Родовая организация, помноженная на этническую гомогенность населения, препятствовала формированию имущественного неравенства, появлению классов и разложению общины. Поэтому китайский император воспринимался европейцами как тиран, обладавший абсолютным суверенитетом, равным божественному, который в Европе постоянно оспаривало светское государство. Конфуцианские этические нормы выступали естественным инструментом решения неотчужденных социальных проблем, предполагавших сосуществование, а не борьбу. Тем не менее усложнявшаяся неконфликтная социальная среда была вынуждена создать механизмы управления, положив в их основу институционализацию уже существующих инструментов социального регулирования⁵⁵. В итоге обязательный ритуал компенсировал исчезновение теплоты семейных отношений, став функциональным аналогом европейского права. Так же, как демократия, согласовывавшая индивидуальные интересы, ритуал стал естественным, стихийно сложившимся институтом управления, механизм действия которого был близок механизму христианской общины⁵⁶. Нравственные нормы регулировали общественную практику через внутренний мир и мысли, а не через поступки, регулировавшиеся формальным законом. Ключевым звеном такой системы стал долг перед обществом, а не законодательно, юридически оформленное право, ограничивающее индивидуальные интересы и, таким образом, обеспечивающее стабильность⁵⁷. Высшим критерием справедливости были отношения «сыновней почтительности», в рамках которых предок считался высшей ценностью, а вы-

⁵⁴ См.: Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1976. С. 34.

⁵⁵ В России не было развитой культуры государственного управления, «батюшку-царя» любили «в засос», без китайских церемоний, что делало систему уязвимой, зависимой от личности. Ритуал позволял любить систему, придавая ей большую стабильность, в том числе при смене императора.

⁵⁶ В европейской истории подобную функцию катехизиса нравственной жизни выполняла Библия, но знание христианских канонов определяло положение человека не строго, поскольку была еще светская власть. Различие цивилизаций, таким образом, определяется не только принципами, но и их мерой.

⁵⁷ Именно это дало повод считать конфуцианство религией. Интерес ограничивается законом и ответственностью, а долг реализуется в нравственности и ритуале. Интерес индивида и долг члена коллектива — структурообразующие элементы социальных отношений на Западе и Востоке.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

полнение долга – святой обязанностью. Поэтому «долг» и «справедливость» в Китае тождественны и обозначаются одним иероглифом, в то время как в европейском индивидуалистическом обществе справедливостью может быть только равенство. (Ответственность также не была разделена в китайском обществе.)

Традиция государственного управления не требовала не только разделения властей, но и демократических форм решения общественных противоречий и, следовательно, демократической организации политического процесса. Государство, выступавшее бюрократическим аппаратом разросшейся общины, появилось как естественный инструмент регулирования усложняющихся родственных отношений по уже имеющемуся образцу. Это было родовое общество, создавшее особый тип бюрократии, которая позволяла ему поддерживать воспроизводство традиционной культуры. Выросшие из отправления ритуала китайские шэньши (книжники) были ориентированы на регулирование единого общественного организма, частью которого были сами. Одним из наиболее важных следствий такого типа управления стала экзаменационная система, поставившая эффективный барьер нарушениям нравственных принципов в обществе, в котором кровнородственное и социально-классовое не было разделено. Бюрократия и экзаменационная система обеспечивали, таким образом, стабильность общественно-политического процесса, подвергавшегося воздействию родственных отношений и индивидуальных интересов⁵⁸.

Чиновники, выдержавшие испытание и, таким образом, запрограммированные на воспроизводство существующей социальной модели, получали привилегированный статус, становясь центральным элементом системы, обеспечивавшим ее функционирование. Положение человека зависело от знания и умения на практике претворять конфуцианские нравственные принципы, контролируемые экзаменационной системой. В Европе, наоборот, участие в управлении государством и социальный статус регулировались не культурно-образовательными цензами, как в Китае, а имущественными, фиксирующими стержень европейской цивилизации⁵⁹.

⁵⁸ На Западе неустойчивая, динамическая стабильность, стабильность как процесс, а на Востоке – устойчивая, как состояние, что препятствовало социально-экономическому развитию и консервировало существующий общественный строй.

⁵⁹ В Китае социальное неравенство определяло имущественное, а в Европе имущественное неравенство выступало источником социального, что нашло отражение в принципах организации власти, не поменяв ее природы. Любая власть – это ограничение, без которого невозможна культура. Иерархизируя неравенство по строго определенным критериям, власть придает ему стабильные социальные формы.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Сглаженность общественных противоречий, поглощавшихся родственными отношениями, препятствовала формированию личности, без которой не могли возникнуть и новые, формальные отношения⁶⁰. «В христианстве личность была неизмеримо более свободна и менее регламентирована, чем в конфуцианстве... Церковь всегда учила, что религия есть нечто более высшее, чем социальный строй... А раз так, то представление о том, что его можно изменить, могло возникнуть у христианина скорее, чем у конфуцианца. Конфуцианец, напротив, с молоком матери впитывал в себя представление, что нет в мире ничего более святого, чем социальный строй средневекового Китая. Конфуцианец не воспитывался безропотным рабом человека (скорее, это можно сказать о христианине), но его в такой степени воспитывали рабом строя, что, даже восставая, он всегда восставал во имя строя»⁶¹.

Интеллектуальная скованность (порожденная типом мышления) была усилена рано сформировавшейся бюрократической системой⁶², препятствовавшей зарождению политического сознания экономически обособлявшихся слоев населения, которые так и не оформились в классы⁶³. Развитая социально-государственная организация сразу же указывала им строго определенное место, не позволяя сформировать собственную альтернативу сложившейся общественной системе. Потенциальные угрозы, способные разрушить сложившуюся культурную матрицу, отторгались внутренне сбалансированной культурной традицией⁶⁴. Для ее разрушения требовался чрезвычайно сильный и агрессивный вирус, которого

⁶⁰ Это не означает, что общественный организм не знал противоречий. Но это были противоречия другого рода — «семейные», неантагонистические, впоследствии названные Мао Цзэдуном «противоречиями внутри народа» и по этой причине непонятные европейцам, для которых народ представляет совокупность граждан, классов, экономических и политических интересов и называется обществом. Для Мао Цзэдуна народ символизировал общину, противопоставлялся классам, понятие которых он заимствовал из западной науки.

⁶¹ *Васильев Л.С., Фурман Д.Е.* Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) // История и культура Китая. М., 1974. С. 472-474.

⁶² Породив те же проблемы, что и в демократических обществах Западной Европы.

⁶³ Аналогичная ситуация была в России после Петровских реформ. См. разд. 1.3.

⁶⁴ Традиционная социальная организация Китая оказалась очень гибкой, приспособленной для абсорбции социальных изменений. Китай не знал свирепствовавших в Европе «войн за веру». Конфронтация конфуцианства и легизма была исключением. Существование даосизма и буддизма не привело к острым социальным конфликтам и завершилось созданием синкретического религиозно-философского феномена, уживавшегося с конфуцианством, которые с разных полюсов описывали одни и те же социальные отношения, не требуя их изменения.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ни внутри Китая, ни поблизости не было. Китайская империя ассимилировала даже завоевателей, предлагая им более совершенный тип патриархальных отношений⁶⁵. Отсутствие внешних причин, способствовавших разрушению окрашенного патриархальной гармонией духовного единства, предопределило экстенсивный характер воспроизводства общественных отношений, сопровождавшийся постоянным ростом населения и демографической инерцией.

В отличие от этнически, социально, культурно и религиозно дискретной Европы, требовавшей формальных регуляторов, в Китае, где культура наращивалась, а традиция не прерывалась, доминировавший культурный монолит регулировался личными эмоционально окрашенными отношениями, нашедшими свое отражение в неординарных органах управления⁶⁶. Все это предопределило отсутствие в Китае видимых социально-политических изменений, т.е. истории в европейском понимании. Перемены тем не менее происходили, правда, другого, трудно фиксируемого западными аналитическими средствами, порядка. В то время как в Европе происходил процесс обновления власти в результате смены моделей и концепций общественной жизни, непосредственно затрагивавших население, в Китае функции перемен контролировались экзаменационной системой, в результате которой тоже появлялись новые общественно значимые фигуры, но их отличие от предшественников было индивидуальным, а не концептуальным, и не затрагивало систему, в которой личность не являлась ценностью.

Многослойность культуры придавала большую динамичность и мобильность европейскому обществу, акцентировала индивидуальность, личную мотивацию и творчество, которые обеспечили высокий уровень производительных сил, науки и торговли и создали соответствующую систему управления – рынок и демократию⁶⁷. «Специфика западного социально-экономического развития – на-

⁶⁵ В отличие от Римской империи, которой не удалось нейтрализовать влияние иностранцев-рабов, явившихся фундаментом рабовладельческого государства. Варвары, завоевавшие Рим, не могли принять социальную систему, построенную на чуждых для них принципах, установив на новом материальном базисе более близкие им по духу феодальные отношения.

⁶⁶ Они не рациональны и потому неприемлемы для западного общества и трудны для понимания западной наукой. Они – один из критериев условности классических западноевропейских представлений об институтах государственной власти. Сущность «неординарных структур» – личные связи императора, для выполнения которым своих функций они и были созданы.

⁶⁷ Европейская цивилизация сложилась в результате соединения в античности восточного и западного начал – иудейского монотеизма, греческой логики и римского права, что и позволило осуществить их синтез в Новое время. Истоки западного

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

личие больших исторических этапов господства производителей-собственников и их неотчужденного свободного труда, который и создал античность и Возрождение»⁶⁸. Демократия и рынок, возникшие в результате развития характерных черт европейского общества – рациональности и дискретности, свободы личности и индивидуальности, стали сущностью западной цивилизации, предопределив впоследствии преимущества Европы при выстраивании ею отношений с другими регионами мира⁶⁹.

* * *

Постоянное разрушение социальных форм организации в Европе угрожало самому существованию цивилизации, вынуждая ее к поискам радикальных форм обновления. На смену родовой общине пришла гражданская, но выработанные ею механизмы оказались несовершенными, а с точки зрения уровня развития производительных сил еще и преждевременными – и античная цивилизация погибла. Гражданскую общину сменила религиозная, но и она оказалась уязвимой, неадекватной фундаментальным принципам европейской цивилизации. Механизмы регулирования были вновь скорректированы, появилось новоевропейское гражданское общество с правом, демократией и разделением трех властей, придававшим политическую стабильность агрессивному, атомизированному социуму, оберегая его от самоуничтожения. В Китае такой угрозы не было, и в появлении искусственного инструмента регулирования общественной жизни потребности не возникало. Община не разрушалась под влиянием внешних условий, а развивалась, сохраняя свои основные функции и элементы в восточном государстве на протяжении тысячелетий. В нерасчлененном социальном пространстве нравственные и правовые регуляторы остава-

индивидуализма лежат в античных Греции и Израиле. См.: *Аверинцев С.* Два рождения европейского рационализма // ВФ. 1989. № 3; *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989; *Гуревич А.Я.* Проблемы ментальности в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989; *Parsons T.* The System of Modern Societies. NY., 1971. P. 29–49. В Возрождение произошло лишь осмысление того, что уже существовало в европейской культуре и общественной жизни.

⁶⁸ *Кантор К.М.* История против прогресса. (Опыт культурно-исторической генетики.) М., 1992. С. 92.

⁶⁹ Европа дала пример общественного развития, в котором ключевое значение имеет эквивалентный обмен, соответствующий циклическим законам естественной природы. Особые инструменты развития дискретной западной цивилизации – демократии и рынка, ускорив развитие производства, науки, торговли, стали универсальным механизмом их сравнения.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

лись едиными⁷⁰. Аналогично обстояло дело и в системе государственного управления. Бюрократия эффективно выполняла свои функции, в равной степени обслуживая волю императора и регулируя семейно-родственные отношения. Она разделяла поток естественных отношений формальными нормами ритуала, делая их дискретными, т.е. подвергающимися регулированию⁷¹. Таким образом созданные механизмы управления, получив общее название “государство”», серьезно отличались. Государство на Западе стало высокофункциональным инструментом регулирования динамичного социального организма. В построенном на других началах китайском обществе эти механизмы не действовали, но были другие, не менее эффективно поддерживавшие воспроизводство существовавшей социальной системы.

1-2. Кризис западной цивилизации и марксизм

Жесткая зависимость социальных изменений от изменений материально-технических и экономических предопределила ключевую роль производительных сил в развитии европейской цивилизации. В традиционном, аграрном обществе плавное течение технического прогресса позволяло согласованно развиваться всем сферам общественной жизни. Промышленная революция потребовала ускорения темпов реформирования социальных отношений и общественных институтов, не успевавших за быстро развивающимся производством. Изменение пропорций между материальной и духовной культурами нарушило единую социальную ткань, дав простор развитию техногенной цивилизации⁷². По мере роста техни-

⁷⁰ См.: Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988. С. 9; Там же *Л.С.Васильев*. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи». С. 180; *Кобзев А.И.* Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. Гл. 8.

⁷¹ Это справедливо и для западного общества, в котором бюрократия стала инструментом регулирования правовых отношений. Но в Китае разделение на пять властей являлось принципом бюрократической организации, а не принципом государственного строительства, отражающим дискретный характер европейского общества. Экзаменационный юань был необходим, чтобы препятствовать семейственности и клановости, а контрольный юань — чтобы предупреждать, не судить, а воспитывать. Поэтому, в частности, уголовное наказание в Китае не вписывается в рациональные европейские представления, демонстрируя неоправданную мягкость в одних случаях, и жестокость — в других.

⁷² Подчинение духовной культуры технологическим требованиям производства вызвало впоследствии критику общества модерни, которое М. Вебер назвал «железной клеткой» индустриальной системы.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ческого могущества и деградации роли духовной культуры возникло ощущение кризиса, проявившегося в потере внутренней гармонии и истощенности сложившихся в Античности и Средневековье представлений о смысле бытия⁷³. Доминирование материальной культуры деформировало роль духовной культуры, заставив ее подстраиваться под свои строго функциональные требования и сделав постоянные изменения средством поиска утраченной гармонии. Смена приоритетов и ценностей была зафиксирована гуманитарной элитой, наиболее остро ощутившей понижение своего статуса⁷⁴. Признание всеобъемлющих перемен естественным состоянием общества положило начало Новому времени, органичной частью которого стали и новые представления о справедливости⁷⁵.

В европейской культуре существовали две традиции социальной справедливости: распределительная и накопительная⁷⁶. Первая была связана с крестьянской общиной, ориентированной на единственно возможное при дефиците материальных благ распределительное равенство. Вторая – с индивидом и имущественным неравенством, получившим развитие в городской культуре Средневековья, где достаток одних и ограничение у других уже не противоречили этическим нормам.

Протестантизм, обосновав христианские ценности сложившейся хозяйственной практикой, утвердил новые, буржуазные основания справедливости. Став его светским продолжением, либераль-

⁷³ См., напр.: *Бохеньский Ю.* Духовная ситуация времени // ВФ. 1993. № 5. С. 95–96. *Лекторский В.А.* Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм // ВФ. 2001. № 4. С. 3–4.

⁷⁴ С XVIII в. европейская мысль начала рассуждать о кризисе западной цивилизации (Ж.-Ж. Руссо), затем о ее «закате» (О. Шпенглер), а в начале XXI в. и о смерти Запада (*P. Buchanan. The Death of the West. NY, 2002.*). Э. Фромм охарактеризовал этот процесс еще более категорично: в XIX в. проблемой было «бог умер», а в XX в. проблемой стало «умер человек». (*Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 195.)

⁷⁵ В субъект-субъектных отношениях обязательным условием справедливости является равенство, поэтому справедливость Нового времени неразрывно связана с поисками форм равенства, выражавшимися понятием свободы. Одно из фундаментальных отличий Запада и Востока заключено в разных представлениях о справедливости коллективистского и индивидуалистического общества.

⁷⁶ См.: *Алексеева Т.А.* Джон Роулс и его теория справедливости // ВФ, 1994. № 10. С. 26–37. *Хабермас Ю.* Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса. // Там же, С. 53–67; А также: *Иноземцев В.* Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. С. 158–175. *Кравченко И.И.* Политические и другие социальные ценности // ВФ. 2005. № 2. С. 3–16.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ная культура главной ценностью провозгласила свободы индивида, воплощенные в частной собственности и праве, и предложила эффективные социально-политические и экономические механизмы регулирования социально-дискретного общества – конкуренцию на свободном рынке и политическое соперничество в рамках демократических процедур. Признав индивида главным источником развития, а высшей ценностью – личность, либерализм легитимировал неравенство и эксплуатацию как естественные следствия прав и свобод гражданина, рассматривая их как стимул к развитию. Главным критерием справедливости стало создание равных стартовых условий (равных прав) для участников экономических и политических отношений, которые способствовали приведению высоко мобильной социальной системы в состояние динамической стабильности естественным, стихийным путем.

По мере того как новые реалии и сопутствующие им ценности все больше удалялись от христианского идеала, в церковной среде возникали социальные утопии, критиковавшие происходившие в светской жизни изменения и пытавшиеся восстановить общинные представления и нормы⁷⁷. Постепенно отрицание либерального индивидуализма, частной собственности и эксплуатации стало концептуализироваться в учение, интегрировавшее социально-экономические изменения в нравственные принципы христианства⁷⁸. Однако падение авторитета церкви привело к тому, что критика нарождавшихся капиталистических отношений также приобрела черты светского учения. На волне буржуазных революций и утверждения новых социальных противоречий стала набирать силу светская, а не религиозная, парадигма коллективизма – утопический социализм⁷⁹.

⁷⁷ Первые социальные утопии принадлежали священникам и богословам, наиболее остро ощущавшим противоречие между мирской жизнью и идеалом. Одним из главных побудительных мотивов Т. Мора и Т. Кампанеллы был протест против Реформации. Так возникла идея социализма с конечным набором характерных черт, сформулированных через отрицание существующего. Термин «социализм» также принадлежит бенедиктинскому монаху П. Леру.

⁷⁸ Возрождение высокой нравственности, способной нейтрализовать дестабилизирующие последствия социальных изменений, до сих пор объясняет религиозный ренессанс в переживающих реформы обществах, в том числе религиозный фундаментализм.

⁷⁹ Предлагавшиеся им способы преодолеть существующие социальные конфликты были уже не только нравственными, но и социально-экономическими. Не только в результате «коммунистической организации потребления», но и «коммунистической организации производства». (Волгин В.П. Наследие утопического социализма // История социалистических учений. М., 1962. С. 12.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Светский характер предопределил главные направления развития идей социальной справедливости. Общественное бытие разделилось на рациональную, связанную с производством практику и идеальную цель, вокруг которой стала вращаться духовная жизнь⁸⁰. Социальный идеал индустриального, «материалистического» общества потребовал строгого изложения, четких формулировок и адаптации к средствам воплощения в жизнь, создав условия для формирования материалистического мировоззрения. Оба потока европейской мысли (либеральный и социалистический) создали развитые общественные теории, характерной чертой которых стал теоретически сформулированный идеал. Однако их характер с самого начала различался. Функция либеральной теории сводилась к обоснованию и регулированию стихийно сложившегося в Европе социально-конфликтного идеала, в то время как социалистические искали пути преобразования действительности под прежний, традиционный идеал.

С развитием капитализма становилось ясно, что для фактического равенства недостаточно равенства по закону. «Выяснилось, что демократия не может создать подлинного равенства, и вследствие этого на помощь ей была призвана коммунистическая система»⁸¹. Эта задача стала особенно актуальной после того, как надежда на гуманистическую эволюцию капитализма исчезла после революций 1848–1849 годов. Вызванное ими разочарование послужило толчком к теоретическому осмыслению выхода из кризиса: в Европе К. Марксом и Ф. Энгельсом, а в России – А. Герценом. С них начался отсчет современной левой общественно-политической мысли.

Либеральные ценности воспринимались основоположниками марксизма как идеал, но идеал незавершенный, за пределами которого по-прежнему остается большинство населения, подвергающееся эксплуатации. Уничтожение неравенства, как доказали еще социалисты-утописты, связано с ликвидацией частной собственности, которая позволит восстановить нарушенную гармонию. Являясь продуктом эпохи, главной ценностью которой был прогресс, марксизм чрезвычайно серьезно относился к выводам утопистов о кризисе цивилизации, вызванном господством частной собственности⁸². Ему, как и либеральным теориям, надо было доказать, что кризис завер-

⁸⁰ В этом пространстве между общественным бытием и целью возникла субъектность, предопределившая повышение роли личности, элит и авангардных партий.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1. С. 530.

⁸² «Частная собственность была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком». (Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1950. С. 22.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

шится не гибелью западной цивилизации, а даст начало новому направлению в ее развитии, продолжив традиции европейской культуры. Учение о прибавочной стоимости, выросшее из теории трудовой стоимости А. Смита, объяснив механизм капиталистической эксплуатации, позволило К. Марксу найти христианским ценностям экономическое обоснование⁸³. Он считал, что в стремлении к прибыли буржуазия создает все более мощные средства производства, не меняя отношений собственности и распределения⁸⁴. В результате роста производительности труда и концентрации средств производства происходит рост богатства на одной стороне и нищеты на другой, что определяет непримиримый классовый антагонизм, который завершится революцией и сменой старого строя новой прогрессивной организацией. Показав, что общественный характер производства и частный характер присвоения являются препятствием для экономического роста, К. Маркс выдвинул оптимистический прогноз развития Европы при условии уничтожения частной собственности⁸⁵.

В материалистической парадигме коллективистских ценностей христианские идеи справедливости и установления всеобщего равенства формулировались как уничтожение неравенства, рассмотрению экономических причин которого и был посвящен «Капитал» Маркса. Для создания всеобщего «фактического равенства» необходимо было найти общественную силу и выработать особый механизм преобразований⁸⁶. Так возникло противоречие между «ранним» и «поздним» Марксом. «Ранний» сформулировал радикальную гуманистическую цель, для воплощения которой еще не были найдены средства. Перед «поздним» стояла задача найти средства ее реализации⁸⁷.

⁸³ «Насколько важно было свести стоимость к труду, настолько же важно было прибавочную стоимость, которая представлена в прибавочном продукте, свести к прибавочному труду. По сути дела, это было сказано уже А. Смитом». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26. ч. III. С. 246.)

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. С. 427.

⁸⁵ «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. ... Бьет час капиталистической частной собственности». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 773.)

⁸⁶ Именно достижению «фактического равенства» был посвящен «Манифест Коммунистической партии». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 37. С. 126.

⁸⁷ «Ранний» К. Маркс доказывал неизбежность коммунизма указанием на гуманистическую сущность человека, антропологизмом Л. Фейербаха. «Поздний» — развитием производительных сил, критикуя психологизм Л. Фейербаха. В результате марксизм пытался сочетать гуманистические начала с индустриальной рациональностью, противоречия между которыми оставляли большое пространство для творчества.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Для обоснования своего идеала социальной справедливости марксистами была избрана свойственная техногенной традиции производственная модель. Рассматривая общество как продукт прежде всего экономических отношений, они считали, что его развитие определяется противоположностью классовых интересов. Уничтожить социальные различия и восстановить утраченную гармонию должен был составлявший основную массу населения пролетариат⁸⁸. Экономический детерминизм, утвердив существование объективных законов, обосновал главенство в марксистской методологии естественно-исторического подхода, в соответствии с которым борьба классов неизбежно завершится ликвидацией социальных антагонизмов и созданием свободной ассоциации трудящихся⁸⁹.

В результате классовой редукции социальный идеал утратил всеобщность, но приобрел рациональное описание – отсутствие частной собственности и эксплуатации, а также средства достижения – общественную собственность, распределение по труду, плановую экономику и власть трудящихся⁹⁰. Для реализации ставшего рациональным идеала можно было использовать выявленные общественные закономерности⁹¹. Соединив построенную на их знании научную теорию и

⁸⁸ Включения в общественно-политический процесс всех слоев требовал и последовательный либерализм. Но, признав главной категорией исторического процесса класс, а не личность, марксизм допустил насилие в отношении меньшинства, придав гуманизму рациональный характер. Провозгласив нравственным то, что рационально, он повторил кальвинизм, но уже для коллектива. «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса над другим». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 447.) На насилие марксизм возложил то, что не укладывалось в его детерминистскую систему, предопределив, таким образом, последующую критику и со стороны нравственности, и со стороны научной теории.

⁸⁹ «Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., Т. 4. С. 184–185.) Смысл этого утверждения в том, что только разделение общества на индивидов создает условия для эксплуатации, которая отсутствует как явление в семье, существующей как единый организм. Поэтому изменение экономических и социальных отношений будет означать и изменение политических.

⁹⁰ Внимание к экономическим факторам в предлагаемом проекте отражало реальное соотношение материальной и духовной культуры. Одновременно противопоставив себя рынку, согласующему индивидуальные интересы, план и власть трудящихся бросили вызов западноевропейской дискретности.

⁹¹ Эта мысль более известна в формулировке «свобода есть осознанная необходимость». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 116.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

неизбежные, но стихийные выступления пролетариата, стало возможным ускорить достижение естественно-исторически неизбежных целей. Детерминистская неизбежность, таким образом, открывала возможность ускоренного достижения. «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»⁹².

Детально прописав мысль об экономическом детерминизме общественных отношений, марксизм вскрыл механизм развития европейской цивилизации. Экономически детерминированный социальный организм получил название общественно-экономической формации (ОЭФ), в основе которой лежали экономические критерии – развитие производительных сил и смена производственных отношений, классы и классовая борьба, а их смена провозглашалась принципом естественно-исторического развития. Понятие ОЭФ доказывало, что изменения можно провести комплексно, т.е. ликвидировать противоречия в результате единовременного акта. Революции, проложившие путь от авторитарных, монархических режимов, не обладавших средствами эволюционного решения конфликтов, к демократическим, были приняты марксизмом как универсальная модель исторического развития. Либеральные механизмы поддержания стабильности, которые на тот момент находились на стадии формирования и не справлялись с нарастающим потоком изменений, марксистами не были адекватно оценены. Их неэффективность только подтверждала правильность учения о классовой борьбе и неизбежности дальнейшего обострения социальных противоречий. В отличие от либеральных теорий, обосновывавших эволюционное поддержание существующего социально-политического и экономического устройства, марксизм предлагал принципиально новые цели, достичь которые было невозможно эволюционным путем. Широко известный 11-й тезис о Фейербахе подвел черту под старой философией, предложив не дожидаться постепенного решения существующих проблем, а создать новое общество, в котором изначально будет утверждена гармония, недостижимая, как показывала практика, в действительном, динамичном социуме ни религиозными средствами, ни либеральными механизмами рынка и демократии⁹³. Рево-

⁹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 10. «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора». (Там же. Т. 13. С. 7.)

⁹³ «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 4.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

люция стала центральным элементом нового типа развития и необходимым условием социального прогресса⁹⁴. Она открывала возможность приобретения цивилизацией нового качества.

Историческим предназначением социализма было преодоление нравственных изъянов техногенной цивилизации и возвращение в Европу коллективистской парадигмы гуманизма⁹⁵. В сущности, это был материалистически обоснованный ренессанс культурной платформы традиционного общества. В отличие от капитализма, функционирующего в результате стихийного регулирования индивидуальных интересов, марксизм предложил телеологическую модель развития, не отличавшуюся в этом от христианской предопределенности, революционный, а не эволюционный, характер развития и новый вид теории, стремящейся к воплощению на практике, к «восхождению от абстрактного к конкретному»⁹⁶. Отказ от эволюционизма и признание способности человека влиять на течение истории в результате целенаправленных усилий значительно расширили сферу действия марксизма⁹⁷. Стихийному течению истории стала противостоять история, строящаяся в соответствии с теоретическими представлениями, значение которых кардинальным образом изменилось. Не только объясняя прошлое, но и предсказывая будущее, теория становилась впереди и, следовательно, выше практики, в полной мере воплотив и эвристический дух Нового времени, и принципы христианской теологии.

Зафиксировав наступление технократической парадигмы, марксизм не принял ее ценностей и поэтому не стал рассматривать механизм ее действия, а просто экстраполировал на нее тенденции предшествующего развития, что впоследствии отразилось на его качественном анализе капитализма. Вместе с тем он впитал сущность

⁹⁴ «... социализм не может быть осуществлен без революции». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 48.) К. Марксу принадлежит и фраза «насилие — повивальная бабка истории», восходящая корнями к гераклитовскому «война есть отец всего».

⁹⁵ Т.е. сделать то же, что было сделано в свое время христианством. Закономерно, что, возникнув как боковая ветвь европейской цивилизации, марксизм прижился в коллективистской культуре Востока в период заимствования им технических достижений Запада.

⁹⁶ Вообще, тесная связь теории и практики, воплощенная в эксперименте, стала характерной чертой Нового времени, в том числе в общественных науках, создававших прикладные политические теории.

⁹⁷ Соединив теорию и практику, марксизм озаменовал новое качество субъектности, положив начало деятельностному подходу, в соответствии с которым общественные законы не действуют сами по себе, а требуют целенаправленных усилий больших групп людей.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

новоевропейской культуры – духовные традиции христианства, а также агрессивность и рациональную материалистичность, позволившие ему представить свой идеал в виде социального проекта⁹⁸.

Экономический детерминизм, таким образом сделав социалистическую идею научной, не сумел уберечь ее от жертв. Как любая абстракция, она потеряла всесторонность. Через классовую природу марксизм рассматривал национальные и международные отношения, историко-культурные особенности, но его социально-политическое учение не получило строгого теоретического оформления⁹⁹. Недостатки марксизма особенно ярко проявились в связи с расширением сферы деятельности западной цивилизации и с вовлечением во внутриевропейские процессы внешнего фактора, который существенным образом повлиял на марксистскую социальную концепцию¹⁰⁰. Развитие капитализма в конце XIX в. показало, что тенденции к обнищанию пролетариата и поляризации, являвшихся источником классовой борьбы, не подтверждаются в Европе. Объяснить такой сбой можно было только через функционирование международного рынка, империалистическую эксплуатацию и появление «буржуазного пролетариата»¹⁰¹. В 1895 г. Ф. Энгельс был вынужден признать, что предпосылки социалистической революции даже в развитых странах еще недостаточно созрели, «старое сооружение может еще продержаться несколько десятков лет»¹⁰². Постепенно в марксизме стало усиливаться внимание к исследованию мировых проблем и

⁹⁸ См.: ВФ. 1992. № 6. С. 91–105.

⁹⁹ Следует оговориться, что и сами основоположники марксизма считали исключительно экономический анализ ограниченным. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 18.

¹⁰⁰ Заявив о существовании азиатского способа производства, марксизм не смог включить его в формационную схему, потому что «способ производства» не являлся главным для исторического процесса на Востоке, а его социокультурные особенности им не рассматривались. Следует учитывать, что способ производства – одна из характеристик социальной общности, отличие которых друг от друга им не исчерпывается. Об отличии государства и общества азиатского способа производства от европейских см.: *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая структура общества в древнем и средневековом Китае // *Социальная организация в Китае* / Отв. ред. Васильев Л.С. М., 1981. С. 125–159.

¹⁰¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 293. Из этого Ленин впоследствии в теории империализма сделал вывод, что революция в колониях, в которые Запад экспортировал не только капитал, но и классовые антагонизмы, может стать источником для революционного пожара. См. также: *К. Поппер.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 218.

¹⁰² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 108.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

отношений центра и периферии, от развития которых стали зависеть перспективы коммунистического движения.

Экономическая экспансия западного мира существенным образом изменила течение истории самого этого мира¹⁰³. До этого главный источник его социального развития располагался внутри – в стремлении к гармонии через установление социальной справедливости, что и предопределило естественно-исторический характер европейской истории. С началом мировой экспансии к источникам развития добавились внешние факторы, усилившие мотивацию и агрессивность в достижении цели, автоматически ускорив развитие и объективно создав предпосылки для приобретения им мобилизационных черт. Появление новых переменных углубило раскол внутриевропейской общественной мысли.

Либеральные теории легко объясняли отличия других регионов мира примерами из европейской истории, подтверждавшей, что достижения одних народов с течением времени неизбежно становятся достоянием других, узаконив понятие «отсталые народы» и их эксплуатацию¹⁰⁴. Марксизм противопоставил им свой вариант глобального развития, в котором универсализм распространялся и на принципы социальной справедливости. Охватившая Европу промышленная революция и объединение германского государства убеждали, что межнациональные противоречия вскоре вынуждены будут отступить. Крупная промышленность и мировой рынок, по мнению К. Маркса, связали между собой «все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы», «каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними – главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновре-

¹⁰³ Выведа европейскую цивилизацию из подчиненного положения к природе, материалистическая рациональность лишила ее прежней цели, переориентировав на культурную экспансию и освоение пространства других цивилизаций.

¹⁰⁴ На протяжении всей европейской истории большинство соседей воспринималось в качестве конкурентов, развитие которых измерялось способностью противостоять вооруженной агрессии. Отношения с другими регионами мира строились по уже известной схеме, не учитывающей цивилизационных отличий. Время, необходимое для укоренения технических изобретений на новой почве, стало считаться наиболее очевидной причиной различий, сделав «отсталость» одной из центральных категорий европейской, а затем и мировой истории. Именно поэтому, отстаивая собственный путь развития Китая, Лян Шумин в 1927 г. отказал в праве на существование понятию «отсталость».

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

менно во всех цивилизованных странах, т.е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии»¹⁰⁵. На этом основании был сделан вывод, что революция не может победить в одной стране, тем более отсталой. После победы пролетариата в Западной Европе страны, в которых уцелели родовые порядки, могут ее использовать, чтобы «сократить процесс своего развития к социалистическому обществу». «Но неизбежным условием для этого является пример и активная поддержка пока еще капиталистического Запада ... только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития»¹⁰⁶.

Интернационализация хозяйственной жизни, приходившая на смену национальной обособленности, во многом объясняет то место, которое К. Маркс и Ф. Энгельс отвели в своем учении интернационализму, и недооценку ими национального фактора (национальной идентичности)¹⁰⁷. Уловив в интернационализации характер новой эпохи, они механически перенесли на нее классовые противоречия, противопоставив интернационализации производства и капитала классовую солидарность¹⁰⁸. Но в отличие от интернационализации экономики, пролетарский интернационализм так и не стал решающим фактором общественно-политической жизни даже в Европе. В остальном же мире он приобрел новую роль – он стал символом противостояния национальной культуры капиталистической экспансии. Однако цивилизационные различия так и не позволили ему сложиться в единое целое. Так, по сравнению с Западной Европой, в странах мировой периферии были смещены акценты с экономики на идеологию, породив впоследствии очаг напряженности между сторонниками марксизма в разных частях мира.

Высокий уровень абстракции придал марксизму строгость, сделав его удобным для использования в других странах¹⁰⁹, а непол-

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 334. Энгельс, таким образом, признавал цивилизационное единство Запада, хотя для него это был, вероятно, всего лишь фрагмент вывода о глобальном единстве мира.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 445–446.

¹⁰⁷ Культурная маргинальность К. Маркса не оставляла места чувствам – интернационализм стал у него рациональным долгом. Определение патриотизма было дано только В. Лениным. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 190.

¹⁰⁸ Лозунг Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» воплощал позитивный принцип новой глобальной идеологии. В отличие от негативного, который воплотили мировые войны. Но только после них позитивные принципы смогли занять ведущее место, положив начало новому этапу глобализации.

¹⁰⁹ Этому способствовал целый ряд факторов, в первую очередь, многонациональные источники, а также то, что главный труд К. Маркса «Капитал» был написан от абстрактного к конкретному.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

нота позволяла дорабатывать, совершенствовать и уточнять его вслед за изменяющимся социально-политическим объектом¹¹⁰. В отличие от Европы, нашедшей собственные средства решения противоречий в свойственной ей конфликтной модели бытия, к странам, не имевшим развитых классов, оказались более применимы выводы марксизма об организации нового общества. Предложив строгое описание общественных закономерностей, он мог быть адаптирован к любой культурной среде, где существует развитое производство. Наполнив исторический процесс рациональностью, К. Маркс создал универсальную концепцию, которая, сопрягаясь с разными системами ценностей, способна была дать разные модели общественного развития¹¹¹. Изменение цели не изменило принципа ее достижения – материалистического понимания истории, дав начало национальным социализмам, в один ряд с которыми встала формационная теория Маркса.

Оказалось, что основные инструменты марксизма по преодолению кризиса западной цивилизации – план и диктатура – подходят для решения задач социального развития в отсталых странах. Объясняя его закономерности на примере уже пройденного другими народами пути, считалось, что он мог быть использован для ускорения их развития, открыв перспективу традиционалистского выхода из цивилизационного кризиса, а поэтому этот путь был востребован в других регионах мира. Взаимосвязь социально-политических и технологических изменений позволяла национальной культуре избежать тяжелейшего для себя вопроса о соотношении западного и национального¹¹². Но именно потому, что марксизм так и не смог выйти за рамки экономического детерминизма, он остался наднациональным символом прогресса, что позволило ему сочетаться с национальными вариантами социального

¹¹⁰ «У нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 563.) Эта мысль, естественно, была принята Лениным: мы не знаем, «как будет выглядеть законченный социализм». (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 65). Именно эта неопределенность позволила использовать марксистскую теорию для достижения иных, чем классовая социальная справедливость, целей.

¹¹¹ Подобно христианству он способен был дать новое направление развитию национальных культур, сохраняя традиционное ядро.

¹¹² Эта взаимосвязь выразилась в утверждении, что ни одна формация не отомрет раньше, чем разовьются ее производительные силы. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

идеала¹¹³. Высокая абстрактность, идея социальной справедливости и детальный социально-экономический анализ индустриального общества предопределили его широкое распространение в других цивилизационных средах для достижения иных, чем классовое, социальное равенство, целей. Этот факт был зафиксирован большинством социологических школ XX века. «Теория прибавочной стоимости выполняет двойную функцию – научную и моральную. Именно их соединение объясняет огромную силу воздействия марксизма»¹¹⁴.

* * *

Утвердившаяся в Европе дискретность подразумевала постоянное обновление основ бытия и смену ценностей. Впервые это состояние, названное кризисом, было зафиксировано в связи с утратой христианством ведущей роли в общественной жизни. Его идеал потеснило вызревшее в производстве признание социального неравенства, зафиксировавшего ценность индивида в дискретном обществе¹¹⁵. Возрождение и Реформация привели к появлению гуманизма, воплотившего христианские ценности и, казалось, нашедшего новые стабильные формы существования светской культуры. Однако и эти идеалы не утвердились на практике, гармония, постоянно нарушаемая рациональностью производства, не возвращалась естественным путем.

¹¹³ О его трансформации из ценности в политический инструмент см. разд. 1.3. В России интернационализм приживался легче из-за многонационального состава населения, позволяя одновременно решить межнациональные проблемы. В Китае союз пролетариата и крестьянства состоялся не на классовой, а на национальной, социокультурной основе, которая оставалась консолидирующим фактором. Источники марксизма дали, как и в случае с греческим логосом, римским правом и иудейской религиозностью, плодотворный синтез. Тем не менее, впитав не только три источника, но и три начала европейской цивилизации, марксистский идеал мог осуществиться только там, где воплотившее римское право демократическое движение создало гражданское общество. Победа революции в России нарушила стройность теоретической схемы марксизма, подтвердив в то же время, что новое для своего укоренения требует соответствующих условий, точно так же, как синтез трех европейских начал осуществился в Новое время, лишь переболев Средневековьем.

¹¹⁴ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 168. Этот вывод в действительности был подсказан еще Энгельсом, писавшим, что социальная справедливость в научном отношении нисколько не продвигает нас вперед. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 153).

¹¹⁵ Кризис идеала был дополнен затем кризисом римского права, не успевающего за быстро меняющейся действительностью и теряющего свою регулятивную функцию, и логоса, детерминизм которого заменила вероятность теории систем.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Марксизму удалось примирить рациональность и формальность материалистического понимания истории с коллективистской нравственностью, а также осуществить синтез коллективистского идеала и индустриальных технологий, сменивших лежавшие в основе протестантства ручной труд и мелкую частную собственность. Однако в рамках большого исторического цикла Европа отдала предпочтение свободе и индивидуализму, а не мобилизационности и коллективизму. Представляя оппозиционное движение, сочетавшее принадлежность к могущественному Западу и критику его несовершенства, марксизм приобрел сторонников и популярность в коллективистской культуре России и стран Востока, перед которыми возникла задача догоняющего развития – модернизации.

1-3. Движение марксизма на Восток. Русский социализм и большевизм

Географическая близость, способствовавшая постоянному культурному обмену России с Европой, определила сопричастность их исторических судеб¹¹⁶. Российское государство одним из первых испытало влияние европейской культуры Нового времени. Однако смена эпох и, как следствие, отсутствие на Западе завершенной модели нового, капиталистического общественно-экономического устройства определили невозможность его целостного восприятия и достаточно высокую степень свободы в формах и степени адаптации западного опыта к российским условиям¹¹⁷.

Распространено мнение, что начало реформам в России было положено исключительно субъективным желанием просвещенного монарха. Природа этого заблуждения в том, что появившиеся в результате реформ Петра I европейски образованные слои склонны были

¹¹⁶ Для последующего рассмотрения Китая методологически важно проанализировать трансформацию России под влиянием Запада. Об исключительно важном значении русского опыта для Китая свидетельствует регулярное обращение китаеведов к истории России. См., напр.: *Титаренко М.Л.* Новое евразийство: азиатский аспект // Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 11–80; *Мясников В.С.* Россия началась реформами Петра I // Вестник РАН. 1994. № 7.

¹¹⁷ В XVII–XVIII веках в Европе только складывались предпосылки современности: английская революция 1688 г. прокладывала путь капиталистическому развитию, Дж. Локк разрабатывал политическую теорию, ставшую впоследствии основой американской конституции, но новая общественно-политическая система еще нигде не была создана. Поэтому опыт, который Петр перенимал в Англии и Голландии, был передовым даже по европейским стандартам, что дало некоторым европейским исследователям основание причислять его реформы к первой волне модернизации.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

оценивать его деятельность с позиций своих ценностей. Однако еще в XIX в. В. Ключевский предложил иное объяснение: первый российский император был вынужден пойти на сближение и даже столкновение с Европой для объединения единого в национальном и религиозном плане населения с целью окончательного оформления российской государственности¹¹⁸. Главным отличием этого контакта Запада от контактов с другими цивилизациями стала собственная инициатива России по усвоению характерных черт европейского образа жизни, что позволило ей, выступив в качестве активного начала, сохранить чувство собственного достоинства и уверенности в своих силах, важных при последующем выборе пути государственного строительства.

Исключительно большое влияние внешнего фактора предопределило то обстоятельство, что большинство русских политиков (от Петра I до В. Ленина и наших современников) главной особенностью России считали ее отсталость по западным, т.е. преимущественно техническим, критериям. В то же время для первых русских реформаторов превосходство собственной духовной традиции не вызывало сомнений. Известно мнение Петра о проводимых преобразованиях: надо взять у них технику и вооружения, военную организацию, а затем мы «вернемся к Европе задницей»¹¹⁹. Логика петровских заимствований была продиктована кругом сугубо прикладных задач. Преобразования начались с военной реформы и создания новой, хорошо вооруженной армии. Потребность в современных вооружениях положила начало отечественной промышленности, а реформа финансовой системы обеспечила казну надежным источником средств, заложив основы формирования дееспособных государственных учреждений. Для окончательного успеха этих начинаний были необходимы значительное количество профессионально подготовленных специалистов и, следовательно, западные стандарты образования. Узкофункциональный характер реформ предопределил их ограниченное влияние

¹¹⁸ См.: Ключевский В.О. Соч. в 9 томах, М., 1989. Т. 4. Курс русской истории. Лекция LXI. С. 45–49. Еще до него эта точка зрения высказывалась П. Шафировым. Разсуждения о причинах Свейской войны // Россию поднял на дыбы. История Отечества в романах, повестях, документах. Века XVII–XVIII. М., 1987. Т. 1. С. 461–549. В выборе Петра I не было ничего принципиально оригинального. Иван Грозный тоже начал преобразования с привлечения западных специалистов к военной реформе. Подробно о причинах Петровских реформ см.: Кара-Мурза А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995. С. 44–77.

¹¹⁹ Цит. по: ВФ. 1992. № 5. С. 10. Целью Петра было создание сильной военной державы, а не перенесение западной цивилизации. (Чернышевский Н.Г. ПСС. М., 1939–1953. Т. 7. 1950. С. 612.) Такую же убежденность в превосходстве собственной культуры мы встречаем и у первых китайских реформаторов, у Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

на общественный уклад. В основе их осуществления лежала реорганизация жизни очень узкого слоя – служилого дворянства, которое и стало ядром модернизаторской элиты¹²⁰.

Воля самодержца, выраженная в четких формулировках задач, быстро принесла результаты. Российское государство, решив локальные (пространственные – в буквальном смысле) задачи, приобрело статус европейской державы, невзирая на цивилизационные отличия, и обрело такую силу, что уже через 100 лет стало называться «европейским жандармом»¹²¹.

Успешное решение задач, поставленных под воздействием внешних факторов, укрепило государство, придав его развитию новый импульс. Внутренние стимулы к преобразованиям, не вызрев полностью, потеряли актуальность, хотя наметившиеся изменения в социальной структуре давали основания говорить об их неминуемом усилении в будущем. В результате проводимых реформ произошло разделение российского общества по типу культурной ориентации. Дворянство, а впоследствии все образованные слои, оказались сориентированными на западный образ жизни и мыслей, на западные ценности¹²². Важную роль в формировании нового социального слоя и усилении социальной дезинтеграции сыграло и то, что военные, ученые и прочие специалисты, в которых остро нуждался Петр для проведения реформ, были преимущественно выходцами из «передовой» Европы. Восприятие иного культурного опыта не только заполняло существующие пустоты, но и, накладываясь на национальную традицию, вступало с ней в сложные, противоречивые отношения¹²³. Главное, по

¹²⁰ В результате реформ не произошло смены правящего класса, социальная мобильность оставалась низкой, препятствуя дальнейшим преобразованиям.

¹²¹ Одновременно продолжилась территориальная экспансия России на восток и юг, в Азию, завершившаяся в XIX в. достижением того, что в концепции социоэкономической истории называется «вмещающим пространством», территориально оформляющим цивилизационное ядро. Эта мысль содержится и у В. Ключевского. (*Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. Лекция 2. С. 49–53.)

¹²² Социокультурный раскол свойствен в той или иной степени всем модернизирующимся странам, поскольку только элита способна теоретически и политически выразить новые тенденции, тогда как основная масса населения имеет дело с живыми традициями, эмпирическими правилами и нормами, сдерживающими перемены.

¹²³ В. Ключевский так охарактеризовал отношение общественной мысли, «русского ума» к послепетровской действительности: «Идеи политические и нравственные составляли один порядок; жизнь, отношения, которые установились в русском обществе, составляли другой порядок, и не было никакой связи между тем и другим». (*Ключевский В.* Соч. Т. 5. С. 280.) См. также прим. 35 к разд. 1.1 и аналогичную оценку Н. Макиавелли христианства, которое перечеркнуло предыдущую культуру, но так, что она продолжала существовать и даже сопротивляться.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

мнению Н. Бердяева, заключалось в том, что «произошел разрыв между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования... Возросла сила дворянства, которое стало совсем чуждо народу»¹²⁴. Камнем преткновения для последующего позитивного развития России стал культурный раскол – противоречие ценностных ориентиров и мировоззрения элиты и народной массы.

Удаленность от национальных корней и действительности не позволяла русским интеллектуалам мыслить себя в качестве равных западным коллегам, предопределив утопизм их идейно-политических конструкций. Вне зависимости от практической целесообразности и актуальности все предпринимавшиеся ими шаги были окрашены европейским духовным влиянием и интеллектуальной модой. В XVIII в. понятие «европейский» приобрело оценочный характер, на протяжении столетия сохранявшее за собой статус бесспорной нравственной ценности и непререкаемого авторитета¹²⁵. Реформа как планомерный и целенаправленный ответ на изъяны общественного бытия по-прежнему оставалась недоступной России. В естественный ход исторического процесса вмешался субъектный фактор, действовавший не столько под влиянием объективных потребностей, сколько под воздействием личного, иногда умозрительного дискомфорта¹²⁶. Самостоятельным фактором развития стали общественно-политические теории, игравшие не меньшую, а часто и большую роль, чем практика. «Философия, развивавшаяся в политически и экономически передовой стране и являющаяся на своей родине немногим большим, чем выяснением и систематизацией господствующих мнений, может в другом месте породить революционную атмосферу и фактически в конечном счете революцию... В передовых странах практика вдохновляет теорию, в других – теория практику»¹²⁷.

¹²⁴ ВФ. 1990. № 1. С. 85.

¹²⁵ Н. Бердяев писал: «Русские были так увлечены Гегелем, Шеллингом, Сен-Симоном, Фурье, Фейербахом, Марксом, как никто никогда не был увлечен на их родине...[у русских] все приобретает религиозный характер, они плохо понимают относительное. Дарвинизм, который на Западе был биологической гипотезой, у русской интеллигенции приобретает догматический характер, как будто речь шла о спасении для вечной жизни». (ВФ. 1990. № 1. С. 90.)

¹²⁶ Главной пружиной становилось глубоко личное ощущение несправедливости у представителей правящего класса, ярко проявившееся у декабристов, впервые попытавшихся осуществить синтез западного гуманизма и православной нравственности.

¹²⁷ Рассел Б. История западной философии. Т. 2. С. 117. Назвав это общим законом, Б. Рассел фактически определил критерии первого этапа субъектности.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

После победоносных войн с Францией в начале XIX в. модернизаторские импульсы постепенно распространились на другие слои общества. На социально-политической сцене возник не связанный с властью специфический социальный слой, обладавший не только европейским образованием и рациональным взглядом на мир, но и не порвавший связи с национальными традициями, – разночинная интеллигенция. Не связанная дворянскими званиями и не интегрированная в государственную структуру, она создала социокультурное пространство, противостоящее отождествлявшим себя с государством классам.

С появлением в России английского и французского гуманизма, а затем и социалистических идей перед образованными слоями вновь встала проблема выбора. Нравственный конфликт с окружающей их «азиатской» действительностью в конце концов привел к закономерному исходу. Средство его разрешения, отвечающее как требованиям, предъявляемым к источникам – продукт должен быть с «просвещенного» Запада, так и российской традиции – состраданием к окружающим, было найдено. Социалистические идеи, воплотившие христианские принципы добра и справедливости, в наибольшей степени отвечали представлениям крестьянской общины и нравственным ориентирам интеллигенции. По мере развития капиталистических отношений и вызревания не только нравственных, но и социальных конфликтов разночинная интеллигенция оказалась наиболее приближенной к роли выразителя интересов народной массы, вновь внеся в образованные слои русскую национальную идею.

Поражение революций 1848–1849 годов, развеяв иллюзии русских мыслителей, вскрыло множество проблем, существовавших, как им казалось, на передовом Западе, и заронило предчувствие кризиса европейской модели развития. Одним из первых ее изъяны и пороки уловил А. Герцен, предложивший путь к общественной справедливости, учитывающий экономические, социальные и политические особенности России. В основе его рассуждений лежал очевидный факт: крестьянская община как форма исчезнувшего в Европе первобытного коммунизма все еще существует в России и может соединиться с передовым явлением – социалистической мыслью, выросшей на Западе из отрицания частной собственности, что позволит прорвать, наконец, вековую отсталость России. Увидев в отсталости преимущество для достижения западноевропейского идеала, а не препятствие поступательному движению, А. Герцен подверг сомнению западный универсализм и ввел в общественно-политические концепции национальную культуру. «Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше как средство, как закваска, как посредники между русским народом и

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

революционной Европой»¹²⁸. Включив под влиянием западного гуманизма в социальный проект в качестве позитивного фактора основную часть населения, он признал за крестьянской общиной право оставаться носителем цивилизационного ядра и наметил первые подходы к формулированию национальной идентичности как особого типа воспроизводства социально-исторического субъекта, назвав это «русским социализмом»¹²⁹.

Очевидное несоответствие исходных условий для движения по западноевропейскому пути стимулировало развитие общественной мысли. Считая, что история Западной Европы является примером синхронного развития, при котором экономические и политические аспекты вызывают соответствующие изменения друг в друге, А. Герцен допустил, что естественный путь не является единственным вариантом исторического движения – возможна его асинхронность¹³⁰. Здесь впервые в русской, а вероятно, и мировой общественной мысли, встал вопрос: «возможен ли в принципе путь отличный от предначертанного?»¹³¹, ставший основным интеллектуальным вызовом для русской интеллигенции. Это была по-настоящему революционная постановка проблемы, поскольку с появлением но-

¹²⁸ Герцен А. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1954–1965. Т. 7. 1956. С. 326. Именно это позволило впоследствии В. Ленину сделать вывод о том, что с А. Герцена русские мыслители вышли на европейский уровень, а сам он «сумел подняться на такую высоту, что встал вровень с величайшими мыслителями своего времени». (Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 256.) До этого им нечего было противопоставить западным коллегам, кроме рассуждений на отвлеченные для России темы.

¹²⁹ Герцен А. Собр. соч. М., 1960. Т. 19. С. 193. Для Западной Европы включение в политический проект большинства населения было обязательным требованием нравственного идеала. Но в России этот элемент, как и многое другое, приобрел новое качество, превратившись из ценности в инструмент мобилизационного развития. Позже аналогичное влияние идеи западного социализма оказали и на китайских мыслителей – Лян Цичао использовал понятие «чжунго чжи шэуицжуи» (китайский социализм). (Лян Жэньгун. Инь бин ши хэ цзи. Чжуан цзи. (Собрание сочинений из кабинета Глотателя льда. Специальные сочинения.) Шанхай, 1936. Т. 2. Ч. 12.)

¹³⁰ «Посредственные знатоки истории ... воображают, что история поступает на манер той кухонной экономки, которая не приступает к новой ватрушке, пока початая не доедена». (Герцен А. Собр. соч. М., 1955. Т. 5. С. 429.) А. Герцен подверг сомнению predeterminedность истории, которой следовали гегельянцы и марксисты. См.: ВФ. 2001. № 4. С. 32.

¹³¹ Эта мысль содержится уже у Н. Карамзина в 1797 году: «Шествие Природы не является ли всегда постепенным и медленным? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной?» (Карамзин Н. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253–254.) Цит. по: Кара-Мурза. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. С. 47. Здесь содержится первое указание на асинхронность и ее последствия.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

вых транспортных средств и усилением экономической взаимозависимости в развитии различных регионов мира стала проявляться синхронность, одной из черт которой и стали модернизаторские импульсы российских царей на протяжении XVIII–XIX веков. Гипотеза об асинхронном типе развития пока только выражала сомнение в универсальности естественно-исторического западного пути и признавала специфику национальных форм, но была еще далека от утверждения другого, нового¹³².

В итоге были сформулированы две проблемы, взаимоувязанное решение которых оставалось в центре внимания политической мысли на протяжении всего XIX столетия: историческое развитие России не означает повторение европейского, иначе говоря капиталистического, пути, а поиск нового русла истории возможен только при содействии (руководстве) образованных классов русского общества¹³³. В сущности, эти два положения утверждали необходимые предпосылки нового, «иррегулярного» типа развития, которые в марксизме на тот момент отсутствовали, поскольку господствовавшей была точка зрения, что «ни одна общественно-экономическая формация не отомрет раньше, чем исчерпают возможности для развития ее производительные силы»¹³⁴.

Практическая реализация этих планов упиралась в отсутствие социальной силы реформ. Вызванные поражением в Крымской войне (1853–1856) модернизаторские импульсы заглохли после Манифеста 1861 года, оставив «общие принципы прежнего порядка в покое»¹³⁵ и отложив радикальные реформы еще на полвека. Российская действительность в очередной раз победила российские умы. Порвав с крепостничеством, Россия обратилась к поискам новой идеологии развития.

¹³² Центральной задачей для ее развития был поиск особых движущих сил: сначала в интеллигенции, а затем в крестьянстве. Но ни интеллигенция, ни крестьянство не удовлетворяли предъявляемым требованиям, уводя в первом случае на Запада, во втором — на Восток. Отсутствие преемственности способствовало тому, что идея революционного разрушения, существовавшая в Европе, оказалась многократно усиленной в России, где основные классы часто воспринимали друг друга еще и представителями другой национальной культуры.

¹³³ Н. Бердяев называл интеллигенцию главным «ферментом революционного брожения» в России. Развивая идею А. Герцена, Ленин впоследствии возложил историческую миссию соединения русской общины и европейского социализма на узкий слой европейски образованной элиты.

¹³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 13. С. 7.

¹³⁵ Чернышевский Н. ПСС. М., 1939–1953. Т. 10. С. 95. Для данной темы важно, что наиболее глубокие реформы были вызваны внешними факторами, в том числе русско-японской и Первой мировой войнами.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

Н. Чернышевский вслед за А. Герценом считал, что в повестке дня стоит практическое соединение социализма с общиной, которое позволит выйти на уровень передовых народов, «минуя средние логические моменты», поскольку повторение естественного пути Европы лишь обрекает Россию на отставание¹³⁶. Но воспользоваться им можно, только совершив переворот, который позволит создать политическое пространство и на место стихийности поставит сознательное руководство по достижению намеченной цели. Последующий анализ привел его к мысли, что специфика России заключается не столько в экономической отсталости, сколько в организации общественной жизни; отсутствии горизонтальных связей и классов, способных проявить инициативу и вырваться за пределы патриархальных отношений; в государственной службе, вертикально связывавшей общество. Все эти условия препятствуют возникновению чувства социальной солидарности и ведут к полной стагнации социальной инициативы. Не экономическая отсталость, а отсутствие права и господство насилия как показатели неразвитого, стихийно организованного общества стояли на пути к достижению западных идеалов.

В этих условиях только азиатское по своей природе государство оставалось единственным возможным инициатором реформ. Однако, как показал опыт Петра I и Александра II, преобразования в России приводят не к разрушению старых отношений, а, придавая им дополнительную гибкость, ведут к укреплению парадигмы абсолютистского государства за счет эффективной системы бюрократического управления. Любая реформа, заставляющая идти по западному пути, будет только усиливать самодержавие и ухудшать положение народа¹³⁷. Учреждение некоторых элементов западной цивилизации как естественного следствия военных реформ не ведет к сближению с Европой, а «без предварительного слома социально-политической системы самодержавия» возможно только

¹³⁶ Чернышевский Н. ПСС. Т. 5. С. 389. Условием этого он называл уже не только образованные слои, но и победу социализма на Западе. Именно опасение, что Россия преобразует энергию реформ в усиление самодержавия, сохранило в русской политической мысли идею о зависимости победы социализма в России от победы в Европе.

¹³⁷ «Напрасно думают, что реформа Петра Великого изменяла в чем-нибудь положение русской нации». «Весь дух вещей остался прежний». «Все наши императоры и императрицы продолжали дело Петра». См.: Чернышевский Н. ПСС. Т. 7. С. 612, 613, 614. Таким образом, реальное содержание реформ Петра заключалось в усилении режима, создании сильной военной державы, а не в перенесении западной цивилизации. (Там же. С. 612.) См. также прим. 4. О сравнении с Петровскими реформами реформ 90-х годов XX в. см.: разд. 4.2.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

усиление последнего. «Русское государство достаточно сильно, чтобы переварить эти элементы, носящие на Западе совершенно иной характер, не меняя своей природы. Наоборот, оно превращает их в новые источники энергии»¹³⁸.

Неразвитость, таким образом, ставилась в прямую зависимость от стихийной организации, неспособной, как в Европе, естественно-историческим путем, через действие экономических законов привести к соответствующим изменениям в российском обществе и приблизить его к европейскому¹³⁹. В сущности, это косвенно указывало на более глубокие, цивилизационные отличия России от Европы и ставило крест на надежде через опыт классовой борьбы найти искомую модель развития. Но этот вывод еще не был сделан. Разрушение самодержавия мыслилось возможным только при активном действии политических сил, поскольку силы экономические сами по себе не способны были сломать существовавшую систему. Так возникала новая задача – интегрировать в план преобразований человеческий, субъектный фактор, на который возлагались функции по созданию нового – альтернативного прежнему, естественно-историческому – типа развития.

Отсутствие социального пространства вне государства предопределило ситуацию, в которой единственной политически активной силой оставались отдельные представители образованных слоев – «новые люди». Пробудить эту силу, способную свалить самодержавие и сформировать политическое сознание, могли только профессиональные революционеры. Первый практический опыт соединения социализма с действительностью был предпринят народниками. Однако интеллигенцию, пошедшую в народ в 70-е годы XIX века, крестьянство не приняло¹⁴⁰. Неудача заронила у образованного класса сомнения в оценке революционности крестьянства, но не остановила поиск, а направила его по другому руслу.

¹³⁸ Ингерфлом К. Несостоявшийся гражданин. М., 1993. С. 33. Этот же вывод в косвенной форме содержится и у К. Маркса, размышлявшего о двух стадиях развития. «Трудный вопрос заключается для нас в следующем: на континенте революция близка и примет сразу же социалистический характер. Но будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, поскольку на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделявает еще восходящее движение». (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 29. С. 295.) Имплицитно в этом отрывке признается обратное влияние периферии на центр цивилизации, а, возможно, и борьба цивилизаций, поскольку «большее пространство» не ограничивается Россией.

¹³⁹ Цивилизационному оформлению России, безусловно, способствовала необходимость решения модернизационных задач, которые не позволяли ей идти по европейскому пути.

¹⁴⁰ ВФ. 1990. № 1. С. 135.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

С восприятия марксизма Г. Плехановым в 1880-е годы начался новый этап в отношениях с Западом, гуманистический порыв которого получил строгое изложение в марксистской теории и приобрел в силу этого дополнительные преимущества для распространения в России. К тому же социализм предлагал оптимистичное продолжение обнаружившейся признаки кризиса западной цивилизации. Формационная теория привлекла русскую интеллигенцию четкостью и простотой, способностью ответить на большинство вопросов социально-экономического развития: капиталистические преобразования создадут союзный революционной интеллигенции пролетариат, породив классовую борьбу, которая, в свою очередь, освободит страну и от власти царя и от буржуазии, т.е. сделает то, что не смогли сделать «новые люди»¹⁴¹. Она убедила Г. Плеханова отказаться от верхушечных заговоров и ориентироваться на молодой отечественный пролетариат, появление которого в поле зрения русских революционеров стало наиболее важным заимствованием из марксизма. Следует также учитывать, что строгость марксизма в условиях бурного развития капитализма выглядела для революционно настроенной интеллигенции предпочтительней общих рассуждений Н. Чернышевского.

Популярность нового учения снизила интерес к национальным особенностям. И все же первые русские марксисты ощущали, что специфика России неизмеримо больше, чем просто особенности исторического развития, по сравнению со странами Западной Европы¹⁴².

¹⁴¹ См.: *Ингерфлом К.* Указ. соч. С. 124. «... этой-то внутренней логике развития производительных сил и подчиняется в последнем счете все общественное развитие.» (*Плеханов Г.В.* Нечто об истории. Избранные философские произведения в 5-ти томах. М., 1956. Т. 2. С. 228.) Г. Плеханов просто повторил Ф. Энгельса. Создание крупной промышленности в России возможно только в капиталистической форме, «а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают крупную промышленность во всех других странах». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 38. С. 399.) «Нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией». (Там же. С. 265.) См. также: *Водолазов Г.Г.* От Чернышевского к Плеханову. (Об особенностях развития социалистической мысли в России.) М., 1969.

¹⁴² Именно поэтому в марксизме до появления западного марксизма есть только одна работа, посвященная роли личности в истории, связанная с предшествующей традицией отечественной общественно-политической мысли — «новыми людьми». В ней Г. Плеханов попытался ответить на сформулированный А. Герценом и Н. Чернышевским вопрос о роли новых людей. Перед социал-демократией Западной Европы, стоявшей на почве естественно-исторического развития, в котором действовавшие в гражданском обществе экономические закономерности отводили личности узенькую тропинку вдоль магистрали общественных закономерностей, такой вопрос возникнуть не мог.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Появление крупного промышленного производства не привело к соответствующим социальным и политическим изменениям, еще раз продемонстрировав, что опыт европейской социал-демократии ограничен в применении к России. Экономический детерминизм классического марксизма, не сумев предложить точный анализ русского общества, стал вызывать сомнения у Г. Плеханова, почувствовавшего, что различие между Европой и Россией заключается, скорее, в типе развития, нежели в ином уровне одного и того же пути¹⁴³. Свойственная Европе синхронность отказывалась находить подтверждение в России. Экономический рост не только не вел к изменению политического строя и уклада общественной жизни, но и не сопровождался установлением капиталистических отношений. Экономические закономерности оказывались бессильными в России, подтверждая ведущую, сущностную роль «национальных особенностей» в ее историческом развитии.

Неготовность самих К. Маркса и Ф. Энгельса ответить на вопрос о специфике русской общины и специфичности исторического пути России заставила их сторонников проделать большую эволюцию во взглядах, вернувшись в начале 90-х годов XIX в. к идеям Н. Чернышевского о характере национальной идентичности¹⁴⁴. С этого момента проблема детерминизма, прежде всего экономического, превратилась в центральную в политической истории России, всякий раз становясь критерием разграничения западников и почвенников, сторонников естественно-исторического и революционного пути.

В начале политической деятельности В. Ленин полностью разделял взгляды К. Маркса и раннего Г. Плеханова на экономический детерминизм¹⁴⁵. Усматривая отличия в развитии капитализма в России только в количественных показателях, он считал, что пролетариат уже окончательно расстался со старыми общественными

¹⁴³ Ингерфлом К. Указ. соч. С. 130, 149; Плеханов Г. Соч. Т. 3. С. 240–242. «Азиатчина», описанная Н. Чернышевским, вновь показала свои зубы, на этот раз формационной парадигме. Такая же идейная эволюция ожидала Ленина, который в конце 1890-х годов признал ограниченность марксистских построений для России.

¹⁴⁴ Следует отметить, что К. Маркс и Ф. Энгельс остерегались давать категоричные ответы. Признавая специфику русской общины, они не могли вписать ее в свою теоретическую конструкцию. При подготовке ответа на письмо В. Засулич. (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 137) Марксом были написаны 20 страниц черновиков, а ответ состоял из одной страницы и не содержал ни одного четкого ответа на поставленные вопросы.

¹⁴⁵ В. Ленин, объясняя выбор марксизма, писал, что теория Маркса «впервые превратила социализм из утопии в науку, установив твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти». (Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 182. См. также Т. 1. С. 258.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

отношениями. Отрицая существование общенациональных интересов и отвергая классовые компромиссы, он утверждал, что народ представляет «противоположные, друг друга исключаящие классы», а развитие капитализма и появление пролетариата неизбежно приведет к классовой борьбе, которая обеспечит успех социализма¹⁴⁶. Однако, чтобы применить учение Маркса на практике, требовалось одно усовершенствование, которое смогло бы нарушить действительный для Западной Европы, но неприемлемый для России естественно-исторический процесс. После цепи поражений предшественников, не сумевших создать политическое пространство с участием интеллигенции (Н. Чернышевский), поднять на политическую борьбу крестьянство (народники) или предлагавших дожидаться политического созревания пролетариата (Г. Плеханов), для В. Ленина стала очевидной необходимость создания партии нового типа, которая заняла бы место класса¹⁴⁷. В учении о партии состоит главное отличие Ленина от Плеханова, видевшего особенности России только в пути к созданию политического пространства западного типа, отложив политическую борьбу до момента его конституирования. Признав особый характер российского общества, большевики отдали приоритет не социально-экономическому развитию, а профессиональной политической деятельности, предопределив, что именно ее результаты, а не уровень экономического развития, станут для них мерилем успеха¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 383. Причины развития России «не в политике, не в государстве и не в «обществе» — а в данной системе экономической организации». Ленин, таким образом, отказывался от понимания специфики России, сформулированной Н. Чернышевским и Г. Плехановым. См. также Т. 1. С. 491.

¹⁴⁷ «Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию и тогда она станет непобедимой!» (Ленин В.И. ПСС. Т. 4. С. 186, 188). Без партии нового типа российское общество не сможет естественно-исторически европеизироваться, т.е. в нем не смогут образоваться классы. (Там же. С. 375). Впоследствии он в нарушение всех постулатов классического марксизма, но в соответствии с традицией, восходящей к А. Герцену, предложит сначала взять власть, а затем догонять другие народы, но уже под руководством партии. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 79; Т. 45. С. 381. Истоки тезиса «сначала взять политическую власть» лежат в национальной традиции приоритета духовного над материальным, поскольку для цивилизации, в основе которой лежат духовные, а не материальные факторы, важнее именно их преобразование.

¹⁴⁸ Этот шаг от Г. Плеханова проложил путь к Октябрьской революции. Освободившись от безусловности экономического детерминизма, они создали новую партию, победившую в 1917 году. Почти через 100 лет, вновь перейдя на позиции экономического детерминизма, коммунистическая партия в России потеряла власть и едва сохранилась на политической арене. См.: разд. 4.2.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Ленин считал искусственно созданное партией напряжение в отношениях с государством вполне достаточным для начала политического движения. «То, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собой, то у нас должны систематически проводить наши организации»¹⁴⁹. Искусственно вовлечь полуфеодалный пролетариат в политический процесс, в котором он бы мог противостоять государственной машине, должна была профессиональная партия со строгой дисциплиной и организацией, придававшая ему свойства, органичные его более развитому западноевропейскому аналогу. Так были расставлены последние точки над *и* в политической доктрине Ленина.

Отказ от естественного пути, в котором экономика играла определяющую роль, требовал «неестественных» средств. Партия авангардного типа заменила в общественно-политическом многочлене марксизма понятие «естественно-исторический». Такая подстановка обеспечила большевизму поступательное движение в первые десятилетия XX века, открыв новые перспективы социального развития. В отличие от буржуазных революций, которым предшествовало завоевание экономического пространства, российская социал-демократия предложила сначала взять политическую власть, а затем вновь, нарушая естественный ход истории, вернуться к преобразованиям базиса. Обрусевший марксизм, таким образом, преступил один из фундаментальных принципов европейской цивилизации – следование естественно-историческим закономерностям¹⁵⁰. Однако авторитет западных ценностей все еще оставался непререкаемым в глазах российских социал-демократов.

Авангардная партия, провозгласив целью свержение «инерционно-реакционной» машины самодержавия, чтобы приблизиться к европейскому обществу, объективно противопоставила себя нацио-

¹⁴⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 133. «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию». (Там же. С. 127.)

¹⁵⁰ Повторение западного пути оставалось популярным у государственной элиты. Военное поражение России от Японии вызвало к жизни новый модернизаторский импульс. Государство попыталось его решить за счет очередного сближения с Западом в результате либеральных реформ П. Столыпина и С. Витте, разрушавших традиционные общинные отношения и вызвавших раскол в крестьянской общине. История России убеждала, что в результате этих реформ государство снова укрепились бы, если бы не произошедшая Октябрьская революция. Анализ ее причин посвящены многие работы. Н. Бердяев объясняет ее через смену религиозного архетипа, марксисты — неизбежным результатом социально-экономического развития, П. Струве «безрелигиозным отщепенством» интеллигенции от государства (Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 460–461). Но никто из перечисленных не сомневался в ее закономерном характере, что не давало основания квалифицировать ее как переворот.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

нальной культуре, важнейшей частью которой являлось самодержавие. Именно этот радикализм позволил партии консолидировать зарождавшийся классовый элемент, мобилизовав его на разрушение изнутри старого строя и поиск нового пути развития¹⁵¹. Поставив в качестве цели не «самоусиление» существующего государства, а приближение его к критериям другого, западного, русские интеллектуалы заимствовали из западного опыта идею революции, для осуществления которой ими был выработан уникальный политический инструмент – авангардная партия, направившая Россию в новое историческое русло¹⁵².

Февральская революция свергла самодержавие, не позволив ему повторить опыт реформ 1861 года. Но посланный ею модернизаторский импульс мог иметь продолжение в различных формах. Ликвидировав главное препятствие на пути радикальных социально-политических преобразований, она открыла новые перспективы: либо развитие капитализма по западному пути, либо поиск собственной дороги развития. Традиционно альтернатива Западу связывалась с православием и русской идеей. Именно поэтому в России, не совершившей прорыв к технической парадигме бытия, социалистические идеи, близкие традиционным духовным ценностям, были значительно популярнее либеральных, а два наиболее сильных интеллектуальных течения начала XX века – марксистское и религиозно-философское – выросли из социал-демократии¹⁵³. Однако составлявшие в интеллектуальном плане наиболее серьезную конкуренцию марксистам веховцы и евразийцы не обладали ни четкой социальной программой, ни значительной поддержкой и влиянием в обществе, так и не преодолев раскол с основной массой населения.

Конфликт между нравственным и рациональным, который не смогли преодолеть другие представители русской интеллигенции, преодолел В. Ленин, вслед за К. Марксом отождествивший нравст-

¹⁵¹ В России народники не смогли победить потому, что капиталистические отношения были более развиты, и марксистская партия была ближе к решению их противоречий и лучше организована. «Даже лучшие из народников — националисты». (Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 384.) В Китае национализм, став точкой консолидации, позволил провести революцию раньше, но не позволил добиться ожидавшихся результатов.

¹⁵² Идея авангардной партии потом была заимствована Китаем для того, чтобы победить армию, оказавшуюся бессильной решать модернизаторские задачи и в конечном счете потерпевшую поражение от партии. См. разд. 2.2.

¹⁵³ Поскольку «в России нравственный элемент всегда преобладал над интеллектуальным» (Н. Бердяев), то только социализм был действительно нравственно чист, чтобы побороть самодержавие как безнравственное.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

венные ценности и рациональные цели¹⁵⁴. Сначала приняв марксизм в целом как идейное учение, затем он под давлением практических задач его редуцировал, освободившись от аксиологической части, от «раннего» Маркса, оставив только то, что можно было воплотить на практике, – близкие к традиционным ценности. Отказ от тех положений марксистской схемы, которые не соответствовали национальной традиции, т.е. были утопичны, был связан в первую очередь с четкой практической политической ориентацией большевиков. Партия революционеров-профессионалов (офицеров политической борьбы) никогда бы не победила без массы рядовых членов, появление которых в обычных условиях было невозможно без правосознания и гражданского общества. Эту политическую армию предоставила Первая мировая война, революционизировавшая сознание и привившая дисциплину сильнее и быстрее, чем промышленность¹⁵⁵. Для этой армии социальные идеи находившихся в оппозиции к власти большевиков были близки и понятны, что позволило придать ее выступлениям организованный и целенаправленный характер¹⁵⁶.

В отличие от Европы, где власть большинства была нравственным императивом для всех социалистических движений, для стран, находившихся за пределами европейской цивилизации, вовлечение в политический процесс большинства населения было апелляцией к национальной культуре, противостоящей западным идеям. В результате в Европе марксизм, соединив идею социальной

¹⁵⁴ ВФ. 1990. № 1. С. 86. Следует все-таки отметить, что к революционерам, историческая миссия которых состоит в разрушении, не применимы общепринятые нравственные нормы. Нравственные критерии, которым они подчиняются, складываются после.

¹⁵⁵ Революционизированная еще до крушения самодержавия армия не позволила традиционной культуре ее использовать, предотвратив развитие по китайскому, постсинхайскому пути.

¹⁵⁶ См. ВФ. 1991. № 11. С. 13. Сила пролетариата больше, чем его процент в населении. (Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 23.) Это историческая иллюстрация к теории систем, которую Ленин понял на уровне эмпирических правил еще в начале XX века, создав партию нового типа. Деятельность большевистской партии среди пролетариата, а затем и в армии способствовала эмпирическому подтверждению принципа субъектности, противостоящего демократическим принципам и принципу естественно-исторического развития. «Сила пролетариата больше, чем процент его в населении». (Там же. С. 23.) Разрушение старых устойчивых связей в период революций повышает роль отдельных личностей и политических организаций, практическими усилиями создающих новое, адаптированное к себе социальное пространство. Именно поэтому весной 1917 г. Ленин неоднократно заявлял, что практика становится выше теории. (Т. 31. С. 134.) В радикальных левых течениях этот принцип получил другое определение «винтовка рождает власть». (Из высказываний Мао Цзэдуна на 6-м пленуме 6-го созыва 6 ноября 1938 г. Цит. по: Маоизм без прикрас. М., 1980. С. 106.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

справедливости с массовым движением, придал ей научный, рациональный характер, доказав ее осуществимость. В России соединение научной идеологии с массовым общественным движением, наоборот, придало силы национальной культуре, точно так же, как соединение западных достижений с традиционным государством усиливало последнее, а не видоизменяло его по западному образцу.

Отличие большевизма от марксизма, таким образом, заключалось не только в социальном идеале, сохранившем православную основу, но и в способах его достижения¹⁵⁷. Для Европы выросшие из беспрецедентной остроты социальных конфликтов революции явились продолжением естественно-исторического развития, положив начало новому эволюционному циклу. Европейская социал-демократия вслед за изменившимися социально-историческими обстоятельствами также стала ориентироваться на эволюционное движение.

Сформулированный Лениным закон неравномерного развития доказывал возможность победы революции в России, чтобы вслед за революциями Нового времени утвердить в ней современное общество. В начале XX в. интернационализация хозяйственной жизни убеждала, что возникшие на периферии революции могут подорвать могущество метрополий и стать запалом мировой революции, ведущая роль в которой сохранится за Западом. В то же время появление в марксистской мысли отношений «центр-периферия» свидетельствовало о возникновении модернизаторского дискурса, т.е. использовании марксизма для решения других, отличных от первоначальных, задач. Обоснование смены ориентиров и принципов давала теория империализма, названного высшей стадией капитализма, доказавшая возможность опередить свое, национальное время с целью ускоренного преодоления отставания от развитых стран¹⁵⁸. Однако предложенный путь не привел к утверждению европейской цивилизации, а открыл новую страницу в истории российской.

Таким образом, все принципиальные открытия в политической теории марксизма – асинхронность развития и авангардная партия –

¹⁵⁷ Православное мессианство возродилось в лозунгах мировой революции, дав массам материалистический эквивалент православной религиозности и религиозный заряд бескомпромиссности. У крестьян, почувствовавших возможность уподобиться Богу и творить историю, проснулся «революционный энтузиазм». На использовании этого чувства построена ленинская мысль: почему бы сначала не взять политическую власть, а затем догонять развитые страны.

¹⁵⁸ При этом важнейшей и центральной, конечно, была идея асинхронности, к которой обращались политики и мыслители: «иррегулярность» Н. Карамзина, «асинхронность» А. Герцена, «закон комбинированного развития отсталых стран» Л. Троцкого (Преданная революция. М., 1991. С. 7.), идея первоначального захвата политической власти В. Ленина, закон опережающего роста И. Сталина.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

были сделаны русской общественно-политической мыслью. В асинхронности было найдено место субъектному началу – «новым людям», а затем и авангардной партии, способным нарушить естественное для России течение исторического процесса с целью приближения его к европейскому. Однако найденный инструмент для «срезания исторических углов» оказался эффективным и для модернизации собственной исторической традиции перед вызовом Запада¹⁵⁹. Марксизм стал инструментом спрямления исторического пути вне зависимости от того, какие цели преследовались его адептами¹⁶⁰. Асинхронность развития в направлении известной цели и использование для этого особого политического механизма – авангардной партии создали предпосылки для нового типа исторического развития, который стал называться социалистическим строительством, формально подчеркивающим его историческую преемственность с европейскими социальными теориями, но на самом деле являвшимся мобилизационной модернизацией, отражающей сущность процесса строительства.

* * *

Невозможность приблизиться к Западу естественно-исторически породила в России мысль об асинхронном пути развития, бросавшую вызов универсализму. Стремление его найти привело к созданию авангардной партии. Однако, соприкоснувшись с действительностью, марксизм не слился с помощью авангардной партии с общественным движением, напротив, национальная культура подчинила себе авангардную партию, превратив ее из инструмента общественной теории, выросшей в западной культуре, в инструмент национальной традиции.

1-4. Реальный социализм: природа кризиса

Идеократический характер власти, победившей в октябре 1917 г. в России, был естественным следствием политических усилий коммунистической партии, провозглашавшей верность марксистским идеалам. После победы революции перед большевиками открылась

¹⁵⁹ Европейский социализм был естественно-историческим, российский поменял сущность, став мобилизационно-субъектным. Поэтому сейчас в ряде стран Западной Европы и без революций действуют основные социалистические принципы К. Маркса, утверждение которых в России потребовало революции.

¹⁶⁰ Неосознанная теоретиками компартии двойственность этого инструмента (отличие первоначального предназначения и практического использования) явилась причиной коллизий после революции. См. разд. 1.4.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

альтернатива: ждать, как и предсказывали теоретические выкладки, победы социализма в Европе или попытаться самостоятельно укрепить новый общественный строй. Иностранная интервенция и Гражданская война в России, всецело подчинив себе деятельность партии, в значительной степени определили черты новой государственности, которая стала формироваться не только под влиянием марксистского идеала, но и с учетом практических задач¹⁶¹.

Сложившийся в ходе Гражданской войны хозяйственный механизм, известный как «военный коммунизм», совпадал в основных чертах с экономической теорией Маркса и, следовательно, с дореволюционной программой социалистического строительства. Отличие заключалось в том, что централизованное распределение использовалось не для осуществления уравнительного идеала социальной справедливости, а для мобилизации ресурсов на важнейших, приоритетных направлениях¹⁶². Совпадение принципов действия обоих механизмов позволило партии избежать разрушительного идеологического кризиса. Сложившаяся к началу 20-х годов экономическая модель оказалась далекой от гуманистических идеалов социализма, но вполне эффективной для решения конкретных, мобилизационных по своей природе задач¹⁶³. Укрепление нового государственного строя и реализация революционного идеала

¹⁶¹ «Политика “военного коммунизма” была вызвана как сложной военной обстановкой и разрухой в хозяйственной жизни, так и в немалой степени господствующей антитоварной идеологией». (Воейков М. К вопросу об эволюции экономической концепции Ленина. М., 1994. С. 14.) Первые мероприятия новой власти вытекали «не только из практических потребностей текущего момента, но во многом из теоретических установок, сложившихся еще в дореволюционный период». (Там же. С. 8.)

¹⁶² «Элемент милитаризации труда в тех или других пределах, в той или другой форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности». (Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990. С. 155. Из тезисов ЦК РКП «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд».) Важно подчеркнуть, что многие элементы военного коммунизма были введены еще временным правительством. См.: Май В., Стародубровская И. Закономерности революционного процесса, опыт перестройки и наша перспектива. М., ИЗ АН СССР. 1991. С. 10.

¹⁶³ Социалистический принцип «от каждого — по способности, каждому — по труду» мог быть использован и для достижения социальной справедливости, и для мобилизационного развития экономики. Возможно, что, нарушив естественное течение истории на предшествовавшем этапе, компартия под давлением внешних обстоятельств (по-прежнему подчинявшихся естественно-историческим закономерностям) оказалась обречена и дальше действовать революционными методами и поэтому так и не вернулась к естественно-историческому пути.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

стали двумя основными принципами деятельности новой власти, между которыми постоянно тлел конфликт.

Первоначальный расчет на мировую революцию и помощь Запада, т.е. возвращение к естественно-историческому развитию, не оправдался, заставив отказаться от ранее намеченных схем и приступить к строительству социализма в одиночку во враждебном капиталистическом окружении¹⁶⁴. Завершение Гражданской войны и ослабление угрозы военной интервенции вскрыли экономическую неэффективность «военного коммунизма» для гражданского строительства. Введение «новой экономической политики» (НЭП) не только способствовало восстановлению разрушенной экономики, но и приближало к модели естественно-исторического («европейского») развития, сохранявшего свою привлекательность для значительной части дореволюционной партийной элиты. Использование старых экономических отношений обеспечило социально-экономическую стабильность и укрепило новую власть, создав условия для зарождения и роста социалистического уклада в тени частного¹⁶⁵.

¹⁶⁴ Ленин считал русскую революцию лишь прологом к мировой. «Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее». (*Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 93.*) Поэтому уже после революции он писал: «Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции можно и должно не останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвами территории». (Там же. Т. 37. С. 54.) Весьма точно это состояние охарактеризовал Б. Рассел. «Ленин мог пожертвовать скорее Россией, чем революцией, если бы перед ним возникла подобная альтернатива». (*Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 19.*) Но к декабрю 1920 г. позиция Ленина изменилась. «Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй, но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте». (*Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 143–144.*) Хотя сама мысль экономически догнать империалистические страны, либо погибнуть была высказана им уже в сентябре 1917 г. (Там же. Т. 34. С. 198.) Эту же мысль в 1931 г. повторил Сталин: мы отстаем от развитых стран на 50 или даже 100 лет, и если за десять лет мы их не догоним, нас не будет, — предугадав дату начала войны. Впоследствии ленинский лозунг «догнать или перегнать» в различной форме использовался другими советскими лидерами: Н. Хрущевым, М. Горбачевым и др. Необходимость преодолеть отставание от капиталистических стран признавалась и западными марксистами. См.: Гароди Р. Марксизм XX века. М., 1994. С. 18.

¹⁶⁵ Хотя это и не соответствовало дореволюционным взглядам Ленина («Государство и революция») и Маркса («Критика Готской программы»). По существу, НЭП был реализацией меньшевистской, социал-демократической программы и поэтому был с настороженностью встречен в партии. Однако общество его приветствовало как восстановление прежней, традиционной, «азиатской» социально-экономической

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

Однако «Ленинское завещание», призывавшее к постепенному осуществлению экономических преобразований, могло восприниматься и как долгосрочная программа деятельности, и как корректировка, временное «отступление» от прежних взглядов с целью их приближения к российским реалиям. НЭП подверг существенному пересмотру экономический раздел марксизма, но, несмотря на его успех, новая социально-экономическая концепция социализма так и не была разработана¹⁶⁶. Одной из главных причин тому была неопределенность его теоретического статуса, поскольку в зависимости от придания НЭПу стратегического или тактического смысла радикальным образом менялось его значение¹⁶⁷.

Стратегическое значение НЭПа, ясно указывающего на продолжение естественно-исторического пути развития, отстаивала партийная элита во главе с «главным теоретиком НЭПа» Н. Бухариным. За мобилизационный путь выступали неопиты, те, кто пришел в партию в период революционного подъема и больше связывал себя с новой, состоявшейся государственностью, с единоначалием, строгой дисциплиной, государственной собственностью, а не с дореволюционными идеалами и представлениями¹⁶⁸. Для этой

структуры, в которой государство контролировало рынок и собственность, не владея ею, и всю общественно-политическую жизнь.

¹⁶⁶ Хотя дискуссии и попытки дать теоретическое описание складывавшимся экономическим реалиям были. Переходный период «характеризуется сперва необычайным усилением государственных функций именно в силу непосредственного слияния надстройки с базисом». (Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 217.) «При пролетарской диктатуре государство все более сливается с хозяйством: все основные рычаги хозяйства находятся в руках пролетарского государства; государственная организация есть и хозяйственная организация; управление социалистическим хозяйством есть непосредственная функция государства». (Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 409.) Происходит это потому, что «перемещается центр тяжести» от стихийности к сознательности, от слепоты к плану. (Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. С. 211–212.)

¹⁶⁷ Сам Ленин называл это «отступлением». (Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 330.) Однако в конце 1980-х годов утвердилась точка зрения, что созданная Сталиным мобилизационная модель в лучшем случае была лишь переходной, обосновывавшей ренессанс рыночных реформ. Подробнее дискуссии на эту тему см.: Воейков М. К вопросу об эволюции экономической концепции Ленина. М., 1994.

¹⁶⁸ К ним примыкала категория последовательных сторонников мировой революции, которые, наследуя взгляды Маркса, вообще не признавали социалистическую государственность (Троцкий). Патриотизм как важнейшую социально-политическую категорию признал только Ленин, давший ему первое марксистское определение. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 190. См. также обсуждение этой темы в КНР в связи с новым переводом на китайский язык и изданием Полного собрания сочинений В. Ленина. (ГМЖБ. 13.10.1985.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

категории коммунистов проведение соответствующих преобразований в экономике было лишь обязательным условием укрепления новой власти. Характерно, что такой курс полностью вписывался в ленинский тезис «сначала взять власть» и фактически соответствовал взглядам самого В. Ленина, который, после революции оставаясь в экономике на позициях марксизма, в политике продолжал дореволюционную линию на особый характер русского пути¹⁶⁹.

Смерть В. Ленина обострила борьбу за выбор пути развития. Уже в ноябре 1926 г. И. Сталин открыто провозгласил, что «победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, причем эта задача может быть разрешена силами одной страны»¹⁷⁰. Теория построения социализма в одной стране определила приоритет государственного строительства и идентичности, а не идеологических принципов и универсализма¹⁷¹. Решение диктуемых практикой задач стимулировало процесс разложения идейно-теоретических основ партии, лежавших у истоков социалистической революции.

Ускорение темпов экономического развития, ставшее главной задачей новой власти, требовало иных, нежели достижение социально справедливого общества, механизмов. Новые общественные формы позволяли России догонять развитые капиталистические страны, заимствуя западные технические достижения в масштабах всего обобщественного производства¹⁷². Этим объясняется свертывание в конце 1920-х годов НЭПа и поворот к ускоренной индустриализации, инвестиции для которой могли быть получены только за счет коллективизации деревни, централизованного перераспределения средств из аграрного сектора, а также усиления плановых начал, фактически означавших постоянную мобилизованность¹⁷³.

¹⁶⁹ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 42. С. 257–277.

¹⁷⁰ Правда. 12.11.1926. Цит. по: *Троцкий Л.* К истории русской революции. С. 288.

¹⁷¹ «Теория Сталина-Бухарина не только механически противопоставляет ... демократическую революцию социалистической, но и отрывает национальную революцию от интернациональной». (*Троцкий Л.* К истории русской революции. М., 1990. С. 288.) Отход от дореволюционных представлений напрямую связан с формированием социально-политической силы, готовой реализовывать новый государственный проект. Первым ее появление заметил И. Сталин, по характеру деятельности наиболее тесно связанный с новым управленческим слоем.

¹⁷² Рабочий класс захватывает политическую власть, «чтобы установить новую организацию труда». (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 18. С. 154.) Предельно четко эту мысль выразил Л. Троцкий (*Троцкий Л.* Преданная революция. С. 145.)

¹⁷³ См. дискуссию Е. Преображенского и Н. Бухарина о законе первоначального социалистического накопления. (*Преображенский Е.А., Бухарин Н.И.* Пути развития..., С. 209–253. *Троцкий Л.* Преданная революция. С. 171.)

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

Мобилизационные инструменты стали использоваться в отношении не только крестьянства, но и рабочего класса, полностью совпадая с методами «военного коммунизма»¹⁷⁴.

Возможность победы социализма в отдельно взятой стране предполагала, что и вопрос «кто-кого» должен решаться внутри этой страны. Поэтому решение задач государственного строительства в конце 1920-х годов сопровождалось тезисом об обострении классовой борьбы и усилившимся идейно-политическим размежеванием в руководстве¹⁷⁵. Естественно, что утверждение социальной справедливости в планах государственного строительства отошло на второй план.

Сложившаяся к 1930-м годам мобилизационная модель стала произведением классического марксизма, российских традиций и практических задач государственного строительства, но не получила теоретической стройности. Не успевая за меняющимися обстоятельствами и многообразием конкретных условий, теория вынуждена была уступить место практике¹⁷⁶. Критический анализ действительности и его теоретическое осмысление стали уделом политических оппонентов власти, уже не обладавших серьезным влиянием и возможностями для изменения практической политической линии.

На первом этапе такое обеднение источников формирования политического курса не отразилось на его качестве, поскольку практические шаги опирались на солидную теоретическую аргументацию и достигнутые в ходе партийных дискуссий представления о цели и характере развития. К тому же положения классической теории были существенным образом трансформированы в предыдущий период, воспитав высокоомобильный интеллект революционеров, который в ситуации, требующей практических действий, органично перерос в политическую субъектность, без особых колебаний попиравшую концептуальные нормы. Эффективность государственных решений подкреплялась высоким авторитетом вождей, обеспечивавшим исполнительскую дисциплину, и объеди-

¹⁷⁴ Поэтому с конца 80-х годов для характеристики этого явления стали использоваться термины «феодальный социализм», «социалистическая индустриализация с пережитками азиатского способа производства», в основе которых лежало внеэкономическое принуждение.

¹⁷⁵ Однопартийная система, лишенная стимулов к совершенствованию, требовала врага. Тезис об обострении классовой борьбы создавал искусственный внешний стимул, но не решал проблему.

¹⁷⁶ Еще в апреле 1917 г. Ленин, понимая ограниченность теоретических выводов для динамично развивающейся политической ситуации, призвал «учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня». (Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 134.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

нением партийно-политических и государственно-административных функций, консолидовавших власть¹⁷⁷.

Решающая роль аппарата «пролетарской диктатуры» воплотилась в сталинском лозунге «кадры решают все», по-новому повторившем ленинскую идею о роли авангардной партии, победившей естественно-исторические закономерности в октябре 1917 года. От профессионального уровня и нравственного состояния членов партии больше, чем от экономических закономерностей, зависело развитие страны. Экономический детерминизм по-прежнему отказывался находить подтверждение в России. Административный аппарат мог эффективно функционировать только на основе строгой дисциплины, которая была несовместима с борьбой фракций и широкими дискуссиями. Вслед за запрещением политических партий, на X съезде РКП(б) (март 1921 года) была запрещена и деятельность фракций. После ликвидации политической оппозиции за пределами партии основная борьба переместилась в руководство, аппарат которого возглавлял И. Сталин, воспользовавшийся изменившимися обстоятельствами для укрепления личной власти¹⁷⁸.

Традиционная иерархичность и вертикальный характер организации русского общества предопределили, что его динамика в большей степени зависела не от масс, а от воли харизматического лидера, венчавшего властную пирамиду. И не только партийной жизни, но и политического стиля партии¹⁷⁹. Со временем дискуссии, утверждавшие легитимность партийных решений, были упра-

¹⁷⁷ Но была и обратная сторона. Слияние функций привело к ликвидации необходимого для развития противоречия. Поэтому в СССР всегда опасались альтернативных центров власти и оппозиции, которые препятствовали движению вперед. Одним из наиболее распространенных политических обвинений в антигосударственной деятельности в конце 20-х годов было именно создание подпольных центров. Возможно, поэтому в СССР не было разделения властей, а критика культа личности формальной стороной имела критику концентрации в одних руках именно исполнительной власти.

¹⁷⁸ С того момента борьба за власть в СССР окончательно переместилась в руководство компартии, а одним из главных аргументов в этой борьбе стало создание института преемников. И. Сталину важно было доказать, что преемником Ленина является он, а не Л. Троцкий. В Китае этот сценарий так же использовался Линь Бяо, Хуа Гофэнном, затем Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао.

¹⁷⁹ Вообще, все известные модернизаторские импульсы в мире связаны с харизматическими лидерами. Это в полной мере относится и к России, и к Китаю, где три последовательные волны модернизации связаны с Сунь Ятсеном, Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином. И везде вслед за смертью лидеров влияние модернизационных импульсов на национальную культуру стремительно сокращалось, вплоть до осуждения культа личности. Все это действительно напоминало религиозные реформы,

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

зднены властью авторитета, ставшего центральным звеном партийной жизни¹⁸⁰. Средств для контроля за деятельностью высшего руководства явно не хватало, чтобы ликвидировать зависимость государственных решений от субъективных ошибок. Была воспроизведена прежняя, дореволюционная структура власти, замыкавшаяся на одного человека, который, по словам В. Ленина, иногда осуществляет волю класса «и часто более необходим»¹⁸¹. Эффективность единого руководящего центра обеспечивал аппарат, бюрократизм которого, конечно, подвергался критике, но его необходимость как института государственного управления не отрицалась¹⁸². Партия профессиональных революционеров и теоретиков превратилась в государственную организацию администраторов, формулирующую и обеспечивающую достижение стратегических целей, и фактически стала кадровым резервом и инструментом воспроизводства власти, сделав ненужными демократические формы управления.

Большой объем практических не только политических, но и хозяйственно-административных задач заставил численно ограниченную авангардную партию трансформироваться в массовую, усилив растворение европейского культурного и интеллектуального ядра образом жизни и мысли народа¹⁸³. В новых условиях партийная интеллигенция, принеся марксизм в Россию, утратила свои преимущества, а партийный аппарат – непосредственный проводник преобразований на местах, их приобрел¹⁸⁴. Закономерным ито-

в которых вождь выступал главным носителем новой веры. Теократический характер реформ в России дал основание С. Булгакову назвать марксизм «религией прогресса». См.: ВФ. 2001. № 4. С. 33.

¹⁸⁰ Стиль партии – это способ общения партии, подчиняющейся внутренним нормам этики и дисциплины, с обществом, таким нормам не подчиняющимся. Характер такого общения должен подтверждать легитимность правящей партии. См. разд. 4.3.

¹⁸¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 272. «Задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению ... встать во главе ... ищущей выхода массы» для беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора. (Там же. Т. 36. С. 198.)

¹⁸² Поэтому даже Н. Бухарин предлагал проводить различие между «враждебным нам государственным аппаратом», который надо уничтожить и аппаратом «пролетарской диктатуры», который надо исправлять и улучшать. И поэтому предлагал бороться не с бюрократией, а с бюрократизмом. «Большевизм всегда ценил и ценит аппарат, противопоставлять (как это делает Троцкий) партию аппарату значит уклоняться в сторону от ленинизма». (Бухарин Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 181–182.)

¹⁸³ Начало этому было положено «ленинским набором» 1924 года.

¹⁸⁴ Октябрьская революция не изменила ценностной ориентации русской интеллигенции, которая оказалась в оппозиции пролетариату и крестьянству, представлявшим национальную традицию. «Хотя интеллигенция утратила всякую связь

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

гом внутривластной борьбы стал последовательный разгром интеллектуальной оппозиции (сначала левых во главе с Л. Троцким, а затем правых во главе с Н. Бухариным). Победа досталась не тем, кто принес марксизм в Россию, а тем, кто сумел им воспользоваться в новой для него социально-экономической и культурной среде¹⁸⁵. Наиболее важным следствием разгрома партийной элиты стал догматизм, превративший марксизм из идейно-теоретической школы в понятный большинству населения символ победы.

Физическое устранение в 1930-х годах революционеров, принадлежавших к социал-демократической традиции, разорвало связь с европейским марксизмом. Постепенно утрачивая внимание к развитию теории, партия возложила эти функции на общественные науки, не наделив их, однако, правом решающего голоса¹⁸⁶. Отождествление по формальным признакам задач государственно-идеологического строительства привело к тому, что возникавшие между ними противоречия решались за счет науки, которая постепенно теряла самостоятельность и авторитет. После того как теоретическая деятельность компартии оказалась свернутой, марксистская картина мира стала устаревать, возвращаясь к социальным утопиям, с критики которых она началась. Спровоцировав социальный переворот, европейский марксизм оказался погребен под обломками подорванных им культурных устоев, которые стали быстро восстанавливаться¹⁸⁷.

Но даже эта победа национальной традиции не положила конец идейному влиянию Европы. Как и Петр I, большевики были

с православной церковью, ее мышление не смогло освободиться от религиозной окраски. Их фанатическая преданность революционным идеалам сильно напоминала страстную веру предков в чистоту православия». (ВФ. 1991. № 11. С. 9.) Поэтому, как только наступало ослабление государственного контроля и политического режима, интеллигенция срывала маску лояльности.

¹⁸⁵ В 1920—1930-е годы именно традиционная культура уничтожила наиболее образованную часть населения, так и не сумев побороть ее оппозиционность. Это было реакцией отторжения традиционной культурой чужеродного белка Запада. (Характерно, что и после 1991 г. новая власть стала называться лево-патриотической оппозицией «оккупационным режимом».) Репрессии в отношении военной и творческой интеллигенции, как правило обвинявшейся в шпионаже в пользу Запада, показывали, что главная угроза власти переместилась вовне.

¹⁸⁶ Разделение теоретических и политических функций позволило впоследствии, в 1980-х годах, утверждать, что общественные науки блокировали развитие страны и даже нанесли ей вред.

¹⁸⁷ Повторяя эволюцию Петровских реформ, социалистические преобразования дали еще один повод задуматься о том, что одни и те же производственные отношения могут существовать при разных уровнях производительных сил и даже не иметь европейских аналогов.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

вынуждены для проведения реформ рекрутировать европейски образованную интеллигенцию, духовный мир которой оказал решающее воздействие на советскую партийную элиту. В результате на новой социально-экономической почве возродился институт социокультурной оппозиции. Ситуация в партии также была окрашена духовным состязанием России и Европы, европейски образованной партийной элиты и местного партийного аппарата, ежеминутно сталкивающегося с «азиатской действительностью». Социокультурный раскол и отсутствие способных к социальной инициативе классов воспроизвелись в новой политической системе, разделенной, как и дореволюционное, общество на правящий класс и население¹⁸⁸. Со временем оказалась разделенной и сама партия: в центральном аппарате были сосредоточены интеллект, инициатива и политическая воля, а на местах — исполнительская дисциплина¹⁸⁹.

Ликвидация организованной оппозиции создала условия для действия других механизмов карьерного роста: личных симпатий, родственных и земляческих связей и т.п., которые постоянно ухудшали качественный состав и профессиональный уровень партии¹⁹⁰. Заслуги и компетентность перестали служить единственным критерием формирования руководства. Стал проявляться основной порок строя, который не был связан со спецификой русского восприятия западных концепций.

Изменение естественно-исторического русла предъявляло особые требования к партии, возглавившей революционные преобразования. От ее качественных характеристик в значительной степени зависело успешное продвижение по этому пути, а их ухудшение делало такое движение вообще невозможным. Одновременно с внутрипартийной консолидацией и укреплением политической моно-

¹⁸⁸ Только строгая иерархия и жесткая дисциплина могли мобилизовать неоднородное общество на быстрое решение задач экономического развития, дав жизнь таким понятиям, как «диктатура партии в интересах народа» и «политическая опека». «Сегодня говорят — демократия в партии, завтра скажут демократия в профсоюзах, послезавтра беспартийные рабочие могут сказать — дайте нам такую же демократию, какую вы вызвали у себя. А разве крестьянское море не сможет сказать нам — дайте демократию?» (*Каменев Л.* Социалистический вестник. 1924. № 2. Цит. по: *Воейков М.* К вопросу об эволюции ... С. 18.)

¹⁸⁹ Для этого объективно сложились необходимые предпосылки. Дисциплинированность была главным качеством низового аппарата, сформированного в основном из демобилизованных офицеров Красной армии.

¹⁹⁰ Подчинение центру со временем стало нормой карьерного роста, а возникновение культа личности девальвировало стратегические цели. В результате уже следующее поколение руководства утратило способность мыслить масштабными категориями, которых требовала избранная модель развития.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

полии партии возникли благоприятные условия для воспроизводства традиционных отношений власти и народа, уже не омраченных предыдущими конфликтами с самодержавием. Наметился ренессанс традиционных политических форм.

Аналогичные процессы происходили и в других сферах. Отсутствие в России развитого классового общества создавало естественные предпосылки для утверждения общенациональной идеологии¹⁹¹. Поскольку в политическом пространстве до революции фигурировало только государство, то и социализм оказался связан не с определенным социальным слоем, а с обществом в целом. Государственный социализм стал единственно возможной формой преобразований¹⁹². Общественная собственность, функционировавшая в форме госсобственности, позволила мобилизовать материальные ресурсы, а революционные и патриотические лозунги – энтузиазм населения, способствуя быстрому экономическому росту.

Политический прагматизм возобладал над социальным идеалом, а практика над теорией. Научный (плюралистический) подход в принятии решений был заменен командно-административным, соответствовавшим методам авангардной партии, традициям политической культуры и задачам мобилизационного развития. Победа конкретного, национального над теоретическим, абстрактным была предreshена. Нравственный каркас европейского коммунизма не был принят в России, демократические ценности, фигурировавшие в начале пути, оказались вытесненными государственными интересами модернизации¹⁹³. Власть и народ были вновь объединены, но не едиными социальными нормами и принципами, а механизмом управления, в основе которого лежала распределительная модель, утратившая первоначальную нравственность и превратившаяся в инструмент мобилиза-

¹⁹¹ Эта мысль высказывалась не только Г. Плехановым и П. Аксельродом, но и В. Лениным, который уже в 1899 г. писал, что «интересы общественного развития выше интересов пролетариата». (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 4. С. 220).

¹⁹² Это предвидел и Ф. Энгельс, считавший, что после завоевания политической власти задача социализма состоит в «передаче средств производства производителям и их общее владение» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 22. С. 511, 523.), и В. Ленин: социализм есть не что иное, чем государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа. (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 192).

¹⁹³ Сталин, находясь под влиянием марксистских схем, пытался применить к Советам парламентскую систему и в текст проекта Конституции 1936 г. внес статьи конституции Веймарской республики. Но Советы остались как единые исполнительные и законодательные органы не только потому, что исторически это было оправдано, но и потому, что в России отсутствовали социальная дифференциация и классовая база для разделения властей.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ционного развития. Закон неравномерного развития, который был использован Лениным для обоснования революции, оказался действительным и для социалистического строительства, но не принял форму борьбы классовых идеологий, социализма с капитализмом, а стал описывать отношения вдоль оси «капиталистический центр – социалистическая периферия». Страна взяла у марксизма то, что ей было жизненно необходимо, – метод преобразований общественно-экономической жизни и ускоренного, «догоняющего» развития. Лозунги «догнать и перегнать», «достичь высшей в мире производительности труда» со временем сменили лозунги социалистической революции «земля – крестьянам, фабрики – рабочим». Концепция социалистического строительства, существовавшая до 1917 года, была отвергнута практикой, которая, однако, так и не получила теоретического обобщения, оставшись сводом эмпирических правил.

В утвердившейся модели социалистического строительства в технически отсталой стране главным стало считаться развитие производительных сил, а политическая власть – условием их ускоренного роста. Возникшее в результате представление о социальном прогрессе стало совпадать с капиталистическим, центральным звеном которого были более высокие темпы экономического развития, а главное отличие между ними заключалось в принципах перераспределения прибавочного продукта. Провозгласив целью достижение уровня развитых государств, коммунистическая партия изменила характер марксизма в России, сделав его не классовой, а государственной идеологией. Соответственно изменились и цели. Целью социалистической революции было утверждение европейского идеала социальной справедливости, целью социалистического строительства стал рывок в экономическом развитии.

Концентрация финансовых ресурсов, централизованное планирование и управление общественной собственностью позволяли, нарушив естественно-исторический ход, добиться высоких экономических результатов. Заложенные в эту модель цели были достигнуты – в 1930-х годах был создан экономический фундамент развития. Однако аналогичные изменения не произошли в политической системе, которая в соответствии с экономическим детерминизмом должна была развиваться автоматически вслед за развитием производительных сил. Парадоксальная, если сравнивать с периодом, предшествующим революции, когда главными были политические вопросы, теоретическая неразработанность проблем политической системы, объяснявших ее закономерный, функционально и социокультурно детерминистский характер, привела к появлению целого ряда скрытых и явных изъянов

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

строю. Главным его отличием от европейского идеала стало отсутствие гуманизма, согласования личных и общественных интересов, возрождение на государственном уровне эксплуатации, т.е. всего того, что послужило толчком для возникновения социализма в Европе. Объединив политику и экономику, социалистическое государство не сумело преодолеть отчуждения трудящихся от средств производства, лишив экономику значительного производительного фактора. Отсутствие демократических свобод, открывавших пространство для личной инициативы, и подчинение индивидуальности росту производительных сил соответствовало мобилизационному типу развития, став неизбежной платой за экономическое ускорение.

Вследствие этого неизбежно стал увеличиваться разрыв между властью и народом. Компартия использовала нравственное превосходство, чтобы сделать близкие социалистическим идеям нравственные ценности православия фактором общественно-политической жизни и встать во главе широкого общественного движения, направленного на свержение самодержавия. Однако после завоевания власти, по мере того как практические задачи урезали идеал, в партии произошли серьезные внутренние изменения. Увеличение хозяйственно-административных функций и рост численности привели к формализации внутрипартийных отношений и снижению роли нравственных регуляторов¹⁹⁴. Принципы социальной справедливости, мобилизовавшие народ на проведение революции, были поколеблены. Вслед за разрушением революционных идеалов элита, стоявшая во главе модернизаторских начинаний, стала утрачивать нравственный авторитет, а вместе с ним – легитимность. Население перестало доверять формулируемым элитой целям, игравшим в идеократическом обществе решающую роль, а вопросы стиля, который должен был сглаживать противоречия между партией и народом, выпали из сферы внимания партийного ру-

¹⁹⁴ Партийная организация, как и экзаменационная система в Китае, должна была препятствовать всему, что не относилось к субъектной модели развития – личным и родственным связям, но не смогла, и только в этом смысле можно говорить о словесной замкнутости советской бюрократии, у которой, как и у шэньши в Китае, не было строгой наследственности. Главная ошибка Л. Троцкого, М. Джиласа, М. Восленского, А. Зиновьева и многих других, занимавшихся проблемами советской бюрократии, на мой взгляд, состояла в том, что принципы функционирования бюрократического класса они распространяли на общество в целом. Советское общество действительно не было гражданским, но оно жило по другим законам, вполне соответствуя понятию «конгломеративность». См.: *Богатуров А., Виноградов А.* Анклавно-конгломеративный тип развития. Опыт транссистемной теории // *Восток-Запад-Россия*. М., 2002. С. 109-128.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ководства¹⁹⁵. Мобилизационная модель развития оказалась под угрозой разрушения, утрачивая легитимные идеалы-цели и прочное организационное ядро. (Их место заняли функциональные суррогаты. Обладавшую нравственным авторитетом партию сменил административно-хозяйственный аппарат, а идеалы социальной справедливости – интересы государственного строительства и новые представления о прогрессе.) Преемственность нового строя национальной политической традиции камуфлировали только марксистская фразеология и лозунги. Сформировавшаяся социально-экономическая и общественно-политическая модель получила впоследствии название «реальный социализм», подчеркивающее его отличие от идеала.

Утратив под влиянием обстоятельств гуманистические начала, социализм окончательно превратился в модель развития, главным противником которого стал капиталистический Запад. Вторая мировая война подтвердила эффективность советской системы, которая стала претендовать на универсальность, оказав существенное воздействие на начальный этап строительства социализма в других странах. Составляющие ее сущность общественная собственность, распределение по труду, плановый характер экономики и соответствующая им высокоцентрализованная командно-административная система управления полностью отвечали задаче преодоления разрыва с капиталистическими странами, доказав состоятельность социалистического строя по критериям породившего его Запада. Однако экспансия социализма в Восточную Европу, в очередной раз в российской истории открыв двери внешнему миру, подвергла серьезному испытанию существующую модель, в которой обозначились новые линии напряжения и слабости. Для СССР расширение сферы влияния означало и расширение сферы противостояния, требовавшей не только силы оружия, но и убедительности примера в первую очередь для восточноевропейских компартий, явно тяготевших к другой, социал-демократической модели с многопартийным сотрудничеством, многообразием собственности и т.д.

Параллельно возникли новые внутренние противоречия, серьезно поколебавшие идеологические основы государства. Вторая мировая война, доказав жизнеспособность советского строя, не привела к мировой революции, косвенно подтвердив жизненный потенциал капитализма. «Железный занавес» должен был исключить сравнение с западной моделью и даже саму мысль о ее возможном превосходстве. Однако на практике «недостижимый» Запад посте-

¹⁹⁵ Для подтверждения своей легитимности власть стала использовать не интеллект и высокую нравственность, а внешние атрибуты – привилегии и материальные блага, особенно ценные в обществе с их дефицитом.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ленно снова превратился в социально-экономический ориентир. В идеократическом государстве образовалась трещина, как только его противник стал приобретать черты идеала. Стало очевидно, что существовавшая модель мобилизованности себя не оправдывает в состоянии стабильности, нужна новая идеология развития.

Н. Хрущев избрал другой, нежели И. Сталин, ориентир – не новую мобилизованность, а гуманистические идеалы, лежавшие у истоков марксизма и близкие традиционным представлениям о справедливости. Осуждение культа личности преследовало цель исправить обнаружившиеся недостатки и существенно обновить идейно-теоретическую систему. Однако новому советскому лидеру не хватало ни марксистской фундаментальности, ни политической интуиции, чтобы восстановить научную обоснованность политического курса. Не сумев объединить организационные и идеологические функции и допустив их фактическое разделение, он лишил идеократическое государство главной характерной черты. В результате социально ориентированные реформы не были подготовлены изменениями в массовом сознании. Дискредитировав старые, революционные лозунги и убив энтузиазм мобилизованности, они продолжили разрушение идеократической системы. Не достигнув поставленных целей, критика культа личности усилила сомнения в легитимности власти внутри страны, а на международной арене, прежде всего в международном коммунистическом движении, поколебала авторитет советской модели и единство социалистического лагеря¹⁹⁶. Мобилизационная модель была дезориентирована. Практика, оставшись без теории, вновь была наполнена мифами и социальными утопиями, создавшими питательную среду для волюнтаризма и радикализма.

Серьезные изменения произошли и в официальной идеологии. Сохранив основополагающий тезис об углублении кризиса капитализма, КПСС отказалась от диктатуры пролетариата, заменив его понятием «общенародное государство», признала перемещение соревнования двух общественных систем в сферу экономики, а также утвердила особый статус мировой социалистической системы в качестве важнейшего субъекта мирового развития. Формально все это позволило сохранить атрибуты мобилизованности: высокую стратегическую цель, внешнего противника, а также демонстрировало продвижение вперед, подтверждавшее мессианскую роль социализма. Однако в результате этих новаций (позднее названных «развитый социализм») произошло разрушение фундаментальных основ прежней системы: классовая борьба исчезла из политической жиз-

¹⁹⁶ См.: *Рахманин О.* К истории отношений России / СССР с Китаем в XX в. М., 2000. С. 17.

Глава 1. Взгляд на Запад. Историко-методологические начала исследования

ни, ликвидировав внутренние стимулы мобилизационности; «мировая революция» постепенно была потеснена «борьбой за мир», означавшей переход марксистской идеологии на охранительные позиции; появились новые внешнеполитические концепции; была официально ослаблена руководящая роль рабочего класса, стали возможны эксперименты в области форм собственности и т.д.

В конце 1950-х годов в СССР развернулась дискуссия о товарно-денежных отношениях, попытавшаяся подчинить идеологическую чистоту экономической целесообразности и соревнованию с капитализмом и заложить, таким образом, новый идейно-теоретический фундамент развития. Одним из следствий идеологических подвижек стала экономическая реформа А. Косыгина. Однако ориентированный на личность марксистский идеал, имевший единственное ограничение «по труду», оказался плохо совместим с идеалом уравнительности¹⁹⁷. Неспособность предложить конструктивную идеологическую альтернативу и усиление международной напряженности привело в конце 60-х годов к кризису немобилизационных форм экономики, предопределив частичное возвращение к сталинской модели. Во вторично секуляризированном сознании обострился конфликт власти и народа, разжигаемый усилиями появившихся диссидентов¹⁹⁸.

Возникшее в результате постоянных изменений между государственными интересами, внешними факторами и идеологическими принципами напряжение можно было преодолеть, только существенно модифицировав идеологию – основу идеократического государства. Однако попытки внести в нее изменения и преодолеть углубляющийся кризис не увенчались успехом, формула обновления идеологии не была найдена¹⁹⁹. Осуществить переход в новое состояние СССР так и не смог, предопределив тем самым поражение социализма в Европе.

¹⁹⁷ Российское общество, где отсутствовала личность, восприняло только вторую, близкую ему часть буржуазного принципа «от каждого – по способности, каждому – по труду», связанную с уравнительностью общины. Задача восстановления первой части, т.е. создания условий, при которых не будет ограничений на развитие способностей индивида, осталась нерешенной, породив впоследствии серьезные нравственные конфликты.

¹⁹⁸ Брожение советской интеллигенции было связано именно с невозможностью воспроизводства ее эндогенной культуры.

¹⁹⁹ Ее нашли в 1985 г. в Китае, отказавшись от монополии коммунистической идеологии и сменив ее на государственническую. Н. Хрущев провозгласил новую цель – построение коммунизма, оставшись в строгих идеологических рамках и существенно ограничив свободу маневра, что, впрочем, не помешало отказаться от ряда прежних принципов. Декларативная приверженность коммунистическим идеалам

* * *

Включение России в мировой контекст бескомпромиссной борьбы между развитыми и отсталыми странами неизбежно должно было привести к формированию государственного социализма, отрицавшего гуманистические ценности, но за счет сращивания политических и государственно-административных функций позволявшего практически реализовать задачу ускоренного развития. Созданная в СССР мобилизационная система начала разлагаться, как только исчезла высокая, общепризнанная цель, понизился авторитет власти и притупилось ощущение внешней угрозы. Отсутствие теории, адекватной новой картине мира, затормозило поиск механизмов преобразования действительности, что отразилось на скорости социально-экономического развития. Отсутствие ясных ориентиров и видимых успехов требовало искусственного поддержания авторитета идеологических принципов²⁰⁰. Место научной идеологии, указывавшей альтернативную Западу цель, могла занять только вера, для утверждения которой власти не хватало нравственного авторитета.

Ощущение кризиса стало толчком для начала радикальных реформ. Но, признав лишь очевидное – кризисное состояние общества, ликвидировать его причины советское руководство не смогло. Обострение социально-экономической ситуации на рубеже 1990-х годов помогло преемникам КПСС увидеть существо проблемы. Распространенной стала идея соединения идеалов социальной справедливости с патриотической, национальной идеей, дававшей ощущение новой высокой цели, на которую со временем стала претендовать не только левая и патриотическая оппозиция, но и власть.

не уберегла КПСС от ошибок и разложения. Дэн Сяопин оказался более дальновидным политиком, провозгласив конкретную общенациональную цель – четырехкратное увеличение ВВП, для осуществления которой изменил формы хозяйствования и стимулировал личную инициативу.

²⁰⁰ После XX съезда КПСС высокие цели исчезли из политического курса партии, которая стала соотносить себя только с 5-летними планами и долгосрочными программами. Но для остального мира СССР оставался мощным стимулом к развитию. Возможно, и для современной России Китай в скором будущем станет таким стимулом или уже им стал.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

Несмотря на признание исключительного вклада китайской цивилизации в развитие мировой материальной культуры, ее характерные черты принято связывать с развитием уникальной духовной традиции. Такое положение сложилось во многом благодаря тому, что к началу интенсивных контактов с Европой Китай значительно отставал по уровню вооружений, техники и технологии, в то время как его духовная культура продолжала сохранять черты яркой самобытности. Для самого Китая, проигравшего соревнование в сфере материального производства, культурные традиции оставались последним символом национальной гордости. Но и здесь во второй половине XIX в. наметились серьезные перемены.

Естественно-научные открытия и технические изобретения Запада привели к соприкосновению ранее изолированных культурных миров. После того как они оказались в одной системе координат, их совокупный потенциал также был приведен к общему знаменателю – технический уровень, являвшийся для европейцев высшим критерием развития, убедительно продемонстрировал превосходство Запада, подготовив его территориальную экспансию¹. Создаваемое им давление угрожало существовавшему в Китае культурному ядру, а вместе с ним и единственному эмпирически известному типу социального бытия, за пределами которого находились либо варварство, либо неизвестность, тождественная небытию. Первые импульсы к сопротивлению были направлены на преодоление технической отсталости для защиты своей культурной идентичности². Взаимоотношения с Западом, таким образом, приобрели строгие ограничительные параметры: сохранение в неприкосновеннос-

¹ Для техногенной культуры единственным в то время действенным способом сравнения цивилизаций были войны и торгово-промышленная экспансия, существенным образом влиявшие на внутреннее развитие. Существует даже мнение, вполне отвечающее духу глобализации, что капитализм на Западе появился «как побочное следствие торговых связей Европы с Востоком». Это были отношения мирового города и мировой деревни. (Иванов Ю. Восток-Запад: некоторые вопросы методологии // ПДВ. 1996. № 6. С. 103.)

² Значение духовной культуры было осознано в полной мере лишь после появления сильного внешнего противника, когда стало ясно, что физическое существование само по себе не гарантирует сохранения цивилизации с тысячелетними традициями государственности и культурного превосходства. Именно поэтому стремление к заимствованиям материальной культуры, как правило, не распространялось на духовную сферу, старательно оберегавшуюся от любых повреждений.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ти этно-культурного субъекта адаптации и восприятие материальных достижений, направленных на его укрепление³. Тем не менее по мере расширения контактов неизбежность трансформации китайской культуры под воздействием техники становилась все более очевидной. Неясно было лишь, какими политическими последствиями будет отмечено западное проникновение.

Прорубленное Западом «окно» стало для Китая зеркалом, в котором он увидел себя в обрамлении внешнего мира. Закончилась эпоха замкнутости, а вместе с ней и эпоха китайского доминирования в регионе. Китай был поставлен перед необходимостью решить абсолютно новую задачу по адаптации к условиям, в которых ему отводилась роль второго плана. Дальнейшее его развитие в значительной мере стало определяться характером и уровнем развития западной цивилизации, вторжение которой придало поступательный в европейском смысле социально-экономический импульс. Задача выравнивания уровней и восстановления равноправных отношений превратилась для Китая в задачу «погони за лидером».

Деформации, вызванные переносом источника развития с внутренних проблем на внешние, оказались настолько существенными, что стало возможным говорить о смене механизма, а вместе с ним и типа общественного развития. Нарушение естественного течения истории стало главным отличительным признаком модернизаторских движений, которым предстояло первым включиться в поиск нового пути, пришедшего на смену естественно-историческому. Сохранить себя в экстремальных условиях смогли только богатые культурными традициями цивилизации, но формы обновления, которые оказались им доступны, серьезно отличались от привычных моделей общественного устройства. Преобразования, вызванные не внутренними потребностями развития, а внешними причинами, стали характерной чертой начавшегося социально-политического процесса. Создание такой модели выживания цивилизационно зрелой среды стало делом не основной массы населения, а государственных институтов, стоявших на страже существующего порядка. Удержат модернизаторский импульс, основным проводником которого стал узкий слой государственной элиты, могло только сильное государство, которое тем не менее было вынуждено предпринимать меры по преобразованию существующего порядка, невольно обостряя старые и создавая новые противоречия и противопоставляя правящий класс ос-

³ Неизбежным следствием материальных заимствований были изменения в духовной культуре, однако до середины XIX в. плавность и органичность трансформации не возбуждала беспокойства ни у национальной элиты, ни у основной массы населения.

новой массе населения⁴. При этом обнаружилось, что ключевые моменты преобразований в Китае не только совпадали с российскими реформами XVIII века, но и при возникшей в XX в. альтернативе общественного развития предпочтение обеими странами было отдано социалистической модели, подтвердив общий характер стоящих перед ними задач и алгоритма их решения. Так же, как для России, на начальном этапе одной из главных задач для Китая стал поиск социального агента преобразований.

2-1. В поисках утраченного «Дао» (1840–1919). (Вызов Запада.)

Первоначально отличия Китая и Европы в уровне развития скрадывались преимущественно торговым характером отношений, уравнивавших стороны взаимовыгодным обменом товаров. Однако очень скоро экспансия западного капитала подошла к черте, за которой получение дополнительной прибыли уже не обеспечивалось торгово-экономическими рычагами – отсталая в экономическом отношении страна была не в состоянии самостоятельно увеличивать товарооборот в масштабах, удовлетворяющих запросы более развитого партнера. Быстро добиться соответствия его потребностям можно было, только нарушив естественно-историческое развитие и насильно приблизив экономику Китая к западным стандартам. Вскрывшаяся в результате интенсифицировавшихся контактов техническая слабость Китая вызвала у западных стран желание получить торговые выгоды внеэкономическими средствами, в первую очередь военными, превосходство в которых было бесспорным. Вооруженное вмешательство позволяло в обход мучительно медленного процесса трансформации разрушить национальную социально-экономическую матрицу, расчистив пространство для новой, не только соответствующей потребностям Запада, но и скроенной по европейским лекалам.

Расширение в результате «опиумных» войн (1840–1860-е) сферы взаимоотношений с торговых до военно-политических вовлекло в процесс изменений обширный слой культурных ценностей. Со-

⁴ В задачи исследования не входит рассмотрение других восточноазиатских моделей модернизации. Однако хорошо известно, что в Японии, на Тайване и в Южной Корее государственное регулирование экономики и жесткая политическая система являлись неотъемлемым атрибутом всех социально-экономических преобразований. В этом аспекте у перечисленных стран было гораздо больше общего с социалистическими странами, чем с западными демократиями.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

прикосновение двух миров вызвало болезненный процесс перерождения китайской культуры⁵. Драматизм события не исчерпывался тем, что Поднебесная была повержена иноземцами, «янгуи». Гораздо чувствительней было то, что ее, основанное на духовном совершенстве, могущество оказалось подавлено материально-техническим превосходством, занимавшим в китайской иерархии ценностей далеко не первое место. Именно это обстоятельство оказало решающее воздействие на умы традиционного Китая, исторически ориентированного на приоритет этических и духовных норм. Унизительно неравноправный диалог культур нарушил естественное течение исторического процесса⁶. Привнесенное капитализмом новое измерение времени стало разлагать господствовавшие общественные отношения и традиционные духовные ценности – поиск новой модели общественного устройства стал неизбежен.

Все развитие китайской цивилизации, на что справедливо указывали китайские мыслители начала XX века, протекало в замкнутой этно-культурной среде, где отсутствовали свойственные Европе миграция народов, борьба государств-наций и религий, а ведущие религиозно-философские учения – конфуцианство и даосизм – важнейшей целью провозглашали достижение всеобщей гармонии. Благоприятные внешние условия привели к тому, что в качестве главных в развитии китайского этноса рассматривались не материально-технические и технологические факторы, а этические и духовные. Если на протяжении предшествующей истории военное превосходство неизменно выступало лишь как средство приобщения и последующего овладения богатством духовной культуры, определяя характер отношений Китая с соседями, то в середине XIX в. приоритет моральных ценностей, обеспечивавший непрерывность китайской цивилизации, был низложен грубой физической силой.

⁵ Влияние Китая на развитие Европы также имело место, но ограничивалось модой на китайские предметы роскоши и некоторые философские идеи. Европа рассматривала эти отношения как отношения современного с традиционным, подчеркивая приоритет материальной культуры, а Китай – как отношение двух разноречивостей, Востока и Запада, ясно указывая на приоритет духовного. Унижение как категория духовного начала, а не боязнь физического уничтожения, разбудило Восток.

⁶ Политик Линь Цзэсюй и мыслитель Вэй Юань в середине XIX в. пришли к одинаковым выводам: от противодействия интервенции к изучению Запада, затем к учебе у Запада. Сопротивление западным странам посредством учебы и заимствования передовой техники позже было определено как главное значение патриотизма нового времени. «Началось изучение Запада и эволюция Востока». (Шэньхуй кэсюэ яньцзю. 1990. №5. С. 41.) Цивилизации, с самого начала ставившие целью физическое самосохранение и ограничившие сферу соперничества материальной культурой, были просто раздавлены абсолютным техническим превосходством Запада.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

Вторжение Англии оказалось не просто еще одним нашествием варваров – оно стало сокрушительным ударом в основание китайской цивилизации, которая, достигнув определенного уровня материально-технического развития и исчерпав потенциал созерцательного мышления, сосредоточилась на гармонизации социальных и социоприродных отношений, достичь которую можно было только целенаправленно ограничивая внутренние и внешние вызовы, т.е. создавая «закрытое общество». Основанная на моральном совершенстве традиционная китайская государственность начала рассыпаться под натиском западной техногенности и ценностей индустриального мира⁷.

Реакция на иностранное вторжение, ставшее главным фактором развития Китая с середины XIX века, была разнообразной: от попыток вооруженного сопротивления до выдвижения альтернативных программ национального развития⁸. Абсолютное большинство социально-политических возмущений и все предлагавшиеся китайскими мыслителями социально-экономические программы того времени были инспирированы Западом, став естественной реакцией духовного и интеллектуального потенциала китайского социума на вызов времени. Всеми ими ставилась задача мобилизовать собственные духовные традиции и ценности, чтобы найти ответ на вызов внешнего мира.

⁷ Но не в результате прямого воздействия. Запад сумел найти в китайской цивилизации уязвимую точку и использовать ее с помощью имеющихся средств. Ни новые орудия труда, ни новые технологии, ни передовая военная техника, а опиум разрушал конфуцианскую мораль, а с ней и традиционное китайское общество. Опиум дал удовлетворение индивиду, растворенному до этого в конфуцианстве, и вызвал крушение всей общественной системы, построенной на долге.

⁸ Несмотря на непрекращающуюся дискуссию, у автора не вызывает сомнений, что главным в развитии Китая с середины XIX в. было внешнее вторжение хотя бы потому, что раньше китайская цивилизация не сталкивалась с таким мощным и синхронизированным влиянием на все сферы жизни. Эта точка зрения превалирует и в Китае. «Модернизация Китая началась после того, как западные капиталистические страны, используя опиумные войны, открыли ворота закрытого, консервативного Китая». (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 2. С. 125.) Подробно о соотношении внешних и внутренних факторов в развитии Китая см.: *Cohen Paul A. Discovering History In China. American Historical Writings on the Recent Chinese Past.* Columbia University Press. NY., 1984. Характерно, что войны западных держав середины XIX в. с Китаем и Россией связаны с одним и тем же человеком — лордом Г. Пальмерстоном, в бытность которого министром иностранных дел в 1840 г. была развязана первая «опиумная» война и который в 1855 г. в разгар Крымской войны стал премьер-министром Великобритании. Обе войны положили начало серьезным внутренним преобразованиям: политике «самоусиления» в Китае и отмене крепостного права в России.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

«Опиумные» войны, казалось, должны были консолидировать общество. Однако этого не произошло. Объяснение этому факту может быть найдено только в анализе внутренних противоречий китайского общества, его готовности к очередному витку перемен. Тлевшие ранее конфликты на социальной и национальной почве обострились с первыми ударами по Цинской империи, представив Запад в роли естественного союзника антиманьчжурских сил. Трудно сказать, как бы развивался Китай, если бы во главе реформ встал сам император. Но в отличие от Петра I, движимого желанием объединить этнически родственное население и, таким образом, имевшего для своих начинаний благоприятную почву, маньчжурская династия не располагала поддержкой ханьского населения. Перед ней стояла принципиально иная задача – удерживать ситуацию под контролем, избегая любых радикальных преобразований, чреватых изменением основного русла реформ и свержением цинской власти.

Первыми внимание на вставшие перед Китаем проблемы обратили государственные чиновники, призванные по роду своей деятельности адекватно оценивать сложившуюся ситуацию и квалифицировать характер исходящей извне угрозы. Их принадлежность к правящему классу делала практически невозможной критику маньчжурского двора и монархического устройства. Они не могли сочувствовать требованиям обновления строя, а тем более согласиться на сотрудничество с населением для достижения общенациональных целей.

Один из первых китайских исследователей проблем модернизации профессор Чэнь Гунлу считал, что начало модернизации Китая связано с деятельностью в 40-х годах XIX в. императорского эmissара в Гуанчжоу Линь Цзэсюя (1785–1850)⁹. Предложенная им программа была подчинена противостоянию иностранной экспансии и включала создание современной артиллерии, строительство военного флота и обучение войск. Заимствование технических достижений, прежде всего вооружений, рассматривалось императорскими чиновниками в качестве главного средства восста-

⁹ *Chen Gonglu*. Lin Tse-hsu. Pioneer Promoter of the Adoption of Western Means of Maritime Defense in China. (Линь Цзэсюй, инициатор использования западных средств морской обороны в Китае.) Peiping, Yenching University, 1934. Символично, что проблема модернизации как тема теоретических дискуссий возникла в Китае в 30–40-е годы XX века, т.е. именно тогда, когда она была адекватно понята политиками. Для последующего рассмотрения важно, что образ Линь Цзэсюя в современном Китае связывается с примером образцового государственного мужа и последовательного патриота. См.: Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1990. № 5. С. 4.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

новления паритета. Ограниченность такого подхода вскоре стала очевидной, однако интеллектуальная культура традиционного общества, в котором появление новых вооружений и орудий труда занимало жизнь нескольких поколений, не позволяла даже рассматривать возможность постоянного обновления и совершенствования, свойственных индустриальному типу общественной организации, и, следовательно, учитывать вытекающие из этого последствия. Но даже согласившись на простое заимствование вооружений, переносящих конфликтную культуру Европы, Китай допустил в ядро своей, ориентированной на гармонию, цивилизации чужеродный белок разложения.

По мере расширения сферы взаимодействия преимущества западных народов открывались во все новых областях. Идеи Линь Цзэсюя были развиты родоначальником доктрины заимствования и усвоения «заморских дел» Вэй Юанем (1794–1856), выступавшим за учебу у Запада с целью противостояния его экспансионистским устремлениям и последующего подчинения Китаю¹⁰. В его доктрине уже содержались, хотя и в аморфном виде, идеи о необходимости более широкого использования достижений внешнего мира: изменения финансово-экономической системы, развития сельскохозяйственного производства, использования машин, упорядочения налоговой системы, создания современного транспорта, укрепления внешней и внутренней торговли, создания новой армии и т.д., т.е. всего того, что стало впоследствии наиболее распространенными требованиями реформаторов консервативного толка. Главным источником реформ должны были стать существующие государственные институты, которым только следовало придать большую эффективность. Для внедрения и использования технических усовершенствований в военной области императорский двор образовал в 60-е годы XIX в. департамент «заморских дел». Однако проводники политики «самоусиления» (1860–1890-е) не замечали многих важных аспектов доктрины Вэй Юаня. Руководствуясь свойственным государственным служащим стремлением сохранить в неприкосновенности существующий общественный поря-

¹⁰ См.: *Врадий С.* Линь Цзэсюй и зарождение новых тенденций в общественной мысли Китая середины XIX в. Автореф. канд. дис. Л., 1988. В работе Вэй Юаня «Хайго тучжи» («Описание заморских стран с картами», Янчжоу, 1852), оказавшей огромное влияние на развитие общественно-политической мысли Китая, прослеживается значительное влияние идей Линь Цзэсюя. Характерно, что она не отличалась по целям и даже совпадала в ряде существенных деталей с реформами Петра I. Важно отметить, в частности, общность мотивации. Вэй Юань считал, что после проведения этих мероприятий можно будет «покорить заморских варваров».

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

док, они «взяли из нее лишь мысль о заимствовании военной техники и всего, что с этим связано». Тогда же появился известный лозунг Чжан Чжидуна, выразившего позицию консервативно-охранительного крыла: «китайская наука в качестве основы, западная для утилитарного применения».

В отличие от России, практически полное сохранение структуры управления стало в Ките одним из главных препятствий успешного проведения реформ¹¹. Феодалная бюрократия, оставаясь в рамках конфуцианской системы, не смогла предложить действенного плана преобразований. Ею была только четко поставлена задача преодолеть разрыв с развитыми странами, а ее решение возлагалось на последующие поколения, способные овладеть плодами западной цивилизации и уже с этих позиций предложить программу выхода из кризиса. До наступления этого момента Китай был обречен играть на удернение.

Несмотря на ограниченный масштаб, западное проникновение затронуло не только государственную элиту. Одним из результатов поражения в «опиумных» войнах и ослабления авторитета императорской власти стало крестьянское восстание тайпинов (1850–1864), воплотившее основные социальные и этнокультурные противоречия китайского общества. Разгоревшийся внутренний конфликт оттеснил на второй план прочно укоренившееся в сознании китайцев собственное культурное превосходство, вызвав пристальный интерес к западным идеям и учениям, с которыми необходимо было утвердить принципы диалога и которые могли стать союзником во внутрикитайском противостоянии.

Высокий уровень организации позволял китайской культуре блокировать появление внутренних и нейтрализовывать внешние социокультурные новации, что стало одним из главных препятствий на пути движения Китая к современности. Внедриться в его культурную матрицу можно было, только найдя в ней свой аналог. Из всех западных учений основной массой населения могло быть воспринято только христианство, адекватно выражавшее интересы низших слоев феодального общества. Центральным элементом его идеологии было найдено подтверждение в китайских социальных утопиях, в то время как для восприятия либеральных и социалис-

¹¹ Радикализма и готовности к переменам у китайского правящего класса было заметно меньше, чем в России. Возможное объяснение этому в большем динамизме и открытости Петра I, совершившего несколько длительных путешествий по Европе, в то время как китайских императоров, закодированных ритуалом на простое воспроизводство, приходилось убеждать в необходимости реформ, что неизбежно сказывалось на конечных результатах.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

тических идей еще не появились выражавшие интересы промышленного производства классы¹². Не обремененные социальным эгоизмом императорских служащих и конфуцианскими догматами государственного строительства, тайпины не только создали дисциплинированную повстанческую армию и новые органы государственного управления, но и приняли аграрную программу – «Земельную систему небесной династии», предлагавшую альтернативный социальный проект¹³.

Несмотря на неоднозначные оценки христианского влияния на тайпинов, важно подчеркнуть, что крупнейшее крестьянское восстание проходило под огромным влиянием идей неизвестной и отличной от традиционных китайских учений религии, продемонстрировав готовность социально угнетенных слоев к восприятию новых, прежде казавшихся абсолютно враждебными, иностранных идей¹⁴. Инспирировавшее это движение христианство было воспринято как «Дао», утерянное предыдущими правителями и впервые в новейшее время задействовавшее механизм интеграции в китайскую культуру инородных элементов.

Возникший социокультурный конфликт между властью и основной массой населения расколол фундамент китайского общества. У государственных реформ появилась альтернатива, и победа

¹² Указание на существование ростков капитализма в Китае до «опиумных» войн не доказывает доминирования капиталистических тенденций развития. Ростки товарно-денежных отношений и рынка были и в Риме, но капитализм там не возник. Поэтому, на мой взгляд, капитализм не выступал как фактор внутреннего развития Китая, а выступал исключительно в качестве внешнего раздражителя. О возникновении капитализма в Китае см.: *Фомина Н.И.* Обсуждение проблемы «зачатков капитализма» в Китае // *Общественные науки в КНР*. М., 1986. С. 148–157; *Березный Л.* Было ли на Востоке «Новое время»? // *Филология и история стран Азии и Африки*. СПб., 1994. С. 41–43.

¹³ По мнению западных исследователей, недостаточно радикальную. Поскольку для Европы пересмотр отношений собственности являлся важнейшим критерием общественных изменений. А по мнению китайских, — вполне радикальную, так как для Китая, где понимание собственности существенно отличалось от западного, это было не так актуально, гораздо важнее была публичная декларация возможности существования отличной от существующей системы. Первым в середине XIX в. программой развития Китая по капиталистическому пути (ван и ган) выдвинул один из вождей тайпинов Хун Жэньгань. (Гуандун шэхуй кэсюэ. 1991. № 3. С. 66.)

¹⁴ Д. Левенсон считал, что тайпинское движение было вызовом традиционному взгляду на мир, который сам по себе раньше никогда не оспаривался. В этом отношении переустройство китайской цивилизации тайпинами не имеет аналогов в китайской истории. См.: *Levenson J.R.* Confucian China and Its Modern Fate. L., 1964. vol. 2 (The Problem of Monarchical Decay. Chapter 7. Bureaucracy's Vulnerability: The Intellectual Point of Attack. Chapter 8. Taipings Storm the Confucian Heaven.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

решительно настроенных оппонентов маньчжурской династии уже не могла завершиться очередным дворцовым переворотом, черпавшим легитимность в неизменности культурных традиций. «Дао», которое восстанавливалось силой при каждом отступлении от него правящей династии, после христианизации не могло заключить альянс с социально-политической традицией управления, противопоставив себя ей по существу¹⁵.

Надежда на внутренний потенциал совершенствования оставалась у государственных чиновников, также обратившихся к западным концепциям общественного развития. Опыт России и Японии в этом отношении был притягателен очевидными успехами реформ, добровольно проведенных соответственно Петром I и императором Муцухито. Японское общество не было дифференцировано по национальному признаку и, столкнувшись с вызовом другой цивилизационной среды, сумело консолидироваться вокруг императора для противостояния натиску враждебной культуры, образцово используя традиционные институты для решения проблем модернизации. Сохранение императорской власти и государственного контроля позволило трансформировать общество в отвечающий современным индустриальным требованиям (т.е. материальной культуре) организм. Японии удалось сделать то, к чему стремились русские и китайские интеллектуалы на протяжении XIX века, но так и не смогли осуществить¹⁶. Будь у Китая больше времени, синтез традиционной культуры и западной техники, возможно, принял бы иные формы и принес другие результаты. Однако внешнее давление и желание обрести самостоятельность подталкивали к заимствованию уже готовых рецептов, выработанных соседями, несмотря на очевидные отличия в их историческом развитии. С этого момента модели развития России и Японии оказались в центре внимания китайской политической элиты, став для нее своего рода «полюсами симпатий»¹⁷.

¹⁵ Но внутри себя оно сохранило прежний архетип. К середине 1850-х годов тайпины восстановили бюрократическую структуру императорского Китая. (Васильев Л. История Востока. М., 1993. Т. 1. С. 197.)

¹⁶ Изначально не только лидеры ГМД, но и КПК изучали опыт Японии и только потом обратились к первоисточникам. Без китайских студентов в Японии не было бы «Движения 4 мая». Их целями были «борьба за государственный суверенитет во вне и наказание предателей внутри». (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 3. С. 115.)

¹⁷ Лян Цичао рассматривал Японию как источник вдохновения и даже призывал Китай активно учиться у Японии, а не у Запада. (Huang P. Liang Ch'i-ch'ao: The Idea of the New Citizen and the Influence of Meiji Japan // Transition and Permanence: Chinese History and Culture / Ed. by David C.Buxbaum and Frederick W.Mote. HK. 1972. P. 84.) Революционеры отдавали предпочтение России.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

В «Записках о реформах в России Петра Великого» Кан Ювэй рекомендовал императору Гуансюю повторить опыт революции «Мэйдзи» в Японии и Петра I в России. В результате его влияния в период «100 дней реформ» (1898) были предприняты меры по реформе государственного управления, изменению системы образования, созданию учебных заведений западного типа, новых армии и флота¹⁸. Признавая необходимость масштабных изменений, Кан Ювэй тем не менее строго придерживался традиционной этики и не призывал к свержению строя. Вместе с тем, будучи политическим деятелем, он отдавал себе отчет в том, что любая политическая инициатива будет иметь шансы на успех только в том случае, если ее поддержит общественное движение. Обратившись к доступным для понимания основной массы населения истокам традиций китайской государственности, Кан Ювэй изложил свою программу преобразований, положив в ее основу реинтерпретацию конфуцианского идеала «Датун» (Великого единения). Несмотря на неудачу, предпринятая вслед за тайпинами попытка синтеза национальной традиции с западными идеями продемонстрировала готовность уже не только крестьянских вождей, но и китайских интеллектуалов к серьезной модернизации традиционной культуры.

К концу 90-х годов XIX в., после целого ряда поражений во внешних войнах, окончательно разоблачивших наивность попыток сохранить традиционную социальную организацию путем заимствования отдельных технических усовершенствований, многие реформаторы поняли, что простым обновлением вооружений не обойтись – для спасения Китая необходима была смена строя. Это вывод совпадал с выводом русских народников. Отличие состояло в том, что успех Петровских реформ скрыл сущность произошедшего – строй как традиция государственного и общественного управления в России сохранился, хотя для того, чтобы понять это, и потребовалось более 100 лет¹⁹.

Первый бой китайская цивилизация полностью проиграла. У нее не нашлось внутренних ресурсов, чтобы противостоять новому, сильному противнику. Предпринятые правительством реформаторские усилия не принесли ожидаемых результатов²⁰. Крестьянские

¹⁸ Историческое значение «100 дней реформ» в том, что впервые модернизаторский импульс в Китае заручился поддержкой императора. И именно этим объясняется их провал – робостью в использовании новых экономических сил; слабостью и архаичностью государственного аппарата Китая.

¹⁹ См. разд. 1.3.

²⁰ Одна из причин этого в том, что Запад стал более развит в экономическом и техническом отношении, еще дальше ушел от традиционного общества, чем в период реформ Петра I.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

восстания, в первую очередь антизападное восстание ихэтуаней (1899–1901), также не достигли поставленных целей. Традиционное общество обнаружило свое полное бессилие перед внешним вызовом.

Поражение реформ стимулировало дальнейшие поиски, переориентировав их с внешних проблем на внутренние. На этом этапе установление равноправных отношений с европейскими странами в качестве цели модернизации временно уступило место практическому поиску путей перехода к современному социальному устройству. Такая расстановка приоритетов многое объясняет в последующей истории. Главной целью политической борьбы стало создание сильного государства путем социально-экономических преобразований, революций и войн, способных привести к свержению строя и прервать, наконец, тысячелетние традиции китайской государственности, препятствовавшие масштабным изменениям.

Одновременно с формированием более пристального взгляда на Европу с 1901 г. начались политические реформы, направленные на поддержание императорской власти. Целью «новой политики» императрицы Цыси была модернизация экономики и системы управления, а главным политическим проектом стало установление конституционной монархии, находившейся в полном соответствии с ведущими тенденциями европейской политики²¹. Последний оплот сопротивления был сломлен, императорский двор согласился на реформы. Центральной стала борьба между умеренными и консервативными реформаторами, а критерием их отличия – мера радикализма в отношении западных заимствований и сохранения китайской культуры. Начавшиеся реформы создали нишу в традиционном обществе, которой воспользовались китайские революционные демократы.

Обычно в реформаторском движении в Китае выделяют три группы общественно-политических сил: консервативно-охранительную, реформаторскую и революционно-реформаторскую. Такое деление, однако, не может удовлетворительно объяснить особенности политической борьбы и вызвано, скорее, идеологическими мотивами, довлевшими над отечественным и западным китаеведением в предшествующие годы. При низкой дифференцированности социального пространства появление радикальных реформаторов было вызвано в первую очередь поражением предыдущих концеп-

²¹ В 1905 г. в Китае отменили экзаменационную систему, а в 1908 г. были проведены первые выборы, в которых участвовало менее 1% населения. Признание универсального характера исторического развития стало ведущей тенденцией общественной мысли Китая с конца XIX века. Его принимали Ли Хунчжан, Кан Ювэй, Лян Цичао и Сунь Ятсен.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

ций реформирования, а не принадлежностью к новому, революционному слою, как в Европе (или к европеизированному дворянству, как в России). Правильнее было бы деление на появившихся одновременно с департаментом «заморских дел» реформаторов консервативного толка, к которым относилось большинство цинских сановников, и появившихся позже радикальных реформаторов, отвергавших идею сохранения императорской власти²².

Провал попыток обойтись «малой кровью» при реформе общественного устройства показал неизбежность более широкого восприятия западной цивилизации, которое было невозможно при существующей власти. Стратегическим ориентиром стало глубокое преобразование китайского общества и изменение строя, на которые была способна только образованная, но не связанная с государством и обладающая возможностью к формулированию новой идеологии часть населения – интеллигенция, которая не могла появиться в пространстве прежней культуры, нацеленной на собственное воспроизводство²³. Этап государственного патриотизма ставшего первой реакцией на иностранное вторжение, завершился.

Наступление следующего этапа – этапа национального патриотизма – было связано с появившимся в конце века западнообразованным и независимым от государства новым социальным слоем, представившим свою концепцию модернизации. Выдвинувший ее Сунь Ятсен в результате безуспешных попыток предшественников осознал необходимость радикальной смены строя и заимствования западной техники, методов производственного управления, интеллектуальных стандартов и культурных норм для сохранения ядра национальной культуры²⁴. Смысл его общественно-политической доктрины состоял в более динамичном движении к современности,

²² Из числа последних в период «Движения 4 мая» выделились революционные реформаторы, наиболее радикальная часть которых впоследствии объединилась в коммунистическую партию, а реформаторы консервативного толка перестали существовать как влиятельная общественно-политическая сила. Эти три группы элит характерны для революции в России. См. разд. 1.3.

²³ В России радикальные реформаторы были и среди государственных чиновников и служащих – декабристы, которые под влиянием западной культуры осознали себя автономными от государства. В Китае государственные чиновники, даже выступая за реформы, не мыслили себя вне государства.

²⁴ Существует точка зрения, которая, кажется, ближе к истине, что Сунь Ятсен тоже реформатор, как и Кан Ювэй и Лян Цичао. См.: Сунь Ятсен. (1866–1986) К 120-летию со дня рождения. М., 1987. С. 86. Как и предшественники, он неоднократно отмечал, что к революционным взглядам он пришел после поражения во франко-китайской войне 1884–1885 годов, а не в результате протеста против маньчжурского господства.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

лицо которой определял Запад. В «Представлении Ли Хунчжану» (1894), с которого принято вести начало его политической деятельности, указывалось, что богатство и могущество государства измеряются не количеством судов и пушек, а общественным устройством, при котором люди имеют возможность полностью проявить свои таланты, земля – приносить наибольшую пользу, вещи – находить свое применение, а товары – беспрепятственно обращаться²⁵. С этого момента ведущая роль в реформировании постепенно стала переходить от правительственных чиновников к оппозиционным государству, но еще организационно не оформленным и поэтому не имевшим шансов на победу, силам. В своей политической программе они органично объединили две главные для Китая задачи: погоню за мировыми лидерами и смену режима, не имевшего ни социальной, ни национальной поддержки, необходимой для общественной консолидации²⁶.

Завоевание политической власти в этих условиях требовало теоретизирующего политика, близкого к действительности, но видевшего ее уже по-новому, с точки зрения актуальных задач общественного развития. В отличие от Кан Ювэя, Сунь Ятсен принадлежал другой социальной страте и уже другой культурной эпохе, что позволило ему точно оценить уровень развития и характер стоящих перед Китаем проблем, встав в центр революционного процесса. Отказавшись от авторитета традиции, использовавшегося большинством его предшественников, Сунь Ятсен избрал для своего знамени западные символы прогресса. Он считал революцию «формированным» развитием, которое позволяет заимствовать достижения западных стран, полученные «естественным» путем²⁷. Тем не менее, несмотря на введение им либеральных требований об уравнивании прав на землю, ставших еще одним шагом в сторону Запада по сравнению с тайпинами, у него не нашлось политических принципов, выразивших особые интересы буржуазии²⁸. Он во-

²⁵ Сунь Ятсен. Избранное. М., 1985. С. 46. В этом же письме он наметил программу экономических и социальных реформ.

²⁶ Показательно, что Сунь Ятсен впервые упоминает традиционную концепцию «Датун» только после Синьхайской революции. См.: Борох Л.Н. Интерпретация Сунь Ятсеном конфуцианского идеала Датун (синьхайский период) // Сунь Ятсен. К 120-летию со дня рождения. М., 1987. С. 33-56.

²⁷ См.: Борох Л.Н. Сунь Ятсен о проблеме ускоренного развития Китая // Народы Азии и Африки. М., 1976. № 5. С. 54–65. Эта концепция «ускоренного прогресса» была близка взглядам русских интеллектуалов и политиков. См. разд. 1.3, 1.4.

²⁸ В письме к революционному студенчеству, опубликованному в декабре 1903 г. в «Чжунго жибао», он призвал к установлению «равных прав на землю». Против выступали не только Лян Цичао, но и другие лидеры «Объединенного союза»:

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

обще считал, что общество не делится на классы, и рассматривал государство как аппарат управления, пять властей которого отражают параметры и характеристики сложившегося бюрократического аппарата, а не дискретное классовое общество, как в Европе.

Наиболее важным вкладом в общественно-политическую мысль Китая стала его идея о возможности проведения насильственной революции и свержения маньчжурской династии, нарушавшей традиционные представления о ходе исторического процесса. Западная по сути идея насилия над историей не могла появиться у конфуциански образованного китайца. Христианство, частично воспринятое китайским обществом на предыдущем этапе, дало, таким образом, первые политические всходы: Сунь Ятсен, а затем Чан Кайши были протестантами, что позволило им иначе воспринимать историческое развитие. Соответственно изменились и адресаты политического действия. Реформаторские импульсы уже не исходили от чиновников, обращавшихся к императору, а были к ним направлены и отражали настроения интеллигенции, разочаровавшейся в способности государства проводить преобразования. Эпицентр брожения переместился из государственных институтов в общество, пока только его верхние слои.

Главное расхождение Сунь Ятсена с реформаторами состояло в том, что он считал невозможной модернизацию Китая только в результате укоренения достижений материальной цивилизации и последовательно выступал за изменение административной системы, под которой понимал все общественно-политическое устройство²⁹. Он первым стал связывать реформы не с изменениями взглядов императора и чиновников, а с уничтожением старых и утверждением новых общественных институтов³⁰. Важнейшим принципом его политической программы стал национализм – учреждение ханьского

Ху Ханьмин и Ляо Чжункай, считавшие это требование слишком радикальным. См.: *Bernal M. Chinese socialism to 1907*. L., 1976. P. 58-59; *Борох. Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм. (начало XX в.) М., 1984, С. 175. Сунь Ятсен включил также в свою концепцию основные элементы аграрной программы тайпинов.

²⁹ В платформах Лян Цичао и Сунь Ятсена на тот момент было много общих положений: оба стремились к тому, чтобы Китай стал сильной и технически развитой страной, не признавали деления китайского общества на классы, верили в моральный и материальный прогресс и в мирный путь социальной реорганизации. См.: *Bernal M. Chinese socialism to 1907*. L., 1976. P. 90–106, 190–192. Оба (Лян Цичао в «Кай мин чжуань чжи» и Сунь Ятсен в теории «Сюнь чжэн») подчеркивали роль политической культуры. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 4. С. 204.)

³⁰ В России эта задача так четко сформулирована не была, поскольку структура органов после Петра I приобрела европейский вид.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

государства³¹. Для этого антиманьчжурские настроения масс должны были объединяться с идеями революционной элиты, концептуализированными в «трех народных принципах», в сущности не отличающемся от алгоритма объединения рабочего движения с марксизмом в России. Несмотря на усилившееся влияние западных идей, концепция Сунь Ятсена сохраняла преемственность традиционным взглядам. В результате их взаимного влияния национальная исключительность уступила место универсализму, согласно которому все страны развиваются по единым законам, а «три народных принципа» в равной степени применимы к Европе, Америке и Китаю. Традиция китайской государственности была оспорена, открыв пространство для социально-политического творчества, в основу которого были положены политические принципы западного мира³².

Основным средством восстановления могущества Китая стала ликвидация маньчжурского господства. Власть цинской династии не меняла природы общественного устройства, складывавшегося тысячелетиями, но облегчила его свержение³³. Национальный характер конфликта между властью и народом снимал целый ряд трудноразрешимых проблем, с которыми пришлось столкнуться европейским странам при переходе от традиционного (феодалного) к индустриальному (капиталистическому) типу развития. Фактор национального единения обеспечил поддержку крестьянства без проведения политической работы с ним и сыграл решающую роль в победе Синьхайской революции (1911), расчистившей социально-политическое пространство. Победа националистической идеи и представлявшей ее партии – Гоминьдана (ГМД) – стали естественным результатом политического развития.

В условиях крушения старой власти новая интеллигенция прочно отождествлялась с силой, наиболее последовательно про-

³¹ Сунь Ятсен считал, что национальных различий в Китае нет, одна семья («у цзу — и цзя»). В 1921 г. в Гуанчжоу он призвал растворить все нации в ханьской, чтобы образовалась чжунхуа миньцзу (великокитайская нация). См.: *Москалев А.А.* Доктрина «пятинациональной республики» и Сунь Ятсен // *Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тез. докл. V Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир»*. М., 1994. Ч. II. С. 26–28.

³² Зарубежный опыт стал позитивным фактором внутриполитического развития, используя его можно было сократить определенные этапы развития. Таким образом, Сунь Ятсен, так же как русские революционеры, признал возможность миновать определенные стадии развития. См.: *Никифоров В.Н.* Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982. С. 214–215.

³³ Важно отметить, что Синьхайская революция произошла после того, как возникли проблемы при передаче императорской власти, вызванные правлением Цыси, поколебавшем ее легитимность.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

тивостоявшей прежнему режиму. Так, на эмоциональной волне недовольства властью Сунь Ятсен оказался во главе провозглашенной 1 января 1912 г. Китайской республики. Однако рыхлость программы социального переустройства Гоминьдана весьма скоро была вскрыта неудовлетворительным положением дел в области государственного строительства. Из триады «самоусиление» – «реформа строя» – «ликвидация маньчжурской династии» последняя задача была выполнена, однако не принесла ожидаемого облегчения. Синьхайская революция, провозгласив переход к буржуазно-демократической республике, не смогла достичь поставленных целей – общество не готово было принять демократические формы правления. Энергии хватило только на слом старой машины, на обломках которой выросли региональные милитаристские группировки, разделившие страну и замедлившие достижение целей модернизации. Отсутствие авангардной партии позволило старой структуре воспроизвестись в диктатуре Юань Шикая, продемонстрировавшей намерение традиционной системы власти переварить реформаторский импульс и направить его на собственное усиление³⁴.

* * *

Социально-экономическое развитие Китая в начале XX в. позволяло интерпретировать его как движение по пути госкапиталистической индустриализации. Начавшийся в этот период интенсивный промышленный рост затронул лишь узкий слой населения и не мог заметно повлиять на национальную психологию, мировосприятие и ценностные ориентиры составлявшего абсолютное большинство населения крестьянства. Политический процесс по-прежнему оставался результатом деятельности небольшой группы государственных чиновников и интеллектуалов.

Чувство культурного превосходства было мощным стимулом для протеста против западной экспансии. В отличие от стихийного исторического процесса в Европе, целью которого было постоянное поддержание стабильности и удержание от распада противоречивого многофакторного единства, перед Китаем встала качественно

³⁴ 22 июня 1913 г. Юань Шикай издал декрет, по которому государственное устройство возвращалось к старым нормам, в основе которых лежало конфуцианство. См.: Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 3. С. 109. После этого последовали декреты об обязательном преподавании конфуцианских канонов в школах и восстановлении практики официальных жертвоприношений. В результате перед китайскими революционерами вновь встала задача преодолеть инерцию старой государственной машины управления.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

иная цель – нарушив привычный порядок, выработать особый механизм изменений, чтобы в кратчайшие сроки достичь передового мирового уровня³⁵. Ситуацию усугубляло переплетение социальных, национальных и региональных противоречий, конфликт ценностей, сложная внутривластная ситуация. Последовавшая за разрушением императорской государственной машины дезинтеграция ввела в политический процесс новые силы в лице разделивших страну на сферы влияния милитаристов, которые только в незначительной мере представляли общенациональные экономические группы и были движимы в основном военно-политическими интересами и личными амбициями.

Центральное правительство, не сумев справиться с цивилизационным кризисом, начало утрачивать контроль над территорией еще до Синьхайской революции. Однако региональная власть, взявшая на себя функции управления, могла лишь воспроизвести старую общественную структуру и хозяйственно-административную модель управления. Поставленное в жесткие условия этнокультурное ядро, освободившись от устаревших бюрократических схем управления, постепенно вовлекало население в поиск новых социально-политических конструкций, которые позволили бы заполнить прежний объем национальными элементами культуры. На практике это привело к расцвету традиционных, наиболее фундаментальных структур жизни, которые на низовом, базовом уровне продолжили разложение старой культуры, но не в целом, хаотично, а направленно: от конфуцианства к даосизму.

Военные стали тем социальным слоем, который аккумулировал и традиционные ценности, и современную технику и, таким образом, идеально соответствовал задачам, стоящим перед страной. По мнению Фэн Юланя, милитаристы, в частности Цзэн Гофань, воспрепятствовали историческому откату назад³⁶. Проводимая ими в утилитарных интересах социальная мобилизация пре-

³⁵ Это предполагало вычленение задач и действий по их практическому решению. Включение в национальный культурный контекст дискретности подтвердило практическую ценность сформировавшегося в Европе типа развития. Принципиальное различие состояло в том, что для Европы дискретность была частью социальной действительности, а усилия были направлены на ее использование и поиск взаимосочетаемых форм. Для Китая она была инородным элементом, который следовало внедрить в свою культуру, нарушив ее целостность. Дискретность в решении задач общественного развития как обязательная черта мобилизационности затрудняла формирование целостной общественно-экономической системы.

³⁶ Гуандун шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 70.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

вратилась в единственный способ сохранения и выживания национальной культуры³⁷. Первыми воспользовавшись результатами реформ и выступив главными защитниками осколков разваливающегося государства, военные тем не менее не обладали новой позитивной государственной идеологией. Таким образом, милитаризм стал лишь временной хозяйственно-политической формой выживания традиционной культуры³⁸.

Образовавшийся после низложения императора вакуум не мог быть заполнен и суньятсенизмом, еще слишком радикальным для основной массы населения. Декреты Юань Шикая о восстановлении преподавания конфуцианских канонов в школах и практики жертвоприношений Конфуцию преследовали цель придать легитимность сильной, императорской по характеру власти через возрождение авторитета конфуцианства. Это движение было активно поддержано реформаторами Лян Цичао и Кан Ювэем, предлагавшим восстановить конфуцианство в качестве государственного символа. Однако Конфуций был уже официально снят Синьхайской революцией с пьедестала духовного отца нации и возвратное движение к нему на какое-то время лишилось перспективы. Предложить позитивную программу государственного строительства, сохранявшую преемственность традиционным ценностям, могла только революционная интеллигенция, которая, в отличие от бюрократии, руководствовалась идеалами больше, чем чувством государственной ответственности, и поэтому могла установить новые, более отдаленные ориентиры развития и стать точкой общественной консолидации. Несмотря на различные политические взгляды, побудительным мотивом действий интеллектуалов оставалась неспособность традиционного общественного устройства вписаться в новый мир. «Движение за возрождение старины» стало реакцией интеллектуальной среды на политическую реакцию и хаос³⁹.

³⁷ Китайский деспотизм «был разрушен на общенациональном уровне, была разрушена китайская империя, но деспотическая структура постоянно воссоздавалась на местном уровне в форме так называемых милитаристских режимов, которые по своей социальной сущности были весьма близки прежней империи». ГМД — это «новые милитаристы». (Меликсетов А.В. «Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927—1949». С. 10, 24—25, 35.)

³⁸ Не только в Китае, но и в Иране, Турции, в которых тоже произошли революции в начале XX века.

³⁹ Китайская интеллигенция, в отличие от русской, была более традиционна, ей было трудно отождествить себя с Западом. Даже КПК ориентировалась на традиционные ценности, а «передовой» Запад выступал лишь в качестве символа. По мере отступления от западных ценностей и приближения к национальным истокам

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Тем не менее, несмотря на определенное общественное влияние новых политических сил, взять власть в тех условиях можно было только вооруженным путем не только потому, что отсутствовал демократический механизм ее смены, но и потому, что задачи, стоящие перед Китаем, не могли быть решены постепенными, эволюционными преобразованиями. Важнейшей среди них было объединение страны, без чего невозможно было решить общенациональные проблемы. Путь к нему лежал через борьбу с милитаристами, доставшимися новой культуре от агонизирующей старой⁴⁰. Выход из хаоса и создание новой общественной структуры в Китае могли быть только на основе строгой дисциплины и мобилизации всех имеющихся ресурсов. Очевидно, что для решения обеих задач в наибольшей степени подходила армия, которая стала инструментом не только силового захвата власти, но и послереволюционного строительства. Однако возглавить национальное движение могла только общенациональная политическая сила, которая сумела бы консолидировать общество для проведения преобразований. Для борьбы со старой культурой, нашедшей продолжение в милитаристских группировках, необходимо было политизировать население, в первую очередь армию. После осознания этой задачи закономерным стало обращение Сунь Ятсена к опыту партийного строительства в СССР и преобразованию ГМД в партию авангардного типа.

Как и на начальном этапе, идейная борьба вокруг выбора строя проходила при определяющем влиянии Запада, поскольку все известные социально-экономические ориентиры были продуктом знакомства Китая с западной цивилизацией. Победа Октябрьской революции дала конкретный (что существенно для китайского менталитета) пример общественного устройства, сумевшего утвердить себя во враждебном внешнем окружении. Советский опыт противостояния империалистическому Западу был обречен на популярность. С ним были связаны дальнейшая трансформация взглядов Сунь Ятсена и образование КПК.

росла роль почвенников. Сравнивая Россию с Китаем во второй половине XIX — начале XX веков, китаец, вероятно, уделит бы больше внимания национальной традиции — А. Хомякову, В. Соловьеву, Н. Бердяеву, тогда как в Кан Ювэе русские марксисты видели буржуазного реформатора.

⁴⁰ В этом и заключается внутренняя логика борьбы со старой культурой и вставшими на ее защиту военными.

2-2. Революционные армии и вооруженные партии. Образование КПК и победа социалистической версии модернизации. (1921–1949). (Вызов марксизма.)

Для решения стоящих перед Китаем задач необходима была мощная общенациональная сила, способная продолжить революционный импульс, который после 1911 г. постепенно угас, растворявшись в региональном милитаризме. Унизительные итоги Первой мировой войны нанесли сильнейший удар по авторитету действовавшего политического режима и конфуцианству, еще раз подтвердив, что главным источником социально-политической инициативы остаются внешние факторы. Вызванное ими «Движение 4 мая» (1919) расчистило место для новой идеологии, дав толчок развитию общественно-политической ситуации и возникновению новых дискуссий.

С конца XIX в. поиск новой формы политического устройства китайская интеллектуальная элита связывала с западными идейно-политическими концепциями. Она должна была решить, какой из западных теоретических конструкций и моделей развития отдать предпочтение, а также какая сила способна встать в авангарде современного Китая⁴¹. Желание, как и у тайпинов, найти на Западе своего естественного союзника в борьбе за национальное освобождение обусловило повышенный интерес к широко распространенным в Европе социалистическим учениям, подвергавшим жесткой критике империалистическую политику и близкие традиционным этические концепции⁴². Либеральные теории, основное внимание уделявшие политическим свободам личности, вызвали отторжение у большинства китайских интеллектуалов как абсолютно несовместимые с традиционными взглядами и представлениями⁴³. Однако неразвитость классовой структуры и капи-

⁴¹ Первая мировая война и Октябрьская революция обнажили в западной цивилизации трещину, которая не осталась незамеченной, заставив политиков и идеологов в остальном мире вновь задуматься о путях развития. Движение к Европе оставалось категорическим императивом, но какой путь избрать, к какой из сторон в расколовшейся Европе примкнуть, чтобы избежать острых социальных конфликтов, в начале века еще было не ясно.

⁴² Характерно, что главным источником сведений о социалистических идеях на Западе были издаваемые христианскими миссиями газеты и журналы, публиковавшие материалы о социалистических партиях, о борьбе за восьмичасовой рабочий день, о Международном дне 1 мая и др.

⁴³ В начале века в России и Европе ведущим течением либерализма было уже не экономическое, а политическое, ведущее борьбу за всеобщее избирательное право, демократические свободы и права личности, последним из которых отказывал

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

талистических противоречий предопределили отсутствие органических условий для развития социалистических идей. Поэтому в начале XX в. Китай пережил увлечение схематичными концепциями социализма, особенно анархизмом, который, оказавшись привлекательным в качестве этической концепции, не имел алгоритма применения и был не в состоянии ответить на главный практический вопрос: как спасти Китай⁴⁴. Тем не менее переведенные в результате пропагандистской деятельности анархистов работы западных мыслителей, прежде всего утопистов, ознакомили китайскую общественность с понятием и критериями исторического прогресса, классовыми противоречиями, проблемами частной и общественной собственности и сформировали первые представления о социализме, которые, естественно, несли на себе печать анархизма⁴⁵. Адекватному восприятию западных идей препятствовало также существенное отличие китайского мировоззрения от европейского, заимствование из японского языка основных понятий западной науки: «свобода», «равенство», «собственность», «социализм», «коммунизм» и др., а затем и использование понятий традиционной китайской философии⁴⁶.

В результате такого знакомства понимание социализма в Китае значительно отличалось от оригинального. В нем легко узнавались идеи восточных социальных утопий, что облегчило его вы-

в праве на существование даже Сунь Ятсен. Буржуазные школы социологии больше говорили о духовной сфере и политических отношениях на Западе, которые вызвали отторжение у традиционных этических концепций.

⁴⁴ Популярность анархизма объяснялась тем, что, являясь частью социалистической мысли, он не принадлежал европейскому дискурсу, а воплощал протест против азиатской деспотии. Именно поэтому П. Кропоткин и А. Бакунин длительное время считались авторами наиболее совершенных коммунистических теорий, а анархизм стал первым в Китае западным учением, которое нашло последователей. См.: *Дин Шоухэ*. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959; *Стабурова Е.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992. Важным представляется и то, что А. Бакунин проповедовал идеи единения и гармонии общества с природой, близкие традиционному китайскому сознанию и мировосприятию. (ВФ, 1990. № 3. С. 167).

⁴⁵ В статье «Классовая борьба и взаимопомощь» (июль 1919) Ли Дачжао пытался примирить учение о классовой борьбе К. Маркса с идеями взаимопомощи П.А. Кропоткина. Сунь Ятсен считал, что истинный коммунизм — это коммунизм П. Прудона и А. Бакунина. В Китае он был осуществлен Хун Суцюанем. (*Меликсетов А.* Социально-экономическая политика Гоминьдана. С.41.) Анархизм оказал огромное влияние и на Мао Цзэдуна в 1918–1920 годах. См.: *Show B.* Red Star Over China. NY., 1944. P. 147–148.

⁴⁶ См.: разд. 2.1.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

бор в качестве основы революционных преобразований⁴⁷. Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, привели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно переплелось национальное и классовое, создав условия для формирования особого взгляда на перспективы общественного развития⁴⁸. Но главное значение социализма для общественно-политической жизни состояло не в содержательных, а в символических аспектах. Как показывал предшествующий опыт, условием успеха было движение в сторону западного универсализма, частью которого и были социалистические идеи. Именно поэтому вклад в их распространение внесли многие китайские политики, в том числе Сунь Ятсен, который в первой четверти XX в. не только считался лучшим знатоком социалистических учений, но и сам причислял себя и своих сторонников к международному социалистическому движению⁴⁹.

Решающее воздействие на состояние общественного сознания оказала Октябрьская революция, произошедшая в период спада революционного движения в Китае. «Три народных принципа», продемонстрировав неспособность решать практические задачи, так и не стали основой социально-политической консолидации. Не оправдались и надежды Сунь Ятсена на использование милитаристов для объединения страны и на помощь западных стран, к кото-

⁴⁷ Еще Лян Цичао утверждал, что идея социализма традиционно близка китайцам. См.: *Лян Цичао. Шэхуй чжун шанцюэ* // Лян Жэньгун цзиньчжу. (Последние сочинения Лян Жэньгуна.) Шанхай. 1925. Т. 1. С. 61–64. Позже Чэнь Бода на митинге в Яньани в мае 1938 г. заявил, что учение о социализме и коммунизме не внесено в Китай извне, а имеет корни в китайских национальных традициях, и в период, когда Восток намеревался опередить Запад, оно вернулось на родину. См.: *Гельбрас В. О классовой природе маоистской идеологии. Маоизм и массовое сознание* // Маоизм и мировой революционный процесс. М., 1974. Т. 4. С. 8. И, наконец, в конце XX в. вновь стали слышны утверждения, что марксизм и социализм зародились в Китае. См. гл. 5, а также «Китайская Народная Республика в 1999». М., 2001. С. 264–266.

⁴⁸ Построение общества в соответствии с марксистской теорией в тот период не рассматривалось китайскими политиками в качестве цели — главным было создание предпосылок для воплощения собственного социального идеала.

⁴⁹ Очевидно, что социалистические взгляды Сунь Ятсена были не результатом анализа классовых противоречий, а представлением об идеальном типе общественного устройства, свободном от отсталости традиционного Китая и от социальных и национальных конфликтов капитализма. В этом его идеал был схож с социалистическим идеалом русских народников конца XIX века, представлявшим собой традиционную социальную утопию, прочитанную сквозь очки западной культуры. См.: *Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 400–406.*

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

рым он обратился в 1918 г. с предложением поддержать «Промышленный план» развития Китая. Знакомство в тот момент с опытом русской революции открыло стране новые перспективы развития. Образцом государственного строительства Сунь Ятсен стал считать Советскую Россию.

Нараставшее после Первой мировой войны общественное движение стимулировало организационно рыхлый ГМД к активизации своей деятельности и консолидации, последовательно решив две задачи. Во-первых, предложить привлекательный социально-политический проект, преобразовав «три народных принципа» Сунь Ятсена, до этого являвшихся только бросившим вызов конфуцианству революционным лозунгом, в политическую программу, а лучше – в программу политических действий⁵⁰. Во-вторых, мобилизовать под эту программу население, т.е. соединить радикальные политические идеи с общественным движением.

Как и причины, их породившие, решение обеих задач обнаружилось западные корни. Сначала концепция «мировой революции», а затем поиск внешнеполитических союзников привлекли к Китаю внимание Советской России, рассчитывавшей использовать революционный потенциал китайского общества в глобальном противостоянии с империализмом⁵¹. Миссии военных и политических советников к китайским революционерам увенчались успехом. В сфере их влияния оказались и Сунь Ятсен, и радикально настроенные интеллектуалы, у которых к тому времени уже сформировались устойчивые симпатии к социализму.

Победа большевиков, соединивших близкий Китаю нравственный идеал с источником западного могущества – передовой техникой, олицетворяла эффективный ответ западному капитализму. Адаптировав марксизм к национальным условиям и четко указав

⁵⁰ До этого Сунь Ятсен строил свою идеологию на основе традиционалистского подхода, т.е. замещения прежних моральных ценностей и идеалов, утверждая, что «три народных принципа» и есть новая культура.

⁵¹ «В течение 1920–1922 годов представители Москвы знакомились и устанавливали контакты с политическими и военно-политическими партиями и силами в Китае, на которые можно было бы опереться в ее политике в отношении национально-революционного движения в этой стране». (Картунова А.И. Политика Москвы в отношении национально-революционного движения в Китае: военный аспект. М., 2000. С. 21) Желание сблизиться было и с другой стороны. Инициатива прямых отношений с КИ принадлежала самому ГМД. В октябре 1923 г. Чан Кайши впервые заявил, что ГМД хочет иметь прямые контакты с КИ, а Ху Ханьминь в 1926 г., что ГМД хочет вступить в КИ, поскольку совпадают их долгосрочные социальные цели. См.: *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана. М., 1990; *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

на понятную восточному социуму цель – противодействие Западу с помощью ускоренного, «догоняющего» типа развития, большевизм вселил уверенность в том, что победа революции возможна и в Китае. В отличие от других школ социалистической мысли, он смог стать инструментом политической борьбы, объяснив социально-экономические закономерности не только феодализма, в которых китайцы легко усматривали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад⁵².

Приняв под влиянием русского опыта и Коминтерна (КИ) решение о реорганизации ГМД и формировании собственной революционной армии, т.е. целенаправленном создании, а не использовании уже существующих политических сил, Сунь Ятсен встал на русский путь революционного развития. Предложенная им новая трактовка «трех народных принципов» (национализм – освобождение от империалистической агрессии и объединение страны, народное благоденствие – уравнивание прав на землю и ограничение частного капитала, народовластие – всеобщее избирательное право и разделение властей), приблизившись к практическим задачам, стала основой политической деятельности ГМД⁵³. Но еще более существенным стало выдвижение Сунь Ятсеном «трех политических установок» (союз с Советской Россией, сотрудничество с КПК, поддержка крестьян и рабочих), которые могли быть непосредственно применены на практике. Таким образом, универсализм «трех народных принципов», не получив практического подтверждения, уступил место частичному признанию универсальности русского опыта. Переориентация ГМД с абстрактных и несовершенных теоретических схем на конкретный пример Советской России способствовала подъему революционного движения. I съезд ГМД (январь 1924), приняв Генеральную программу строительства государства, объединившую национальные и антиимпериалистические лозунги с военной программой, вернулся к решению центральной задачи – усилению Китая через его объединение⁵⁴.

⁵² Одна из причин этого, на мой взгляд, в том, что, представив общество как совокупность отношений и лишившись значительной доли свойственного европейской мысли субстанциализма, марксизм стал ближе традиционной китайской философии.

⁵³ См.: *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. М., 1983. При этом было зафиксировано важное идеологическое изменение. Если национализм «самоусиления» стремился сохранить традиционное общество, то национализм 20-х годов XX в. готов был поступиться традициями. (*Sheridan J.* China in Disintegration. The Republican Era in Chinese history. 1912–1949. L., 1975.)

⁵⁴ См.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Параллельно развивался другой процесс. Расширение с началом мировой войны капиталистических отношений и появление социальных противоречий капитализма создали благоприятные предпосылки для распространения марксизма. Наиболее подготовленными к восприятию коммунистических идей оказались студенчество и университетская интеллигенция, готовые отказаться от традиционных взглядов и разделить новые. Перед коммунистическим движением в Китае встала та же проблема, что и перед китайскими реформаторами: как и в каких пропорциях сочетать западные технологические и культурные заимствования и традиционные социокультурные нормы. В предложенной европейскими и русскими марксистами схеме эта важная деталь отсутствовала.

Дискуссии «о проблемах и «измах»» и о социализме (1919–1920) стали первыми значительными теоретическими спорами между китайскими сторонниками марксизма и их противниками, заставив говорить о появлении новой политической идеологии. Признавая различия между Востоком и Западом, китайские марксисты обосновывали универсальность общественных законов, применимость марксизма и российского опыта для решения национальных и социальных проблем⁵⁵. Именно они предельно четко сформулировали задачу: «как донести всеобщую истину до Китая?»⁵⁶ Однако с самого начала, в отличие от России, марксизм не воспринимался китайскими интеллектуалами в качестве догмы и объекта поклонения. Уже в первых работах Ли Дачжао выразил стремление творчески применять его к национальным условиям. Уделяя большое внимание конфуцианской этике и высказав ряд оригинальных идей о влиянии географических и природных условий на развитие общества, о важности изучения окружающей среды и национальной специфики, он первым заложил традиции китаизации марксизма⁵⁷. Главное отличие его сто-

⁵⁵ Эта позиция впервые была представлена Ли Дачжао в статье «Еще раз о конкретных проблемах и “измах”». («Мэйчжоу пинлунь», август 1919), а в конце 1920 — начале 1921 годов и в статьях Чэнь Дусю и Ли Да, явившихся ответом на статью Ху Ши «Больше изучать проблемы, меньше говорить об «измах»». («Мэйчжоу пинлунь», июль 1919) Важно подчеркнуть, что сторонники «полной вестернизации», не занимая господствующих позиций в интеллектуальной жизни, служили сильным раздражителем для реформаторского крыла. Эта схема повторялась на протяжении всей последующей истории Китая. Последним примером такого рода стала дискуссия о культуре в 1987–1989 годах.

⁵⁶ См.: *Мао Цзэдун. Избранные произведения*. М., 1953. Т. 4. С. 23.

⁵⁷ См.: *Ли Дачжао. Материальные условия жизни и изменения в области морали, Экономическое объяснение идеологических поворотов в современном Китае, Духовное освобождение, Философия истории Маркса и философия истории Риккорта*,

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

ронников заключалось в большей радикальности в принятии западных идей. Чэнь Дусю и Ли Дачжао были единственными, кто обсуждал права человека, признавая их противоречие с традицией, в отличие от Сунь Ятсена, признававшего только права нации (минь) и государства⁵⁸.

В ходе этих получивших широкий общественный резонанс дискуссий марксизм значительно расширил свое влияние на интеллигенцию и студенчество, подготовив благоприятные условия для образования компартии, ставшей организационным ядром новой идеологии. С появлением КПК (июль 1921) настоящим марксизмом стали считать осуществленный в России большевизм, который, как отмечалось ранее, уже не был продуктом европейской культуры в чистом виде, хотя и сохранил абстрактность и схематизм марксизма⁵⁹. Сохранив категориальный аппарат, вобравший в себя содержание традиционных понятий, пришедшие из России идеи относительно легко могли трансформироваться в национальную программу государственного строительства. КПК, таким образом, с самого начала открывала марксизм как государственную, а не классовую идеологию, которая обладала четкой и привлекательной политической программой. Центральной задачей компартии стал практический поиск адекватных форм сочетания марксист-

Скрытая тревога, Террор и общественная мораль, О национальной специфике и др. (*Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.*) Эти идеи развивал Мао Цзэдун («О двух неодинаковых по характеру противоречиях»), Лю Шаоци («О самовоспитании коммуниста»), Цюй Цюбо, а также Дэн Сяопин, связав «сяокан» с социализмом с китайской спецификой. См.: *Переломов Л. Конфуций. Луньюй. М., 1998. С. 244–259. Собственные традиции китайского марксизма в отношении этики и природы удивительны, с учетом высокого внимания к ним со стороны китайской цивилизации. Но в целом на начальном этапе в КПК преобладали сторонники западных подходов: Чэнь Дусю считал, что социалистическая революция возможна только после длительного капиталистического развития, Ли Лисань выступал за перенос деятельности КПК в города, а Мао Цзэдун вслед за популяризаторами марксизма считал, что «промышленный пролетариат — руководящая сила нашей революции».* (*Мао Цзэдун. Избранные произведения. М., 1953. Т. 1. С. 26.*) Концепция социализма Ли Дачжао находилась под сильным влиянием традиционной китайской утопии «датун». (*Ли Дачжао. Избранное. Пекин, 1959. С. 43, 66–67, 221–225, 303–304.*)

⁵⁸ Более радикальные позиции занимал сын Сунь Ятсена Сунь Кэ, но и он в 30-е годы предпочитал говорить о правах нации, а не личности. Важно отметить, что по нормам китайского языка «жэньцзюань» (права человека) понимаются как права нации в целом, что является одной из причин разногласий между китайскими и зарубежными исследователями по этой проблеме.

⁵⁹ См.: *Делюсин Л. Спор о социализме в Китае. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1980. С. 51–52, 122.*

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ских положений с китайской действительностью и массовым политическим движением, рекомендации и рецепты по созданию которого уже были предоставлены ей Коминтерном.

Несмотря на различие стартовых позиций основных политических сил, условия Китая оставляли весьма небольшое социально-политическое пространство для маневрирования. Как и для цинских реформаторов, общенациональные интересы были главными для КПК и ГМД, став основой их политического сотрудничества на начальном этапе. Значительную роль в его установлении сыграл КИ, пользовавшийся большим авторитетом у обеих партий. Однако по мере того как успешно решалась задача национального объединения, обострялся спор о том, кто будет пользоваться его плодами. Существование двух организационно-политических ядер, претендовавших на роль политического авангарда, неизбежно должно было привести к их противостоянию.

Быстрый рост влияния вызвал у многих китайских коммунистов желание упростить схему социальных отношений и, подогнав их под западные образцы, перейти к социалистическому этапу революции⁶⁰. Сыграла свою роль и позиция КИ, в котором идеологические мотивы и желание придать китайской революции социалистический характер, одержали верх над прагматическими государственными интересами СССР⁶¹. В свою очередь, рост политической активности населения и успехи компартии высветили ущербность ГМД, остававшегося закрытой корпоративной структурой. Чан Кайши был вынужден пойти на разрыв с КПК, чтобы лишить коммунистов возможности непосредственного участия в организации органов власти и управлении страной, использовав-

⁶⁰ ПДВ. 1981. № 1. С. 126. Представление о применимости марксистской схемы можно объяснить только недостаточным пониманием сложности исторического процесса, свойственной всем общественно-политическим теориям того времени, включая буржуазные. На самом деле только цивилизационно единые страны могли «применять истины» друг друга. К тому времени русские большевики это уже доказали на практике. «Истину Китая» можно было найти только самостоятельно.

⁶¹ В 20-е годы у Коммунистического Интернационала (КИ) как международной организации преобладали идеологические мотивы, надежды на «мировую революцию», трансформацию ГМД влево и перерастание революции в социалистическую. О причинах этого см. разд. 1.4. Только на 9-м пленуме ИККИ (1928 г.) в «Резолюции по китайскому вопросу» текущий период китайской революции был охарактеризован как буржуазно-демократический. Современные китайские исследователи считают, что во время китайской революции (до 1925 года) все решения принимались КИ, и после ее поражения даже Чэнь Дусю заявил, что «китайской революцией должны руководить сами китайцы». См.: Гоцзи гунчаньчжу юньдун. D3. 1993. № 2. С. 31, 22–24; № 4. С. 24.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

шегося ею для увеличения своего политического влияния⁶². Но главное: разрыв был предопределен исчерпанием коалиционных форм государственного строительства, вызывавших внутренние конфликты и представлявших угрозу уже достигнутым рубежам в деле объединения Китая.

1927 год стал поворотным в развитии обеих политических сил и представляемых ими моделей развития. ГМД, превратившись в правящую партию, стал развиваться как государственный институт, не обладая для этого необходимым внутренним (идейным и организационным) единством. Первым практическим результатом его усилий по формированию новой государственной идеологии стала «Программа политической опеки» (1928), в систематизированной форме изложившая основы политического устройства в соответствии с предложенной еще Сунь Ятсеном схемой «военное правление – политическая опека – конституционное правление». Ее целью было продемонстрировать намерение ГМД продолжить движение к Конституции, которая, как и в Цинском Китае, рассматривалась в качестве инструмента общественной консолидации и усиления государства. Однако войны с КПК и милитаристами, а затем и японская агрессия не позволили развиваться демократическим формам государственности⁶³. Под прикрытием «политической опеки» шло сращивание партийного и административно-хозяйственного аппарата, а армия утверждалась в качестве важнейшего государственного института, играя все более заметную политическую роль и замещая ГМД⁶⁴.

Новая власть, вынужденно сосредоточившись на хозяйственной деятельности, постепенно теряла революционный импульс, а ее социально-экономический курс все меньше отличался от экономической политики милитаристов. В немалой степени этому способствовал численный рост Национальной революционной армии (НРА) за счет милитаристских группировок, спровоцировав ее эво-

⁶² ГМД уделял незначительное внимание массовому движению, напоминая в этом отношении русских народников. Этот недостаток был связан, вероятно, с тем, что начиная с Синхайской революции главную роль в массовых политических выступлениях играли студенты и солдаты.

⁶³ Предложенный в 1934 г. Законодательным Юанем проект Конституции, который давал большие полномочия Национальной Ассамблее и Законодательному Юаню, не устроил Чан Кайши, который считал, что он дает слишком мало прав исполнительной власти и президенту. В частности, военному не разрешалось становиться президентом. К маю 1936 г. он предложил переписать проект Конституции.

⁶⁴ Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927–1949 гг. М., 1977. Усиливающийся военно-административный контроль вызвал массовую коррупцию чиновников.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

люцию вправо. Аналогичную эволюцию претерпела идеологическая платформа ГМД, в которой стала усиливаться роль традиционных моральных ценностей, положенных в основу развернутой по инициативе Чэнь Лифу в 1934 г. общественно-политической кампании «Движение за новую жизнь»⁶⁵.

Экономическая политика ГМД осталась по сути военно-мобилизационной, направленной на эксплуатацию и мобилизацию существующих ресурсов, а не на социально-экономическое развитие⁶⁶. Изменения затронули только городские слои; в деревне радикальные преобразования не проводились, поскольку могли сократить изъятие прибавочного продукта на военные нужды. В итоге ГМД все меньше отвечал характеру стоящих перед страной стратегических задач. (Следует признать, что и объективных условий для их решения не было, что и предопределило проигрыш ГМД в исторической перспективе. Отстаивая центральную для себя идею национального объединения, ГМД был обречен отдавать все силы на борьбу с КПК и Японией, не получая ничего взамен и только жертвуя своей репутацией у населения.) Надежды Чан Кайши на помощь со стороны Запада в борьбе с коммунистами не оправдались, а желанию проводить социально ориентированную политику постоянно препятствовали военные действия. «Внутреннее и внешнее давление было слишком велико. Усилия, направленные на социальные и экономические аспекты, слишком ограничены»⁶⁷. Ситуацию усугубляло перемещение ГМД после начала антияпонской войны в отдаленные западные районы. Сделав изначально ставку на

⁶⁵ Аналогичную по целям, что и организованная в 1914–1915 годах Юань Шикаем кампания «За возрождение старины». См. разд. 2.1.

⁶⁶ Состояние республиканского Китая было близко периоду «военного коммунизма» в России. Однако этот факт не привлекает должного внимания, поскольку чаще фиксируется понятие «коммунизм», играющее в действительности роль определения, тогда как практически значимым является понятие «военный». В этой связи показательно высказывание Г. Уэллса о военном коммунизме в России, применимое и к гоминьдановскому Китаю. «Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье». (Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 14.)

⁶⁷ The Storm Clouds Clear Over China. The Memoir of Ch'en Li-fu. 1900-1993. (S.H.Chang, R.H.Myers eds.), Hoover Institution Press. 1994. С. 236. Усилиям Чан Кайши препятствовали претензии на лидерство со стороны других членов руководства ГМД — Ван Цзинвэя, Ху Ханьминя и др. А также то, что действительная власть ГМД распространялась всего на несколько провинций и не имела прочной основы в китайском обществе.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

передовые, но немногочисленные городские слои, гоминьдановский режим лишился основной социальной базы.

Сложившейся общественной системе остро требовалось концептуальное оформление, способное придать стройность политическому курсу, консолидировать общество и указать перспективы развития. В опубликованных в 1943 г. сочинениях «Чжунго чжи минъюнь» («Судьбы Китая») и «Чжунго цзинцзи сюэшо» («Китайская экономическая теория») Чан Кайши зафиксировал господствующие тенденции во внутривластной жизни и продолжил конфуцианизацию учения Сунь Ятсена, постепенно освобождая его от западных заимствований в пользу традиционной социально-политической системы и идеала «Датун», которые, таким образом, стали рассматриваться в качестве важнейшего инструмента общественной стабильности, нарушенной революцией. Назвав главной причиной отсталости Китая неравноправные договоры, лидер ГМД фактически отказался признавать его внутренние недостатки, возвратившись к пониманию модернизаторских задач, которое существовало в императорском Китае в период политики «самоусиления»⁶⁸.

В целом, социально-политические усилия, которые приложил ГМД для модернизации традиционного общества, оказались явно недостаточными. Остановившись на задаче национального объединения, являвшейся лишь обязательным условием для дальнейшего движения, ГМД не прошел «точку невозврата». Поставив задачу удержать национальное государство и культуру от распада и частично решив ее, ГМД утратил стимул к дальнейшему развитию. Под влиянием социокультурной среды началось движение не в сторону новой национальной идентичности, а возвращение к национальной традиции, которое шло более быстрыми темпами, чем допущало решение мобилизационных задач⁶⁹.

⁶⁸ На фоне политических конфликтов в 30-е-40-е годы китайская общественная мысль продолжала разрабатывать проблемы модернизации и нашла механизмы, которыми затем воспользовалась КПК. См.: ПДВ. 1997. № 6. С. 113. Большая дискуссия о модернизации в 1930-е годы в Китае пришла к выводу, что в основе модернизации должны лежать уничтожение частной собственности на землю, коллективизация сельского хозяйства, некапиталистическая плановая система в промышленности, некоторые из которых совпадают с курсом КПК на «новую демократию». (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 2. С. 126.)

⁶⁹ Несмотря на то что доля знакомых с Западом была примерно равна в высших органах власти. В ЦИК ГМД 6-го созыва (233 человека) получили иностранное образование — 47,3%, в ЦК КПК 7-го созыва (44 человека) — 25 человек (59,52%), включая непродолжительные курсы в СССР. См.: *North R. Kuomintang and Chinese Communist Elites*. Stanford. 1952. P. 50–62.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

КПК, напротив, оказавшись в оппозиции, приобрела дополнительные стимулы для развития и роста. Переместив основную сферу деятельности в сельские районы, гражданская война оказала решающее воздействие на ее дальнейшую судьбу, резко сузив возможность использования опыта европейских компартий и ограничив теоретическую деятельность проблемами стратегии и тактики вооруженной борьбы и подготовки революции. В изолированных крестьянских районах КПК взяла на вооружение принцип «реалистического подхода», который объективно противостоял классической марксистской схеме, акцентируя роль практики, конкретных условий и национальной специфики.

В этот период в КПК происходили те же процессы, что и в ГМД: армия постепенно превращалась в основу политической организации, сливаясь с партией⁷⁰; ее численный рост происходил в основном за счет местного населения, вследствие чего компартия постепенно становилась крестьянской⁷¹. Типичная для Китая социально-экономическая среда способствовала поиску компартией наиболее действенных социально-экономических и политических средств борьбы за власть, прежде всего за поддержку населения. В результате многократных корректировок аграрная политика, формировавшаяся в тесном взаимодействии идеологических установок и реальных условий, стала гибкой и эффективной⁷². Выработанные в «освобожденных районах» методы организации хозяйственной и общественной жизни («военный коммунизм») далеко не всегда сочетались с марксистскими представлениями, больше соответствуя принципам крестьянской общины. В изменившихся условиях европейски ориентированные интеллектуалы в руководстве КПК постепенно уступили место политикам-«почвенникам» во главе с Мао Цзэдуном, укреплявшимся силой народной традиции. Кампания по исправлению стиля (чжэнфэн) (1942–1945) была продиктована не только внутрипартийной борьбой, но и жела-

⁷⁰ «... в условиях многолетней вооруженной борьбы компартия приобрела черты военизированной организации». (Юрьев М. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа 20-е–40-е годы. М., 1983. С. 192–193.) Отличительная черта антиимпериалистической и антифеодальной революции в Китае — длительные гражданские и национально-освободительные войны. КПК «в течение двух десятилетий была сражающейся партией». (Глунин В. Полководец и революционер. (К 100-летию со дня рождения Чжу Дэ.) // Правда. 2. 12.1986).

⁷¹ Этого нельзя сказать об аграрной политике ГМД, близорукость которой стала причиной ее поражения. См.: ПДВ. 1996. № 3. С. 111.

⁷² См.: Мугрузин А.С. Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994; Писарев А.А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20–30-е годы XX в. М., 1986.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

нием стать ближе к народу, чем ГМД, отличия с которым по политическим лозунгам и программам были трудно различимы для большинства населения.

Успешная в целом политическая практика вдохновила новое партийное руководство на ее теоретическое описание. Доктрина «китаизированного марксизма» привела к общему знаменателю построения европейских социалистов и реалии политической и национально-освободительной борьбы. Ссылаясь на китайскую специфику, на 6-м пленуме ЦК КПК (октябрь-ноябрь 1938) Мао Цзэдун обосновал практически уже совершившийся отказ от социальных критериев при приеме в КПК, призвав расширить ее за счет сочувствующих, независимо от социального происхождения⁷³, что, в свою очередь, позволило ему провозгласить в качестве цели создание «государства союза рабочих, крестьян и буржуазии», «новой демократической республики»⁷⁴. Теория «новой демократии» ставила целью превращение Китая в мощное государство, политической основой которого провозглашались «три революционных народных принципа Сунь Ятсена» в трактовке I съезда ГМД⁷⁵. Таким образом, декларируя те же цели, что и ГМД в период первой китайской революции (1925–1927), КПК понизила степень политического и социально-экономического радикализма по сравнению с серединой 20-х годов и пришла к той точке, которая соответствова-

⁷³ Разнообразие социальной базы КПК отражало в основном национальный характер китайской революции — восстановление независимости, возрождение и усиление Китая. См.: *Панцов А.В.* Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985.

⁷⁴ Мао Цзэдун. Задачи Коммунистической партии Китая в период сопротивления Японии. (доклад 3 мая 1937 года) // Избранные произведения. П., 1967. Т. 1. С. 348. См. также Т. 2. С. 253. Это положение вызывает прямые аналогии с идеей «трех представительств» Цзян Цзэминя. Показательно, что и Ленин говорил о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, поскольку диктатура пролетариата, представлявшего меньшинство населения, не соответствовала марксистской схеме. Только после победы революции утвердилось понятие диктатуры пролетариата, окончательно закрепившее мобилизационный характер развития. Мао Цзэдун повторил дореволюционные ленинские построения, которые привели его к мысли об особом, новодемократическом пути революции, а затем и к особому пути строительства социализма.

⁷⁵ См.: «Китайская революция и коммунистическая партия Китая» (1939) и «О новой демократии» (1940) // *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. М. 1953. Т. 3. В 1944 г. Мао Цзэдун заявил, что в освобожденных районах уже воплощены «три народных принципа», т.е. уже существует новая демократия, но необходимо учитывать местные особенности для дифференцированного подхода. К тому времени ГМД от них уже отошел.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ла китайским реалиям и которой достиг суньятсеновский ГМД в период максимального восходящего движения. Более того, разбив достижение главной цели на два этапа (новодемократический и социалистический), она ясно указала, что свойственный теории радикализм уступил место прагматизму, сохранившему при этом революционность в социалистической перспективе и методах массовой работы. Начав, как и ГМД, движение к национальным реалиям, КПК все же сумела сохранить четкость формулировок цели и необходимую долю радикализма в средствах и способах ее достижения.

Таким образом, в 1930-х годах оформились характерные черты китайского марксизма: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т.д. По целому ряду положений существенно отличаясь от классической теории, теория «новой демократии» завершила период распространения марксизма, положив начало его развитию на национальной почве. Европеизируя традиционные китайские концепции, она полностью укладывалась в представление об использовании западного для собственного совершенствования. С курсом на идейно-теоретическую самостоятельность, закрепленным 6-м пленумом ЦК КПК, в преддверии мировой войны смирился и КИ, отдав на этот раз предпочтение государственным интересам СССР⁷⁶.

Альтернатива развития, возникшая в результате соперничества двух авангардных партий, не могла существовать бесконечно. Несмотря на то что политические декларации ГМД и КПК по целому ряду существенных черт совпадали, период военного антияпонского сотрудничества показал, что идейно-политическая борьба между ними не закончена. На этапе антияпонской борьбы предлагаемые КПК и ГМД идеалы играли второстепенную роль, гораздо важнее были практические результаты политического курса каждой из сторон. Деятельность КПК в полной мере нельзя было назвать успешной, однако задачи выживания, которые она ставила перед собой, были выполнены. Незначительные по территории и численности населения районы не позволяли судить о ее эффективности в масштабах страны, но сам факт ее существования сохранял реальность альтернативы. Более того, для Китая, где нравственные нормы оставались важнейшим фактором общественной жизни, аскетические условия Яньани резко контрастировали с коррупцией и разложением ГМД, давая КПК моральное право претендовать на власть в стране⁷⁷.

⁷⁶ Вероятно, поэтому впоследствии Мао Цзэдун говорил, что «6-й пленум изменил судьбу Китая».

⁷⁷ См.: *Apter D., Saich T. Revolutionary Discourse in Mao's Republic. L., 1994. P. 9—10.*

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

Естественно, что ответственность за ослабление Китая в результате антияпонской и гражданской войн была возложена на правящий режим, у которого, как уже отмечалось, после 1927 г. объективно не было возможности полноценно заниматься государственным строительством, расходуя энергию на удержание власти в борьбе с милитаристами, КПК и японской агрессией. Неблагоприятный образ Гоминьдана как правящей партии усиливало превращение его верхушки в полюс социального неравенства, происходившее в момент национального единения в антияпонской войне. Перечисленные факторы способствовали росту влияния компартии, которая была уже не просто лучше организована. Близость к крестьянству позволила КПК предложить аграрную программу, обеспечившую ей широкую социальную базу⁷⁸. Военнополитическая машина с железной дисциплиной и милитаризованной экономикой «освобожденных районов» была готова бросить вызов власти, пребывавшей в постоянной межфракционной борьбе своих генералов, по степени автономности мало чем отличавшихся от милитаристов 20-х годов.

Кредит доверия, которым обладал ГМД, был исчерпан, а предпринимаемые меры – неэффективны. Гоминьдан как правящая партия к тому же был ограничен в создании политических союзов, блоков и коалиций, негативный опыт распределения власти и полномочий в рамках которых она уже имела. Этим воспользовалась КПК, которая, представив себя в качестве общенациональной, патриотической силы, возглавила широкий политический союз и выработала для него новую позитивную идеологию⁷⁹. Единственным, но существенным ограничением для КПК было то, что ГМД, обладая государственной властью, имела рычаги влияния на большей части территории страны, в то время как влияние КПК распространялось только на «освобожденные районы». Успешные военные действия и привлекательный образ КПК устранили это препятствие.

⁷⁸ На VII съезде КПК (1945) крестьянство было провозглашено основой демократического режима, обеспечив КПК массовую социальную поддержку. Но был еще один момент. «Марксизм в Китае победил еще и потому, что он был наиболее радикальной формой идеологии “внешнего” общества; поэтому он обладал и обладает в Китае неотразимой привлекательностью». (ПДВ. 1997, № 5. С. 150.)

⁷⁹ Мнение, что первым новую позитивную идеологию предложил Чан Кайши в книге «Судьбы Китая» (1943), а КПК ответила на нее только на VII съезде, основано на чисто риторическом приеме, использованном Мао Цзэдуном на открытии VII съезда КПК (23 апреля 1945 года). См.: *Мао Цзэдун. Избранные...* Т. 4. С. 453. Принципиальные положения его программного доклада «О коалиционном правительстве» были разработаны гораздо раньше в указанных выше работах.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

В целом, представляется, что решающую роль в становлении КПК в качестве ведущей политической силы сыграли не абстрактные теоретические выкладки марксизма, а качественные характеристики ее организации и руководства⁸⁰. В отличие от лидеров ГМД, сделавших в социальной политике ставку на возврат к понятным большинству населения традиционным ценностям и рассчитывавших, таким образом, заручиться его симпатиями и поддержкой, руководство КПК в главе с Мао Цзэдуном разыграло образ «красных», т.е. соответствующих веяниям с Запада, и своих, народных, вождей⁸¹. Обретенная в период революционных потрясений личная харизма оказалась эффективней основательно поблекших после 1911 г. традиционных ценностей. Последовательно решая текущие политические задачи, КПК тактически переиграла ГМД, за что ее впоследствии в международном коммунистическом движении не раз упрекали в непоследовательности и даже предательстве революционных идеалов. Социальный проект КПК победил аналогичный проект ГМД не в открытом соперничестве, а вследствие разложения Гоминьдана. Политическая практика победила политическую теорию⁸².

* * *

Происходившие в Китае с середины XIX в. восстания и реформы, представлявшие разные социальные полюса возмущения, не достигли цели, разбившись или растворившись в традиционной культуре. Необходима была сила, способная довести преобразования до конца. Созданная Сунь Ятсеном на начальном этапе политическая организация оказалась неэффективной. Стало ясно, что преобразования пойдут только под руководством политических

⁸⁰ Архаичная форма легитимации, основанная на представлении, что все существенные изменения происходят в результате смены мандата, предполагала персонализацию новой социально-политической практики вождем, личность которого приобрела решающее значение. Именно этим объясняется последующая организация «культурной революции», когда противопоставивший себя управленческой пирамиде лидер получил поддержку наиболее активной части населения. См. разд. 2.4.

⁸¹ Этому в значительной степени способствовала массовая кампания по пропаганде культа личности Мао Цзэдуна в период «чжэнфэн» (исправления партийного стиля).

⁸² Идеи Сунь Ятсена не воплотились, поскольку для этого не было исторических и социальных предпосылок: Китай не был объединен, нация не суверенна. Но Сунь Ятсен предложил свою модель модернизации, многое из которой взял Дэн Сяопин. История китайской модернизации началась после «опиумных» войн. (Шэхуйчжун яньцзю. 1998. №1. С. 11.)

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

партий авангардного типа, характерных для стран, не сумевших найти внутренние ресурсы (государство или класс) для движения вперед, но при обязательном участии армии, компенсирующей отсутствие массовой социальной поддержки строгой дисциплиной и организацией⁸³. Вооруженные партии (ГМД с НРА, КПК с НОАК) стали такими организациями. При идейно-теоретической близости программ решающим условием победы одной из них был поиск наиболее эффективного способа мобилизации населения под новый социальный проект⁸⁴. Следуя традиционным принципам управления, ГМД привлек на свою сторону офицеров, заручившись, таким образом, поддержкой армии, в то время как КПК под влиянием большевизма последовательно ориентировалась на массы, уже вовлеченные и вовлекаемые в политический процесс. Армия, созданная профессиональными революционерами, обеспечила ее трансформацию в политическую организацию с армейской организацией и дисциплиной, породив необходимую революции силу, способную выполнять не только охранительные, но и созидательные функции. Победа КПК стала результатом деятельности более высоко организованной и авторитетной политической силы над разложившейся структурой государственного управления, не отвечавшей ни новым историческим задачам, ни традиционным нравственным нормам. Одновременно она обеспечила утверждение марксизма в качестве символа новой государственной идеологии. Заручившись поддержкой населения и объединив традиции и идеи социального переустройства на организационном уровне, КПК сумела впоследствии преобразовать мобилизационность военного коммунизма в мобилизационность социально-экономического развития.

⁸³ Нарастание субъектности исторического процесса по мере экспансии западной цивилизации становилось главной чертой деформируемых ею этнокультур, обусловив появление в них авангардных партий, создавших свои вооруженные силы, способные защищать национальное ядро от внешней агрессии.

⁸⁴ КПК добилась победы, так как цели ее социальной революции отвечали чаяниям китайского народа и необходимости изменения внутреннего и внешнего положения страны, учитывали социальную напряженность в китайском обществе и упадок конфуцианской морали. (*Schram S. The Thought of Mao Tse-tung. Cambridge. 1989. P. 6*). Выяснение причин победы КПК и поражения ГМД до сих пор не потеряло актуальность и привлекает внимание исследователей. См.: *Глунин В. КПК в период антияпонской войны в интерпретации тайваньского историка. // Китай: шансы и вызовы глобализации. М., 2003. С. 77–81.*

2-3. Политика и идеология. От «освобожденных районов» до «культурной революции» (1945–1966). (Вызов СССР.)

После поражения Японии во Второй мировой войне и исчезновения внешней угрозы значительно сократились возможности КПК для маневрирования в отношениях со своим главным политическим оппонентом⁸⁵. Осенью 1945 г. на протяжении довольно короткого периода руководство компартии рассчитывало снять эту проблему, воспользовавшись благоприятно складывавшимися внешними условиями. Вовлечение во внутрикитайский конфликт СССР действительно могло компенсировать слабость китайских коммунистов⁸⁶. Однако после отказа Советского Союза от прямого вмешательства во внутренние дела политическая перспектива КПК стала зависеть исключительно от ее собственных усилий по ослаблению действующей власти и мобилизации под свой социальный проект основных общественно-политических сил и населения. Компартия вынужденно вернулась к теории новодемократической революции, не столько предлагавшей новую социально-экономическую концепцию развития, сколько представлявшей собой набор тактических приемов политической борьбы, центральным из которых была общенациональная консолидация⁸⁷. Практическая за-

⁸⁵ Одной из критических точек китайской истории принято считать образование КНР в 1949 году. Однако для данной темы в качестве точки отсчета целесообразно взять внешний фактор — капитуляцию Японии в 1945 году, решающим образом повлиявшую на деятельность основных политических сил и предопределившую в конечном счете не только победу КПК, но и последующий характер социально-экономических преобразований. «Если бы не существовало Советского Союза, если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен ... Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения». (*Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии. М., 1949. С. 9*).

⁸⁶ Идея использовать внешний фактор для решения внутренних проблем была широко распространена среди коммунистических партий, связывавших свои надежды с победой мировой революции. В КПК одним из первых в 1930 г. его предложил использовать Ли Лисань, рассчитывавший за счет вовлечения СССР в войну против Японии решить внутриполитические задачи. Еще до него Сунь Ятсен связывал с помощью мировых держав победу над маньчжурской династией, а в 1918 году, обратившись к ним за помощью в осуществлении «плана промышленного развития Китая» и в борьбе с милитаристами за объединение страны. А затем Чан Кайши рассчитывал на помощь Германии и США в борьбе с КПК.

⁸⁷ Социально-экономические программы ГМД и КПК существенным образом не отличались, что было подтверждено на VII съезде КПК (1945). Не вызывают удивления «слабые различия между экономическими программами гоминьдана и “новой

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

дача состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону ресурсы, которыми располагал ее политический противник.

Иначе складывалась ситуация в ГМД. Победа в антияпонской войне, одержанная главным образом в результате действий союзников (СССР и США), была воспринята его руководством как результат собственных усилий, воспользоваться плодами которых оно считало своим неотъемлемым правом. ГМД действительно нес основную тяжесть войны в Китае, но не его усилия принесли победу над Японией⁸⁸. Только это уточнение позволяло дать точный анализ ситуации, требовавшей общенациональной консолидации и подтверждения в новых условиях своей легитимности, а не принудительного утверждения в масштабах страны социально-экономической модели государственности, сформированной в период антияпонской войны. Но этого не было сделано Гоминьданом. Политическим следствием этой ошибки стало нежелание делиться властью и ужесточение внутренней политики: происходило дальнейшее усиление роли государства в промышленности, финансах, на транспорте, в сельском хозяйстве и т.д. Одновременно усилилась коррупция, отражая желание гоминьдановской бюрократии получить максимальные личные дивиденды от одержанной победы. Проводимый курс расходился с ожиданиями подавляющего большинства населения. Мощный внешний стимул, способствовавший проведению мобилизационной политики на протяжении войны, исчез, и тяжелое экономическое положение стало восприниматься как неоправданный результат экономической политики ГМД, резко сузив его социальную опору.

В известной степени именно ошибки Гоминдана сыграли решающую роль в выборе компартией нового стратегического курса. Несмотря на то что на протяжении 1946–1947 годов руководство КПК также исходило из того, что внутривнутриполитическая борьба после войны вступила в решающую фазу, требующую радикализации социально-

демократии”, ибо и та, и другая генетически восходят к принципам суньятсенизма». (Меликсетов А. Социально-экономическая политика Гоминьдана. С. 195.) Показательно, что и в России большевики после революции сначала более решительно продолжили мобилизационную программу Временного правительства, а затем в период НЭПа вернулись к умеренной социал-демократической программе, так же близкой экономическим взглядам своих предшественников. См. разд. 1.4. В целом, все это свидетельствует, что программы ответственных политических сил в период революции принципиальным образом не отличались, но побеждала в конечном счете не социально-экономическая программа, а представлявшая ее более авторитетная политическая сила — в данном случае КПК.

⁸⁸ Это хорошо понимала КПК, которой в отличие от правящей партии не надо было искусственно выискивать собственные заслуги и достижения. См. прим. 1.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

экономической политики, наступившая политическая поляризация вскрыла слабость и неконкурентоспособность компартии в национальном масштабе. Вместе с тем радикализация социально-экономической политики ГМД освобождала место общенациональной политической силы, выталкивая на него КПК, ограниченные ресурсы которой требовали отказа от диктовавшегося классово-идеологией радикализма и расширения своей социальной базы за счет общенациональных лозунгов. Именно такая позиция позволила Чан Кайши в конце 1920-х – начале 1930-х годов стать национальным лидером и обеспечить успех ГМД, но на этот раз не была им востребована.

Политическая деятельность компартии в целом носила сугубо прагматический характер. Попытки совместить принципы классовой идеологии и политической целесообразности в заключительный период гражданской войны способствовали выработке ею постепенных, поэтапных социально-экономических преобразований, учитывавших региональные условия. Постепенно общественно-политическое пространство стало консолидироваться вокруг КПК, подтверждая ее легитимность в качестве главной политической силы в деле создания единого государства⁸⁹. Возросшая социально-политическая поддержка со стороны населения привела к росту влияния компартии, что отразилось и на ходе военных действий.

После завоевания компартией власти изменился характер и масштаб стоящих перед ней задач, а ситуация вошла в уже известное мировой истории и новое для руководства КПК русло. Прежние ориентиры в борьбе за власть пропали, а основные факторы общественно-политического процесса стали действовать по другим законам и в других целях. Нужно было собрать и по-новому организовать социально-экономическое пространство, подчинив его решению задач государственного строительства. Вынужденно отказавшись на этапе гражданской войны от собственной, проверенной практикой модели «освобожденных районов», КПК оказалась перед выбором: взять за основу советский опыт или начать поиски собственной концепции⁹⁰. Точкой опоры стали выработанные на советском опыте практические рекомендации, близкие традиционному китайскому типу мышления, которому не были свойственны абстрактные схемы. В соответствии с распространенными тогда в ком-

⁸⁹ Значительная часть плененных гоминьдановцев вливалась в ряды НОАК, а в органах власти на местах КПК широко использовала гоминьдановские кадры.

⁹⁰ Следует отметить, что социально-экономическая модель «освобожденных районов», как и чунцинская модель ГМД, были предназначены для выживания и не подходили для решения задач социально-экономического развития в масштабах всей страны.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

мунистическом движении универсалистскими представлениями, действительная специфика ограничивалась проведением революции в «полуфеодальной, полукOLONиальной» стране. После ее победы задача развития многократно облегчалась движением по уже известному маршруту, дав жизнь лозунгу «СССР сегодня – это Китай завтра». Решающим фактором при выборе новых ориентиров стала победа СССР во Второй мировой войне, подтвердившая эффективность советской модели социально-экономического устройства, а также твердое убеждение, что помощь Советского Союза является обязательным элементом социалистического строительства⁹¹.

2-й пленум ЦК КПК (март 1949) провозгласил перенос центра тяжести в работе партии из деревни в город. Смена задач вызвала в руководстве КПК новые линии напряжения, в сущности повторявшие те, которые возникли у большевиков после Октябрьской революции в России. Ряд высших руководителей, занимавшихся практическими вопросами экономического строительства (Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин, Бо Ибо), считали «новую демократию» стратегическим курсом не только на период проведения революции, но и на весь период модернизации Китая. Огромную роль в формировании их позиции сыграло отсутствие на тот момент у КПК влиятельной радикальной концепции преобразований, способной стать непреодолимым идеологическим препятствием для практики. Практические задачи ориентировали на постепенность и органичность реформ в первый после завоевания власти период.

В то же время Мао Цзэдун и некоторые другие руководители партии (Гао Ган, Чэнь Бода) считали концепцию «новой демократии» исчерпанной, а более близкой стоявшим перед Китаем задачам они полагали советскую модель. Из выступлений Мао Цзэдуна того периода практически исчезло понятие «новodemократическая революция», которое стало заменяться понятием «народная демократия», означавшим завершение периода завоевания власти и постановку задач по реализации стратегических политических и экономических целей компартии. Фиксируя смену исторических обстоятельств, в середине 1949 г. Мао Цзэдун призвал «идти по пути русских», а в 1951 г. им была предпринята корректировка его ранних работ в сторону приближения к сталинской версии марксизма⁹².

⁹¹ Следуя дореволюционным представлениям русских марксистов, Лю Шаоци говорил, что революция может победить в отдельной стране, но без помощи международного рабочего класса социализм потерпит поражение.

⁹² Идеино-политическая сущность маоизма. С. 24–31. В решение 2-го пленума ЦК 7-го созыва был включен тезис о «руководящей роли рабочего класса», а в начале 50-х годов был осуществлен перевод на китайский язык всех основных произведений марксизма.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Существовало, однако, еще одно важное обстоятельство, заставлявшее Мао Цзэдуна развернуться к внешнему миру. Для Китая марксизм был не только теорией политического действия, но и символом с огромным пропагандистским и мобилизационным потенциалом⁹³. Его использование снимало проблему легитимации новой власти и укрепляло личный авторитет вождя. Тем не менее, несмотря на очевидную радикализацию взглядов Мао Цзэдуна, на сессии Народной политической консультативной конференции (сентябрь 1949) Китай был провозглашен «государством новой демократии», идеологическую основу которого составляли идеи национального единства Сунь Ятсена, многоукладность и рыночные отношения⁹⁴.

«Новодемократическая» политика, сдерживая темпы преобразований, усилила конфликт между задачами государственного строительства и идеологическими принципами, приоритет которых отстаивал Председатель КПК. Решающую роль в формировании такой его позиции сыграло признание Мао Цзэдуна главным теоретиком и идеологом партии в 1938 г. и официальное подтверждение этого статуса на VII съезде КПК в 1945 году, а также в ходе кампании по пропаганде марксизма после 1949 года⁹⁵. Рассматривая политическую борьбу только в качестве подготовки условий для реализации революционных целей и идеалов, Мао Цзэдун всегда стремился идти от теории к практике, а для этого последовательно концептуализировать социально-экономический процесс, описать его теоретически, следуя традиционной китайской максиме «практическое действие не сложно»⁹⁶. Несмотря на то что его выводы и положения часто оказывались неточными и даже ошибочными, не учитывавшими китайских реалий, ему удавалось сохранять авторитет и высшую степень легитимности среди партийного руководства, поскольку только постоянно демонстрируемая им приверженность социалистическим идеалам давала ясную перспективу исторического развития и легитимность проводившейся политике, в принципиальном плане не слишком отличавшейся от

⁹³ Это объясняет, почему у КПК после революции никогда не было развернутой Программы и только в декабре 1953 г. в период максимального влияния КПСС был утвержден ее прообраз — «Тезисы для пропаганды генеральной линии партии в переходный период».

⁹⁴ С меньшим числом ограничений частной собственности, чем даже в странах Восточной Европы.

⁹⁵ На 7-м пленуме ЦК 6-го созыва (апрель 1945) в «Решении по некоторым вопросам истории КПК» «идеи Мао Цзэдуна» назывались «объективной закономерностью развития марксизма в Китае».

⁹⁶ В отличие от России, где практика уточняла теорию, в Китае процесс шел в обратном направлении — от практики к теории.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

программы ГМД⁹⁷. Социалистическая теория, авторитет которой использовал Мао Цзэдун, стала важнейшей чертой политической идентичности КПК внутри страны.

По мере проведения социалистических преобразований и перемещения центра тяжести на практическую работу сам Мао Цзэдун вытеснялся на периферию общественно-политических процессов. Его попытки расширить пространство своей деятельности и ускорить социалистические преобразования в ходе идеологических кампаний против «трех» и «пяти зол» (конец 1951 – начало 1952 годов) привели к снижению темпов роста и заставили вернуться к проведению прежней осторожной политики. Хозяйственные задачи диктовали свои правила, заставляя учитывать реалии и приспосабливать к ним идеалы⁹⁸. Возможно, еще более важным было то, что для большинства 20-летней «эмиграцией» в отдаленные сельские районы, главной задачей которой было выживание. Наступивший же период мирного строительства сам по себе воспринимался как большое достижение⁹⁹. В целом, в этот период идеология приобретала явно подчиненный по отношению к практике государственного строительства характер.

Завершение аграрной реформы в 1953 г. изменило социально-политическую атмосферу в обществе, подготовив условия для ускорения преобразований в духе идеологических принципов. На Всекитайском финансово-экономическом совещании (лето 1953) Мао Цзэдун выступил с острой критикой консервации «новodemократического порядка», высказавшись за переход к социалистическому этапу революции¹⁰⁰. В качестве альтернативы «новой демократии» была предло-

⁹⁷ Стремление Мао Цзэдуна к концептуализации впоследствии негативно повлияло на Дэн Сяопина, который взял на вооружение методологические принципы «поиска истины в фактах» и «переходить реку, ощупывая камни», отказав теории в главной роли. Желанием поддержать подход Дэн Сяопина было продиктовано разделение марксизма на основные и неосновные положения в ходе дискуссии в середине 80-х годов. См. разд. 3.3.

⁹⁸ При возникновении дворового подряда Дэн Сяопин заявил, что надо использовать в сельском хозяйстве те формы, которые дают результат быстрее и легче и которых хотят люди. Незаконное надо узаконить. «Лю Бочэн часто говорит: желтая кошка, черная кошка, если ловит крыс — хорошая кошка. Надо действовать не по старым рецептам, а по ситуации». (Дэн Сяопин взньсюань. (Избранные произведения Дэн Сяопина.) Пекин, 1993. Т. 1. С. 323.)

⁹⁹ В отличие от русских революционеров, западноевропейская эмиграция которых способствовала вызреванию других идеалов.

¹⁰⁰ На выбор Китая социалистического пути и ориентацию на помощь СССР оказала влияние корейская война, а «советский социалистический строй по-прежнему играл роль примера». (Ху Цяому. Цюоши. 1989. №. 19. С. 23–24.) Возможно, в условиях

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

жена Генеральная линия на переходный период, целью которой являлось постепенное осуществление индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, социалистические преобразования промышленности и торговли¹⁰¹. Однако новый курс еще нельзя было расценивать как победу идеологии над практическими задачами государственного строительства. Их цели на тот момент просто совпали.

К 1953 г. выяснилась неспособность преобразованного сельского хозяйства обеспечить страну продовольствием, что послужило основанием для введения государственной монополии на хлеб и основные продукты питания, а затем, в 1953-1954 годах, и для усиления командно-административного управления и сокращения сферы рыночного регулирования, заложив социально-экономические предпосылки для восстановления азиатской модели государства, фундамент которого был поколеблен предшествовавшими аграрными реформами. Крестьяне из собственников земель вновь становились арендаторами, а власть-собственность переходила в руки аппарата государственного управления. В это же время на 1-й сессии ВСНП 1-го созыва (сентябрь 1954) прагматичное крыло КПК во главе с Чжоу Эньлаем впервые выступило с программой «четырех модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и обороны), органично вписывавшейся в новый мобилизационный курс¹⁰².

Усиление позиций государства в экономике повысило требования к партийно-государственному аппарату, дав повод активизировать идеологическое и организационное строительство¹⁰³. Воодушевленный произошедшей идеологизацией политического курса Мао Цзэдун стал наращивать усилия по идейно-политической кон-

растущей международной напряженности (войны в Корее, конфликта с Тайванем и начавшейся «холодной войны») появились сомнения в пригодности существующей модели для амбициозных и, как тогда казалось, жизненно важных целей, подталкивая Мао Цзэдуна вернуться к мобилизационной модели экономической и политической жизни, характерной и для периода антияпонской войны.

¹⁰¹ «Путь, пройденный Советским Союзом, и есть тот пример, которому мы должны сегодня следовать». (Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период. Приняты в декабре 1953 г. М., 1957, С. 54.)

¹⁰² В 1957 г. Мао Цзэдун выдвинул курс на модернизацию науки и образования, а затем, читая советский учебник политэкономики в 1959 году, изложил задачи модернизации промышленности, сельского хозяйства, обороны, науки и техники. (Шэхуйчжун яньцзю. 1998. № 1. С. 23.)

¹⁰³ Численный рост КПК в ходе гражданской войны заставил в начале 1951 г. принять решение о проведении чистки, завершившейся к февралю 1953 года. Быстрому росту компартии способствовало решение VII съезда о снятии некоторых ограничений при приеме в партию, направленное на расширение ее влияния, официально закрепившее сложившуюся с конца 1930-х годов практику.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

солидации власти, начав ее с борьбы со своими оппонентами¹⁰⁴. Тем не менее эта борьба в тот момент не принесла желаемых результатов. В партии усилилось звено руководителей, которое, занимаясь на протяжении последних лет задачами хозяйственного строительства, обрело авторитет и укрепило свои позиции в обществе и государстве. Так и не сумев переломить ситуацию в руководстве партии, в июле 1955 г. Председатель КПК, используя личный авторитет, обратился к ганьбу среднего звена с призывом форсировать темпы кооперации в сельском хозяйстве и получил их поддержку на 6-м расширенном пленуме ЦК (октябрь 1955). Остановив свой выбор на этом звене партийного руководства, Мао Цзэдун попытался найти новую социально-политическую силу, способную радикализировать преобразования. В отличие от значительной части партийной элиты, строго ориентированной на практические результаты, эта категория ганьбу, в массе своей состоявшая из представителей люмпенских слоев, выведенных из традиционного сектора экономики и по этой причине являвшихся наиболее социально-политически активной частью деревни, составляла ядро НОАК в период гражданской и антияпонской войн и всегда поддерживала радикальные призывы вождя.

К этому моменту у Мао Цзэдуна, вероятно, окончательно сформировалось собственное видение целей и идеалов развития, на которое, конечно, оказал влияние опыт «освобожденных районов», но которое не было ему тождественно. Одновременно у него исчезла потребность утверждать свой авторитет ссылками на марксизм: легитимность новой власти была уже подтверждена результатами практической деятельности, а объяснительный потенциал марксизма для описания китайских реалий стремительно сокращался, создав предпосылки для поиска национального пути развития через более глубокий, чем просто использование в национальных условиях, синтез западных, марксистских и традиционных подходов.

Непосредственным поводом для пересмотра отношения к советскому опыту стала критика культа личности Сталина¹⁰⁵. Десакрали-

¹⁰⁴ «Дело Гао Гана — Жао Шуши» летом 1953 г. нанесло удар по верхнему эшелону, убрав идеологически наиболее близких и поэтому наиболее опасных конкурентов Мао Цзэдуна, а развернувшаяся осенью идеологическая кампания критики «Сон в красном тереме» — по инакомыслию в партии и среди интеллигенции. Повторялась схема, по которой И. Сталин ликвидировал своих оппонентов — сначала левых во главе с Л. Троцким, а затем правых во главе с Н. Бухариным. См. разд. 1.4.

¹⁰⁵ После XX съезда КПСС Мао Цзэдун стал искать свой путь социалистического строительства, положив начало китайскому пути строительству социализма и критике на теоретическом уровне советской модели. (Шэхуйчжун яньцзю. 1998. № 1. С. 22—23.)

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

зация признанного авторитета позволила Мао Цзэдуну выступить инициатором курса на ускоренную коммунизацию и индустриализацию, воплощавшего универсальные принципы социалистического строительства, и четко сформулировать то, что уже было очевидно, и только влияние марксизма не позволяла провозглашать это открыто в СССР: цель социализма состоит не в утверждении принципов социалистического гуманизма в общественной жизни, а в ускорении экономического развития. В частности поэтому, в силу разной степени влияния западноевропейской культуры, одни и те же лозунги «догнать» и «перегнать» в СССР сопровождались «хрущевской оттепелью», а в КНР – утверждением казарменной дисциплины¹⁰⁶. Ясность цели делала главной задачей увеличение скорости. При этом, по мнению Мао Цзэдун, радикальность преобразований автоматически вела к росту результатов¹⁰⁷. В ходе развернувшейся пропагандистской кампании он впервые высказал мысль о том, что строить социализм можно, «не оглядываясь на СССР», и заявил о расхождении с КПСС по вопросам войны и мира¹⁰⁸.

Практически одновременно с переходом к массовой коллективизации в деревне в середине 1956 г. начались ускоренные преобразования промышленности и торговли в городе. Однако проведение национализации за выкуп, а не в соответствии с императивами классовой борьбы, свидетельствовало о принципиально иных модернизаторских целях, которые ставились руководством КПК в этой кампании. В сущности, это была сугубо технологическая операция, но не по физическому уничтожению классовых противников, а по стимулированию экономического роста и финансированию индустриализации за счет укрупнения и централизации управления¹⁰⁹. Ликвидация частной собственности и ограничение рыночных отношений были оценены как победа социалистической революции, создавшая социально-политическое пространство, в котором, наконец, стали возможны усилия по всесторонней модер-

¹⁰⁶ Главным в КНР оказался лозунг модернизации: «перегнать Великобританию по выплавке стали», а в СССР – «догнать и перегнать Америку», «достичь высшей в мире производительности труда».

¹⁰⁷ Это типичная модель проведения всех социально-политических кампаний, результаты которых находятся в прямой зависимости от радикальности и активности, но она совершенно не применима к экономике, подчиняющейся действию других законов.

¹⁰⁸ Впоследствии идея «большого скачка» интерпретировалась как попытка вырваться из-под опеки СССР. Вина за конкретные ошибки возлагалась на Чэнь Бода, а Мао Цзэдун, якобы, был за развитие товарно-денежных отношений. См.: Кэсюэ шэжуйчжун гайлунь. (Краткий очерк научного социализма.) / Составитель У Цзи-сян. Наньчан. 1983. С. 243.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

низации, аналогичной по формальным показателям советской модели начала 1930-х годов. В то же время действия по принципу «больше обобществление – больше социализма» вели к дальнейшему огосударствлению и реставрации азиатских структур управления. КПК повторяла траекторию социально-экономической политики ГМД, которая шла от рынка и частной собственности к государственно-бюрократической собственности и государственно-бюрократическому регулированию, но уже не имея серьезной политической оппозиции внутри страны¹⁰⁹.

На VIII съезде КПК (сентябрь 1956) был сделан вывод, что социалистическая революция в основном завершена и основная задача партии состоит в том, чтобы «как можно быстрее превратить нашу страну из отсталой аграрной в передовую индустриальную»¹¹¹. Решения съезда с точки зрения интересов идеологии и задач государственного строительства были взвешенными и обоснованными. Они констатировали, что Китай является промышленно отсталой страной и «для построения социализма необходимо развить социалистическую индустрию и прежде всего тяжелую промышленность, чтобы превратить нашу страну из аграрной в передовую индустриальную. Для этого необходимо довольно длительное время, равное трем пятилеткам или более»¹¹². Экономические успехи, сбалансированность идеологии и политики позволили назвать этот съезд самым успешным в истории КПК. Но именно эта сбалансированность не устраивала революционно-идеологическое крыло КПК, считавшее, что партия в целом недостаточно активна в отношении дальнейшего преобразования Китая в экономически мощное государство.

¹⁰⁹ Аналогично внедрению достижений Запада в масштабах всего народного хозяйства в Советской России. См. разд. 1.4.

¹¹⁰ Важно обратить внимание на то, что и советская модель реставрировала основные черты российской традиции. И ГМД, осев на Тайване, предпринял такие же меры, что и их противники на континенте: провел реорганизацию партии с целью ее идейно-политической консолидации, аграрную реформу, провозгласил борьбу с мировым коммунизмом, как в свое время Сунь Ятсен с империализмом (мессианство), определил новую цель — Датун, а также использовал финансовую помощь США. Таким образом, после завершения гражданской войны и политического соперничества на континенте программа социально-экономических преобразований и социально-экономические характеристики сложившегося строя сблизилась. Причина этого в том, что в целях стабилизации ситуации КПК и ГМД сделали в конце 1940-х — начале 1950-х годов шаг назад: КПК к программе Сунь Ятсена, а ГМД к конфуцианству. Эти три исторических параллели важны для понимания сущности модернизации. См. разд. 5.

¹¹¹ См.: Материалы VIII съезда КПК. М., 1956. Резолюция по Отчетному докладу.

¹¹² Там же. С. 10.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

На 2-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва (ноябрь 1956) Мао Цзэдун начал кампанию по исправлению стиля, целью которой провозглашалась ликвидация отрыва партии от масс и преодоление бюрократизма, т.е. приближение политической линии КПК к национальной культуре. А вскоре на расширенном заседании Верховного государственного совещания (27 февраля 1957 года) он выступил с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа», обосновывавшей перенос центра тяжести работы из экономической сферы в идеологическую¹¹³. Достигнутая в ее ходе идейно-политическая консолидация партии должна была способствовать радикализации экономической политики. На этом этапе Мао Цзэдун гибко применял различные тактические схемы, чтобы не только добиться общественной мобилизации за счет тезиса о расширении классовой борьбы, но и общенациональной консолидации, пользуясь отсутствием в китайском обществе развитых классов¹¹⁴. В целом, такая непоследовательность была проявлением конфликта, возникающего в процессе модернизации. Мобилизационность, требуя массовой концентрации усилий, ведет к вовлечению в процесс больших масс населения и повышает тем самым инерционность, вводит традицию, замедляет преобразования.

Несмотря на возникшие диспропорции в экономике и рост социальной напряженности, на 3-м пленуме ЦК КПК (сентябрь-октябрь 1957) Мао Цзэдуну удалось добиться принципиального одобрения ускорения темпов социалистических преобразований и начать подготовку к «большому скачку» под лозунгом «больше, быстрее, лучше, экономнее»¹¹⁵. На 2-й сессии VIII съезда (май 1958) было принято решение ускорить темпы, чтобы «за 15 лет догнать Англию, за 20 —

¹¹³ 27 апреля 1957 г. ЦК КПК принимает «Указания о движении за упорядочение стиля». Весной 1957 г. активизируется кампания «пусть расцветают 100 цветов, пусть соперничают 100 школ». На 3-м пленуме (сентябрь-октябрь 1957) эти движения были оценены как социалистическая революция на идеологическом и политическом фронте.

¹¹⁴ Современная китайская историография упрощает этот процесс, сводя его к понятной населению схеме «ошибок-заслуг» Председателя. См., напр.: Мао Цзэдун в речи о «Правильном разрешении противоречий внутри народа» (февраль 1957) поставил задачу развития производительных сил, завершив таким образом революционный период. Но затем в том же году в борьбе с правыми отверг этот правильный тезис и провозгласил лозунг «классовая борьба — основа». (Шэхуйчжунъянцзю. 1998. №1. С. 24.)

¹¹⁵ Впервые лозунг досрочного завершения социалистических преобразований по принципу «больше, быстрее, лучше» и опоре на крестьянство был выдвинут Мао Цзэдуном в докладе «О борьбе против правого уклона и консерватизма» (6 декабря 1955 года).

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

США», и выдвинут курс «трех красных знамен»: новой генеральной линии, «большого скачка», народных коммун, которые провозглашались основой общественного строя и действительно выглядели совершенной формой мобилизационной организации общественно-экономической жизни. Но, как показала последующая практика, предпринятые шаги были экономически неэффективными¹¹⁶.

Аграрная реформа, социалистические преобразования промышленности и торговли должны были стать источником ускоренного развития. Однако кооперация сельского хозяйства, укрупнение и техническое перевооружение предприятий, не изменив подходов и принципов политического руководства, не дали желаемых экономических результатов. Утилитарное использование марксизма привело к тому, что марксистская схема, упростившая исторический процесс, сама стала подвергаться дальнейшему упрощению, еще больше отрываясь от практики. Внешняя простота и ясность провозглашенных целей предопределили стратегию и тактику социалистических преобразований. До начала 50-х годов деятельность КПК концентрировалась в социально-политической и военной сферах, в которых решающими были политическая воля и организация. Перейти от революционной парадигмы в политике к сфере, где действуют экономические закономерности, компартии было чрезвычайно сложно. Главное, что этот переход противоречил опыту КПСС и самой КПК, всей своей деятельностью доказывавших возможность отличного от естественно-исторического пути, в основе которого лежат экономические закономерности. Социализм как вариант мобилизационного развития выглядел в равной степени применимым и к социально-политическим, и к экономическим процессам.

Невзирая на возникавшие ошибки и просчеты, имевшийся опыт успешной политической деятельности толкал высшее руководство КПК на все новые эксперименты, в основе которых лежали социально-политические факторы, такие же по своей природе, как порожденный антияпонской войной общенациональный подъем¹¹⁷. Но национальное единство в мирных условиях не принесло ожидавшегося результата, а напротив, способствовало общественно-политической стабилизации и снижению динамизма экономи-

¹¹⁶ Критическое отношение к политике «трех красных знамен» восстанавливало влияние советского опыта. В конце 1950-х годов, возможно под влиянием аналогичной дискуссии в СССР, высказывалось мнение о «необходимости товарного производства при социализме». См.: Синь цзяньшэ. 1959. №1. С. 29.

¹¹⁷ Для обобщественного производства, действительно, нужны были иные, чем материальная заинтересованность, инструменты, мобилизующие общество, например, массовые пропагандистские кампании.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ки. Экономический детерминизм отказывался находить подтверждение и в Китае. Необходимо было искусственно создать зону напряжения и вывести общество из состояния покоя, в которое оно, следуя импульсам традиционной культуры, вновь погружалось. Неудачи социально-экономических экспериментов Мао Цзэдун расценил как изъяны социокультурной среды, недостаток революционности масс, сделав вывод о необходимости перенести центр преобразований на социально-политические отношения, чтобы максимально мобилизовать потенциал населения. Испытанным еще в период «освобожденных районов» аргументом был тезис об обострении классовой борьбы, обосновывавший необходимость дальнейших преобразований. Проблема заключалась в том, что в Китае не были окончательно сформированы классовые антагонизмы, а без них марксистская схема не действовала или действовала непредсказуемо, вновь, как и в 1920-е годы, вступив в конфликт с национальной практикой¹¹⁸. Социально-политическая дестабилизация, наступившая в результате общественно-политических кампаний, повышая социально-политическую мобильность, облегчала попытки вырваться за рамки традиционного общества, сплоченного национальной идеей, и за пределы традиционного естественно-исторического развития¹¹⁹. Однако побочные следствия этого курса не замедлили сказаться. Преувеличивая роль социально-политических факторов, Мао Цзэдун неизбежно отказывался и от экономического детерминизма, лежавшего в основе коммунистической теории, а возможный экономический рост девальвировался, подталкивая КПК к волюнтаризму. Потеряв теоретическое сопровождение, руководство КПК оказалось политически незрелым, чтобы компенсировать его точными политическими действиями и установками.

Первый опыт модернизации традиционного общества по социалистической, мобилизационной модели, несмотря на все усилия ее усовершенствовать, оказался неудачным. Провал заставил компартию повернуть назад к естественному, немобилизационному пути, принципиально описанному марксистской теорией, и провозгласить в 1961 г. политику «урегулирования», чтобы стабилизировать ситуацию и предпринять новую попытку найти эффективный путь мобилизационного развития.

¹¹⁸ КНР повторяла путь Советской России на рубеже 1920–1930-х годов. С той лишь разницей, что для СССР его правильность уже не была очевидной.

¹¹⁹ Из тезиса об обострении классовой борьбы вытекали репрессии 30-х годов в СССР и в период «культурной революции» в Китае, объектом которой было старое враждебное общество, но в России оно было представлено образованными классами, а в Китае — крестьянством.

2-4. Классы и поколения. «Культурная революция». (1966–1976) (Вызов традиции.)

В практической деятельности компартия Китая всегда отдавала приоритет средствам внеэкономического, социально-политического и идеологического воздействия, полностью соответствовавшим закономерностям функционирования неевропейских, азиатских социальных структур и неизменно приносившим ей успех. После завоевания власти она попыталась использовать этот арсенал и для достижения экономических целей¹²⁰. Однако предпринятые компартией в ходе социалистических преобразований усилия по наращиванию материально-технического потенциала не смогли преодолеть инерцию социальной среды. Программа форсированной индустриализации закончилась провалом, задачи модернизации остались нерешенными, требуя новых форм сочетания материальной и духовной культур, способных ускорить процесс социалистического (модернизационного) строительства. В годы «культурной революции» зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела абсолютный характер, что позволило выделить основное противоречие социалистического строительства в Китае – между экономическим детерминизмом марксистской теории и реальностью, неподчиняющейся присущим Западу законам общественного развития.

Катастрофические для экономики последствия курса «трех красных знамен» вызвали критику со стороны прагматичной части высшего руководства. С лета 1960 г. начались совещания по поиску путей выхода из кризиса¹²¹. Несмотря на сопротивление Мао Цзэдуна, на 9-м пленуме ЦК КПК (январь 1961) был провозглашен курс на урегулирование и снижение темпов развития, стали восстанавливаться кооперативы и индивидуальные формы хозяйствования, семья провозглашалась первичной производственной единицей в деревне, укреплялась производственная дисциплина в промышленности, был введен запрет на вмешательство партийных органов в хозяйственное руководство и даже ставился вопрос о восстановлении свободного рынка. Мао Цзэдун перестал вмешиваться в экономическое строительство, по-прежнему уделяя основное внимание вопро-

¹²⁰ Социально-политические и идеологические средства вообще были характерны для социалистического строительства, поскольку изымавшийся на экономическое развитие прибавочный продукт делал невозможным использование материальной заинтересованности.

¹²¹ Подробнее об этом периоде см.: Усов В. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». 1960–1966. ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 4–5.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

сам идеологии. Тем не менее усиление прагматизма не могло не вызвать его ответную реакцию. На 10-м пленуме (сентябрь 1962), наряду с продолжением курса на частичное восстановление материальной заинтересованности, использование товарных отношений, сокращение отчислений в централизованные фонды и т.д., вновь был выдвинут тезис об обострении классовой борьбы со сторонниками реставрации капитализма. Призывы «взяться за классовую борьбу в качестве основы» и «вести социалистическое воспитание», по мнению Мао Цзэдуна, были главными в решениях пленума. Вместе с тем, осознав на предыдущем этапе, что расширение классовой борьбы не имеет в Китае перспективы, он указал на новый фронт – между марксизмом и ревизионизмом, направив на борьбу со сторонниками «мирной эволюции», главным представителем которых было названо «ревизионистское государство» СССР. Появление нового внешнего врага позволяло добиться того, чего не удавалось сделать поочередным провозглашением лозунгов общенациональной консолидации и обострения классовой борьбы – мобилизовать социально-политическую активность общества на осуществление позитивных целей. Изменение внешнеполитических приоритетов заставило внести существенные коррективы в экономическую политику, взявшую в 1963-1965 годах курс на милитаризацию, который полностью соответствовал мобилизационным устремлениям Мао Цзэдуна.

В новой стратегической линии воплотилось долго зревшее разочарование лидера КПК как марксистскими схемами, так и практическими рекомендациями и рецептами, составленными на основе советского опыта. После 1949 г. Мао Цзэдун не просто повторял советскую схему, он претендовал на ее развитие, считая, что рост количественных характеристик, интенсификация и ускорение тождественны росту результатов. Провал «большого скачка» был использован для дискредитации универсальности советского опыта, что имело важное пропагандистское значение для укрепления авторитета Мао Цзэдуна, но не отразилось на его политической методологии. Неоправдавшиеся надежды на интернациональную помощь теории вызвали отторжение и критику иностранных заимствований, принявших на себя основную вину за допущенные в государственном строительстве ошибки. Разрыв с СССР стал точкой отсчета для поиска собственной модели развития и новой идентичности. Разоблачение признанного авторитета требовало компенсации, и на протяжении первой половины 60-х годов активно велась кампания по изучению идей Мао Цзэдуна, с успехом выполнявшая эту роль.

Строго следуя традиционным социально-политическим критериям, одну из главных причин поражения предшествующего курса Мао Цзэдун видел в несоответствии человеческого материала

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

масштабу и сложности поставленных задач. Правильно выбранному направлению, по его мнению, не хватило решительности и динамизма масс. Как и русская революционная интеллигенция XIX века, он почувствовал, что основная масса населения сама по себе не способна изменить складывавшийся веками тип поведения. Вместе с тем в его социально-экономических взглядах радикальных изменений не произошло, интегрированные комплексы – Дачжай и Дацин – продолжали рассматриваться в качестве основы социально-экономического развития и новых экспериментов.

Избрав мобилизационную модель развития, КПК могла рассчитывать на мобилизацию только имеющихся после отказа от иностранной помощи ресурсов, т.е. традиционной культуры и общественных отношений, стремившихся к сохранению строго определенных форм социальной организации¹²². Консерватизм традиционных социальных форм предъявлял особые, повышенные требования к социально-политическим функциям и характеристикам партии. Однако ее организационный потенциал оказался явно недостаточным, чтобы привести в движение инертную социальную массу. Расслоение партии на массу рядовых членов и профессиональный управленческий слой (ганьбу), усилившееся после завоевания власти, восстановило, в сущности, традиционную систему управления, лишив общество динамизма. Партийная элита и образованные слои, не разделявшие идеалы и лозунги вождя, а затем и партийные организации превратились, таким образом, в главное препятствие для осуществления предлагавшегося Мао Цзэдуном революционного проекта¹²³.

¹²² Поэтому «культурная революция» была направлена на критику традиции, препятствовавшей проявлению социально-политической активности. В то же время, не имея ни западного образования, ни опыта жизни за границей, Мао Цзэдун не мог в формулировании позитивных целей далеко уйти от традиционных представлений, лишь по-разному их интерпретируя, и был уверен в превосходстве китайской культуры, которой надо было только найти новые формы. Мысль о том, что Мао Цзэдун в «культурную революцию» выступал против бюрократии, а Лю Шаоци и Дэн Сяопин за государственные институты, уже высказывалась. О ее убедительности с точки зрения развития социалистического движения свидетельствует то, что в Западной Европе в то же время критиковали СССР за бюрократизацию строя, утрату революционных идеалов и обуржуазивание. См.: *Esprit*. Juin, 1972. № 6. P. 943–964.

¹²³ На заседании ПК ПБ ЦК КПК (16 июля 1959 года) Мао Цзэдун пригрозил обратиться «к крестьянам и армии», но продолжить курс «трех красных знамен». Уже тогда он выразил недовольство сложившейся системой управления, основу которой составляла КПК. Общество, по его мнению, вернулось к прежней, дореволюционной азиатской модели. Такое ощущение возникало после революции у многих, например у Л. Троцкого в России См. разд. 1.4.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

В обществе без социально активных классов на роль источника преобразований, помимо авангардной партии, могли претендовать только структуры государства, прежде всего армия, традиционно игравшая в новейшей китайской истории роль активной социально-политической силы. Весной 1963 г. начались кампании за «социалистическое воспитание» и учебу у НОАК, которые, вопреки расчетам Мао Цзэдуна, не смогли дисциплинировать партию. А сама армия, как показал опыт милитаристских группировок начала века, была неспособна возглавить социально-политические реформы и выдвинуть новые социальные инициативы. Являясь важнейшим институтом государства, она, конечно же, не могла встать во главе движения, направленного на его разрушение.

В декабре 1964 г. Мао Цзэдун вновь призвал усилить классовую борьбу, подтвердив, что центр тяжести работы партии по-прежнему находится в сфере идеологии, а ее лидер нуждается в новом обострении ситуации. Расширение классовой борьбы означало не столько изменения в реальной социальной политике – она давала основание для проведения идейно-воспитательных кампаний, являвшихся главным средством социально-политической дестабилизации и давления на оппонентов, постоянно проверяя их идеологическую чистоту и нравственную безупречность и подтверждая или опровергая, таким образом, их легитимность. Экономические успехи и неудачи были влиятельным аргументом в споре идеологии и политики, но в идеократическом государстве, возникшем для того, чтобы сохранить социокультурную идентичность, противопоставив западному техническому превосходству национальную идею, преимущество идеологии в конечном счете было предопределено. Монополия Мао Цзэдуна на источник высшей легитимности – социалистическую теорию, заставляла государственно-прагматическое крыло в руководстве КПК занимать оборонительные позиции, постоянно проигрывая в темпе¹²⁴. Трудно сказать, чего в решении Мао Цзэдуна начать новую политическую кампанию было больше: ощущения ускользающей власти или желания воплотить свой социальный проект. В конечном сче-

¹²⁴ Хотя оно и пыталось саботировать его решения на практике. Сторонники Мао Цзэдуна стремились политизировать кампанию критики драмы «Разжалование Хай Жуя», начатой в ноябре 1965 года, а его противники – сохранить ее в рамках научной дискуссии. Исход политической борьбы определялся тем, что Мао Цзэдун стал символом революции, персонифицировал ее легитимность, обладая «небесным мандатом», поэтому критика его со стороны КПК была невозможна. Именно поэтому в отличие от Чан Кайши и Дэн Сяопина, он не допустил при своей жизни поворота к прагматизму, подорвавшего бы его легитимность.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

те, непрекращающиеся попытки активизировать идеологическую борьбу принесли результат, выведя общественно-политическую ситуацию из равновесия.

Впервые призыв к началу «культурной революции» был опубликован в «Цзефанцзюнь бао» (18 апреля 1966 года) и был направлен на оказывающих сопротивление курсу Мао Цзэдуна интеллигенцию и партийный аппарат, обвиненных на состоявшемся в мае расширенном заседании ПБ ЦК КПК в «следовании по капиталистическому пути». Для организационного обеспечения новой кампании была создана состоявшая из сторонников Мао и не подчинявшаяся высшим партийным органам «Группа по делам культурной революции» во главе с Чэнь Бода. Но это была только часть решения.

Помимо ликвидации действовавшего аппарата управления нужно было найти социального носителя революционных идей. Традиционное общество могло разбудить только массовое общественно-политическое движение. Ни крестьянство, ни рабочий класс, ни тем более интеллигенция не подходили на эту роль. В обществе с неразвитой классовой дифференциацией и господством патриархальных отношений необходимо было найти свой, особый источник развития, соответствовавший характеру социальной организации.

Конфликт поколений, на протяжении всей китайской истории целенаправленно скрадывавшийся социально-политическими институтами, обеспечивавшими общественную стабильность, существенным образом сказался на представлении о социальном идеале. Если на Западе одним из обязательных атрибутов социальной справедливости было социальное равенство, то в Китае – почитание старших («сяо») и, соответственно, подчинение современности традициям. Повышение социально-политической активности подчиненной стороной и отказ от прежних норм мог быть легитимизирован только силой. В результате место традиционных этических принципов могли занять другие нормы, также существовавшие в китайской традиции, но не на первых ролях, в том числе уравнительное распределение, сближавшее Китай с социалистическими идеалами на Западе и сыгравшее решающую роль в выборе Китаем коммунистической идеологии¹²⁵. Впервые в открытой форме конфликт поколений проявился на рубеже 1920-х годов после того, как традиции государственности были прерваны Синьхайской революцией, а революционные армии стали вытесняться из общественно-

¹²⁵ КПК была близка фундаментальным, даоско-буддийским слоям культуры, только которые и смогли объединиться с «прогрессивным западным символом» — социализмом, также выросшими из общины.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

политической жизни, освобождая место политическим партиям, и вновь появился в национальной повестке дня, когда КПК стала утрачивать революционность и революционную легитимность.

Вовлеченные посредством «культурной революции» в политический процесс массы должны были освободиться от социальных норм, прежде всего традиционных нравственных, и повысить свою социальную и культурную мобильность, став своего рода проверкой на модернизационную зрелость китайского общества. Эта задача была доступна только молодежи, которая не была связана ни нормами традиционного общества, ни классовыми интересами, что позволяло ей выступать в качестве революционной силы на протяжении всей истории Китая XX века¹²⁶. Возродившимся традициям (консерватизму культуры) вновь был брошен вызов, но не извне, а изнутри – революционным характером идеологии и динамизмом социально-политической среды, находившейся на протяжении предшествовавших полутора десятилетий в состоянии повышенной активности.

Под предлогом борьбы с каппутистами студенческая и учащаяся молодежь при поддержке и под защитой армии стала физически уничтожать органы власти на местах. Наступившая социально-политическая дестабилизация послужила основанием для обвинений в потере прагматическим крылом КПК легитимности, которое на 11-м пленуме ЦК (август 1966) было выведено из руководства. Высшая власть оказалась в руках представителей новых организационных структур, неспособных, однако, контролировать массовое движение хунвэйбиновских отрядов. Социокультурная

¹²⁶ Исключительно высокая социально-политическая роль молодежи прослеживается не только на протяжении всей истории Китая XX века, но и вообще в обществах, построенных не по классовому, а по возрастному, патриархальному признаку. Еще на начальном этапе своей политической деятельности она была замечена Мао Цзэдуном, считавшим, что Синьхайская революция была осуществлена небольшим числом студентов и солдат. Вне зависимости от этой оценки Мао Цзэдуна общепризнано, что студенческое «Движение 4-го мая» 1919 г. придало новый импульс общественно-политическому движению после Синьхайской революции, выступления молодежи в декабре 1935 г. подготовили условия для общенациональной консолидации и организации отпора японской агрессии, а в декабре 1946 г. способствовали окончательной дискредитации гоминьдановского режима. В некоторых западных работах молодежь стала рассматриваться как «субъект исторического действия» после 1989 г. по понятным причинам – только с нею связывалась перспектива демократического развития КНР. См. об этом: *Березный Л.* «Культурная революция» и события 1989 г. на Тяньаньмэнь: параллели западных синологов // Перспектива сотрудничества Китая, России и др. стран Северо-Восточной Азии в к. XX – нач. XXI в. Тез. докл. VIII Междунар. науч. конф. М., 1997. Ч. II. С. 135–140.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

мобильность, способствовавшая началу движения, превратила инициативу и энтузиазм молодежи в фактор разрушения, а не революционного созидания. Отсутствие демократических традиций не позволило демократическим институтам конституироваться, а уничтожение системы централизованного управления привело к анархии. Сформированные в 1967 г. из представителей хунвэйбинов, партийного аппарата и военных ревкомы должны были ликвидировать анархию и стать прообразом мощного госаппарата, способного заново организовать и возглавить мобилизационное развитие. Но новых органов управления, отвечавших поставленным задачам, не получилось. Попытки реорганизации партии, игравшей роль конструктивного начала в новых органах власти, привели к укреплению старых партийных кадров, в лице которых продолжала себя воспроизводить традиционная политическая культура. Созданный «культурной революцией» политический аппарат не мог стабильно воспроизводиться.

Постоянные конфликты в высшем руководстве создавали угрозу тотальной социальной и территориальной дезинтеграции страны и коллапса центральной власти. Под прикрытием провозглашенного в июле 1968 г. лозунга «рабочий класс должен руководить всем» хунвэйбиновское движение стало ликвидироваться, а его члены – отправляться в деревню. На IX съезде КПК (апрель 1969) были зафиксированы итоги «культурной революции» и утвержден режим личной власти Председателя ЦК КПК, восстановившего политические традиции восточной деспотии¹²⁷. Однако общественно-политическая стабилизация в масштабах страны так и не наступила. В руководстве не прекращалась борьба между военными, партийными кадрами (государственниками-прагматиками), частично восстановившими свои позиции, и фракцией «культурной революции». Сократились организационные возможности центра, усилилась автономность регионов, главную роль в которых вновь стала играть армия, эффективно контролировавшая ситуацию в те моменты, когда политическая власть утрачивала легитимность.

Возможно, именно эта роль армии и высшего руководства, а также использовавшиеся ими административно-политические методы дали основание квалифицировать «культурную револю-

¹²⁷ Стабилизации власти способствовало также официальное назначение Линь Бяо преемником Мао Цзэдуна. Но это уже был не революционный порыв, направленный на разрушение традиционной культуры, а ее прямое использование в политической борьбе. Затем, когда политическая борьба в руководстве обострилась, Мао Цзэдун вновь прибег к критике традиции в лице «Линь Бяо и Конфуция», подыскивая себе нового преемника.

цию» как бюрократическую и военно-бюрократическую диктатуру¹²⁸. На самом деле в 1966–1969 годах был нанесен удар по старому, созданному в период антияпонской войны и «освобожденных районов» управленческому аппарату и организованному им обществу, а также традиционным ценностям и стереотипам сознания, сдерживавшим скорость общественных изменений. Подключив к поиску молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние иностранных схем и освободить Китай от диктата традиций, которые, объединившись с марксизмом, препятствовали достижению намеченных им социальных целей. Привлечение масс всегда означало ренессанс традиции. На этот раз, вовлекая население в политический процесс, Мао Цзэдун стремился отказаться от нее, но, не сумев этого сделать, был вынужден поставить ее себе на службу и укрепить личную власть, ставшую единственным фактором общественной консолидации¹²⁹. Потенциал революции как важнейшего средства модернизации был исчерпан в годы «культурную революцию», революционно возродившей традицию государственного управления.

Несмотря на то что в результате масштабных социально-экономических и политических потрясений цели и задачи экономической модернизации незаметно ушли с ведущего места, социокультурная мобильность, необходимая для преодоления диктата идеологических догм, повысилась, подготовив быструю переориентацию на развитие производительных сил и рыночную экономику в последующий период. Именно в те годы, когда идеологическая конфронтация с СССР достигла наивысшей точки, начали развиваться экономические контакты с Западом, которым после свертывания связей с социалистическими странами не было альтернативы в проведении материально-технической модернизации. «Большой скачок» и особенно «культурная революция» были попытками освободиться от влияния марксизма и опыта СССР, а также собственной культурной традиции для поиска новой национальной идентичности. Первые попытки ее обрести оказались

¹²⁸ См.: *Лазарев В.И.* Классовая борьба в КНР. М., 1981. С. 185–282; *Егоров К.А.* Государственный аппарат КНР. 1967–1981. М., 1982. С. 8. Представляется, что эти утверждения были продиктованы исключительно политическими мотивами, поскольку бюрократия не только категория системы управления, но и характеристика занятого в нем профессионального слоя. В «культурную революцию» в Китае не было сословной замкнутости, характерной для бюрократии, наоборот, была принята энергичная попытка привлечь массы к управлению.

¹²⁹ Впоследствии это отразилось и на отношении КПК к демократии. Мао Цзэдун путался, считая демократию то целью, то средством, а в конце концов установил патриархальную систему. (Шэхуйчжуи яньцзю. 1998. № 1. С. 50–51).

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

неудачными. Возможно потому, что, как и революции 1911 и 1949 годов, «культурная революция» была протivoестественной для китайской цивилизации формой исторического движения и поэтому не привела к успеху. Но именно исходившие от этих трех событий импульсы определили историю Китая в XX веке, задав в конце концов параметры успешного поиска¹³⁰. С середины 70-х годов начался медленный дрейф к стабильному типу развития, породив новый исторический цикл.

* * *

Развитие Китая с середины XIX в. протекало при определяющем воздействии внешнего вызова, поиск ответа на который постепенно формулировал задачи модернизации и определял круг социально-политических сил для их достижения. Учеба у Запада, с которой начался этот процесс, вскрыла несовместимость западных концепций с традиционными ценностями и стимулировала поиски самобытного, национального пути, одновременно усилив влияние на него интеллектуального компонента¹³¹. Попытки найти теоретический ответ на вызов Запада в рамках доктрины «самоусиления» сменили попытки тайпинов на практике обрести новую идентичность. Их провал вновь передал инициативу интеллектуальной элите, разработавшей программу «100 дней реформ», поражение которой способствовало возникновению народного движения ихэтуаней. Наконец, Синьхайская революция, объединив реформаторские импульсы интеллектуалов и населения, добилась первых позитивных результатов. Однако отсутствие четких социально-экономических целей и массового общественно-политического движения стало главным препятствием для развития революции, утонувшей в военном регионализме. В результате в Китае проявилась одна из важнейших закономерностей социальных преобразований:

¹³⁰ Благодаря «культурной революции» Китай осознал главный порок европейских схем. Абсолютизация и крайность (предел), которые приводили Европу к революциям и новой социальной организации, были совершенно неприемлемы для Среднего государства, не приспособленного ни к пределу, ни к революциям, остающимися в нем на стадии разрушения и не приводящих к созиданию. Революции в Китае не создают, как на Западе, пространство для развития, а разрушают точки роста, поэтому Дэн Сяопин главным фактором позитивного развития считал стабильность, в которой естественным образом возрождались традиции, но в результате революционных потрясений уже адаптированная к реальности.

¹³¹ С учебы у Запада, продемонстрировавшей понимание государственной элитой несовместимости сохранения государственности и традиционной культуры, началось действительное разрушение этнокультурного ядра и поиск новой национальной идентичности.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

недостаточно радикальные реформы прерывали революционное движение, у которого не хватало сил консолидировать разрушенное социально-политическое пространство, а усилившийся регионализм (военный, этнический и политический) воспроизводил традиционную культуру на более низком уровне, которая, в свою очередь, стимулировала попытки восстановить сильную централизованную власть¹³². Милитаристские клики постепенно были вытеснены политическими партиями, которые, объединив в своей деятельности теорию и практику, сумели предложить привлекательные, практически реализуемые цели. Важнейшей проблемой наступившего этапа стало выяснение оптимальных пропорций между преимущественно западными теоретическими конструкциями и национальной традицией. Движение в сторону Запада впервые встретило ограничение в лице практики, до этого всегда стимулировавшей вестернизацию, но на этот раз отдавшей предпочтение более умеренной и националистической программе Сунь Ятсена и ГМД, а не марксистской программе Коминтерна и КПК¹³³.

Чередование теоретических поисков и политической практики, борьба западных теоретических концепций и национальной традиции, которым соответствовало поочередное усиление влияния политических партий и армии, очертило пространство поисков. Однако модернизаторские импульсы, одерживая временные победы, не заканчивались успехом и растворялись в стихийном противоборстве различных общественно-политических сил и тенденций. Главная задача не была выполнена – несмотря на восстановление национального (ханьского) государства, разрыв в уровне экономического развития с ведущими странами продолжал увеличиваться. Парадокс заключался в том, что ГМД, формально восстановив суверенитет Китая, оказался не в состоянии удержать наиболее развитую его часть, оккупированную Японией. Чунцинское правительство контролировало лишь то, что ему было по силам. Только в результате глобального противостояния в ходе Второй мировой войны республиканский Китай сначала добился международного признания, а затем – в основном усилиями других участников антияпонской коалиции – был восстановлен китайский су-

¹³² 1-й цикл – с 1911 по 1916: Синьхайская революция – усиление регионализма – диктатура Юань Шикая и провозглашение империи. 2-й цикл – с 1917 по 1949: смерть Юань Шикая – власть бэйпинских милитаристов – власть ГМД и диктатура Чан Кайши. 3-й – с 1949 по 1976: победа КПК – регионализм «культурной революции» – диктатура Мао Цзэдуна.

¹³³ Программа Сунь Ятсена тоже выросла под западным влиянием, но сохранила больше национальной самобытности.

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

веренитет над всей территорией страны, но ГМД уже не был единственной внутрикитайской силой, которая его осуществляла.

Через 100 лет после начала модернизации стало окончательно ясно, что важнейшим условием успеха является энергичная и здоровая (нравственно чистая) общественно-политическая сила (структура-аттрактор в категориях системного подхода), способная мобилизовать общество на экономическое строительство. Такой силой стала КПК, марксистская идеология которой казалась достойной заменой национальному изоляционизму ГМД, дав пропуск в большой мир, в котором классовые интересы и лозунги признавались формой национальной идентичности и обеспечивали поддержку влиятельных внешних сил. Революция была нацелена на смену типа развития Китая в соответствии с требованиями эпохи, но после нее традиция не исчезла, сохранив огромное влияние на политический процесс. Бескомпромиссная борьба новой модернизаторской идеологии и национальной традиции не давала позитивного результата. Практические преобразования, проводившиеся под знаменами марксизма, вновь показали, что важнейшим инструментом общественной консолидации остается общенациональная идеология. Противоречие национального и западного, традиционного и классового вновь обострилось, положив начало следующему этапу модернизации – этапу поиска новой (цивилизационной) идентичности.

Добиться экономического роста и создать способную к самовоспроизводству общественно-политическую систему можно было, только нарушив естественно-исторический процесс и деформировав традиционную идентичность. Компенсировать ее отсутствие могла консолидация человеческого потенциала за счет общенационального единства и экономических стимулов либо мобилизация за счет классовой борьбы, внешних угроз и борьбы с традицией, порождавших и эксплуатировавших энтузиазм населения. Возглавлявшая этот процесс авангардная партия постоянно вела борьбу с правым и левым уклонами, расширявшими социальное пространство модернизации, но и уводившими ее в сторону от первоначальных целей. Смысл этой борьбы заключался в том, что строгий экономический детерминизм не действовал в Китае, но только экономическое развитие (правый уклон) могло преодолеть традиционное для китайской цивилизации господство внеэкономических, социально-политических факторов («левый» уклон) и осуществить цели модернизации¹³⁴. «Левый» уклон должен был нейтрализовать

¹³⁴ «Суть помех справа в осуществлении всесторонней европеизации, отказе от социализма и переводе Китая на рельсы капитализма». (Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1987. С. 215).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

реалистично-утилитаристский («право-прагматический»), преувеличивавший роль экономического детерминизма¹³⁵. Мао Цзэдун постоянно вел борьбу с правым уклоном, отстаивая, таким образом, интересы национальной культурной идентичности¹³⁶. Он считал, что как только китайское общество обретет динамизм, экономическое развитие автоматически станет функцией национальной культуры, а не наоборот, что экономический рост создаст новую духовную культуру. Поиску их оптимального сочетания были посвящены последние десятилетия жизни Мао Цзэдуна. Хотя эти попытки так и не увенчались успехом, указав на ошибочные решения, они сузили поле выбора для следующего поколения политиков¹³⁷. Доминирование «левого» уклона, породившее волюнтаризм «большого скачка» и «культурной революции», заставило вернуться к законам экономического роста.

Длительное время в Китае господствовало представление об эклектическом характере маоизма, под которым подразумевалась политическая практика КПК в 50-70-е годы. С этим утверждением трудно спорить, если подходить к нему как течению в марксизме, т.е. по меркам европейской цивилизации. Восстановление логики его развития доказывает, что он должен оцениваться не как западное, а как оригинальное китайское учение, инспирированное социалистическими идеями Запада и пытавшееся соединить коммунистическую теорию с традиционными ценностями. Так же как марксистский классовый анализ был верен для капиталистической стадии развития, маоизм отразил сущностные черты модернизирующихся цивилизаций, создав пространство для национальных концепций развития¹³⁸. Главная сложность в его интерпретации за-

¹³⁵ См.: Кюсаждян Л. Идеологические кампании в КНР. 1949-1966. М., 1970. С. 111.

¹³⁶ В некоторых работах эта связь «культурной революции» и традиционной политической мысли фиксируется, но не подвергается детальному анализу. См., напр.: China Information. 1996—1997. Vol. XI. № 2—3. Р. 138—177.

¹³⁷ В период «культурной революции» «левые» ошибки в теории стимулировали партию переосмыслить социализм и как его строить, сыграв свою роль для создания теории Дэн Сяопина. (Синьхуа вэньчжай. 1999. № 10. С. 1.) Трагедия КПК состоит в том, что после образования КНР в руководстве не произошло естественной смены поколений, что сохранило в изменившихся исторических обстоятельствах деструктивный мотив, революционно-разрушительную линию. Но и в этом, как оказалось, была польза. «Культурная революция» ликвидировала политические структуры периода «освобожденных районов», освободив пространство для новых.

¹³⁸ Их национализм расценивался европейскими марксистами как признак мелкобуржуазности, поскольку для Европы пробуждение национального сознания исторически совпадало с начальным этапом буржуазного развития, на котором нарождающаяся буржуазия выражала интересы всего общества. Для Китая национализм

Глава 2. Взгляд на Восток. Китай

ключалась в том, что используемые им категориальный аппарат и методология описывали отсутствовавшие в классическом марксизме, но вполне актуальные для Китая проблемы.

В целом, к середине 70-х годов Китай не смог обрести новую идентичность, но приобрел богатый, хотя и преимущественно негативный опыт. Одна из главных причин этого заключалась в том, что модернизаторские импульсы не сопровождались целенаправленным поиском идентичности, а вели преимущественно борьбу за разрушение старой. Выяснилось, что успешная модернизация невозможна при сохранении традиции, но и попытки полностью отказать от нее не ведут к успеху. Необходимо было разделить идеологические принципы, приводящие общество в движение, и механизмы экономического роста, чтобы эмпирическим путем найти условия для синтеза традиционного и современного, национально-го и универсального, точные пропорции которых и определяют новую идентичность. Придание модернизаторской роли традиционной культуре, способной обеспечить механизм экономического роста, стало главной задачей социализма в восточной, китайской, трактовке. Основой этого процесса должны были стать позитивные заимствования, «точки роста», которые, уже осуществив синтез, приобрели надежную перспективу расширенного воспроизводства. Важнейшим из них был марксизм, который, познакомив Китай с европейским пониманием исторического процесса, стал интеллектуальной средой, в которой наметился синтез европейской науки и традиционного китайского знания, предоставив адекватные формы для его интеграции в мировую культуру¹³⁹.

Из трех моделей модернизации: реформаторской (цинских чиновников), национально-традиционалистской (Гоминдана) и радикально-революционной (КПК) только последняя сумела преодолеть инерцию социокультурной среды и вывести Китай из состояния стагнации на путь динамичного развития. История Китая в первой половине XX в. представляла собой путь к пониманию революции как единственного средства модернизации и эффективной эксплуатации его для социально-экономических преобразований. Этот ресурс был исчерпан в период «культурной революции», революционно возродившей традиции государственного управления.

был естественным и единственным импульсом к современности, в том числе социалистической.

¹³⁹ Став символом победоносной революции и действующего социального проекта, марксизм всегда останется лозунгом модернизированного, т.е. обретшего адекватную современности национальную идентичность Китая, хотя, конечно, и не единственным.

Глава 3.

Между старым и новым.

Реконструкция марксизма.

Социалистическая модернизация.

(1976–1988)

В XX в. Китай пережил четыре поворотных момента: Синьхайскую революцию, революцию 1949 года, «культурную революцию» и реформы Дэн Сяопина. Как показала история, три первых события, несмотря на соответствующую историческому масштабу радикальность, лишь подготовили условия для последовавших в конце века преобразований, которые, придав обществу созидательный импульс, позволили, наконец, решить многие из стоявших перед страной с начала века задач и заставили считать КНР одним из потенциальных мировых лидеров, а автору рассуждать не о попытках или концепции, а о действующей модели модернизации. Непосредственные истоки этого движения лежат в периоде 1976–1978 годов, подготовившем политические и интеллектуальные условия для формирования новой модели развития. На этом этапе было определено, какие сферы необходимо реформировать и что является критерием успеха. Вслед за этим начался интенсивный поиск форм сочетания и пропорций теории и практики, политики и экономики, идеологии и науки, мировых реалий и китайской специфики, постепенно занимавший ведущее место при формулировании новой концепции развития.

Однако постепенное решение задач, доставшихся от предыдущего периода, и последовательное сокращение роли социально-политических методов государственного строительства породили новые, не менее сложные проблемы. Экономическое развитие, провозглашенное в качестве нового руководящего курса, было контекстуально связано с преодолением последствий «культурной революции» и всеобъемлющей социальной нестабильности, угрожавшей власти КПК, но не могло сразу же стать новой самостоятельной целью. Приоритет экономики, диктуемый обстоятельствами, не мог мирно утвердиться в идеократической системе, поскольку сам представлял для нее потенциальный источник нестабильности. Переориентация на экономический прагматизм, постоянно подвергающий теорию проверке на истинность, могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства идеологические конфликты. Такие конфликты, как правило, не возникают при

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

движении в обратном направлении – от практики к теории. Этим обстоятельством воспользовался Дэн Сяопин, обратившись к марксистскому лозунгу «практика – единственный критерий истины», который и стал основой преобразований идеологической доктрины КПК и действовавшей общественной системы.

Сделав выводы из «культурной революции», Дэн Сяопин отдал предпочтение реформированию и реконструкции, традиционной для Китая эволюционности, гарантирующей последовательность и необратимость преобразований. Новые методологические принципы стали обрастать деталями, приобретая целостность и завершенность. Возникла необходимость определить отношения с марксизмом, который наделил КПК легитимностью, способствовал ее победе в борьбе за власть, но затем превратился в препятствие для дальнейшего развития. Следуя избранной КПК исторической логике, марксизм нельзя было отвергнуть – его надо было осовременить и китаизировать с тем, чтобы использовать скрытый в нем потенциал социально-политической стабильности. Определив очередность этих процессов: придание идеологическому ядру современного облика или его китаизация, – можно было выйти на новый уровень понимания социализма как особого вида модернизации, успех которой зависит от соединения сохраняющей национальную идентичность традиционной культуры и динамизма экономики.

3-1. Демаоизация и ферментация реформ. Идеология и политика. Политическая консолидация. (1976–1981)

К середине 70-х годов тяжелое социально-экономическое положение Китая заставило руководство КПК сместить фокус внимания на экономическое строительство¹. Отчетливо наметилось попятное движение маятника, но еще длительное время он находился на «левой» стороне и не переходил рубеж второй половины 50-х годов, позволяя наблюдателям квалифицировать ситуацию как продолжение «культурной революции». Тем не менее в обществе и руководстве страны зрели тенденции, подготавливавшие процесс демаоизации. Под руководством Чжоу Эньлая, занимавшего пост премьера Госсовета, стала набирать силу сугубо прагматичная про-

¹ По мнению Дэн Сяопина, реформы в КНР начались раньше, чем в других социалистических странах благодаря «культурной революции», которая высветила недостатки и ошибки старой модели.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

грамма развития. На 4-й сессии ВСНП 4-го созыва (январь 1975) вновь был провозглашен курс на осуществление «четырех модернизаций», прерванных «культурной революцией»². Его характерной чертой стали четко сформулированные экономические цели, внешне сохранявшие левацкую амбициозность «культурной революции», но в действительности задающие минимально необходимые ориентиры поступательного социально-экономического развития. В августе-сентябре того же года Дэн Сяопин предложил программу «12 пунктов», конкретизировавшую курс «четырех модернизаций» в области сельского хозяйства, промышленности, внешней торговли и научных исследований³.

Смерть Чжоу Эньлая (январь 1976) значительно ослабила прагматическое крыло в руководстве КНР. Программу возглавившего его Дэн Сяопина группа «левых» радикалов, известных как «четверка» (Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюань), подвергла критике, назвав ее «теорией уничтожения классовой борьбы», «насаждением теории производительных сил», превращением Китая в «сырьевую базу» империалистических государств⁴. Социально-экономическая ситуация требовала консолидации власти, и Дэн Сяопин, представлявший наиболее слабую ее фракцию, вновь был снят со всех постов⁵. Но это был последний серьезный успех «левых»⁶.

Предыдущие десятилетия, на практике отвергнув маоистские построения, доказали необходимость смены старой модели развития. Непосредственным толчком для этого послужила смерть Мао Цзэдуна (сентябрь 1976), кардинальным образом изменившая политическую ситуацию. Авторитетного вождя не стало, советская модель была дискредитирована, КНР, как и хотел Мао, оказалась «листом чистой бумаги», но уже после его смерти. Единственной точкой консолидации оставалось действовавшее руководство, в котором обострилась борьба между сторонниками продолжения

² ЖМЖБ. 21.01.1975. Перед этой сессией последний раз на государственном уровне она упоминалась в 1964 году.

³ Дэн Сяопин. Избранные произведения. П., 1985. С. 43–51.

⁴ Сюэси юй пипань. 1976. № 4. С. 32–33.

⁵ Реакцией на новую эскалацию борьбы стали массовые стихийные выступления на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 года, показавшие растущую социальную поддержку прагматического крыла.

⁶ Следует отметить, что усилия по консолидации власти предпринимались и самим Дэн Сяопином, а его отставке способствовала не только конфронтация с «левыми» радикалами, но и с военными, участие которых в политической жизни он целенаправленно стремился ограничить под лозунгами борьбы с групповщиной. См.: Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 7–10, 26–37.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

«культурной революции», «умеренными» и военными, в равной степени претендовавшими на власть.

Важнейшей задачей каждой из перечисленных фракций стало укрепление своих позиций. На первом этапе для этого достаточно было, используя авторитет Мао Цзэдуна, доказать нелегитимность притязаний оппонентов. Существенным для последующего развития оказалось то, что для борьбы с левыми ортодоксами официальный преемник Мао Цзэдуна Хуа Гофэн был вынужден блокироваться с представителями старшего поколения, занимавшего высшие посты в армии, реально контролировавшей ситуацию в стране⁷. Успех этого альянса был обусловлен объективными преимуществами составлявших его государственных институтов – армии и партии перед рыхлыми, стихийными оргструктурами «культурной революции». После ареста «четверки» в октябре 1976 г. в печати появились первые признаки изменения курса, в том числе высказывания в поддержку развития внешнеэкономических связей с капиталистическими странами и о необходимости сочетания строгого научного подхода с продолжением революции⁸. Тем не менее неопределенность верхней границы трансформации долгое время не позволяла правильно интерпретировать эти новые моменты в общественно-политической жизни Китая⁹. Особенно усложняло анализ отсутствие на начальном этапе четких различий между социальными проектами Хуа Гофэна и ветеранов-прагматиков, сохранявших политико-пропагандистские штампы предшествующих десятилетий. Важнейшим видимым отличием были их личные характеристики, ставшие в итоге решающими¹⁰.

⁷ Тогда для многих наблюдателей отношения Хуа Гофэна с армией казались потенциально опасными. «Возможно, скоро либо Хуа возьмет верх над армией, либо наоборот». См.: *Росс Террил*. Будущее Китая после Мао. М., 1979. С. 16. Но эти прогнозы не учитывали изменения ситуации, требовавшей консолидации власти. Признавая решающую роль армии в этих событиях, на протяжении 1977 г. Дэн Сяопин в своих выступлениях постоянно использовал формулу: «партия, армия, народ». Возможно, этот период руководства «из-за кулис» убедил Дэн Сяопина в эффективности такой формулы правления, заставив впоследствии задуматься о механизме преемственности власти. Подробнее см. разд. 4.4.

⁸ ЖМЖБ. 25, 27.11.1976.

⁹ Эта осторожность наглядно проявилась в формулировке XXV съезда КПСС: «Во внутренней политике Китая происходят сейчас изменения. Истинный смысл их еще покажет время». (Материалы XXV съезда КПСС. М., 1981. С. 10).

¹⁰ Личная преданность, отсутствие авторитета и опыта руководящей работы делали Хуа Гофэна совершенно не опасным для Мао Цзэдуна, самым решительным образом пресекавшего любые проявления самостоятельности, особенно в последние 10 лет жизни. Хуа Гофэн был явным исключением не только в силу возраста, но и

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Воспитанный в атмосфере острой внутрипартийной борьбы Мао Цзэдуна с соратниками Хуа Гофэн, как и все постреволюционное поколение руководителей, ориентировался в первую очередь на удержание власти, но, не обладая личной харизмой, не мог использовать те же приемы, что и его предшественник¹¹. Прижизненная канонизация Мао Цзэдуна формально давала ему высшую степень легитимности в качестве нового лидера. Однако после раскола в руководстве этот статус необходимо было подтвердить. Пост главного редактора пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна» осенью 1976 г. наделял Хуа Гофэна правом выступать в качестве главного толкователя воли вождя и слиться таким образом с его легитимностью¹². Эксплуатируя это преимущество, в феврале 1977 г. он провозгласил цель «твердо отстаивать абсолютно все решения председателя Мао, неуклонно следовать абсолютно всем указаниям председателя Мао»¹³. Опираясь на его цитаты, Хуа Гофэн подверг критике абсолютизацию классовой борьбы, дискредитируя, таким образом, политическую линию «четверки». Однако лозунг «двух абсолютов», укрепляя его статус, одновременно демонстрировал неспособность решить в перспективе главную задачу – предложить и реализовать новые инициативы государственного масштаба.

Борьба за лидерство, составлявшая смысл политического процесса в предшествующие 20 лет, в действительности была лишь проявлением борьбы за выбор пути развития в масштабах всего общества. Модель, не имевшая созидательного начала, была обречена на поражение. Это было ясно всем, кто начинал политическую карьеру до «освобожденных районов», точно представлял причины и цели революционного движения и понимал, что легитимность власти напрямую зависит от ее эффективности. Хуа Гофэн, ограниченный избранной формой легитимации, мог предложить только санкционированные в свое время Мао Цзэдуном программы, не имея для их выполнения ни собственной профессиональной команды, ни возможностей для их существенной корректировки.

по причине земляческих отношений с Мао Цзэдуном, заметившим его в 1958 г. в своем родном уезде в провинции Хунань. На Совещании «семи тысяч» в начале 1962 г. Мао Цзэдун вновь обратил внимание на Хуа Гофэна и в частной беседе назвал его «честным человеком», оказывая с тех пор содействие его политической карьере.

¹¹ Политические лозунги были для него инструментом борьбы за власть, а не ориентирами общественного развития.

¹² 5-й том «Избранных произведений Мао Цзэдуна» был издан в апреле 1977 года.

¹³ ЖМЖБ. 7.02.1977. Этот лозунг не соответствовал взглядам самого Мао Цзэдуна, допускавшего новации в рамках принципиальной схемы и, таким образом, первым разделившим марксизм на основные, неподверженные критике, и неосновные положения. См. разд. 3.3.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

Союзники Хуа Гофэна, председатель ПК ВСНП и руководитель Военного Совета ЦК Е Цзяньинь и заместитель премьера Госсовета Ли Сяньнянь, а особенно близкие им Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, сохранили независимость суждений, обладали опытом руководящей работы и развитым чувством политической ответственности. Вынужденно занимая оборонительные позиции при Мао Цзэдуне, «второе поколение» получило наконец шанс конституироваться в самостоятельную политическую силу. Составлявшие его костяк ветераны отчетливо понимали, что в перспективе именно экономическое положение и зависящее от него благосостояние населения будут определять прочность властных позиций¹⁴. Новое руководство вынуждено было вернуться к выяснению отношений между политикой и экономикой, идеологическими принципами и государственными интересами для того, чтобы преодолеть возникший после «культурной революции» идеологический кризис, проявившийся в истощенности теории классовой борьбы для регулирования отношений власти и народа¹⁵.

На совещаниях по распространению опыта Дачжая и Дацина в декабре 1976 г. и в апреле-мае 1977 г. Хуа Гофэн назвал разгром «четверки» революцией, уничтожившей препятствия для развития производительных сил, и провозгласил новый курс, включавший стратегические установки Мао Цзэдуна: новый «большой скачок», модернизацию сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники, а также поставил цель «за несколько десятилетий перегнать в экономическом плане США»¹⁶. Тем не менее признание экономического развития революционной целью и призыв «поместить в одну корзину политику и экономику» предполагали прежние социально-экономические методы. Главным позитивным моментом в опыте Дацинских нефтепромыслов по-прежнему назывался принцип «политика – командная сила»¹⁷.

Формальная победа над оппонентами стабилизировала внутриполитическое положение в стране. Однако одной критики «четверки» было явно недостаточно. Уравняв в правах политику и эконо-

¹⁴ После «культурной революции» «первое, над чем пришлось задуматься, это необходимость отстаивать социализм. Но чтобы его отстаивать, нужно прежде всего избавиться от бедности и отсталости, дать значительное развитие производительным силам». (Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 212).

¹⁵ «Классовый анализ» постепенно стал дополняться «анализом экономической обстановки».

¹⁶ См.: ЖМЖБ. 28.12.1976, 23.04.1977. Характерно, что провозглашенные Хуа Гофэном на совещании по учебе у Дачжая и Ли Сяньнянем на совещании по Дацину лозунги принципиально не отличались, демонстрируя близость их подходов.

¹⁷ ЖМЖБ. 8.05, 13.05.1977.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

мику, необходимо было сделать следующий шаг – исправить господствовавшую на протяжении 20 лет эгалитаристскую трактовку социалистического принципа распределения, чтобы население почувствовало позитивные изменения. В отличие от «четверки», пропагандировавшей принцип «от каждого по способностям», а главным условием экономического роста называвшей «коммунистическую сознательность рабочих», важнейшим принципом начавшегося социалистического соревнования провозглашалось распределение по труду¹⁸. Развернувшаяся еще до XI съезда КПК дискуссия о материальном стимулировании преследовала и в конечном счете добилась своих целей. Во-первых, был реабилитирован социалистический принцип социальной справедливости, обосновывавший исторический выбор социализма. Во-вторых, сам факт его рассмотрения нарушил неприкосновенность фундаментальных положений марксизма, началось обсуждение широкого круга экономических вопросов, в том числе проблемы товарного производства, плана и рынка, материального стимулирования и т.д.¹⁹. Тогда же в партийной печати появились утверждения, что результаты «четырех модернизаций» должны воплотиться в повышение материального и духовного уровня жизни²⁰, а в ряде статей – и утверждение о необходимости «перенести центр тяжести на экономическое строительство», которое, конечно, «не означает изменения командного места политики»²¹.

В этих условиях главной задачей состоявшегося XI съезда КПК (август 1977) было подтверждение легитимности нового руководства. Именно поэтому принципиальных установок съезд не принял, сохранив основные черты сложившейся социально-экономической политики и зафиксировав политический компромисс, в котором тезис о продолжении революции при диктатуре пролетариата и возможном повторении «культурной революции» сочетался с характеристикой основного противоречия между производственными отношениями и производительными силами, что возвращало политический курс КПК в марксистское русло²². Осенью 1977 г. были восстановлены денежные расчеты в сельском хозяйстве и увели-

¹⁸ ЖМЖБ. 27.03.1977.

¹⁹ См.: ЖМЖБ. 22.05.1978.

²⁰ ЖМЖБ 11.03.1977. Хунци. 1977. № 2. С. 55.

²¹ ЖМЖБ. 8.11.1977. Но уже через несколько месяцев в прессе появились прямо противоположные высказывания: «в конечном счете, политика служит экономике», а «экономика определяет направление развития политики». (ГМЖБ. 17.01.1978).

²² См.: Политический доклад съезду КПК. XI Всекитайский съезд КПК. Пекин. 1977. С. 31. Преемственность, на обоснование которой были направлены главные усилия съезда, освобождала от необходимости специально доказывать свою легитимность.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

чены зарплаты в промышленности, что сразу же привело к росту производительности труда и укреплению позиций новой власти, но не могло автоматически преодолеть непоследовательности ее курса.

Не только Хуа Гофэн, но и его союзники по борьбе с «четверкой» не могли открыто выйти за рамки провозглашенных ранее установок. Прагматическому крылу нужен был энергичный и авторитетный лидер, способный сформулировать новую программу государственного строительства. Еще до официального восстановления на постах Дэн Сяопин (3-й пленум ЦК 10-го созыва, июль 1977) отказался от ключевых положений «культурной революции», заявив таким образом о своих претензиях на политическую инициативу и лидерство²³. Веским основанием для этого был избранный им подход: не следование универсальным указаниям Мао, на которые делал ставку Хуа Гофэн, а завоевание авторитета эффективными практическими действиями²⁴. «Двум абсолютам» Дэн Сяопин противопоставил свое определение идей Мао Цзэдуна как «развития марксизма-ленинизма не в отдельных аспектах, а в целом ряде областей», как «систему взглядов», придав им, таким образом, не аксиологический, а методологический характер²⁵. Дискуссия о практике как единственной критерии истины, начавшаяся в мае 1978 года, имела для Дэн Сяопина такое же значение, как для Хуа Гофэна редактирование пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна»²⁶. Оба тезиса носили конъюнктурный характер, представляя различные политические силы, остро нуждавшиеся в

²³ Ключом к осуществлению модернизации Дэн Сяопин назвал повышение научно-технического уровня и знаний, а интеллигенцию (частью рабочего класса. (*Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 56, 116). См.: *Виноградов А.* Формирование национальной концепции социалистического строительства в Китае. ИБ ИДВ АН СССР. М., 1991. № 10. С. 41.

²⁴ Следует признать, что другого пути у Дэн Сяопина просто не было. Идеологизация общественной жизни, достигшая своего пика в «культурную революцию», объективно толкала в противоположном направлении, в сторону практики. Дэн Сяопин не мог ссылаться на авторитет Мао Цзэдуна в борьбе с Хуа Гофэном и был вынужден обратиться к практическим преобразованиям, более сложным, но и более эффективным. См. разд. 2.3. Уже в заключительной речи на XI съезде КПК он особенно подчеркнул важность осуществления «реалистического подхода». То есть полностью положился на практику. Этот маневр уже использовался КПК после 1945 года, что помогло ему избежать повторения ошибок ГМД. См. разд. 2.2.

²⁵ *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 59. Выражение «целостная система взглядов» применительно к идеям Мао Цзэдуна использовал на XI съезде и Хуа Гофэн, но вкладывал в него смысл «двух абсолютов».

²⁶ Одноименная статья «Практика как единственный критерий истины» была опубликована ГМЖБ 11 мая 1978 года, а 13 мая перепечатана ЖМЖБ.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

средствах легитимации. Но между ними было одно существенное различие: дискуссия о критерии истины переросла в массовую идейно-политическую кампанию, в ходе которой Дэн Сяопин сумел расширить круг своих сторонников и укрепить личный авторитет.

Дискредитация теории и приравненного к ней советского опыта на предшествовавшем этапе создала идейный вакуум, объективно повысив значение практики²⁷. Дэн Сяопин умело использовал это обстоятельство. Указание на практику задавало новый ориентир – не книжный, марксистский, а другой – с нечеткими границами, но осязаемый, а главное – подверженный живой критике. В результате в стране была создана общественно-политическая атмосфера, в которой Дэн Сяопин, обладавший огромным опытом партийной и государственной работы, чувствовал себя наиболее уверенно. Владея ситуацией на уровне эмпирических правил, он точными, адекватными характеру момента политическими лозунгами вполне компенсировал отсутствие научно обоснованных выводов²⁸. Но и он не мог отказаться от символа революции и действующего социального проекта, хотя и постарался придать марксизму сугубо инструментальный характер, сократив его значение как императивного идеала.

В ходе дискуссии Дэн Сяопином было сформулировано важнейшее идейно-теоретическое положение, согласно которому «нельзя нарушать основные принципы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, однако их надо обязательно соединять с реальной действительностью»²⁹. Утверждение, что марксизм-ленинизм и идеи Мао не являются истиной «в последней инстанции»³⁰, поколебало позиции Хуа Гофэна. Дэн Сяопин, таким образом, завершил дискуссию об отношениях теории и практики, начатую еще при Мао Цзэдуне, но уже с его преемником³¹. К осени 1978 г. в прессе открыто стало вы-

²⁷ До этого критерием истины было только соответствие теории, точнее, высказываниям основоположников марксизма и вождей.

²⁸ Именно за это его обвиняли в прагматизме идеологически более выдержанные коллеги в стране и за рубежом.

²⁹ *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 144.

³⁰ ЖМЖБ. 6.08.1978.

³¹ В отличие от Мао Цзэдуна Дэн Сяопин отдавал предпочтение практике, а вместе с ней и национальной традиции. Если Мао Цзэдун писал: «В течение последних ста лет лучшие сыны многострадального китайского народа ... ошупью искали ту истину, которая призвана спасти Китай. Однако только после войны и Октябрьской революции в России мы обрели марксизм-ленинизм — эту высшую истину, ставшую самым верным оружием освобождения нашего народа» и призывал применять «всеобщую истину марксизма-ленинизма к изучению конкретной практики». (*Мао Цзэдун. Избранные произведения*. Т. 4. С. 23), то Дэн Сяопин, напротив, полагаясь на практику, призывал «переходить реку на ошупь», хвалил кошку, которая ловит мышей, и т.д.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

ражаться мнению влиятельной части руководства КПК, что «политика не может существовать в отрыве от экономических законов» и главной целью социализма является не классовая борьба, а подъем материального и культурного уровня жизни народа³².

Непосредственно вытекавшее из предшествовавшего периода решение о переносе центра тяжести на экономическое строительство было официально провозглашено на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978)³³. Пленум, а также целый ряд совещаний накануне и после него утвердили в качестве партийных решений высказывавшиеся на протяжении предыдущих двух лет взгляды, подвели итог движению по разоблачению и критике Линь Бяо и «четверки», позитивно оценили дискуссию о практике как критерии истины, призвав к дальнейшему раскрепощению сознания³⁴. В рекомендациях и аналитических материалах, направленных в то время в ЦК, содержались практически все ключевые положения, которые спустя 10 лет стали программными: о товарном и рыночном характере экономики, о начальном этапе социализма, о китайской специфике и др., тогда еще не нашедшие поддержки в руководстве.

Отсутствие четких, теоретически обоснованных ориентиров развития отдало приоритет практике, упорядочить которую могло не только теоретическое обобщение, но и эксперимент, на который возлагались главные надежды по выработке направления и конкретных мероприятий экономической реформы «в отдельных районах, отраслях и на предприятиях»³⁵. Практической ориентации политического курса соответствовало и начало экономической реформы в деревне, представлявшей наиболее типичную для Китая социально-экономическую среду, которая стала еще одним отступлением от политики Мао Цзэдуна, провозгласившего в 1949 г. под влиянием СССР перенос центра тяжести работы в город³⁶. Экономи-

³² Эту точку зрения выразил накануне 3-го пленума член ЦК, президент Академии общественных наук КНР Ху Цяому. См.: ЖМЖБ. 6.10.1978.

³³ По словам Дэн Сяопина в первые два года после 1976 г. велась подготовка к 3-му пленуму ЦК КПК. См.: *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 264. До середины 80-х годов значение пленума оценивалось как перенос центра тяжести работы на экономическое строительство, а затем — на социалистическую модернизацию. (Синьхуа вэньчжай. 1992. № 10. С. 1).

³⁴ Показательно, что в Коммюнике 3-го пленума вошло большинство ранее высказывавшихся Дэн Сяопином положений.

³⁵ *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 184.

³⁶ На 3-м пленуме был принят проект решения об ускорении темпов развития сельского хозяйства, на 2-й сессии ВСНП 5-го созыва (июнь-июль 1979) был провозглашен курс «сельское хозяйство — основа», и Хуа Гофэн главной задачей экономической политики назвал «неуклонное претворение в жизнь руководящей идеи о

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ческий эксперимент был важнейшим и едва ли не единственным шансом Дэн Сяопина окончательно утвердиться в качестве лидера³⁷. Именно поэтому в 1979 г. он начался на его родине – в провинции Сычуань под руководством земляка и в скором будущем нового премьера Госсовета Чжао Цзяяна.

В отличие от Мао Цзэдуна, ориентировавшегося на воплощение теоретических схем на китайской почве, но неуверенно чувствовавшего себя на уровне высоких абстракций, Дэн Сяопин отдал предпочтение традиционному для Китая эмпирическому подходу, ставшему центральной методологической категорией его концепции реформ. Принцип «идти, ощупывая камни», вновь был провозглашен политическим стилем компартии, воплотив идею о практике как главном источнике развития, предопределившей успех реформ на методологическом уровне³⁸. Несмотря на то что позже в ряде публикаций принцип реалистического подхода стал называться методологической теорией новой концепции развития, в тот момент он просто обосновывал отход от старых теоретических положений, не означал отказа от ком-

развитии сельского хозяйства как основы нашей экономики и сосредоточение усилий на подъеме сельскохозяйственного производства». На 4-м пленуме (сентябрь 1979) было принято решение об ускорении темпов развития сельского хозяйства. Перенос экономической реформы в деревню вполне соответствовал опыту начального этапа социалистического строительства и в СССР, когда произошел отход от дореволюционных схем. См. ссылки Сталина на высказывание Ленина о том, что начать восстановление надо с сельского хозяйства, и его полемику с «левой» оппозицией по этому вопросу. (*Сталин И.* Соч. М., 1950. Т. 9. С. 17, а также разд. 2.3 и 1.4. Обращение к типичным социально-экономическим условиям свидетельствует о начале конструктивного поиска национальной идентичности).

³⁷ Было еще одно объективное обстоятельство в пользу такого выбора. Высоко организованные армейские и партийные структуры, ломая стихийное течение истории на протяжении XX века, усиливали регионализм и региональное многообразие. Эксперимент, провозглашенный в качестве государственной политики, обосновывал сложившиеся отношения центра и периферии и одновременно позволял корректно ликвидировать различия, представив их как отказ от эксперимента, не прибегая к насилию.

³⁸ На постепенность китайских реформ обращалось внимание многими исследователями. См., напр.: *Портяков В.* Экономическая реформа в Китае. (1979–1999). М., 2002. С. 6–9, 30. Но ее методологические истоки не вскрывались. В Китае национальные традиции способствовали возрождению эксперимента как средства преодоления марксистского схематизма. Опыт урегулирования использовался при переходе от старого механизма управления, тормозящего экономический рост, к новому, еще неспособному эффективно регулировать экономику. Полученное таким путем эмпирическое знание требовало времени и на осмысление, и на внедрение, обеспечивая постепенность.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

мунистической идеологии, хотя уже выражал сомнение в ее абсолютной истинности³⁹.

Направление дальнейшего развития еще нужно было уточнять, но смена прежнего курса стала неизбежной⁴⁰. Прежде всего были признаны ошибочными методы проведения модернизации, принятые 1-й сессией ВСНП (февраль 1978), появились призывы «покончить с ультралевым влиянием учебы у Дачжая» и провозглашен курс на «урегулирование»⁴¹. Движение вправо было продолжено на идейно-теоретическом совещании весной 1979 года, на котором высказывалось мнение, что социализм неприемлем для Китая, поскольку для него не созрели условия, его выбор был ошибочным, социализм в Китае не настоящий, а феодальный или крестьянский⁴². В то же время влиятельная часть ЦК во главе с Хуа Гофэном продолжала придерживаться «левых» взглядов, усиливая политическое напряжение и раскол в руководстве⁴³. Новому политическому курсу необходимо было позитивное идейно-теоретическое оформление, способное консолидировать партию и общество. Выдвижение «четырех основных принципов»: приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна стало идеологическим ограничением курса на всемерное развитие производительных сил, зафиксировавшим новый баланс экономики и политики⁴⁴.

³⁹ Основой для подобной смены курса стали высказывания Ленина, писавшего, что «старые “формулы” большевизма надо уметь дополнить и исправить». См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 145; Т. 35. С. 204. В этот период в прессе часто цитировалось высказывание Ленина о том, что после революции все дело в практике, которая изменяет и дополняет теорию, вызывая прямые аналогии с 11-м тезисом К. Маркса о Л. Фейербахе. Именно эти черты большевизма позволили Дэн Сяопину связать планировавшиеся в КНР преобразования с концепцией «сяокан».

⁴⁰ «Правильная линия была намечена на 3-м пленуме лишь в основных чертах». ЖМЖБ. 15.02.1982.

⁴¹ См.: Гунжэнь жибао. 10.11.1979. , а также речь Чжао Цзыяна на расширенном совещании парткома пров. Сычуань. (ЖМЖБ. 21.04.1980). Уточнению планов развития было посвящено апрельское (1979) совещание ЦК КПК.

⁴² См.: Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 3. С. 1. В ряде печатных изданий (издававшийся Ван Цзинвэем журнал «Таньсо») открыто звучали призывы к свержению социалистического строя. См.: ГМЖБ. 7.11.1979. Консерваторы, в свою очередь, обвиняли новый курс в том, что он «рубит знамя». См.: *Дэн Сяопин. Избранные произведения.* С. 227.

⁴³ Решение XI съезда о запрете фракционной деятельности, закрепленное в Уставе КПК, не смогло погасить внутрипартийное напряжение. Хуа Гофэн по-прежнему призывал к продолжению классовой борьбы. Хунци. 1979. № 7. С. 6–7.

⁴⁴ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 166. Так были заложены основы дискретной модели развития, где поступательный импульс всегда ограничивался либо идеологией, либо экономическим прагматизмом (урегулирование).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Одним из важнейших следствий состоявшегося разграничения экономики и политики стал тезис о разделении партийных и административно-хозяйственных функций, слияние которых лишило систему управления гибкости, что отразилось не только на экономических результатах, но и на политическом авторитете партии, вынужденной нести всю полноту ответственности за допущенные ошибки⁴⁵. Разделение функций и сокращение вследствие этого сферы оперативной ответственности КПК допускало в принципе введение рыночных механизмов хозяйствования, что было признано Дэн Сяопином⁴⁶. Одновременно, четко сформулировав задачу разграничения политических и хозяйственных функций, КПК признала необходимость совершенствования политического механизма, на тот момент касавшегося прежде всего децентрализации и ограничения полномочий Хуа Гофэна, но не предполагала разделения властей и смены политической системы. Преодолев, возможно мимолетное, искушение воспользоваться очередным западным рецептом – демократией, КПК сделала еще один шаг от идеократии (коммунистической или либеральной) к прагматизму. И все же как лозунг демократия была использована, чтобы заручиться поддержкой населения, противопоставив новый политический режим «феодально-фашистской диктатуре», господствовавшей в годы «культурной революции».

Контент-анализ многочисленных призывов Дэн Сяопина к демократизации в тот период показывает, что они были направлены в первую очередь на борьбу с остаточным влиянием «культурной революции», ограничение влияния «левых» идей и обеспечение внутрипартийной и общенациональной консолидации на другой идейной платформе⁴⁷. Но их было явно недостаточно для решения

⁴⁵ В соответствии с сформулированным М. Вебером различием между рациональной деятельностью ценностного и целевого порядка, Мао Цзэдун принадлежал к категории политиков, которая формулирует цели и ценности и руководствуется «этикой добрых устремлений», всеобъемлющей по своему характеру, а Дэн Сяопин — к категории, которая вырабатывает средства для реализации провозглашенных целей и руководствуется «этикой ответственности».

⁴⁶ Впервые Дэн Сяопин заявил, что при социализме может существовать рыночная экономика в ноябре 1979 года. См.: Дунъюу чжунъя яньцзю. 1999. № 1. С. 28.

⁴⁷ Осенью 1978 г. Дэн Сяопин призвал завершить борьбу с Линь Бяо и «четверкой», а в Коммюнике 3-го пленума неоднократно подчеркивалась необходимость стабильности и сплоченности. Понимание Дэн Сяопином сущности демократии характеризует утверждение, что «...социалистическая демократия неотделима от диктатуры над врагами». (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 210). Поэтому 6 декабря 1979 г. была закрыта сиданьская стена «дацзыбао», а в апреле 1980 г. из 45-й статьи Конституции КНР было изъято положение «четыре широко» — свободы слова, собраний,

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

этих задач⁴⁸. Необходимо было создать такой механизм, который бы позволял устранять из руководства идейных оппонентов без политических потрясений. Важнейшим шагом в этом направлении стало создание на 3-м пленуме ЦК КПК Центральной комиссии по проверке дисциплины, которая позволяла не только проверять соответствие руководства идеологическим принципам, еще до конца не определенным, но и нормам действующей политической организации и провозглашенным ею целям, а также способствовала восстановлению нравственного авторитета КПК, подорванного «культурной революцией»⁴⁹.

Для проведения кадровой реформы в тот момент появился еще один убедительный аргумент. Новый социально-экономический курс нуждался, по мнению Дэн Сяопина, в изменении «многих аспектов производственных отношений и надстройки, которые не отвечают требованиям развития производительных сил», а также отказа «от всех негодных форм управления, форм деятельности и образа мышления»⁵⁰. Прежде всего это относилось к чрезмерной централизации и концентрации власти, которую следовало заменить предоставлением больших прав местным органам, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям⁵¹. Уже в качестве премьера Госсовета на 3-й сессии ВСНП (август–сентябрь 1980) Чжао Цзыян подтвердил главные недо-

митингов, «дацзыбао», лежавших в основе «большой демократии» и «культурной революции». В «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» прямо указывается, что недостаточное внимание к созданию высокodemократической социалистической политической системы «явилось одной из важных причин возникновения “культурной революции”». См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. П., 1981. С. 83–84.

⁴⁸ Идеологическая линия предопределяет политическую линию. Идеологическая и политическая линии партии утвердились. Теперь вопрос об организационной линии. (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 228–229).

⁴⁹ Центральная Комиссия по проверке дисциплины занималась вопросами стиля, т.е. механизма адаптации бюрократических решений к интересам и представлениям индивида. На начальном этапе, когда материальные результаты курса КПК были еще не видны, высокая нравственность и стиль помогали партии завоевать поддержку в обществе.

⁵⁰ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 163.

⁵¹ «Одним из серьезных недостатков в системе нашего экономического управления является сейчас чрезмерное сосредоточение власти», что требует предоставления больше прав местным органам, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, сокращения хозяйственно-административного аппарата и передачу большей части его функций хозяйственным объединениям. Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. ЖМЖБ. 24.12.1978.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

статки действовавшей экономической системы, провозгласив сокращение административных методов регулирования и усиление экономических рычагов – цен, налогообложения, кредита и др. Ориентация на практику и снятие части идеологических ограничений вызвали стихийный дрейф в сторону рыночных механизмов. В Проекте реформы хозяйственной системы 1979 г. содержалось положение о соединении планового и рыночного регулирования экономики, а в Проекте 1980 г. экономика Китая характеризовалась как товарная. Очевидно, что реализовать эти задачи мог только новый кадровый аппарат⁵².

В ходе начавшейся реорганизации партии и высших органов государственного управления Дэн Сяопин предложил пересмотреть систему подготовки кадровых работников, ликвидировать чрезмерное сосредоточение власти, совмещение партийных и государственных должностей, ввести контроль масс за деятельностью руководства, бороться с привилегиями, коррупцией и бюрократизмом, отказаться от пожизненного занятия руководящих постов⁵³. Омоложение руководства, провозглашенное главной задачей начавшейся кадровой реформы, было направлено прежде всего на борьбу с политическими противниками и обеспечение преемственности новых принципов государственного строительства⁵⁴. Избранная стратегия принесла результаты. 3-я сессия ВСНП 5-го созыва удовлетворила просьбу Дэн Сяопина, Ли Сяньняня, Чэнь Юня и других представителей старшего поколения об освобождении с постов заместителей премьера Госсовета, но одновременно с ними в отставку с поста премьера ушел и Хуа Гофэн, уступив еще одну позицию реформаторам.

Организационно-политическая консолидация власти способствовала четкой формулировке стратегического курса, воплотившего главные политические лозунги предшествующих лет. Впервые «достаточно полно сформулированная генеральная линия на современном этапе» была представлена Е Цзяньи-

⁵² Об отсутствии кадров, способных реализовать курс «четырёх модернизаций», и необходимости подбора смены заявил Е Цзяньин в речи на 30-летию КНР. (Хунци. 1979. № 10). «Вопрос не в том, правилен ли курс на осуществление 4-х модернизаций, а в том, что недостаточно кадров, способных его реализовать». См.: *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 248.

⁵³ *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 177–178, 284–293. Во исполнение этого курса на 5-м пленуме (январь–февраль 1980) был воссоздан секретариат ЦК и введен пост генерального секретаря ЦК КПК, который занял Ху Яобан.

⁵⁴ Характерно, что если осенью 1975 г. Дэн Сяопин считал, что возраст для руководящих кадров не важен, то уже в мае 1977 г. он призвал омолаживать руководство армии. См.: *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 49, 56.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

ном на заседании, посвященном тридцатилетию образования КНР⁵⁵. Провозглашенные им цели не ограничивались проведением «четырёх модернизаций», а включали в себя преобразование политической системы, развитие социалистической демократии и законности, достижение качественно нового уровня материальной жизни народа и «создание высокой социалистической духовной культуры»⁵⁶.

Отказавшись от лозунга «классовая борьба – решающее звено», КПК получила возможность значительно расширить социальную опору преобразований, что привело к последовательному восстановлению деятельности Единого фронта (на 1-й сессии ВСНП, февраль 1978), провозглашению лозунгов общенациональной консолидации, а с февраля 1979 года – к призывам использовать для решения задач «четырёх модернизаций» национальную буржуазию, которая, как отмечалось, перевоспиталась и превратилась в социалистических тружеников⁵⁷. В результате Е Цзяньнином была провозглашена новая политическая линия: сплотить все национальности, мобилизовать все активные факторы, строить социалистическую державу⁵⁸. Но главное, в выступлении была дана предварительная оценка «культурной революции», придавшая новый импульс дискуссии о методах развития народного хозяйства и о сущности социализма.

Не обладая, в отличие от Мао Цзэдуна, склонностью к теоретической работе, Дэн Сяопин вынужден был обратиться к общественным наукам с призывом дать развернутый анализ предшествующего периода развития, квалифицировать допущенные ошибки и на этой основе восстановить истинный облик коммунистической теории, которая должна была составить идейно-теоретическую альтернативу «культурной революции». Общественно-политическая теория, вытесненная в свое время идеями Мао Цзэдуна, вновь оказалась востребованной в основном потому, что только исходившая от нее критика могла сохранить легитимную парадигму власти, т.е. объяснить допущенные ошибки историческими обстоятельством

⁵⁵ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 272. См. также, выступление Е Цзяньнина. (Хунци. 1979. № 10).

⁵⁶ Хунци. 1979. № 10. С. 15.

⁵⁷ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 223. Единый фронт – это союз социалистических тружеников и одобряющих социализм патриотов. (Там же. С. 224–225).

⁵⁸ См.: Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 272. Совпав с пропагандой Единого фронта, война с Вьетнамом способствовала общенациональной консолидации и одновременно нейтрализовывала политическую активность армии.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

вами, не ставя под сомнение общий политический курс⁵⁹. В ходе развернувшейся дискуссии было высказано мнение, что неверно трактовать деятельность «четверки» как правую или ультраправую. На самом деле и «большой скачок», и деятельность «четверки» носили ультралевый характер, полностью пренебрегавший объективными экономическими законами⁶⁰. Этот вывод стал одной из поворотных точек в выяснении отношений политики и идеологии. Провозгласив «левый» уклон главной опасностью, государственный прагматизм заручился поддержкой фундаментальной науки в борьбе с маоистской идеологией⁶¹.

Практическое вовлечение в политический процесс общественных наук происходило неравномерно и противоречиво, не вписываясь в отведенные рамки. Несмотря на то что первые признаки жизни были продемонстрированы обществоведами сразу же после разгрома «четверки», возможность высказаться по принципиальным вопросам общественного развития им дала лишь дискуссия о критерии истины⁶². Протекая на фоне критики предшествовавшего опыта и невысокого теоретического уровня участников, обсуждение по инерции следовало социальному заказу и свелось к комментированию политических решений, абсолютизовавших практику, что было впоследствии признано научным сообществом⁶³. Но начало «возрождению» было положено.

После того как были выяснены отношения экономики и политики и стабилизировалась экономическая и общественно-политическая ситуация, на первый план вновь вышли вопросы государственной идеологии, включавшие отношения науки и политики. Устранив

⁵⁹ Дэн Сяопин призвал подготовить серию статей и монографий по экономической теории, а также «теоретическим вопросам промышленности, сельского хозяйства, торговли и управления». (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 216). А Финансово-экономический комитет при Госсовете принял решение об обследовании и изучении китайской экономики. (ЖМЖБ. 4.09.1979).

⁶⁰ Причина этой ошибки заключается в том, что после 1949 г. в КНР борьба велась только против правого уклона и никогда против «левого», в результате чего были отменены товарно-денежные отношения, закон стоимости и распределение по труду. (ЖМЖБ 16.02.1979, 3.04.1980. Хунци. № 4. С. 25; Сысян чжаньсянь. 1980. № 2. С. 7–11).

⁶¹ Такую же позицию в период нэпа занимал Ленин: «чем правее сейчас, тем вернее завтра». (Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 23, 457).

⁶² В мае 1977 г. были образованы Академии общественных наук Китая и провинций, восстанавливались старые и создавались новые факультеты и кафедры в вузах, научные общества и ассоциации, стало издаваться большое число научных журналов. Таким образом, была заложена инфраструктура современной общественной мысли.

⁶³ Дискуссия о практике была оценена как эмпиризм («цзиньянь чжуи»). Фудань сьебао. 1987. № 6. С. 16. См. также ГМЖБ. 12.12.1988.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

идеологический диктат, практика предоставила науке возможность заново определить свои социально-политические и мировоззренческие функции, которые на предыдущем этапе были искажены⁶⁴. На протяжении всего предыдущего периода наука не была сколько-нибудь влиятельным фактором социально-политического развития, хотя, естественно, претендовала на то, чтобы участвовать или даже возглавить процесс выработки решений в идеократическом государстве, предлагая для этого соответствующие теоретические новации, в том числе «начальный этап социализма», социалистическую рыночную экономику и др. При этом КПК, для которой теоретическая работа была лишь дополнением политической, постоянно стремилась возложить на общественные науки функции по обслуживанию идеологии и заставить «философию служить политике»⁶⁵. После дискуссии о критерии истины ситуация изменилась, стали раздаваться призывы развивать «руководящую роль философии по отношению к политике», строго придерживаясь марксизма⁶⁶, что позволило общественно-политической мысли поставить вопрос о восстановлении независимости общественных наук, дав импульс их развитию⁶⁷.

⁶⁴ Наука создала идеологию, которая затем, через политику приблизившись к практике и заручившись ее поддержкой, подчинила науку. Таким отношениям способствовал двойственный характер марксистской философии, вобравшей в себя наряду с познавательными мировоззренческими функциями, а также разделение после революции партийных функций на идейно-теоретические и административные. Церковь была отделена от светского государства, но теологическое государство не могло предоставить независимость науке.

⁶⁵ В годы «культурной революции»: «философия превратилась в необходимый реакционной группировке Линь Бяо-Цзян Цин инструмент произвольного толкования “политики”. Эта философия потеряла научность и превратилась в придаток реакционной политики. Беспорядок в отношениях философии и политики на самом деле начался не с бесчинств контрреволюционной группировки Линь Бяо-Цзян Цин. Длительное время в отношениях между философией и политикой существовала достаточная серьезная идейная путаница». (Синь Бэнсы. Чжэсюэ хэ чжэнчжи. (Философия и политика.) // Чжэсюэ юй шидай. Хубэй, 1984. С. 179).

⁶⁶ ГМЖБ. 20.10.1979.

⁶⁷ В 1980 г. был сформулирован тезис о независимости науки по отношению к политике. См.: Наньцзин дасюэ сюэбао. 1980. № 1. С. 48. В этот период также были сформулированы ключевые для марксистской политэкономики и философии проблемы, по которым развернулись дискуссии в последующие годы. «После разгрома “банды 4-х”, особенно после 3-го пленума 11-го созыва исследовательская работа постепенно освободилась от “левого” влияния». (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1987. № 5. С. 62). Подъему общественной мысли способствовало также то, что «культурная революция», целенаправленно разрушавшая традиционные взгляды и подходы, сформировала высоко мобильный тип общественного сознания, для которого перестали существовать запретные темы и подходы.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Вооруженная в новых условиях «критерием истины», общественная мысль приступила к ее выяснению, т.е. постаралась высказать свое отношение к основному экономическому закону социализма, связи экономики и политики, распределению по труду, составлявшим сущность социалистического идеала⁶⁸. При обсуждении характера взаимодействия товарной и плановой экономики, конкуренции и форм собственности и даже основного экономического закона социализма и закона стоимости единого мнения достигнуто не было, сохранились разногласия относительно того, правилен или ошибочен был курс на «производство ради производства», что способствовало дальнейшей десакрализации марксизма в научных кругах⁶⁹. Обращение к истокам, к раннему Марксу, в котором надеялись найти скрытый или утерянный смысл, также не слишком помогло делу. Самые общие положения, содержащиеся в его ранних работах, дали большой простор для интерпретаций и массу внутренних противоречий и «белых пятен», что выяснилось в ходе последовавшей дискуссии о гуманизме и теории отчуждения (1979–1982)⁷⁰.

В отличие от дискуссии о критерии истины, эта новая дискуссия сосредоточилась не на выяснении причин «культурной революции», а на сущности искажений марксизма, важнейшим из которых была признана его дегуманизация, изъятие из него ценностного ядра, т.е. подчинение задачам государственного строительства и модернизации, обеспечившим его распространение и влияние в Китае⁷¹. Дискуссия объективно уводила от мобилизационного прагматизма к ценностным критериям. В значительной степени поэтому вписать гума-

⁶⁸ Иногда это обсуждение по аналогии с дискуссией 20-х годов называется «дискуссией о социализме 1979–1981 годов».

⁶⁹ См.: ГМЖБ 3.11.1979. ЖМЖБ. 1.06, 19.06.1979, 28.04, 16.05, 9.06.1980. Синьхуа юэбао (вэньчжай). 1979. № 9. С. 32. Высказанные взгляды вылились в Проект канцелярии по реформе экономической системы Госсовета, предложенный в августе 1980 года, в котором содержалось положение, согласно которому экономика в Китае является товарной, руководимой планом. Однако из «Проекта» не были сделаны выводы, и на XII съезде сохранилась формулировка «план-главное, рынок-вспомогательное». Только на 3-м пленуме 12-го созыва был совершен прорыв во взглядах на соотношение плана и рынка. См.: ЖМЖБ. 30.10.1987.

⁷⁰ В Китае на начальном этапе наиболее активно цитировался «Манифест Коммунистической партии». См.: Кэсюэ шэхуйчжун гайлунь. (Краткий очерк научного социализма.) Наньчан, 1983. На самом деле в «Манифесте» научный социализм еще не оформился в науку, поскольку материалистический взгляд на историю и прибавочная стоимость только разрабатывались. Характерно, что с детального анализа проблематики «Экономико-философских рукописей 1843–1844 годов» начинался и западный марксизм. См.: Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.

⁷¹ См. разд. 2.3 и разд. 1.4.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

низм в известный в Китае корпус марксистских идей оказалось невозможным. Поставив абсолютно новые для китайского обществоведения вопросы о взаимосвязи гуманизма и нравственности с социализмом, она высветила доктринальную неполноту марксизма, побудив обратиться к истории, западному марксизму и немарксистским концепциям социализма⁷². История социалистических идей помогла реконструировать логику развития марксизма, вновь обратив внимание на идеал социальной справедливости. На рубеже 80-х годов такой подход, с учетом его неизбежного критического настроя в отношении реального социализма, не мог рассчитывать на поддержку КПК. Натолкнувшись, по официальной версии, на отсутствие соответствующего категориального аппарата, дискуссия завершилась безрезультатно⁷³, но в ее ходе было преодолено чрезвычайно влиятельное после «культурной революции» представление о том, что ядром марксизма является гуманизм⁷⁴. «Марксизм как мировоззрение и взгляд на историю ни в коем случае нельзя смешивать с гуманизмом, включать одно в другое или сводить одно к другому»⁷⁵. В официальной науке за марксизмом была утверждена прежде всего прикладная социально-политическая роль. Остальные его аспекты вышли за пределы сугубо марксистских исследований и обрели самостоятельность. Среди них этот новый статус обрели и проблемы традиционной культуры и ценностей⁷⁶. Свобода от нормативного подхода предопределила бурное развитие культурологии, которая стала быстро приобретать популярность, освобождаясь от схематизма формационной модели истории⁷⁷. Нацио-

⁷² Было начато издание 2-го 60-томного Полного собрания сочинений В.Ленина в китайской редакции, активно стали изучаться работы западных марксистов Ж.-П. Сартра, М. Пьяже, Д. Лукача, Л. Альтусера, А. Грамши, Э. Маха и др.

⁷³ Она положила начало дискуссии о реформе представлений (1982—1986).

⁷⁴ «... не следует растворять марксизм в гуманизме или полностью сводить его к гуманизму... Но марксизм должен включать в себя гуманистический принцип». ЖМЖБ. 15.08.1980. «Нельзя сводить марксизм к гуманизму, но марксизм включает в себя гуманизм». (Ван Жошуй. Вэй жэньдаочжуй баньху. (В защиту гуманизма) Вэньхуа бао. 17.01.1983.)

⁷⁵ Ху Цяому. Гуаньюй жэньдаочжуй хэ ихуа вэньти. (О гуманизме и проблеме отчуждения.) ЖМЖБ. 27.01.1984.

⁷⁶ Отказываясь от идеократического подхода, КПК планомерно расширяла творческую свободу. «Мы больше не выдвигаем лозунг подчинить литературу и искусство политике». (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 281).

⁷⁷ Дискуссия о культуре, совпавшая по времени с дискуссией о марксизме в середине 1980-х годов и поэтому не привлекавшая должного внимания, по своей проблематике и высказывавшимся взглядам сильно напоминала дискуссию о культуре 20-х годов, четко разделив научное сообщество на сторонников традиции, синтеза и полной вестернизации. (Лукин А. Дискуссия о культуре в КНР. (80-е годы.) // XXI научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1990. Т. 3. С. 200—211).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

нальный интеллект разделился, заложив новое потенциально чрезвычайно опасное для идеократического государства противоречие.

В результате дискуссий обществоведение вернуло себе функцию генератора идей, бросив неявный и еще очень сдержанный вызов интеллектуальной монополии партии⁷⁸. Формально не угрожая легитимности политического режима, дискуссии подготовили общественное мнение к переменам, предлагая варианты развития, которые, как и результаты экономических экспериментов, оценивала КПК, либо принимая их, либо отвергая⁷⁹. Не сумев совместить функции теоретического и политического руководства, компартия постаралась установить экспертный контроль над теоретическими новациями. Это было тем более актуально, что экономическая реформа привела к появлению представлений о социализме, существенно отличных от принятых, а сущность социалистического строя была сведена Чжао Цзяном к двум чертам – распределению по труду и общественной собственности⁸⁰.

Динамично меняющиеся обстоятельства подталкивали к всеstonному изменению хозяйственного механизма, форм собственности и системы управления, а также «связанной с ними чрезмерной централизации политической системы»⁸¹. Появившуюся в результате начавшихся реформ и постепенной либерализации угрозу справа также необходимо было нейтрализовать⁸². В этих условиях традиционно связываемая с революциями и радикализмом общественно-политических движений КПК проявила себя в новом качестве – как структура государственного управления, тонко чувствующая степень готовности общества к преобразованиям и смягчающая радикальные призывы, угрожавшие стабильности социально-

⁷⁸ В полной мере это проявилось в конце 1980-х годов, когда интеллектуальная элита возглавила движение за «буржуазную либерализацию».

⁷⁹ В соответствии с китайской интеллектуальной традицией ученые могли свободно высказывать свои взгляды, так же как это делали императорские сановники в Древнем Китае. См.: *Переломов Л.* «Четверокнижие» — ключ к постижению конфуцианства // Конфуцианское «Четверокнижие». «Сы шу». М., 2004. С. 51. В проектах решения о хозяйственной реформе 1979 г. и 1980 г. содержались положения о соединении планового и рыночного регулирования и о товарном характере экономики.

⁸⁰ ЖМЖБ. 10.11.1979. Распределение по труду, общественная собственность и плановый характер экономики считались главными отличительными чертами социализма. При этом первый тезис носил еще и отчетливо выраженный ценностный характер, что давало возможность маневрирования, когда рациональные аргументы теряли убедительность.

⁸¹ См.: Синьхуа взньчай. 1987. № 11. С. 19.

⁸² Часть коммунистов и ганьбу считает, что мы двигаемся медленно. (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 265).

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

экономической ситуации и ее власти⁸³. Вероятно, с этими опасениями связано существенное снижение темпов экономических реформ, которые после ориентиров в виде сочетания планового и рыночного начал, а также товарного характера китайской экономики в проектах экономической реформы 1979 г. и 1980 г. в Проекте 1982 г. вновь вернулись к формуле «плановое хозяйство с существованием товарного производства». Более того: в Конституции КНР 1982 г. вообще не содержалось упоминаний ни о товарном производстве, ни о рыночном регулировании⁸⁴.

Дискуссии о критериях и путях развития усилили внутрипартийное напряжение, которое в условиях нараставшей идейной дезориентации становилось серьезным фактором нестабильности. Для реабилитации власти в глазах населения необходимо было восстановить привлекательные черты социализма, преодолеть политическую конфронтацию и заложить идейно-теоретический фундамент дальнейшего развития, а для этого дать такую оценку предшествовавшему периоду, которая бы разделялась большинством населения, подтверждая обоснованность социалистического выбора и легитимность КПК. Социально-экономическое положение также требовало поиска энергичного политического субъекта, способного мобилизовать общество. Восстановление честного имени партии стало не менее важной задачей, чем восстановление экономики⁸⁵.

«Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятое 6-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва (июнь 1981), определило сущность допущенных «искривлений», но не привело к отрицанию предшествующего периода, достойного места Мао Цзэдуна в истории китайской революции и не потребовало новых процедур легитимации власти, сумев начертить на этой

⁸³ Впоследствии «4 основных принципа», позволявшие довольно широко трактовать их содержание, стали подвергаться интерпретациям в соответствии с поставленными целями. После того как важнейшим среди них было признано руководство КПК (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 294.), стало можно говорить о новых функциях партии — поддержании баланса между идеологией и экономикой. Социализм все дальше уходил от идеалов в сторону прикладных задач, для которых больше подходило понятие «модернизация».

⁸⁴ Возможно, сокращение роли государства вызвало опасения в успехе мобилизационных по целям экономических реформ, поэтому после призывов установить рыночные отношения в конце 1970-х последовало снижение радикальности экономической реформы и началась борьба с «буржуазным загрязнением».

⁸⁵ Но на начальном этапе партия постаралась снять с себя часть ответственности за ведение текущих дел. На 1-й сессии ВСНП 5-го созыва (февраль-март 1978) был принят закон, установивший прямые выборы депутатов до уровня уездов, переложив на них ответственность на уровне непосредственного общения с населением.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

основе новую траекторию движения КНР⁸⁶. В нем были зафиксированы выделенные ранее особенности Китая, ставшие причиной «культурной революции», прежде всего низкий уровень экономического развития, феодальные пережитки и колониальное прошлое, недостаточная теоретическая зрелость КПК⁸⁷. Социально-экономическая природа «левых» ошибок дала общественной мысли основание характеризовать современное состояние китайского общества как «неразвитый социализм» (бу фада ды шэхуйчжуй)⁸⁸. В соответствии с восстановленными социально-экономическими представлениями о социализме, на 6-м пленуме была использована формулировка об обществе «неразвитого социализма», находящегося «на начальном этапе социализма», главной задачей которого является ликвидация «левых» ошибок и развитие производительных сил. Акцент на социально-экономических условиях строительства социализма в Китае, вполне марксистский по характеру, не позволил увидеть в новых формулировках теоретической новации⁸⁹. Восстановленный авторитет марксизма, в котором нашлось свое место и Мао Цзэдуну, стал новой точкой консолидации. «Начальный этап социализма» входил в марксистский дискурс и одновременно показывал генетическую связь с предшествующим этапом исторического развития, позволив легализовать «родимые пятна капитализма», а борьбу с ними сменить выборочным сотрудничеством.

* * *

Монолитное единство идеологии и политики, теории и практики, политики и экономики, диктатуры партии и культа вождя, игравшее на предыдущем этапе решающую роль в утверждении новой власти и предлагаемого ею социально-экономического строя, исчерпало свой ресурс. Необходимо было найти новые источники развития. Для этого пришлось разделить имеющиеся ресурсы (политические, идеологические, экономические), чтобы каждый из

⁸⁶ См.: Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. П., 1981.

⁸⁷ Последнее положение несомненно было вкладом в Решение общественной мысли, неоднократно указывавшей на недооценку ведущей роли теории по отношению к практике. Лиши яньцзю. 1978. № 7. С. 8, Хунци. 1979. № 4. С. 29.

⁸⁸ Сюэшу юэкань. 1979. № 1. С. 13-17.

⁸⁹ На 6-м пленуме ЦК 11-го созыва были сформулированы главные проблемы развития, которые последовательно реализовывались на 6-м пленуме, XII съезде, 3-м и 6-м пленумах 12-го созыва и XIII съезде КПК, и сложились в единое целое, в концепцию НЭС. Характерно, что по такому же принципу был построен и Отчетный доклад Ху Яобана на XII съезде КПК.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

них мог раскрыть свой потенциал. Наделив каждого из них самостоятельностью, КПК подготовила условия для дальнейшего движения, нарушив при этом прежний механизм управления. Единое руководство фрагментированным процессом могла осуществить только внутренне консолидированная власть, однако новый механизм управления выработан пока не был.

3-2. Экономика и политика. Концептуализация национальной специфики. Экономическая реформа. (1982—1986)

В начале 1980-х годов стало окончательно ясно, что для продолжения реформ нужна такая теоретическая формула, которая примирила бы идеологические принципы марксизма и социально-экономическую практику и, таким образом, задавала новые ориентиры развития. Точкой консолидации после кампаний критики «большого скачка» и «культурной революции» не мог стать новый харизматический лидер, борьбе с влиянием которого был посвящен предыдущий период, но ею могла стать теоретически оформленная идея, для выдвижения которой после оценки истории КНР на 6-м пленуме сложились благоприятные условия. Иначе говоря, вновь возникла задача выяснить отношения теории и практики, политики и идеологии, но уже с учетом того, что практика перестала восприниматься простым следствием теоретических конструкций.

Несмотря на произошедшие изменения, равенства в отношениях идеологии и политики не наступило. Марксистские построения по-прежнему служили точкой отсчета для значительной части руководства КПК, рассматривавшей практику как воплощение марксистских, пусть даже частично реформированных и адаптированных к китайским условиям, истин. У такого подхода был один существенный недостаток. Жесткий детерминизм марксистской модели в каждом конкретном случае стремился подчинить экономическую целесообразность идеологическим принципам, сдерживая проведение реформ⁹⁰. Именно подобного развития событий стремился избежать Дэн Сяопин, на себе испытывший разрушительные последствия идеологического диктата. Постепенно усилившийся после хаоса «культурной революции» дрейф в сторону

⁹⁰ Эта парадоксальная ситуация была следствием экономического детерминизма, согласно которому изменения в экономике имеют строго определенные и неизбежные последствия в других сферах общественной жизни, что требует строгого контроля за экономической политикой.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

марксизма не мог не насторожить «архитектора реформ», увидевшего в нем признаки потери самостоятельности и, как следствие, опасность новых экспериментов под прикрытием незыблемости идеологических принципов. Иностранной теории необходимо было противопоставить собственную, почвенническую модель, отдельные черты которой, однако, могли не только формироваться самостоятельно в процессе реформ, но и быть заимствованы из успешного зарубежного опыта, по-прежнему задававшего социально-экономические ориентиры развития⁹¹. Критерии истины требовали экономического роста, а не идеологических ярлыков.

Определив характер отношений политики и экономики, 3-й пленум (1978) освободился от идеологических ограничений в отношениях с внешним миром, из которого Китай вновь рассчитывал получить необходимый для развития импульс. Для КПК, провозгласившей практику критерием истины, изучение опыта социалистических стран было не менее важно, чем развитие теории, а вероятно, и более влиятельно с точки зрения практический последствий⁹². В процессе его изучения в конце 70-х – начале 80-х годов были выделены различные модели социализма: советская – с высокой степенью централизации, господством плана, строгой очередностью экономического развития (тяжелая промышленность – легкая промышленность – сельское хозяйство), решающей ролью государства в политике и экономике; югославская – с рабочим самоуправлением предприятий, преимущественно рыночным регулированием производства, политической и экономической демократией; и так называемая двухколейная, сочетающая централизованное руководство и самостоятельность предприятий, плановое и рыночное регулирование. Из вывода об отсутствии единой модели органически вытекала необходимость тесно увязывать «социалистическое строительство с уровнем экономического развития

⁹¹ «Необходимо перенимать любой опыт, какой бы стране он ни принадлежал, если только этот опыт благоприятствует делу модернизации нашей страны». ЖМЖБ. 1.01.1979.

⁹² Надо изучать опыт других стран, поскольку «мы дорого заплатили за многолетнюю замкнутость». (*Дэн Сяопин*. Избранные произведения. С. 402, 177). Визит Хуа Гофэна в августе 1978 г. в Румынию и Югославию дал мощный импульс изучению сначала названных, а затем и других восточноевропейских стран. Был сделан вывод, что, несмотря на отличия (в Румынии централизации больше, в Югославии – меньше), обе страны быстро развиваются. См.: ЖМЖБ. 9.11.1979. Особенно подчеркивалось, что благодаря стабильности внутренней политики и соединению общих принципов марксизма с конкретной национальной практикой за сравнительно короткий срок эти страны добились в социалистическом строительстве замечательных успехов. (Чжэсюэ шэжуй кэсюэ. Нанкин. 1979. № 1. С. 14).

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

страны, ее историческими условиями»⁹³. Сопоставление с внешним миром позволило Дэн Сяопину выделить характерные особенности Китая: низкий уровень экономического развития, отставание от развитых стран на 20-30 лет, большое население, дефицит пахотной земли, не учтенные в марксистских схемах, и оправдать, таким образом, проведение в Китае «специфически китайской модернизации», «модернизации китайского типа»⁹⁴.

Однако практически любой отход от действовавшей экономической модели вел в сторону капиталистических отношений. Именно это и подтвердило изучение реформ в восточноевропейских странах, направленных на усиление экономических рычагов, создание товарного хозяйства и рыночного регулирования. В самом Китае к такому пути подталкивали увеличившиеся в конце 70-х годов закупки на Западе оборудования и современных технологий, а также призывы к заимствованию западных методов организации производства и управления, предполагавших восстановление капиталистических анклавов, а значит, и эксплуатации⁹⁵. Для подобной трансформации надо было найти другие, нежели формационные, основания. Ссылка на цивилизационную специфику представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями⁹⁶.

Сомнения в универсализме марксистской схемы Дэн Сяопин выразил, обратившись еще в мае 1977 г. к опыту соседей и упомянув революцию Мэйдзи в Японии⁹⁷. Но этим область его поисков за пределами марксизма не ограничилась. В начале 1979 г. в беседе с японскими журналистами он использовал термин «сяокан» (общество «ма-

⁹³ Кэсюэ шэ хуйчжун гайлунь. (Краткий очерк научного социализма.) П., 1983. С. 140. См. также: *Портяков В.* Изучение в КНР теории и практики экономического строительства социалистических стран (конец 70-х — начало 80-х годов) // Новые моменты в общественной мысли социалистических стран. М., ИЭМСС, 1984.

⁹⁴ *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. С. 196.

⁹⁵ Ху Цяому в октябре 1978 г. призвал соединить преимущества социализма с «передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран». (ЖМЖБ 6.10.1978). 2-я сессия ВСНП (июнь 1979) приняла закон о совместных предприятиях, началось создание «зон свободной торговли» в провинциях Гуандун и Фуцзянь. В 1980 г. Госсовет КНР принял решение о создании четырех специальных экономических зон.

⁹⁶ Возможно не слишком рассчитывая на то, что удастся доказать в рамках марксистской теории допустимость рыночных реформ, Дэн Сяопин и решил подстраховаться ссылкой на китайскую специфику, неподвластную авторитету классиков.

⁹⁷ *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. С. 55. Это был один из стратегических ориентиров, высказанных Дэн Сяопином еще до восстановления на постах. См. разд. 3.1.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

лого благоденствия»), который не столько концептуализировал его взгляды, сколько интуитивно указывал на историческую общность культур и возможность использования этой части мирового опыта в Китае⁹⁸. В период активной борьбы с последствиями социально-экономических экспериментов Мао Цзедуна Дэн Сяопин не мог развить эту идею, поскольку новый эксперимент, а именно так звучал тезис о неформационной специфике, не был бы принят обществом и партийно-государственной элитой⁹⁹. Но в долгосрочной перспективе еще одно стратегическое направление развития было им задано.

Решающим моментом в развитии внутриполитической ситуации стал достигнутый на предыдущем этапе консенсус относительно первоочередности развития производительных сил, который, однако, постоянно подвергался давлению со стороны идеологических принципов и возникших в последнее время социально-политических явлений, важнейшим из которых стало «духовное загрязнение». Отход от прежней модели развития снимал значительную часть идеологических ограничений, но одновременно провоцировал кризис легитимности. В процессе его преодоления «четыре основных принципа» расширили пространство для социально-экономического маневра и поиска национальной идентичности, а их многоочленность ограничила влияние марксизма рамками китайской специфики. После 6-го пленума 11-го созыва центр тяжести в теоретической области был перенесен с критического анализа истории на формирование новой концепции социалистического строительства.

Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана и выступление Дэн Сяопина на XII съезде КПК (сентябрь 1982) содержали две стратегии развития. Первая ориентировалась преимущественно на следование марксистской схеме и общим закономерностям, вероятно исходя из того, что испытанная временем теория и авторитет классиков являются лучшей гарантией от перегибов практики и волюнтаризма вождей. Представленная Ху Яобаном в шести разделах «Отчетного доклада» стратегия состояла из решения ряда логически связанных задач, необходимых для выработки концепции социалистического строительства: обобщения исто-

⁹⁸ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 423. Впервые Дэн Сяопин упомянул «сяокан» во время остановки в Японии после возвращения из США в феврале 1979 года. Затем он повторил этот тезис в декабре того же года во время встречи с премьер-министром М. Охирой в Пекине. См. разд. 3.1.

⁹⁹ В этом и заключается сложность исправления ошибочного по сравнению с выработкой нового курса. «Исправление» ограничено в средствах, в частности, не позволяет использовать то, что неверно использовалось предшественниками, но взамен подчеркивает преемственность и легитимность.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

рии, реформы экономической системы, строительства социалистической духовной культуры, реформы политической системы, усиления партийного строительства и активизации внешней политики¹⁰⁰. В основе предлагаемой модели лежал экономический детерминизм, естественным образом вытекавший из переноса центра тяжести на экономическое строительство¹⁰¹. В то же время это был новый, преодолевший левацкий уклон предыдущего XI съезда, курс. Внести в принятую еще при Хуа Гофэне политику «четырех модернизаций» новое содержание и, таким образом, обрести новую степень свободы, формально оставаясь в рамках провозглашенных ранее целей, позволила формулировка о четырехкратном увеличении валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства к 2000 году. Конкретные цифры этого стратегия сдерживали идеологическую бескомпромиссность¹⁰². Отношения идеологии и политики также обрели новую формулу: совместное развитие материальной и духовной культуры, «ядром которой должна быть коммунистическая идеология»¹⁰³. Выделение в качестве самостоятельной категории социалистической духовной культуры нарушало монополию коммунистической идеологии, но в тот момент так категорично не воспринималось, а напротив, расширяло сферу ее действия как консолидирующего начала. Это положение наряду с экономическими критериями (отсутствием эксплуатации человека человеком, государственной собственностью на средства производства, распределением по труду, плановым развитием народного хозяйства) провозглашалось важнейшей характерной чертой социализма¹⁰⁴.

Предложенная теоретическая конструкция, стилистически полностью вписываясь в марксистскую схему и сохраняя ее методологию, все же вызывала сомнения в соответствии со стратегическим задачам Китая. Дэн Сяопин, как и большинство представи-

¹⁰⁰ Перечисленные положения получили развитие в документах 6-го пленума 11-го созыва, 3-го и 6-го пленумов ЦК 12-го созыва, Всекитайской конференции и XIII съезда КПК.

¹⁰¹ Съезд, зафиксировав на высшем уровне новую стратегическую цель — экономический рост, имел «такое же историческое значение для развития дела социалистической модернизации в Китае, какое имел VII съезд КПК для достижения победы в новодемократической революции». (ЖМЖБ. 8.09.1982).

¹⁰² Впервые положение о четырехкратном увеличении промышленного и сельскохозяйственного производства было предложено на 4-й сессии ВСНП 5-го созыва (декабрь 1981). (ЖМЖБ. 14.12.1981). А до этого высказывалось Дэн Сяопином.

¹⁰³ Конституция КНР 1982 г. содержала норму: «коммунистические идеи являются ядром социалистической духовной культуры».

¹⁰⁴ ЖМЖБ. 8.09.1982.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

телей старшего поколения с недоверием относившийся к западным схемам, больше полагался на собственный опыт, приобретенный на начальном этапе социалистического строительства и в период «урегулирования» в первой половине 1960-х годов. Разочарование в универсальных моделях и опыте СССР сформировало основной конфликт политического развития КНР 80-х годов: между универсализмом экономической модернизации и особенностями исторического развития и национальной культурой. «Осуществление модернизации сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники и превращение Китая в социалистическое государство с высокоразвитой культурой и демократией» было охарактеризовано Дэн Сяопином на XII съезде с использованием новой идейно-теоретической формулы как «строительство социализма с китайской спецификой», дававшей ему такую же степень свободы в отношении марксизма, как опора на практику – в отношении наследия Мао Цзэдуна¹⁰⁵. Объясняя причины специфики, Дэн Сяопин указал на большое население, недостаток пахотной земли и слабую экономическую базу Китая, связав природно-демографические особенности страны и социально-экономические характеристики строя.

Тезис о строительстве «социализма с китайской спецификой» примирял марксистские символы легитимности КПК со свободой маневра, в том числе в отношении рыночных реформ, но был безусловно ревизионистским с точки зрения ортодоксальных канонов. Это обстоятельство сняло идеологические ограничения с китайской общественной мысли, непосредственно подключив ее к дискуссии.

Природно-демографические условия и экономическая отсталость, указывавшиеся в качестве специфики, формально не противоречили марксистским положениям¹⁰⁶. На состоявшейся в Нанкине осенью 1983 г. научной конференции преобладающим было мнение, что специфика ограничивается соединением «всеобщей истины марксизма-ленинизма» с конкретной практикой Китая и проявляется в особых формах всеобщих закономерностей, вызванных экономической отсталостью и влиянием феодальных пережитков¹⁰⁷. Некорректность отделения специфики от социализма, а тем более их противопоставление доказывалась и в партийной печати,

¹⁰⁵ Дэн Сяопин использовал для социалистического строительства открытый еще Мао Цзэдуном алгоритм «китаизированного марксизма» для западных схем проведения революции.

¹⁰⁶ Именно поэтому после съезда не началось активное обсуждение китайской специфики, способное придать этому тезису теоретическую стройность.

¹⁰⁷ ГМЖБ. 26.12.1983.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

утверждавшей, что «особый путь Китая не имеет ничего общего с всеобщей истиной марксизма»¹⁰⁸. Содержательно китайская специфика не получила адекватного теоретического описания и была определена не как национальная, а как формационная, сохранявшая марксистскую методологию и органично укладывавшаяся в положение о «начальном этапе социализма». В силу указанных причин различие в подходах Дэн Сяопина и Ху Яобана не выглядело существенным, поскольку в качестве главной задачи оба деятеля провозглашали экономическое развитие. Тем не менее разногласия, проявившиеся на съезде, как показали последующие события, были принципиальными.

Вопрос о пути развития был актуальным не только для Ху Яобана и «третьего» поколения руководителей, выведенного «культурной революцией» на политическую авансцену, но и для уходящего «второго» поколения. Дэн Сяопину, только что одержавшему победу над «левыми» радикалами, было безразлично, как она будет использована, но физических сил ею распорядиться уже не хватало¹⁰⁹. Крупнейшим изменением политического механизма на XII съезде стало создание Комиссии советников ЦК КПК, которая стала не просто техническим инструментом омоложения руководства, в значительной степени уже произошедшего, но и, кроме того, институционализировала обнаружившиеся в нем разногласия и была призвана служить обеспечению преемственности политического курса¹¹⁰. Задумавшись о неизбежном завершении политической карьеры и своем месте в истории, Дэн Сяопин должен был решить вопрос о преемниках: уже получивших к тому моменту большие полномочия Ху Яобан был избран генеральным секретарем ЦК КПК, а Чжао Цзяян утвержден премьером Госсовета.

¹⁰⁸ Хунци. 1983. № 24. С. 11–12.

¹⁰⁹ Логично было «нанять управляющего» и осуществлять контроль над его деятельностью. Именно так и произошло. «Роль я играю, но основная тяжесть работы лежит на других товарищах. Кое-какие советы я даю, но разрешением вопросов, тяжелых задач занимаются именно эти товарищи». (*Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая*. М., 1988. С. 90).

¹¹⁰ Ее задачи, как и задачи Контрольного Юаня в императорском Китае, состояли в обеспечении стабильности высших эшелонов власти. Идея комиссии возникла у Дэн Сяопина в период острой политической борьбы в руководстве. Возможно, эта мысль посетила его, когда официальные преемники Мао Цзэдуна не смогли продолжить его дело и по разным причинам были отстранены с постов. См.: *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 255. Вернуться к ней его заставило критическое положение с дееспособными кадрами в ЦК. Конфликт подобного рода проявился примерно в это же время и в СССР в связи со смертью Л. Брежнева, но КПСС не смогла его преодолеть.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

На протяжении всей истории китайского государства конфликт поколений подавлялся этическими учениями и традиционными патриархальными нормами, которые были существенно поколеблены «культурной революцией». Последовавший за ней внутриаэлитные противоречия и борьба за власть способствовали дальнейшей дискредитации соответствующих представлений. В результате образовавшегося возрастного разрыва нарушился процесс воспроизводства власти, возникла угроза политической стабильности, которую необходимо было ликвидировать, серьезно изменив механизм государственного управления. Социалистическая демократия, ставшая одним из важнейших политических лозунгов в тот период, была самым близким по смыслу родовым понятием, обеспечивавшим преемственность политической власти и сохранение стабильности в обществе. Вместе с тем ее эффективное функционирование требовало адекватных изменений в высшем руководстве¹¹¹. С помощью нового органа поколение революционных войн рассчитывало сохранить свое влияние на политический курс через формирование нового состава руководства¹¹². На фоне кампании по разделению партийных и административно-хозяйственных функций появление Комиссии воспринималось как еще один шаг по оптимизации руководства. Она в действительности положила начало созданию новой системы политической власти, в котором КПК все отчетливее приобретала черты государственного механизма управления, воплотившего функции разделения властей¹¹³.

Несмотря на проявившиеся разногласия, XII съезд отразил преобладающее в руководстве компартии мнение, что главной задачей КПК является не создание нового социального проекта, а реализация марксистского, но с необходимыми коррективами и уточнениями. Этот вывод оправдывал недавно произошедшее низложение «фракции культурной революции», главная вина которой, по официальному заключению, состояла в отрыве и от идей Мао Цзэдуна, и от всеобщих истин марксизма-ленинизма. Решение съезда

¹¹¹ Опасения очень скоро оправдались. Дэн Сяопин ошибся в своих оценках и Ху Яобана, и Чжао Цзыяна, оказавшихся более либеральными, чем допускали идеалы и интересы государственной стабильности. В свое время и сам Дэн Сяопин переболел этой болезнью, недооценив, в отличие от Мао Цзэдуна, политическую роль высоких революционных идеалов. См. разд. 2.3.

¹¹² И Комиссию по проверке дисциплины, и Комиссию советников и Военный совет ЦК КПК, ограничивавших с различных направлений деятельность ЦК, возглавляли представители старшего поколения — Дэн Сяопин и Чэнь Юнь.

¹¹³ Выросших, однако, не из разделения общества на классы и поэтому нашедших особые формы.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

о первоочередности экономического развития позволило на довольно длительное время снять остроту внутренних разногласий и зафиксировать новую точку консолидации – проведение хозяйственной реформы, провозглашавшейся важнейшей гарантией осуществления социалистической модернизации¹¹⁴.

Преодоление экономической отсталости требовало особого механизма использования имеющихся ресурсов, способного превратить конкретные недостатки и слабости Китая в сравнительные преимущества. Рыночная экономика была лучшим из известных примером такого механизма и объективно являлась ориентиром экономической политики с самого начала реформ¹¹⁵. Дискредитация признанных авторитетов и наступившая вследствие этого идейная дезориентация позволили экономистам свободно выражать существенно отличавшиеся от принятых представления о социализме рыночные взгляды, частично уже воплотившиеся в экономической политике¹¹⁶. Но на пути к рынку реформа должна была преодолеть также идеологические препятствия и силу традиции.

Широкое распространение в конце 70-х – начале 80-х годов индивидуальной и коллективной форм хозяйствования в целях ликвидации безработицы и решения социально-экономических проблем избыточного населения принесло положительные результаты. Дальнейшее развитие и превращение этих секторов в полноправных участников (субъектов) хозяйственного механизма упиралось в идеологические барьеры, поскольку законы их функционирования предполагали распределение не по труду и эксплуатации, что прямо противоречило сформулированной Чжао Цзыяном сущности социализма – общественной собственности и распределению по труду¹¹⁷. Молчаливое признание, что критерием эффективности собственности является экономический рост, и соответствующие, хотя и робкие, призывы к утверждению многоукладной экономики не привели к радикальным решениям, натолкнувшись, помимо

¹¹⁴ ЖМЖБ. 21.10.1984.

¹¹⁵ Эти идеи высказывались экономистами еще в 1979 году. См.: Хунци 1979. № 9. С. 22. Но это была новая мысль для Дэн Сяопина, который еще в начале 1979 г. считал, что модернизация китайского типа должна учитывать избыточное население, ненужное для современного производства, и на этом основании считал необходимым единое планирование. (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 197).

¹¹⁶ В Проекте реформы хозяйственной системы 1979 г. содержалось положение о соединении планового и рыночного регулирования, а в проекте 1980 г. экономика Китая характеризовалась как товарная. Чжао Цзыян на 3-й сессии ВСНП (август–сентябрь 1980) провозгласил сокращение административных методов регулирования и усиление экономических рычагов – цен, налогообложения, кредита и др.

¹¹⁷ См.: ЖМЖБ. 10.11.1979.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

идеологических, на чисто экономические препятствия. Сокращение участия государства в хозяйственной деятельности предприятий, вызвав неконтролируемый рост цен и диспропорции в народном хозяйстве, заставили руководство компартии в начале 80-х годов замедлить темпы реформ и провозгласить курс на стабилизацию и консолидацию¹¹⁸. В немалой степени такому решению способствовало распространение «духовного загрязнения», возрождавшего призрак политической оппозиции¹¹⁹. Появление социально-экономических секторов внепланового регулирования создавало сферу за пределами контроля государства. Отказаться от общественной собственности и единого государственного плана, являвшихся экономической гарантией политической власти, компартия не могла.

Формально существовавшее многообразие форм хозяйствования позволяло ввести механизм регулирования, альтернативный плановому. Государственная собственность, решавшая масштабные общенациональные задачи, подчинялась госплану, целью других секторов было производство товаров для населения, регулировать обмен которых мог только рынок. Если частная собственность не могла быть разрешена по идеологическим причинам, то различные методы организации и регулирования производства вполне допускались на начальном этапе социализма, поскольку, как отмечалось в КНР, низкий уровень производительных сил не позволяет Китаю перепрыгнуть товарную экономику, а товарное производство противостоит не плановому, а натуральному¹²⁰. XII съезд зафиксировал это положение в формулировке «плановая экономика — главное, рыночное регулирование — дополнение», легализовав, таким образом, отношения между действовавшими экономическими укладами. Сразу же после съезда в печати появились предложения

¹¹⁸ Дэн Сяопин на совещании 16–25 декабря 1980 г. высказался против «поспешной модернизации». (ЖМЖБ. 01.01.1981. *Дэн Сяопин*. Избранные произведения. С. 276). В результате в 1982–1983 годах произошло временное свертывание рыночного направления реформ. В «Проекте реформы хозяйственной системы» (25 февраля 1982 года) высказывавшиеся ранее положения о соединении планового и рыночного регулирования и о товарном характере китайской экономики отсутствовали, а экономика КНР называлась «плановым хозяйством с существованием товарного производства и обмена». В Конституции КНР 1982 г. экономика характеризовалась как плановая на основе социалистической общественной собственности. Подробнее см.: *Портяков В.* Экономическая реформа в Китае. 1979–1999 гг. С. 9–11; разд. 3.1.

¹¹⁹ Есть опасность буржуазного загрязнения и гнили при использовании зарубежных капиталов, но это не повод отступать от реформ. (*Дэн Сяопин*. Избранные произведения. С. 388).

¹²⁰ См. Сюэси юй яньцзю. 1986. № 2. С. 37.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

о приближении производственных отношений к уровню реально существующих производительных сил и о развитии различных форм собственности¹²¹. Это был существенный поворот в развитии экономической мысли, поскольку до съезда речь шла только о подъеме производительных сил до уровня общественной собственности.

Несмотря на то что влияние идеологических ограничений было существенно сокращено закрепленным на съезде курсом на всемерное развитие производительных сил, преодолеть в рамках существующей идеологической системы имевшиеся противоречия было невозможно. Надо было найти более широкий исторический и идеологический контекст, который бы позволил выйти за пределы конфронтации социализма и капитализма. Анализ капиталистической экономики, внимание к изучению которой постоянно нарастало, позволил сделать вывод, что в XX в. рынок перестал регулироваться только законом стоимости, а государственное регулирование обрело черты планирования. Признав план и рынок средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами, логично было предположить, что социализм и капитализм являются различными способами развития производительных сил, преимущества которых должны проявиться в процессе развития¹²². При этом все же одно из преимуществ социализма, состоявшее в способности общественных форм концентрировать ресурсы на наиболее важных проектах, обеспечивая быстрый экономический рост, нельзя было потерять¹²³. Поэтому за государственным укладом должно сохраниться преимущество по объемам производства и роли в общественно-экономической жизни (экономическая власть)¹²⁴.

В этих условиях серьезной проблемой становилось отношение не столько к новым формам хозяйствования, сколько к общественной

¹²¹ Подробно см.: *Борох О.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998. С. 63–114.

¹²² При этом сменить механизм управления, основанный на плане, диктатуре, общественной собственности, на другой, рыночный, нужно было не в ходе революции, а в ходе реформ. Но до 1984 г. для китайских экономистов еще не была ясна разница между экономической наукой как идеологией и инструментом анализа. См.: *Борох О.* Современная китайская экономическая мысль. С. 65. Как только это разделение произошло, появились точки роста. Движение к рынку в отличие от России не стало новой идеологической догмой, а, наоборот, продемонстрировало ослабление идеократического подхода.

¹²³ См.: *Дэн Сяопин.* Строительство специфически китайского социализма. Бэйцзин. 1985. С. 48. Это классический принцип мобилизационной модели.

¹²⁴ Именно поэтому впоследствии на XIV съезде Цзян Цзэминь заявил, что к общественной собственности относится доля государства в акционерных формах собственности. См. разд. 4.3.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

(государственной) собственности, сомнения в эффективности которой уже давно высказывались открыто¹²⁵. Признание товарного характера социалистической экономики было способно внести ясность в этот вопрос, не нарушая идеологических норм. Этот шаг сделало Постановление 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984), принявшее положение о разделении прав собственности и прав хозяйствования¹²⁶. Китайская общественно-политическая мысль, предложив, наряду с директивным, индикативное планирование хозяйственной деятельности, открыла новое направление для повышения эффективности государственной собственности, а также для развития коллективного и частного секторов¹²⁷. Однако широкое распространение подрядной системы, построенной на расширении самостоятельности хозяйствующего субъекта при сохранении прав собственности за государством, не смогло кардинальным образом решить проблему экономической эффективности¹²⁸. Необходимо было признать предприятие субъектом не только экономических отношений, но и отношений собственности. Однако для этого еще не созрели условия¹²⁹.

Серьезно поколебав основополагающие принципы социализма, Постановление вновь обострило противоречия в высшем руководстве страны. Нужно было вернуться к их обсуждению, но уже на более фундаментальном уровне. Этот вызов реформаторами и Дэн Сяопином был принят¹³⁰. Отвечая на вопросы: «Что такое со-

¹²⁵ См.: Цзинцзи яньцзю. 1979. № 1. С. 21–29.

¹²⁶ ЖМЖБ. 23.10.1984.

¹²⁷ Директивное планирование выражалось в натуральных величинах, а индикативное — в стоимостных. Так произошел перевод планирования как важнейшей части социалистической экономики с натуральных показателей на стоимостные.

¹²⁸ Цзинцзи яньцзю. 1988. № 7. С. 30–31; Лю Гогуан. Чжунго гоючжи цзинцзи гайгэ дэ таньсо. (Поиск экономической реформы государственной собственности.) П., 1989.

¹²⁹ См.: Борох О. Современная китайская экономическая мысль. с.66., Цзинцзи яньцзю. 1988. № 7. С. 30–31; № 9. С. 11–12. Примерно по такому же пути шла и советская экономическая наука, разделившая в этот период собственность на права владения, пользования и распоряжения, чтобы задействовать личную инициативу и найти приемлемые формы для идеологического оправдания индивидуальной и частной форм собственности. Критерии общенародной социалистической собственности: общенародное владение — государственное распоряжение (управление) — пользование трудового коллектива. Однако в перспективности этого пути уже тогда выражались сомнения. См.: ВФ. 1990. № 3. С. 46–56.

¹³⁰ Занимая позиции между консерваторами и реформаторами, Дэн Сяопин был вынужден ситуационно объединиться с последними, что дало им ощутимые преимущества, а их взглядам более широкое распространение и влияние. Идея «социализма с китайской спецификой» была временно принесена в жертву политическому союзу.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

циализм? Что такое марксизм?», Дэн Сяопин на первое место поставил не осуществление принципа «от каждого по способности, каждому по труду», а развитие производительных сил, недвусмысленно дав понять, что за марксизмом он оставляет прежде всего функции инструмента, а не цели¹³¹. Основная дискуссия по этому вопросу развернулась на Всекитайской партийной конференции (сентябрь 1985).

На ней отчетливо проявились разногласия в подходах к дальнейшему осуществлению экономической реформы. Предложения Чжао Цзяяна «расширить организованный социалистический товарный рынок и постепенно усовершенствовать рыночную систему» встретили возражения у старшего поколения, акцентировавшего внимание на ключевом значении планового хозяйства и негативных последствиях полного перехода на рыночное регулирование: «нужно добиваться оживления экономики под руководством госплана, а не в отрыве от него»¹³². В результате основной курс в развитии хозяйственного механизма был сформулирован как дальнейшее «обеспечение развития товарного рынка при наличии планового руководства»¹³³. Ветераны, высказав реформаторам свои опасения, смогли только привлечь внимание к развитию социалистической духовной культуры, а сами понесли серьезные кадровые потери¹³⁴. В целом принятие конференцией предложений по 7-му пятилетнему плану «впервые предельно четко наметило контуры «социалистической хозяйственной системы нового типа», формирование которой и должно было явиться конечным результатом реформ», был найден «реальный путь перехода от старой хозяйственной системы к новой»¹³⁵.

Сосуществование различных секторов, товарного производства и плана нарушало чистоту идеальной модели социализма, но вполне вписывалось в концепцию «начального этапа социализма», утверждавшую непрерывность общественного развития и отсутствие чистых форм¹³⁶. Практика заставила пересмотреть эконо-

¹³¹ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. С. 60–61; Он же. Избранные произведения. С. 138.

¹³² Хунци. 1985. № 19. С. 32, 35.

¹³³ Там же. С. 10–27.

¹³⁴ 64 члена и кандидата в члены ЦК КПК ушли в отставку. Там же.

¹³⁵ Портяков В. Экономическая реформа в Китае. (1979–1999) М., 2002. С. 13, 15. После 1989 г. сложившуюся переходную систему попытались законсервировать, но в 1992 г. от этого были вынуждены отказаться.

¹³⁶ При разделении социализма на ряд более мелких стадий, а истории — на более крупные блоки формационный подход сохранялся, но уже отвергал старую схему, подтверждая наступление нового этапа развития.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

мическую теорию марксизма. Стирая грани между общественными системами и дав новое развитие переходным формам, многоукладность распространила конгломеративность на другие сферы общественной жизни, став одним из источников развития, не только экономического¹³⁷.

* * *

ХII съезд, 3-й пленум 12-го созыва и Всекитайская конференция КПК подтвердили приоритет экономического развития. Однако Дэн Сяопин, призвав к «строительству социализма с китайской спецификой», постарался сделать так, чтобы этот курс не привел к восстановлению бесспорного авторитета марксизма. Между этими стратегическими линиями пролегла довольно тонкая грань. Обе выросли из кампании «практика – критерий истины». Но Ху Яобан ограничил ее критикой допущенных ошибок, чтобы вернуться к экономическому детерминизму, а Дэн Сяопин предложил ее использовать в качестве методологической основы для формирования новой концепции развития, возвращаясь тем самым к марксистской критической теории. У первого подхода было объективное преимущество: экономическая реформа создавала благоприятные условия для классического марксизма, тем более что экономисты постоянно подталкивали к принятию западных экономических моделей. Дэн Сяопин привлек внимание к национальной специфике, постаравшись придать ей максимально широкий характер и определив ее через известные формационные отличия, пока еще не называемые идентичностью¹³⁸. В результате борьбы мнений приоритет производительных сил и китайских условий, закрепленных в качестве главных направлений развития, были уравновешены строительством социалистической духовной культуры и открытостью внешнему миру. КПК, таким образом, возвращалась в точку пересечения отвечающей китайской культурной традиции системы координат, но не смогла предложить завершенной, внутренне непротиворечивой альтернативы марксизму, который по-прежнему оставался главной идеологической константой.

¹³⁷ О конгломеративности см.: Богатуров А., Виноградов А. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69.

¹³⁸ «Суть помех справа в осуществлении всесторонней европеизации, отказе от социализма и переводе Китая на рельсы капитализма». (Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 214).

3-3. Политика и наука. Дискуссия о марксизме. Марксизм с китайской спецификой. (1985—1987)

Развитие общественной мысли после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва определялось взаимодействием двух тенденций: стремлением реконструировать теоретическую систему марксизма и разочарованием в существующей концепции социалистического строительства, постепенно вытеснявшейся радикальной экономической реформой¹³⁹. Ее результаты, существенно отличаясь от прежних представлений, вновь привлекли внимание к отношениям между идейно-теоретической доктриной и политическим курсом КПК. Не сумев сохранить идеологическую чистоту, компартия была вынуждена возложить деликатную задачу по обоснованию своих социально-экономических новаций на обществоведение, вновь вовлеченное в общественно-политический процесс в качестве самостоятельного агента.

Углубление экономических экспериментов постоянно увеличивало многообразие их описаний, особенно за счет использования западных теоретических конструкций. Разрешив их изучение, руководство КПК рассчитывало применить полученные результаты к решению стоящих перед страной задач, однако не учло всех последствий этого шага. Социально-экономический прагматизм, свойственный политикам и хозяйственникам, не распространялся на гуманитариев, профессиональная деятельность которых строилась на других принципах. Снятие после периода острой идеологической борьбы ограничений на пользование зарубежными источниками привело к усвоению западных моделей и методологических подходов, а вместе с ними мировоззренческих установок и ценностей, способствовавших зарождению «буржуазной либерализации»¹⁴⁰. Практика экономических реформ, расходившаяся с классической марксистской теорией, а также объяснявшие ее западные экономические концепции бросили вызов марксизму, особенно чувствительно относившемуся к результатам экономической мысли¹⁴¹.

¹³⁹ Предлагаемый раздел представляет собой не хронологическую, а строго содержательную, логическую реконструкцию движения общественной мысли, что вызвано индивидуальным характером научной деятельности. В то время как одни авторы акцентировали внимание на экономических аспектах марксистской теории и ее критике, для других они были лишь очевидным толчком для рассуждений на общесоциологические и философские темы. Поэтому излагаемые точки зрения высказывались, как правило, одновременно, а не последовательно, следуя логике дискуссии.

¹⁴⁰ См.: *Дэн Сяопин*. Избранные произведения. С. 432.

¹⁴¹ Выступая на семинаре по вопросам планирования сразу после XII съезда, Президент АОН КНР Ху Цяому заявил, что «основной задачей в области философии и общественных наук является исследование и решение важных теоретических и прак-

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Критика справа была не единственной причиной усилившегося внимания к теории. С конца 70-х годов инициативы китайских руководителей в силу внутренних законов развития компартии, требовавших постоянного подтверждения идеологической легитимности, стали нуждаться в строгой научной экспертизе, на роль которой мог претендовать только марксизм. Первые подходы к решению этой проблемы были высказаны уже в рамках дискуссии о «практике как критерии истины» и дискуссии о гуманизме, но не привели к формулированию принципов и определений, «не проникли в сущность вопроса», указав лишь недостатки прежних концепций, но «не выделив причин этих недостатков»¹⁴².

Первым о необходимости всестороннего развития марксизма заявил Дэн Сяопин, пообещав не позволить ему остановиться на уровне отдельных выводов, сделанных десятки или сотню с лишним лет назад¹⁴³. Но в 1979 г. эта инициатива, явно ориентированная на обоснование нового политического курса, намного опережала время и не могла привести к серьезным теоретическим результатам. Выступая на собрании, посвященном 100-летию со дня смерти К.Маркса (март 1983), Ху Яобан вновь привлек внимание к необходимости его развития, подчеркнув, что вся его история – это «история непрерывного преодоления различных ошибочных уклонов внутри марксистского движения и, стало быть, история его непрерывного развития»¹⁴⁴. Но и этот призыв не получил достойного отклика в научном сообществе, для значительной части которого марксизм оставался прежде всего символом профессиональной принадлежности и идеологической безупречности, а не объектом критического анализа¹⁴⁵. До Постановления 3-го пленума 12-го созыва не было окончательной ясности, насколько далеко готова идти КПК в пересмотре идейно-теоретических основ, и, только получив практическое подтверждение ее реше-

тических вопросов, выдвигаемых в ходе осуществления социалистической модернизации». ЖМЖБ. 15.10.1982. Эта мысль впоследствии неоднократно повторялась в различных вариантах: «Реформа требует от общественных наук, и особенно от экономической науки, теоретического руководства». (Шэхуй кэсюэ. 1985. № 8. С. 12).

¹⁴² Фудань сюэбао. Шэхуй кэсюэ бань. 1987. № 6. С. 6.

¹⁴³ Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 214–215.

¹⁴⁴ Ху Яобан. К 100-летию смерти К. Маркса. Пекин, 1983. С. 1.

¹⁴⁵ Попытки расширить рамки официального марксизма предпринимались, но не выходили за пределы допустимого – «приспособления марксизма к практике четырех модернизаций», исправлений в марксизме. См.: ГМЖБ. 7.08.1980, 1.10.1980. Стоит отметить, что на протяжении 1982–1983 годов велась кампания по упорядочиванию партии и борьбе с «духовным загрязнением», сдерживавшая развитие идейно-теоретических дискуссий.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

тельности, последние препятствия для общественной мысли были сняты. На Всекитайской конференции КПК (сентябрь 1985) Дэн Сяопин, в очередной раз призвав усилить изучение основных положений марксизма-ленинизма, чтобы понять, «что же такое социализм», фактически положил начало самой крупной в истории КНР научной дискуссии¹⁴⁶.

С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К. Маркса в обществе произошли глубокие изменения, вызванные научно-технической и социалистической революциями, начался переход от индустриального общества к информационному и «некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой», в их числе вывод о зрелости внутренних противоречий капитализма и победе социализма¹⁴⁷. Из этого следовало, что реальный социализм, не являясь продуктом полного развития капитализма, имеет собственные законы, отличающиеся от представлений К. Маркса и Ф. Энгельса¹⁴⁸. Однако на протяжении длительного периода времени «перегибы» в практике социалистического строительства и догматическое отношение к марксизму превратили его «в оковы, связывающие мысль», не позволяя выделить и зафиксировать новые закономерности общественного развития¹⁴⁹. Особую роль в этом процессе сыграла интровертность традиционного китайского мышления. В результате «диалектика закончилась на марксизме, создав новую закрытую систему», допускавшую лишь комментирование классических текстов¹⁵⁰. Для преодоления этих недостатков марксизм необходимо было погрузить в атмосферу новой эпохи, «сделать новые тенденции развития человечества основой новых теоретических обобщений», а «не доказывать, что говорил Маркс, а чего – не говорил»¹⁵¹. Одной из важнейших задач для достижения этой цели провозглашалось превращение его «из закрытого канона в открытое руководство», восприятие лучших достижений человеческой

¹⁴⁶ См.: Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С. 166. Этот призыв был поддержан президентом АОН КНР Ху Цяому, провозгласившим его центральной задачей общественных наук.

¹⁴⁷ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 1. С. 14. Синьхуа вэньчжай. 1986. № 6. С. 12. См. также Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 7.; Байкэ чжиши. 1988. № 2. С. 79.

¹⁴⁸ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1987. № 4. С. 114.

¹⁴⁹ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 10. С. 12. По мнению Су Шаочжи и Ван Ичжоу, с 30-х годов «сталинская трактовка марксизма стала непререкаемой». (Синьхуа вэньчжай. 1987. № 1. С. 9). См. также: ЖМЖБ. 2.11.1984; Цаймо цзинци. 1987. № 2. С. 43.

¹⁵⁰ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 6. С. 3–5. До сих пор многие «отстаивание марксизма понимают как комментирование и копирование». См.: Шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 6.

¹⁵¹ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 5.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

культуры, «прорыв ограниченности прежних трех составных частей, трех источников марксизма»¹⁵².

Восстановление открытого характера марксистской теории началось с восполнения пробелов в изучении истории ее возникновения¹⁵³. Критическая переработка основоположниками трех источников (французского утопического социализма, немецкой классической философии и английской политэкономии), а затем отказ от некоторых их положений Лениным, сделавшим вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в одной стране, убеждали в соответствии диалектического отрицания развитию марксизма¹⁵⁴. Но только применительно к теории. После Октябрьской революции, по мнению китайских обществоведов, процесс творческого развития продолжился уже на практике. Военный коммунизм, скопированный с идей «Капитала», был заменен Лениным «новой экономической политикой», Сталин, вернувшись к модели Маркса, в конце 40-х – начале 50-х годов также был вынужден признать социалистическое товарное производство и закон стоимости, выделив в общественной собственности две формы – общенародную и коллективную¹⁵⁵. Примером такого же отношения к марксизму был назван курс после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, особенно после принятия Постановления ЦК относительно реформы хозяйственной системы, «сделавшего прорыв во многих теоретических положениях классиков»¹⁵⁶. Таким образом, практика социалистического строительства предлагала принципиально иную

¹⁵² Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 5. Показательно, что еще в 1982 г. ставилась задача овладения тремя составными частями марксизма, а всего три года спустя их ограниченность уже не вызывала сомнений.

¹⁵³ Способного, как отмечалось, «углубить научное понимание социализма» и овладеть законами его развития. (Синьхуа вэньчжай. 1986. № 2. С. 20). С начала 1980-х годов были осуществлены перевод и издание собраний сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, В. Ленина, а также работ Н. Бухарина, Г. Плеханова, И. Сталина и др.

¹⁵⁴ Все развитие марксизма есть преодоление его внутренних противоречий, а не только преемственность. (Шэхуй кэсюэ. 1985. № 10. С. 11; 1986. № 6. С. 6).

¹⁵⁵ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 11. С. 23. Дальнейшее развитие это положение получило в Китае, где было признано, что общенародная и коллективная собственность могут иметь различные формы, а на этапе неразвитого социализма при условии господствующего положения социалистической экономики возможно существование несоциалистических укладов. Шэхуй кэсюэ. 1985. № 3. С. 3.

¹⁵⁶ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 10. С. 11. Постановление не только преодолело ошибочный вывод об отсутствии товарного производства при социализме, но и уточнило положение о противоречии между производительными силами и производственными отношениями и о социалистических производственных отношениях. (Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 7). См. также: Шэхуй кэсюэ. 1985. № 7. С. 6; Шэхуй кэсюэ. 1986. № 4. С. 4.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

модель развития, в которой политика приобретала очевидные преимущества перед теорией, только впоследствии находящей ей обоснование. Из этого следовал вывод, что «период дискуссий о программе социализма на основе книг уже прошел. На сегодняшний день можно рассуждать о социализме только на основе опыта»¹⁵⁷.

Закономерно, что проверка научной состоятельности марксизма началась с определения его соответствия представлениям современной экономической теории и практике и была наиболее опасной по последствиям, поскольку вскрывшееся несоответствие могло разрушить его основы. Экономисты предлагали развить теорию трудовой стоимости Маркса, определить стоимость услуг, продуктов научно-технического труда и обучения, среднюю прибыль на капитал, углубить исследования теории обнищания пролетариата, тенденций накопления, теории воспроизводства, экономической теории империализма и т.д.¹⁵⁸. Поскольку главной задачей социализма было признано развитие производительных сил, постольку и экономическую науку предлагалось переориентировать с изучения производственных отношений на повышение экономической эффективности, совершенствование управления и экономической политики, определяющей пути развития экономики в соответствии с объективными законами¹⁵⁹. При этом актуальный для общественно-политического процесса тезис о национальной специфичности был изъят из обсуждения. Утверждалось, в частности, что «зрелая политэкономия социализма должна отражать всеобщие законы развития социалистической экономики и не может всегда носить национальные одежды»¹⁶⁰. Из общности законов развития производительных сил при социализме могли следовать и более радикальные выводы, которые и были сделаны. Высказывалось мнение, что экономические законы являются в основном законами движения производительных сил и общественного воспроизводства и не обладают классовым характером и, значит, применимы и к капиталистической, и к социалистической экономике¹⁶¹, поэтому самым главным условием развития марксист-

¹⁵⁷ Хунци. 1986. № 14. С. 37; См. также: Тао Даюн. Кэсюэ шэхуйчжун шилуе. (История социалистической мысли). Пекин, 1985. С. 302.

¹⁵⁸ См.: Шэхуй кэсюе. 1986. № 1. С. 16. См. также Шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 6, Шэхуй кэсюе. 1987. № 1. С. 3–4, Шэхуй кэсюе. 1985. № 7. С. 3–4, Чжэцзян сюэкань. 1987. № 3. С. 4.

¹⁵⁹ Первым эту мысль высказал Дун Фужэн еще в 1979 году (ГМЖБ. 1.12.1979). См. также: Шэхуй кэсюэ. 1985. № 8. С. 12–13. 1986. № 1. С. 14.

¹⁶⁰ Цзинци юй гуаньли яньцзю. 1987. № 3. С. 5.

¹⁶¹ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 7. С. 6–7.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ской экономической теории является изучение и заимствование достижений западной экономической мысли¹⁶².

Переориентация на западные идеи и подходы встретила аргументированную критику со стороны идеологов, предостерегавших, что «стремление только к росту экономической эффективности и благосостояния рабочих и служащих приведет к возникновению буржуазного стиля хозяйствования», а у стимулирующего влияния товарной экономики на развитие производительных сил есть и негативные последствия¹⁶³. Звучавшая радикальность в отношении марксистской экономической теории, на их взгляд, принципиально не изменила характера отношений между теорией и практикой, которые по-прежнему основывались на «применении всеобщей истины марксизма в практике социалистического строительства в Китае»¹⁶⁴. Возникшие противоречия между двумя версиями универсализма: либерального и марксистского, не могли быть решены в рамках экономической теории. Различие между существующим в Китае социалистическим строем и представлениями классиков обществоведы предлагали ликвидировать реформой марксистской философии, которая при развитии производительных сил и росте их влияния на общество была развита «от классической до современной»¹⁶⁵.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что и в ней накопилась масса нерешенных проблем. Среди них непротиворечивость понятия материи, которое не может развиваться через собственное противоречие. Таким образом, «материалистический взгляд с самого начала не имел формы своего углубления»¹⁶⁶. Кроме того, отмечалась потеря противоположностью «материализма и идеализма важного исторического значения»¹⁶⁷, ограниченность марксистской философии ес-

¹⁶² Шэхуй кэсюэ. 1986. № 1. С. 14. См. также: Шэхуй кэсюэ. 1986. № 5. С. 11, 19; 1986. № 7. С. 4; 1985. № 7. С. 6-7; 1985. № 12. С. 2.

¹⁶³ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 8. С. 11. См. также Шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 9-10. Определение устаревших положений марксистской экономической теории вызвало бурные дискуссии. Обвинение в несовершенстве марксовой теории воспроизводства, ставшей причиной экономических трудностей в развитии социалистических стран, парировалось утверждением, что формулы, найденные Марксом, применимы к исследованию социалистического воспроизводства, а доказательством их справедливости являются исторические успехи СССР, который в состоянии противостоять главной капиталистической державе — США. Ошибки же в экономическом строительстве в КНР с 1958 г. являются не результатом ограниченности марксизма, а «отходом от марксистской теории воспроизводства». (Шэхуй кэсюэ. 1986. № 3. С. 9-10).

¹⁶⁴ Хунци. 1986. № 14. С. 37.

¹⁶⁵ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 7.

¹⁶⁶ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 4. С. 4-5.

¹⁶⁷ Вэнь ши чжэ. 1989. № 2. С. 10.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

тественно-научным уровнем «механики Ньютона» и необходимость ее углубления с точки зрения квантовой физики, геометрии Лобачевского, методологических подходов современных естественных и общественных наук¹⁶⁸. Отсутствие у К. Маркса и Ф. Энгельса специального произведения, в котором доказывалась бы внутренняя логика трех законов диалектики, свидетельствовало, по мнению некоторых специалистов, о превосходстве теории систем как универсальной научной методологии¹⁶⁹. Но даже несмотря на то что этот пробел марксизма можно было восполнить, обогатив его теорией информации, кибернетикой, системным подходом, математическими методами анализа, узость его методологии для исследования современного мира стала общепризнанной, доказывая его «историческую ограниченность».

Среди недостатков марксизма отдельно выделялось влияние утопического социализма, от которого он унаследовал неизменность социального идеала, утратив свойственные Новому времени динамизм и открытость, т.е. постоянный обмен между теорией и практикой¹⁷⁰. Поэтому, когда жизнь требовала внести изменения в принципы социальной справедливости и задействовать потенциал личности, марксизм оставался на прежних позициях и проигрывал. Причина этого, по мнению китайских обществоведов, заключалась в преувеличении роли классовой борьбы, которая представляла лишь одну из движущих сил развития, в то время как для обществ с неразвитыми классами необходим более глубокий и всесторонний анализ общественных отношений¹⁷¹. Эти рассуждения вызвали повышенный интерес к анализу человека, предпринятому

¹⁶⁸ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 4. С. 2; Там же. 1985. № 10. С. 14. См. также Чжунго шэхуй кэсюэ. 1987. № 6. С. 103–115. Шэхуй кэсюэ. 1986. № 6. С. 6. Ван Цзишэн. Дандай гуаньли синьлисюэ. (Современная инженерная психология). Пекин. 1986. См.: Гао Фан. Шэхуйсюэ юй кэсюэ шэхуйчжун (Социология и научный социализм). Пекин, 1986. Шэхуй кэсюэ. 1986. № 4. С. 2, Шэхуй кэсюэ. 1985. № 10. С. 14, Шэхуй кэсюэ. 1986. № 1. С. 15.

¹⁶⁹ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 4. С. 2.

¹⁷⁰ Превратив имманентную откровению каноничность в чуждый рациональному знанию догматизм, марксизм перенес элементы утопий из знаний о прошлом и настоящем в науку о будущем. Однако действительные корни этих недостатков глубже, не в политэкономии, а в антропологизме философии и идеалистической диалектике, основанной на диалектике познания, а не на диалектике природы, которая имеет, по Гегелю, и некоторые «недиалектические» черты, т.е. не обладает разумом, постоянной нацеленностью на результат.

¹⁷¹ Отсутствие в марксистской политэкономии личности, являвшейся главным объектом буржуазно-либеральных концепций, не позволяло дать строгое определение собственности, учесть индивидуальное отношение к труду («чувство хозяина») и др. факторы, важные для формирующейся рыночной экономики.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Г. Плехановым и западным марксизмом, интегрировавшим в свою систему новейшие направления западной общественной мысли¹⁷². Этот интерес и оказался наиболее разрушительным по последствиям для марксистского универсализма.

Как и большинство других общественных теорий XIX века, марксизм положил в основу своей концепции развитую к тому времени методологию естественных наук, ядро которой составлял детерминизм¹⁷³. Соединение антропологического материализма Л. Фейербаха и идеалистической диалектики Г. Гегеля создало идеальную методологическую среду для экономического детерминизма, использовавшего наиболее высокие абстракции – «производительные силы», «производственные отношения», «классы» и т.д. Политическая теория социализма, полностью опираясь на политэкономию, утверждала победу производительных сил (пролетариата) над производственными отношениями. Именно поэтому оперирующая макрокатегориями детерминистская модель смогла стать теоретической основой мобилизационного, телеологического развития. Ее недостатки, связанные с отсутствием в ней индивида, проявились позже, когда она столкнулась с трудностями роста, вызванными ограниченностью марксистских представлений об общественном характере человека, лежавших в основе социалистической (тоталитарной) мобилизационности, что пробудило интерес к психологии и социологии, объяснявшим механизмы активизации индивида в социально-экономических процессах¹⁷⁴. Включение в

¹⁷² Интерес к зарубежным исследованиям в области философии и политологии могут характеризовать следующие данные. В 1986 – 1987 годах в китайских журналах, по неполным данным, было переведено и опубликовано 240 статей советских ученых, 70 – ученых социалистических стран (из них более 20 югославских), 200 – ученых США, 290 – ученых других капиталистических и развивающихся стран. Зарубежная общественная мысль освещалась более чем 10 специализированными журналами.

¹⁷³ Являясь продуктом новоевропейских естественных и общественных наук, марксизм действительно не создал собственной методологии. Когда неокантианцы в XX в. поставили вопрос о разграничении между науками о природе и науками о культуре и об их методе, марксизм оказался в стороне. См. ВФ. 1990. № 11. С. 35; *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 352. Западная цивилизация всегда больше внимания уделяла естественным, а не общественным наукам, что стало одной из причин ее кризиса по мере роста технического могущества и, следовательно, техногенной уязвимости.

¹⁷⁴ В период формирования марксизма социальный субъект современного общества (гражданин) только формировался, поэтому описывающие его научные дисциплины – социология и психология еще не сформировались. Они возникли тогда, когда появилось гражданское общество, в котором человек руководствуется своей ответственностью, используя категории Н. Боббио, когда этику блага заменила этика ответственности.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

марксистский контекст положений, позаимствованных у современных западных «индивидуалистических» школ реанимировало интерес к гуманистическим традициям конфуцианской этики, но уже не как к историческому наследию, а как к актуальному, прикладному знанию, оказавшему в дальнейшем непосредственное влияние на формируемый социальный идеал.

Заимствовав из западного марксизма основные принципы социальной критики, китайское обществоведение преодолело еще один сущностный изъян марксизма, образовавшийся после Октябрьской революции. Перемещение центра революционной активности в Россию усилило влияние российской социал-демократии на западноевропейскую. Однако поражение рабочего движения в Западной Европе в 20-е годы XX в. вновь заставило перенести деятельность марксистских партий на теорию, положив начало западному марксизму, возродившему традиции классической теории. Большевизм, доказав свое право называться ведущей школой марксизма и воплотив свои теоретические построения на практике, занял обособленное положение в мировой общественной мысли, что первоначально компенсировалось колоссальным объемом эмпирического материала, ставшего важнейшим источником его развития¹⁷⁵. Но затем теоретическое осмысление нового опыта оказалось вытеснено на периферию партийной жизни, что сопровождалось усилением конфронтации с западными научными школами, включая марксистские, и, как следствие, догматизмом. Ограничив источники информации и исключив из них «враждебные» марксизму взгляды, правящие коммунистические партии не могли совершить прорыв в теории. Оставшись без научного руководства, практика вновь попала под влияние традиционных социальных утопий и политического волюнтаризма вождей¹⁷⁶. Преодоление разрыва между теорией и практикой в интересах стабильности поступательного движения стало важнейшей задачей, которая в целом была довольно успешно решена китайской общественной мыслью, дополнившей в этот период свои источники западными теориями и выработанным ими описанием действительности¹⁷⁷.

¹⁷⁵ А затем определил преимущество марксистской системы в общественных науках. Это отчетливо понимали теоретики марксизма, в прежде всего Ленин, писавший, что «чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма...» (Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 204).

¹⁷⁶ Утопизм в повседневной жизни приобретает форму романтизма, а в руководстве (волюнтаризма).

¹⁷⁷ Объединение теории и практики в рамках марксизма, по мнению ряда обществоведов, позволит успешно решать противоречия между ними и марксизм нельзя будет превзойти. (Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 8).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Отношение к практике и ее роли в общественно-политической жизни, послужившие исходной точкой дискуссии, после этого было пересмотрено, открыв новый уровень взаимоотношений. Начиная обсуждение, КПК преследовала утилитарную цель – доказать, что историческая ограниченность марксизма не позволяет ему противостоять изменяющимся обстоятельствам и конкретным условиям, что сняло бы целый ряд идеологических ограничений с ее деятельности. Это была попытка политики взять верх над теорией и любым внешним авторитетом. Но ей не суждено было реализоваться. Теоретический характер обсуждения и состав участников диктовали свои правила. Устаревшей теории требовалась замена. На право стать новым авторитетом могла претендовать не только конкретная политическая линия или политик, но и другая, альтернативная марксистскому символу теоретическая традиция. Выяснилось, что практика может быть интерпретирована не только в марксистском, но и в антимарксистском ключе. В результате марксистская теория формально (но и символически) сохранила руководящую роль по отношению к политике. А общественная мысль придала начавшемуся процессу их воссоединения новые черты, дополнив доминирующее в начале дискуссии движение от практики к теории импульсами от теории к практике. Признание практики важнейшим исходным пунктом привело к зарождению в Китае новой философской школы, получившей название «практический материализм»¹⁷⁸. Основное противоречие марксистской философии, пролежавшее между материализмом и идеализмом и «уже преодоленное марксистским взглядом на практику», было заменено в ней противоречием между теорией и практикой¹⁷⁹. Новый характер взаимоотношений между теорией и практикой и возросшая роль практики в них отразили усиление субъектного характера истории, свойственного западным постмарксистским школам. В результате обсуждения о практике был достигнут компромисс, устроивший большинство участников широкими возможностями для трактовок.

Обширный критический анализ марксистской политэкономии и философии давал основание утверждать, что классический марксизм вступил в период упадка¹⁸⁰. Придать ему новый позитивный импульс можно было, только ответив на вопросы: как развивать

¹⁷⁸ См.: ГМЖБ. 12, 26.12.1988.

¹⁷⁹ Вэнь ши чжэ. 1989. № 2. С. 10.

¹⁸⁰ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 6. В Китае крепло убеждение, что после Второй мировой войны возник марксизм, не равный марксизму классиков. Синьхуа вэньчжай. 1986. № 11. С. 17.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

марксизм и каковы пределы его развития, т.е. пересмотрев отношения с практикой и заново выделив его характерные черты и сущность. Наиболее острые дискуссии разгорелись о характере развития. Высказывалось мнение, что смена объекта исследования означает устаревание теории (например, открытие атома показало ограниченность механики Ньютона), а практика построения социализма, отличающаяся от представлений Маркса и Энгельса, – ограниченность марксизма, который необходимо развить от этапа свержения старых производственных отношений и освобождения производительных сил к этапу развития производительных сил и совершенствования производственных отношений¹⁸¹.

Для понимания характера развития было использовано деление на основные (методологические) и отдельные положения, представлявшие собой продукт соединения марксистского метода с конкретными условиями, которые устаревают вслед за изменением объекта исследования¹⁸². Расчлененность на составные части позволила «отстаивание и развитие» отнести только к основным положениям марксизма¹⁸³, легализовав, таким образом, теоретические новации после 1978 года. Одновременно разделение марксизма на основные и неосновные положения на теоретическом уровне выделило место китайской традиции в качестве прикладного знания. Следующим этапом могло стать и вскоре действительно стало нахождение основных положений, основ в китайской истории, традициях, общественной мысли. Фактически происходило возвращение, актуализация в новых исторических условиях одного из лозунгов политики «самоусиления» XIX века: «китайская наука – основа, западная – для практического использования».

Изучение внутренних пружин развития помогло определить место разнообразных течений марксистской мысли, возникших в процессе «движения от неразвитого к развитому»¹⁸⁴. Поскольку в различных исторических, культурных, общественно-политических, географических условиях проявляется многообразие развития, а «революция и социалистическое строительство в различных странах имеют различные образцы, постольку и в теории не-

¹⁸¹ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 4. Так же как открытие атома и появление квантовой физики не заменили классическую механику, а развили ее до нового уровня. (Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 7).

¹⁸² Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 4. Теория прибавочной стоимости характерна только для товарного производства, а учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата применимо только к классовому обществу. Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 4.

¹⁸³ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 3–4.

¹⁸⁴ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 6. С. 3–4.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

обходимо признать существование различных школ» и «теорий национальных социализмов»¹⁸⁵. К ним были причислены ленинизм, «еврокоммунизм», идеи Мао Цзэдуна, а также «выдвинутый ЦК КПК творческий курс, включавший политику расширения связей с внешним миром, оживление внутри страны, положение «одно государство – два строя», социалистическую плановую товарную экономику»¹⁸⁶.

Плурализм, необходимый для обоснования самостоятельного пути Китая, неумолимо вел к признанию отдельных положений западных буржуазных концепций. Предлагаемые в соответствии с конкретными условиями способы завоевания пролетариатом политической власти: через постепенное преобразование капитализма или парламентским путем, опирающимся на длительные демократические традиции, – не являлись, по мнению китайских теоретиков, основанием для обвинения в ревизионизме (ибо их истинность проверяется практикой и обсуждениями), а сосуществование и взаимное обогащение этих школ являются условием развития самого марксизма¹⁸⁷.

Такой откровенно ревизионистский подход встретил мощное сопротивление. Его оппоненты указывали, что нельзя сводить рациональное зерно марксизма только к диалектике, поскольку оно представляет собой единство материализма и диалектики¹⁸⁸. Они предлагали разделить основные положения на метод, называемый центральным основным положением, и общие основные положения – замену капитализма социализмом, общественную собственность на средства производства при социализме, классовую борьбу как движущую силу развития классового общества и др., которые также могут развиваться на основе материалистического и диалектического взглядов¹⁸⁹. Ими была подвергнута кри-

¹⁸⁵ Шэхуй кэсюэ. 1985. № 6. С. 4. В апреле 1986 г. состоялся 1-й симпозиум Китайского общества изучения современных зарубежных течений научного социализма для того, чтобы понять, что такое «китайская специфика».

¹⁸⁶ Синьхуа вэньчжай. 1987. № 11. С. 19.

¹⁸⁷ Лилунь юй шицзянь. 1987. № 6. С. 4–5. См. также: Шэхуй кэсюэ. 1986. № 1. С. 12; Синьхуа вэньчжай. 1987. № 11. С. 19. На совещаниях коммунистических и рабочих партий в 1957 г. и 1960 г. КПК отрицала возможность мирного перехода к социализму. Эта точка зрения господствовала до конца 1970-х – начала 1980-х годов.

¹⁸⁸ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 7. С. 7. Ср.: Раньше считали, что секрет успеха марксистской теории в диалектике. На самом деле принципы марксистско-ленинского миропонимания и научного мышления опирались на все достижения научного знания. (Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 28).

¹⁸⁹ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 2. С. 5.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

тике установка на «теоретический плюрализм» на том основании, что многообразие форм отражения нельзя рассматривать в качестве основания для «плюрализма истины» и «теоретического плюрализма»¹⁹⁰. По их убеждению, социалистический характер экономики Китая, ведущее место в которой занимает государственная собственность, а несоциалистические уклады незначительны и являются ее дополнением, и соответствующая ему руководящая идеология определяют социалистический характер общественного строя¹⁹¹.

Новое отношение к развитию марксизма позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от «несущественных добавлений» к нему, препятствовавших их проведению реформ и расширению связей с внешним миром¹⁹². К последним были причислены монополия общенародной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; специфические методы социалистического строительства, например, политика военного коммунизма в СССР; придание универсального характера конкретному опыту социалистического строительства; а также ограничивающая сферу действия закона стоимости централизованная плановая экономика¹⁹³. Основной характерной чертой социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений: не только общественную собственность на средства производства, но и в первую очередь общественный характер производительных сил, определяющий социалистические отношения распределения, методы и уровень обобществления. «Общественная собственность и распределение по труду как основные характерные черты социализма должны быть связаны с уровнем развития производительных сил, который является критерием социализма»¹⁹⁴.

Выделение уровня производительных сил в качестве главного критерия социализма возвращало к детерминистской схеме марксизма, требуя учитывать не только соответствие строя представлениям классиков, но и объективным законам, допускавшим распре-

¹⁹⁰ Шэхуй кэсюэ. 1986. № 6. С. 9—10. «Многообразие заключается не в многообразии марксизма, а в многообразии путей его развития»; Там же. С. 5—6.

¹⁹¹ Сюеси юй яньцзю. 1986. № 4. С. 11—12.

¹⁹² Лилунь юй шицзянь. 1987. № 6. С. 12; Шэхуй кэсюэ. 1986. № 1. С. 11.

¹⁹³ Лилунь юй шицзянь. 1987, № 6. С. 14, 15. Сохранились и сторонники прежних критериев: всенародной собственности на средства производства, распределения предметов потребления в соответствии с количеством и качеством труда, государственного директивного плана и др. См.: Лилунь юй шицзянь. 1987. № 6. С. 12—15.

¹⁹⁴ Лилунь юй шицзянь. 1987. № 6. С. 15.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

деление не по труду, обогащение первоначально лишь части населения, несоциалистические уклады в экономике, которым соответствуют государство демократической диктатуры народа, социалистическая духовная культура, руководимая марксизмом и др., отношения которых «с основными характерными чертами – не отношения равных, а отношения подчинения»¹⁹⁵.

Дискуссия о развитии марксизма в 1985-1987 годах, как и дискуссия о практике в конце 70-х годов, оказала существенное влияние на формирование идеологических основ КПК. Если по оценкам конца 70-х – начала 80-х годов, значение 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва заключалось в восстановлении истинного облика марксизма, то основной вывод дискуссии подразумевал возможность переоценки и 3-го пленума, и XII съезда. Деятельность китайских ученых в этот период оказала решающее влияние на последующее развитие страны: «без нового развития марксизма за девять лет в философии, политэкономии, научном социализме мы не могли бы сегодня добиться таких огромных успехов» – создать концепцию «начального этапа социализма»¹⁹⁶. Главным результатом дискуссии стало восстановление открытого характера и введение в теоретическую систему марксизма новых проблем, объективно разрушавших его монопольное положение как идейно-теоретической доктрины КНР. Несмотря на высокий теоретический уровень, дискуссия носила вполне прикладной характер. Выработав новые методологические подходы, она подготовила теоретическое пространство для выдвижения на XIII съезде КПК концепции «начального этапа социализма», восстановившей тесное взаимодействие науки и политики¹⁹⁷.

* * *

Основные положения марксистской теории, восстановленные с началом реформ в практической деятельности и пропаганде, наделили КПК необходимой легитимностью для борьбы с влиянием «культурной революции», сыграв ту же общественно-политическую роль, что и для завоевания политической власти в 40-е годы. Но предпринятая на рубеже 80-х годов реконструкция марксизма, проходившая уже без определяющего влияния авторитетов, заложила потенциал независимого роста. На следующем этапе компар-

¹⁹⁵ Лилунь юй шицзянь. 1987. № 6. С. 15.

¹⁹⁶ ЖМЖБ. 23.11.1987.

¹⁹⁷ Как только идеология, в данном случае марксизм, превращается в символ, пропадает необходимость его развивать, зато появляется потребность отстаивать и защищать.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

тии важно было доказать, что основным источником развития является практика. Для этого необходимо было нарушить классическую схему, в соответствии с которой социализм выводился теоретически из критического анализа европейского капитализма, и приблизить его к китайской действительности. Подтвердив первичность практики успешными экономическими реформами, КПК восстановила авторитет своего политического руководства. Политический прагматизм, ставший реакцией на господствовавший на протяжении двух предшествовавших десятилетий утопизм, освобождал пространство для более близкого китайским традициям социального идеала, о существовании которого уже успел «вспомнить» Дэн Сяопин, введя в политическую лексику понятие «сяокан». Сохранив марксизм в качестве символа официальной государственной идеологии, доказавшего успешное использование теории, дискуссия о марксизме привела к отказу от целого ряда положений, подвергнув сомнению его универсальность как идейно-теоретической основы развития на фундаментальном, методологическом уровне. Но, главное, подвергнув сомнению марксистский идеал, на достижении которого была построена модель общественного развития КНР, она выразила сомнение в ценности универсализма как такового¹⁹⁸.

Положив конец монополии марксизма на определение пути социально-экономического развития Китая, дискуссия преодолела разрыв между теорией и практикой. Изменение в ходе обсуждения вектора движения от практики к теории на обратный – от теории к практике – вплотную подвело к признанию плюрализма, заложив методологические основы поиска новой идентичности. Отказавшись от абстракций, социальный идеал получил возможность формироваться не только в результате теоретического отражения практики, но и под влиянием традиционной культуры, приближавший ее к действительности и способствовавший очищению от утопических элементов. После периода повышенного внимания к истории западной философии и западному марксизму (1980–1987), системному подходу, социологии и психологии (1986–1989) со второй половины 80-х годов усилился интерес к китайскому типу мышления, конфуцианской морали (1987–1989) и практическому материализму (1986–1990), а затем к проблемам

¹⁹⁸ Как западный костюм не изменил китайских лиц, так и слова «социализм» и «коммунизм» не изменили лица китайской цивилизации. Китай надел фрак потому, что без него не пускали на бал, даваемый Западом, но он готов его сменить, как только бал закончится. И для этого ему необходимо сохранить национальную идентичность.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

модернизации и традиционной культуры¹⁹⁹. От культурологов, составивших ядро интеллектуальной оппозиции, интерес к китайской цивилизации, азиатскому способу производства и к пересмотру формационной версии исторического материализма распространился на все научное сообщество²⁰⁰. Сохранение марксистского характера общественной мысли и включение в ее теоретический контекст китайской культуры создало условия для синтеза западной и традиционной философии, положив начало собственной школе исторического материализма.

3-4. Национальная реконструкция марксизма. Концепция начального этапа социализма. XIII съезд КПК. (1987—1988)

В то время как общественно-политическая мысль выясняла соответствие идеологической доктрины и социально-экономических реалий, политические процессы требовали практических ответов на новые вызовы. После XII съезда, провозгласившего главной задачей экономический рост и реформирование экономики, авторитет власти оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран и решить задачу национального объединения, наиболее убедительно доказывавшую долгожданное усиление позиций Китая в мире²⁰¹.

¹⁹⁹ См.: ГМЖБ. 12, 26.12.1988. А также *У Сюн*. Чжунго вэньхуа жэ. (Дискуссия о культуре в Китае). Шанхай, 1988. На этом этапе во второй половине 80-х годов в рамках дискуссии о представлениях рассматривался вопрос о наполнении марксистских терминов новым, близким китайским реалиям содержанием. Реформа понятий стала важнейшим для идеократической системы элементом воспроизводства, позволив отказаться от марксистских догм, сохранив его влияние на массовое сознание. Пик дискуссии о реформе представлений пришелся на 1986—1987 годов и непосредственно предшествовал XIII съезду КПК. От признания необходимости развития марксизма к определению путей его развития, затем к наполнению новым содержанием старых категорий, китайскому типу мышления и, наконец, к выработке политического курса — такова была логика общественной мысли.

²⁰⁰ Первые два семинара, посвященные китайской культуре были проведены в 1982 году. А уже в 1984 г. к китайской культуре стали проявлять повышенный интерес различные сферы общественнознания. Ажиотаж был вызван изменениями в жизни китайского общества и потребностью в культурологическом угле зрения на нее. См.: *У Сюн*. Чжунго вэньхуа жэ. (Ажиотаж вокруг китайской культуры.) С. 3, 23.

²⁰¹ В январе 1980 года, впервые после «культурной революции», Дэн Сяопин призвал приближать день возвращения Тайваня, назвав его, наряду с осуществлением

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

Развитие товарного производства, признание многоукладности, экономические эксперименты в провинциях и допущение капиталистических анклавов в свободных экономических зонах (СЭЗ) сняли идейно-теоретические ограничения для мирного восстановления национального суверенитета на всей территории страны и единства государственной власти. Здесь следует напомнить, что, не являясь частью марксистской концепции социалистического строительства, эта задача была одной из главных причин, побудивших Китай начать модернизацию, тогда как социализм был для него прежде всего средством преодоления разрыва с развитыми странами, а не принципиальным оппонентом капитализму. Решение этой стратегической задачи допускало сосуществование в рамках одного государства двух общественных систем, объединявших преимущества социализма с преимуществами капитализма по формуле «социализм – основа, капитализм – дополнение»²⁰². Постановление 3-го пленума 12-го созыва, преодолев противопоставление различных экономических механизмов, заложило принципиальную основу для новой формулы объединения – «одно государство – два строя», согласно которой Гонконг, Макао и Тайвань сохраняют свой социально-экономический строй, делегируя внешние функции центральному правительству²⁰³. Прин-

«четырёх модернизаций», важнейшей задачей на 1980-е годы. (*Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 225). В сущности, это была декларация в новых исторических условиях двух из трех принципов Сунь Ятсена: национализма и народного благоденствия.

²⁰² Тунчжань лилунь яньцзю. (Исследование теории Единого фронта.) Тайюань, 1987. С. 27–28. При этом убедительно доказать отличие концепции от теории конвергенции не удалось. См., напр.: Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1987. № 2. С. 45.

²⁰³ Одновременно с установлением дипотношений с США ПК ВСНП 1 января 1979 г. обратился к «соотечественникам на Тайване» с призывом к объединению и обязательствами уважать существующее положение на Тайване. Первоначальные положения концепции объединения были изложены Дэн Сяопином в выступлении на совместном заседании сената и конгресса США в ходе визита в 1979 году. А «девять пунктов объединения» впервые выдвинул Е Цзяньин 30 сентября 1981 года. На протяжении последующих трех лет Дэн Сяопин регулярно возвращался к этой теме, сначала выдвинув формулу «один Китай – два строя», затем «одно государство – два строя» и изложив ее содержание на пленуме Комиссии советников в октябре 1984 года. См.: *Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая*. С. 52, 61, 92–95. В сентябре 1982 г. на встрече с М. Тэтчер Дэн Сяопин выдвинул идею «одно государство – два строя» для Гонконга и Макао, а в июне 1983 г. на встрече с проф. Ян Лиюем (США) и для Тайваня. Синьхуа вэньчжай. 1992. № 10. С. 6. На 2-й сессии ВСНП 6-го созыва (май 1984) курс «одно государство – два строя» приобрел статус государственной политики. Концепция «одно государство – два строя», отказавшись от принципов классовой идеологии, означала, что вслед за изменением

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ципиальная несовместимость двух социально-экономических систем была, таким образом, принесена в жертву идее национального объединения, вторичной для марксизма и практики международного коммунистического движения, признававшего обе Германии и обе Кореи, но приоритетной для Китая²⁰⁴.

Предложенная модель не просто выходила за рамки ортодоксального марксизма, что признавалось в Китае²⁰⁵. Она подвергла сомнению фундаментальные западные общественно-политические константы, прежде всего государство, возникшее на основе этнокультурной идентичности и поддерживавшее свое существование с помощью экономических инструментов, а затем вынужденного защищать интересы обслуживающих его экономических слоев, превратившись в инструмент классового господства. Для китайских лидеров различие экономических укладов было гораздо менее серьезной проблемой, чем этнокультурное разнообразие и, соответственно, государственное оформление этнокультурной общности²⁰⁶. Концепция «одно государство – два строя» предложила общественное устройство, в основе которого лежат не интересы экономических субъектов и классовые противоречия, а этнокультурное единство и политические традиции, составлявшие фундамент традици-

внутриполитической ситуации и переходом от классовой борьбы к «сплоченности и стабильности» изменился способ решения национального объединения с вооруженного на мирный. До этого Дэн Сяопин рассматривал только вопрос об объединении на платформе КПК, так же как ГМД (на основе трех народных принципов Сунь Ятсена.

²⁰⁴ В это период стали высказываться предложения о привлечении тайваньских экономистов к проведению экономической реформы, чтобы «перепрыгнуть в рыночную экономику». См.: *Борох О.* Современная китайская экономическая мысль. С. 76.

²⁰⁵ Концепция «одно государство (два строя)» называлась обогащением марксистского учения о государстве. (Синьхуа вэньчжай. 1992. № 10. С. 15).

²⁰⁶ Идеология Тянься понимала Китай как весь культурный мир, а не как политически и географически ограниченное пространство. Толкуя в русле этой традиции основополагающий принцип тройственного деизма – «национализм», Сунь Ятсен в 1920 г. говорил, что ханьцам необходимо ассимилировать все народы Китая. Гофу цюаньцзи. (Полное собрание сочинений отца-основателя государства.) Тайбэй, 1981. Т. 2. С. 387; См. также: Т. 2. С. 404. На пленуме ЦК КПК в ноябре 1938 г. Мао Цзэдун сказал, что самоопределение возможно только в рамках территориальной автономии в пределах унитарного китайского государства. И лидеры КПК (Мао Цзэдун), и лидеры ГМД (Чан Кайши) говорили об одной нации, а не о праве на самоопределение, как большевики. См.: *Tamkang International Studies.* 1995, № 1. Р. 1–42; *Москалев А.А.* Доктрина китайской нации // ПДВ. 2002. № 5-6. В целом, все это свидетельствует о том, что национальная идентичность в Китае исторически связывалась не с политической общностью, а с культурной, защите которой подчинялась деятельность большинства государственных институтов.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

онной китайской государственности²⁰⁷. Органичное единство государственной власти и китайской нации предполагало, что для решения общенациональных задач можно отказаться от западных представлений о государстве как о единственном надежном гаранте сохранения культурной идентичности в пользу самой культуры²⁰⁸. Этот вывод стал одним из первых практических шагов по переориентации КПК с внешних, идеологических принципов, символически приобщавших Китай к современности, на внутренние, эндогенные, а также соответствующие им прагматические цели, позволяющие в перспективе выйти на равноправный диалог с внешним миром. Но в начавшемся в 80-е годы потоке переосмысления марксизма он расценивался многими специалистами как движение к конвергенции двух систем, а не радикальная национальная альтернатива и социализму, и капитализму.

Преодолев идеологический барьер, концепция национального объединения органично вписалась в асинхронный тип развития, утвердившийся в Китае после 1949 г. и подразумевавший образование анклавов и экономическую многоукладность²⁰⁹. Для нового национально-государственного образования, построенного на этих принципах, даже если оно существовало только в проекте, нужна была собственная идеология, не разделявшая общество по классовому признаку, а объединявшая его на надклассовой основе. Доказав в начале 80-х годов, что гуманизм не является ядром марксизма, коммунистическая идеология потеряла моральное право оставаться центром притяжения национальной духовной культуры, традиционно носившей подчеркнуто этический характер.

В отличие от Запада, где с Нового времени идентичность все больше становилась продолжением материальной культуры (например протестантство), в Китае главным элементом идентичности являлись нравственные и идеологические принципы, консолидирующие общество с помощью особого идейно-воспитательного

²⁰⁷ Конфуцианство видело различие между китайцами и варварами в том, что последние не могут следовать этическим нормам.

²⁰⁸ Но обязательным условием для успешного противодействия Западу были прежде всего аналогичные по характеру средства, т.е. внешние функции государства — оборона и внешнее представительство, положенные в основу концепции «одно государство — два строя», а не внутренние механизмы, которые можно было оставить без изменений.

²⁰⁹ Заложенная в нее модель федеративного устройства давала возможность более развитым регионам закрепить свои экономические преимущества на политическом уровне, создавая угрозу государственному единству. Однако расчет делался на то, что преодоление центробежных тенденций возможно другими, чем на Западе, не экономическим, а культурными средствами.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

механизма, подчинявшего личные интересы общественным²¹⁰. Мобилизационный характер развития сохранил эту роль идеологии. Государство, провозгласившее осуществление модернизации, автоматически становилось идеократическим, подчинявшим свою деятельность заранее сформулированной цели. Появление в процессе экономических реформ помимо высокой социально-экономической цели, служившей средством общественной мобилизации, достижения личного благосостояния, разрушая прежнюю, освобождало место для новой государственной идеологии²¹¹. Однако положенная в ее основу новая идея не могла быть универсальной, «общечеловеческой», поскольку изначально целью модернизации являлось сохранение национальной культуры и отличий от внешнего мира, оправдывавших болезненность перемен. Во имя достижения поставленных целей идеократическое государство вынуждено было изменить парадигму: классовую идеологию вытесняла духовная культура, вновь вводившая в фундамент государственности в качестве важнейшего элемента национальные традиции. Так же как концепция «одно государство – два строя» объединяла две социально-экономические системы, концепция социалистической духовной культуры, формированию которой был посвящен 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986), попыталась объединить коммунистическую идеологию и национальную традицию.

Важнейшей причиной начала идеологической реформы были внутренние социально-экономические и социально-политические изменения. Сокращение с начала 80-х годов роли административно-распределительного механизма и признание за социализмом прежде всего функций по ускоренному развитию производительных сил стали вытеснять социалистический, распределительный идеал социальной справедливости, дав простор развитию рынка и накопительной (капиталистической) индивидуалистической морали. Многообразие форм собственности и следовавшая из этого допу-

²¹⁰ Именно поэтому социалистическая модель модернизации использовала ресурсы традиционной культуры в идеологических кампаниях, особенно в период «большого скачка» и «культурной революции». Вызванный ими энтузиазм эффективно мобилизовывал существующий общественный потенциал, но не наращивал его за счет личной заинтересованности, свойственной накопительной, капиталистической модели, не обеспечивал сам по себе продвижения вперед.

²¹¹ Высокая цель мобилизовала общество, обеспечивая быстрый экономический рост, но, в отличие от традиции, не обеспечивала стабильности, поскольку постоянно требовала осовременивания, новой легитимации. Высокая скорость движения к ней становилась главной гарантией стабильности, такой же, как опора на традицию при не-инновационном, простом воспроизводстве.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

стимость первоначального обогащения лишь части населения пришли в противоречие с коммунистическими принципами. Увеличившийся разрыв между экономикой и коммунистической идеологией, или в новой китайской интерпретации – между материальной и духовной культурой, вызвал кризис коллективистской морали, служившей важнейшим инструментом политической консолидации общества. Действия КПК по коммунистическому воспитанию и идеологической нейтрализации рынка, не соответствуя его природе, оказались неэффективными²¹². Вслед за экономической реформой и исчезновением социалистического романтизма расширяла сферу своего влияния «буржуазная либерализация», способствовавшая появлению идейной оппозиции. Основными причинами набиравшего силу идейно-политического течения по-прежнему назывались феодальные пережитки и «родимые пятна» капитализма, которые раньше в соответствии с идеологической доктриной следовало бы просто уничтожить. Однако изменившаяся ситуация требовала уже другого решения.

Отказавшись от лозунга «классовая борьба – решающее звено», КПК должна была найти новую социальную опору преобразований. Восстановление деятельности Единого фронта и провозглашение лозунгов общенациональной консолидации для решения задач «четырех модернизаций» расширили социальную базу режима²¹³. Одной коммунистической идеологии стало явно недостаточно, чтобы эффективно контролировать социально-экономически неоднородное общество. Концепция «одно государство – два строя», став частью официальной государственной доктрины, еще больше ослабила позиции коммунистической идеологии, заставив искать резервы для ее усиления. Непримируемость в отношении западных либеральных ценностей повысила внимание к традиционным нравственным идеалам, в которых благосостояние отдельного человека находится в непосредственной зависимости от обществен-

²¹² Воспитание катехизисом в ходе политических кампаний могло быть успешным, только если не было очевидных несоответствий с действительностью. Поэтому призывы возродить дух Лэй Фэна в условиях товарной экономики (см., напр.: ЖМЖБ. 06.03.1988.) не увенчались успехом. Вообще, нравственность одна из центральных проблем рыночной экономики, привлекавшая внимание А. де Токвиля, А. Смит и др., но так и не решенная. «По мере того как религия утрачивала свое влияние в обществе, а принцип личного интереса начинал приобретать доминирующее значение, заколебалась моральная опора всей рыночной системы». См.: Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 351.

²¹³ Единый фронт – это союз социалистических тружеников и одобряющих социализм патриотов. (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 224, 272). См. также разд. 3.1.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ного²¹⁴. Они должны были поглотить или нейтрализовать либеральные тенденции, избегая конфликта с коммунистической идеологией. И действительно, оказавшись вместе, телеологичность коммунистической идеологии и социоцентричность традиционной культуры не породили конфликт, как можно было бы ожидать, между социализмом и феодализмом. Наоборот, их генетическое родство создало условия для действия механизма дополнительности (синтеза). Признав на 6-м пленуме коммунистический идеал завышенным для большинства населения, КПК отказалась от революционности, взамен придав реформам эволюционный, необратимый характер²¹⁵.

Отказ от коммунистической идеологии как ядра духовной культуры вел не просто к изменению механизма политического лидерства КПК, а означал смену модели модернизации с традиционной, сугубо идеократической, использовавшей социально-политические факторы, на функциональную, прагматическую, готовую задействовать личную инициативу и заинтересованность в процессе формирования новой социокультурной идентичности²¹⁶. Поиск инструментов сочетания экономической реальности и идеологических принципов был невозможен без широкого обсуждения, которое подготовило бы общественное сознание к переменам в идеологической доктрине. Санкция для начала такого движения была получена в ходе дискуссии о марксизме и ее утверждения Постановлением 6-го пленума 12-го созыва.

²¹⁴ Поражение «культурной революции», инспирированной идеологией классовой борьбы, обусловило последующее обращение ко всем ее историческим оппонентам — традиционным ценностям, а также к рыночным механизмам в экономике и либеральным в политике.

²¹⁵ Воспитать человека с высоким чувством ответственности; но не за 300-500 лет естественного развития, а за несколько десятилетий через создание партии нового типа, коммунистического воспитания и образования не удалось. Отказ от коммунистической идеологии означал победу традиции. Отказ от коммунистической идеологии как ядра духовной культуры продолжил курс на самобытность, приблизив реформы к реалиям и тем самым снизив их радикальность. В СССР радикализм «перестройки» так и не был побежден. См., напр.: *Фэн Шаолэй. Экономические реформы в Китае и России* // ПДВ. 1997. № 5. С. 78.

²¹⁶ Причина успеха социалистических стран на начальном этапе в активизации человеческого фактора за счет традиционных, внеэкономических средств. Традиция возродилась в социализме, основанном не на свойственном европейской цивилизации отчуждении (собственности и законе), а на коллективистских ценностях, органичных и для мобилизационного развития. Но в результате материальная культура не была исключена из общественного процесса, а, наоборот, расширила свое влияние. Как и технократическая цивилизация Европы, социалистическая мобилизационность подчиняла духовную культуру достижению экономических целей.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

Легитимизация традиции в качестве элемента общественно-политического процесса привела к обострению старых проблем. Сознательно сузив сферу действия коммунистического идеала, КПК обеспечила социальную стабильность ценой ослабления своих позиций и частичного расширения сферы действия традиционных форм общественной жизни, воспринимавшихся в качестве одного из проявлений либерализации. Снижение верхней границы нравственного идеала сужало сферу критики КПК со стороны общества, но одновременно и понижало нравственный авторитет членов партии. Наряду с этим, появление секторов за пределами прямого государственного контроля возродило коррупцию, бросившую еще один вызов ее нравственному превосходству. Проблеме стиля, обострившейся в середине 80-х годов, 6-й пленум нашел оправдание, но не смог найти решения. Разделение власти и собственности в процессе разграничения партийных и административно-хозяйственных функций привело к их соединению в рамках семейных кланов, которым посты в органах власти позволяли занимать должности в руководстве крупных корпораций²¹⁷. Последствия разложения власти, характерного до этого и императорскому, и гоминьдановскому Китаю, не замедлили проявиться в росте социально-политической активности различных слоев населения, воплотившей тысячелетние традиции сдерживания общинной этикой частной собственности и классовой дифференциации²¹⁸. Студенческие демонстрации в конце 1986 г. против негативных последствий экономических реформ, нарушавших принципы распределения и при-

²¹⁷ Традиционная культура, таким образом, находила ключевые точки для своего воспроизводства. Восстанавливалась система полулегальных «кормлений», аналогичная бюрократическому капиталу ГМД. Расцвет коррупции при ГМД, как впоследствии и при КПК, является естественным порождением бюрократической системы. В Европе бюрократия являлась следствием распространения формальных отношений, в Китае она была формальной только на стадии экзаменов, призванных ликвидировать личные пристрастия, родственные связи и обеспечить объективность. В повседневной жизни чиновник продолжал оставаться частью патриархального общества, и не закон, за соблюдением которого должен был следить, а он сам вершил правосудие. Одним из следствий этого механизма сочетания власти и собственности могло стать замедление экономического роста, которое в условиях острой международной конкуренции не устраивало Китай.

²¹⁸ Следствием постепенного возрождения традиционной системы управления стало восстановление соответствующих способов регулирования общественно-политических процессов, в частности снятие с должностей высших сановников, принимавших на себя ответственность за изъяны и ошибки власти. В январе 1987 г. был обвинен в покровительстве «буржуазной либерализации» и снят с поста генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобан.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

нятые социальные нормы, наряду с борьбой с бюрократией и коррупцией, содержали призывы к демократизации, реанимировав на уровне общественного сознания западнический, либеральный вектор развития для противодействия традиции. Отдав на предыдущем этапе приоритет практике перед теорией, КПК создала условия для появления сторонников этой линии и в своем руководстве.

Ко второй половине 80-х годов в КНР сложилась принципиально новая ситуация. «Левый» уклон, господствовавший на протяжении предшествующих десятилетий, был преодолен; с переносом центра тяжести работы на экономику произошел отказ от идеологических и социально-политических критериев социализма в пользу критериев экономических, восстановивших марксистский экономический детерминизм и воплотившихся в лозунге «все полезно, что полезно развитию производительных сил». Однако в движение к восстановлению с самого начала вкрались элементы новаций, которые отражали как объективные условия, так и желание китайского руководства избежать ошибок, порожденных, на его взгляд, буквальным следованием марксистским положениям. В результате реконструированные принципы были не тождественны аутентичным, но в целом соответствовали сложившейся к тому времени в мировом коммунистическом движении практике. Главное в процессе ферментации реформ было достигнуто: КПК нарушила теоретическую целостность марксизма, сохранив марксистские символы легитимности. Теперь его элементы и собственные новации предстояло собрать в единую завершенную конструкцию, четко прописав ее отношения с марксизмом. Существенную помощь в решении этой задачи оказали «перестройка» в СССР и реформы в европейских социалистических странах, облегчившие аргументацию ссылками на международную практику, которая в списке авторитетов еще в конце 70-х годов потеснила теорию. Дальнейший путь зависел от ответа на вопросы: «Что такое историческое развитие?», до этого описывавшийся либо либеральной, либо социалистической теорией, и «Возможно ли существование иного общественного идеала, иной социальной идентичности, кроме классовой?»

Поиск национальной идентичности, начатый в концепции «социализма с китайской спецификой», был продолжен в новой трактовке диалектики коммунистического идеала и духовной культуры. Казалось, найденные идейные конструкции давали основание начать постепенный отказ от марксизма. Но изначально они создавались как средство преодоления экономической отсталости (формационной специфики), чтобы встать в «общемировое русло» экономического детерминизма. Именно поэтому действительный отход от марксистских положений вызвал необходимость более аргумен-

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

тированной и изоэцированной теоретической модели, сохранявшей преемственность марксизму. Постановление 6-го пленума вернулось к формулировке «начальный этап социализма», которая в новом контексте приобрела ярко выраженную теоретическую новизну.

К XIII съезду КПК (октябрь-ноябрь 1987) были созданы благоприятные условия для формулирования новой концепции развития. Усилия КПК и обществоведов по объединению теории и практики предопределили высокий теоретический уровень концепции, включившей все основные моменты предшествующих дискуссий. Провозглашенная на съезде концепция «начального этапа социализма» (НЭС) утвердила за китайской спецификой формационный характер – низкий уровень развития (отсталость) и неразвитость товарного хозяйства, в равной степени отвергавший и левые утопии, и национальную исключительность²¹⁹. Съезд признал плановый товарный характер экономики, призвав к формированию социалистического рынка по формуле «государство регулирует рынок, рынок ориентирует предприятия», развитию коллективных, индивидуальных и частных хозяйств, а также четко зафиксировал, что принцип распределения «по труду» является главным, а все другие – дополнительными и необходимыми при существующем уровне развития²²⁰.

Углубление экономической реформы в соответствии с экономическим детерминизмом требовало соответствующих изменений в политической системе, поскольку «без перестройки политической структуры реформа хозяйственной системы в конечном счете не увенчается успехом»²²¹. Добиться ее соответствия новой экономической реальности предполагалось за счет разграничения функций партийных и правительственных органов и закрепления за партией политического руководства, т.е. определения политических принципов и рекомендации кадров на важнейшие посты в органы государственной власти, а также «разграничения обязанностей центра и мест»²²². Одновременно лишение коммунистической идеологии сакральных функций неизбежно должно было вызвать изменения функций ее политического аппарата, что означало сущест-

²¹⁹ В Отчетном докладе съезду не содержалось ни слова о большом населении и недостатке земли как факторах китайской специфики. А приоритет экономике сокращал влияние традиционных социально-политических факторов, служивших почвой для левого уклона.

²²⁰ См. Доклад Чжао Цзыяна. ЖМЖБ. 04.11.1987. Существование частного сектора и использование наемного труда было легализовано только на XIII съезде КПК в качестве необходимого дополнения обобществленному хозяйству. См.: Карлусов В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996.

²²¹ Документы XIII Всекитайского съезда КПК. П., 1988. С. 45; См. там же. С. 64-65.

²²² Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 51.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

венный сдвиг в стратегии реформ²²³. Съезд призвал «совершенствовать систему многопартийного сотрудничества и консультаций под руководством коммунистической партии», повышать роль демократических партий и беспартийных патриотически настроенных деятелей в политической жизни страны²²⁴. Академические круги еще более откровенно высказывались за развитие многопартийного сотрудничества на основе «соединения патриотизма и социализма» во имя «объединения родины и возрождения Китая»²²⁵.

В целом, все эти меры размывали фундамент политической монополии КПК. Проводя аналогию с началом экономической реформы, можно утверждать, что съезд принял программу радикальных политических преобразований, находившуюся в русле процессов демократизации в СССР и восточноевропейских странах²²⁶. Политическая реформа структурно завершала программу социалистического строительства, принятую XII съездом КПК, что и позволило, следуя сложившейся традиции, обобщить практику в концепцию «начального этапа социализма», превратившуюся на съезде в «научную систему»²²⁷. Китайская специфика была дополнена особенностями политической культуры – влиянием феодальных традиций и буржуазных пережитков, вписывавшихся в категорию «отсталость». В результате социализм приобрел на съезде новую формулу, существенно отличавшуюся и от формулировки, предложенной Чжао Цзяном (1980), и от формулировки XII съезда. Распределение «по труду» и общественная собственность, составлявшие ядро предыдущих представлений о социализме, были истолкованы расширительно. Развитие производительных сил, планового товарного хозяйства при ведущей роли обществен-

²²³ Начало административной реформы, неотделимой в идеократическом государстве от политической, относится к 1978 году. Но только после того как на 6-м пленуме 12-го созыва проблемы духовной культуры перестали рассматриваться в контексте идеологической борьбы, стало возможным говорить о начале действительно политической реформы, т.е. целенаправленных усилиях по изменению функций компартии. За руководством КПК оставалось право утверждать новые идейно-теоретические положения в качестве инструментов идейно-воспитательной и пропагандистской работы.

²²⁴ Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 58–59, 61.

²²⁵ Тунчжань лилунь яньцзю. (Исследование теории Единого фронта.) Тайюань. 1987. С. 1, 9, 95. «Многопартийность лучше однопартийности». (Там же. С.9).

²²⁶ В этот период в Китае высказывались такие же, как и в восточноевропейских странах, идеи: реформа политической системы должна способствовать ускорению темпов модернизации (Чжэсюэ яньцзю. 1987. № 6. С. 1–10.); при социализме возрастает зависимость экономической системы от административной, которая может мешать реформе экономической системы (Юннань шэхуй кэсюэ. 1988. № 5. С. 37–42).

²²⁷ Ухань дасюэ сюэбао. 1988. № 2. С. 22.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

ной собственности, распределение «по труду» в качестве основной формы распределения и создание духовной культуры на базе марксизма было дополнено строительством политической демократии²²⁸.

Несмотря на отличие от классических представлений, концепция НЭС была абсолютно марксистской по своему духу и логике, а китайская общественная мысль выстроила стройное объяснение ее возникновения, сводившее ее к следующему. Естественнo-историческую смену общественно-экономических формаций, предполагавшую победу социалистической революции в наиболее развитых капиталистических странах, опровергло появление империализма, открывшего возможности для революции в странах с невысоким уровнем развития, но не привело к изменению классической модели социалистического строительства. Схема «переходный период-социализм-коммунизм», а также представление о социализме как об обществе с максимальной степенью обобществления, высокой централизацией управления, отсутствием товарного производства остались без изменений, и особенности отсталых стран не нашли в ней отражения²²⁹. Концепция НЭС, учитывавшая специфику строительства социализма в отсталых странах, ликвидировала этот теоретический пробел, став «продуктом соединения всеобщей истины марксизма с конкретной практикой Китая»²³⁰.

Родившись в одной исторической ситуации, оба тезиса (о начальном этапе социализма и о «социализме с китайской спецификой») были ответом на одни и те же проблемы. Но концепция «социализма с китайской спецификой», принятая на XII съезде, в конечном счете стремилась к естественному пути развития, совпадая с марксистской методологией экономического детерминизма и не совпадая с его конкретными положениями, справедливыми для Европы XIX века²³¹. Концепция НЭС преодолевала этот конфликт, вво-

²²⁸ Документы XIII Всекитайского съезда КПК. С. 14-16. Подробнее см.: *Виноградов А.В.* Формирование национальной концепции социалистического строительства в Китае. М., 1991; ИБ ИДВ АН СССР. № 10. С. 116-121. При разработке концепции НЭС было предложено выделить начальную и конечную точки НЭС. Указывалось, что три критерия социалистического общества, предложенные Сталиным (индустриализация, коллективизация и уничтожение эксплуатации), а тем более два критерия, предложенные Мао Цзэдуном (уничтожение эксплуатации и социалистические преобразования собственности) — неверны. Они лишь характеризуют начальную точку. Критериями конечной точки НЭС как цели КПК является высокоцивилизованное социалистическое государство.

²²⁹ Лилунь юй шицзянь. Шэньян. 1987. № 18. С. 9. Хунци. 1984. № 19. С. 3.

²³⁰ Сямэнь дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйкэсюэ бань. 1988. № 1. С. 2.

²³¹ В ее основе лежало учение о специфичности Китая, а не специфичности его типа развития.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

для особую стадию развития, на протяжении которой ликвидировались существующие отличия от европейского общества за счет действия законов, отличных от представлений Маркса и Энгельса, но органичных для этой стадии. Понятие «естественность», служившее мировоззренческой основой строительства «социализма с китайской спецификой», таким образом, было лишено универсального характера. Тезис о специфике «китайского социализма» после съезда стал постепенно терять сторонников и уступать место формулировке «специфика социалистического пути Китая», определявшейся низким исходным уровнем развития²³². Сложилась новая иерархия, в которой строительство «социализма с китайской спецификой» является конкретным проявлением и воплощением теории начального этапа социализма²³³. Ее теоретически завершенный характер позволял говорить и о применимости к другим «экономическим и культурно отсталым странам, строящим социализм»²³⁴.

Важнейшая задача, возникшая в начале реформ, была выполнена — догматическое отношение к марксизму было преодолено. Расчлененные части прежней идеологической доктрины с помощью экономического детерминизма вновь были собраны в единое целое в концепции НЭС, активно поддержанной новым поколением руководства во главе с генеральным секретарем ЦК Чжао Цзыяном²³⁵. Изложенная на XIII съезде концепция, основанная на

²³² Сямэнь дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйкэсюэ бань. 1988. № 1. С. 10. «Наша страна находится на начальном этапе социализма. Этот научный вывод сделан из анализа характерных особенностей страны, используя марксистскую позицию, подход и метод». (Там же. С. 1).

²³³ Ухань дасюэ сюэбао. 1987. № 5. С. 31. Эта мысль была затем повторена Чжао Цзыяном, расставившим приоритеты следующим образом: «Главная задача в теоретической работе — вооружить всю партию теорией начального этапа социализма, которая складывалась в течение десяти лет и одобрена XIII съездом КПК». Т.е. «исходя из конкретных условий на местах вновь заняться изучением теории построения социализма с китайской спецификой и использовать эту теорию для анализа и решения существующих проблем». (ЖМЖБ. 18.01.1989).

²³⁴ Сямэнь дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйкэсюэ бань. 1988. № 1. С. 1. Характерно, что Китай впервые открыто признавался культурно отсталой страной, для которой необходима была интеграция во внешний мир по его критериям. Но эта уступка компенсировалась лидерством в новой универсалии — экономически отсталых странах мира, к которым исторически можно было отнести и страны Восточной Европы и СССР.

²³⁵ На заседании ПБ ЦК КПК 1988 г. Чжао Цзыян назвал раскрепощение сознания главным достижением XIII съезда, установившего соответствие экономики и идеологии. Впоследствии он был обвинен в попустительстве буржуазной либерализации и симпатиях социал-демократии. См. разд. 4.1.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

экономическом детерминизме и суженном до специфических объектов (отсталых стран) универсализме, объективно усиливала позиции марксизма. Но после 10 лет успешных реформ руководство КПК уже не хотело подчиняться внешним авторитетам, создав тем самым предпосылки для открытого соперничества взглядов в руководстве компартии²³⁶.

Усиление роли и влияния теории неизбежно вело к обобщениям, вдохновлявшим на повторение восточноевропейского опыта реформ, т.е. к большей радикальности экономической и политической реформ²³⁷. На самом деле отсутствие демократических институтов на фоне экономических успехов само по себе не противоречило избранной модели развития. Сохранение неоавторитарных структур рассматривалось коммунистическими партиями как обязательное условие начального периода социалистического строительства с острой идеологической и политической борьбой и низким уровнем социально-экономического развития, требовавших строгой дисциплины и единоначалия. Более того, динамизм находящейся в состоянии переходной неустойчивости общественной системы предполагал усиление контроля над общественно-политической и социальной сферами для решения экономических задач. Но по мере преодоления отсталости потенциал мобилизационного развития исчерпал себя, возникла потребность в поиске новых источников развития, способных задействовать потенциал личности. Изменившаяся социально-экономическая структура подготавливала условия для реформы системы управления, которая могла осуществиться только при частичном, вслед за активизацией экономической жизни, перераспределении полномочий вниз.

²³⁶ Отличительной чертой съезда стало отсутствие в его документах ссылок на произведения основоположников марксизма, а также Ленина, Сталина и Мао Цзэдуна, что явилось одним из следствий предшествовавших дискуссий. «Неизбежно придется отказываться от отдельных положений наших предшественников, несущих в себе, ввиду исторической ограниченности, утопические элементы, отрекаться от догматического понимания марксизма и ошибочных взглядов, приписываемых марксизму, и в соответствии с новой практикой давать новое развитие теории научного социализма». См.: Документы XIII съезда. С. 75-76.

²³⁷ «За последние несколько лет СССР и страны Восточной Европы накопили богатый опыт в практике реформы экономической системы, который нам следует заимствовать», исходя из реального положения и трезвого анализа. (Шэхуй кэсюэ. 1987. № 5. С. 42). «Надо вести поиск новых основных положений научного социализма», исходя из практики различных стран. (ЖМЖБ. 22.01.1988). Объективно эти призывы приближали Китай к классической марксистской схеме, в которой роль национальной специфики незначительна.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Разрыв между существовавшим механизмом и экономическими реалиями стал восприниматься главной причиной возникавших трудностей, в том числе политической нестабильности²³⁸. Десятилетие реформ, сломав традиционный взгляд на социализм, стимулировало переход от социалистической, мобилизационной к либеральной модели модернизации, реконструировавшей естественно-историческую линию развития. В русле экономического детерминизма необходимо было принять меры не только по осуществлению демократических преобразований в обществе, но и в системе высшего руководства, т.е. меры, практически ведущие к прямому вызову сложившейся под влиянием национальных культурных традиций и под руководством Дэн Сяопина системе управления, в которой авторитет неизменно стоял выше формальной процедуры²³⁹.

Такой путь демократизации политической системы был неприемлем для поколения революционных войн, восстановившего в конце концов, как и Мао Цзэдун в 60-е годы, основные принципы традиционной модели государственного управления. Перераспределение полномочий вниз должно было сопровождаться сохранением монопольного положения КПК в высших органах власти. На стороне Дэн Сяопина был не только авторитет, но и подтвердившая свою эффективность на практике методология «реалистического подхода». Концептуализация практики подталкивала его к созданию национальной программы развития, сохранявшей родовую принадлежность марксизму и национальной традиции, отдавшей в свое время предпочтение социалистической парадигме развития. Уровень производительных сил в качестве «исходного пункта для рассмотрения и решения всех вопросов»²⁴⁰ стал и для него основой формирования нового социального идеала, для которого, однако, европейские принципы социальной справедливости были менее важны, чем национальное единство, достоинство и государственная мощь. Экономический рост давал не только возможность повысить благо-

²³⁸ В 1988 г. высказывалось мнение, что без политической реформы развитие новых (акционерных) форм собственности не будет иметь успеха. См.: *Борох О.* Современная китайская экономическая мысль. С. 71. Чжао Цзыян также выступал за продолжение политической реформы, без которой невозможна политическая стабильность. ЖМЖБ. 2.04.1989.

²³⁹ Политическая система, сложившаяся в первые годы существования КНР, исчерпала себя. Произошло «структурное и функциональное сращивание политической и экономической систем». Поэтому реформа экономической системы постоянно затрагивает политическую систему. Юннань шэхуй кэсюэ. 1988, №5, С. 31–32.

²⁴⁰ Лилунь юй шицзянь. 1987. № 18. С. 8–9. Впоследствии Дэн Сяопин разовьет это положение, придав ему характер важнейшего критерия успешной модернизации — «совокупная мощь государства». См. разд. 4.3.

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

состояние, но и добиться объединения страны, которые не противоречили друг другу. При формулировании на XIII съезде стратегической цели – достижения Китаем уровня среднеразвитых стран к 2050 г. Дэн Сяопин использовал понятие «сяокан», выглядевшее явной национальной альтернативой НЭС²⁴¹. Ценой этого стало крайнее положение марксистской теории – социальное равенство. Воплощенная в формационной парадигме линейная схема была поставлена под сомнение, а ее применимость в Китае отныне больше вызывала вопросов и сомнений, чем вселяла уверенность.

Такая система, свойственная реформированию недемократических режимов, имела явно переходный, эклектический с точки зрения господствовавших, все еще преимущественно западных представлений, характер, поэтому перспективы ее развития обычно связывались с победой одной из сторон нарастающего в руководстве страны конфликта. Но, как показала практика, это был лишь один из возможных вариантов. Если переходность трактовать как характеристику длительного исторического периода, а тем более как одну из фаз синтеза, следует признать право на самостоятельное развитие неоднородных, конгломеративных структур, которые постепенно и стали занимать господствующее положение в Китае²⁴². Традиции национальной культуры постепенно наращивали свои силы и превосходство над экономическим детерминизмом.

* * *

Преодоление последствий «культурной революции» и восстановление основных принципов марксизма в конце 70-х годов не было зафиксировано в качестве точки возврата и не остановило движения вправо, в сторону рыночных механизмов и политического плюрализма. Выбор между китайским и западным, практикой и теорией, марксизмом и национальной спецификой, духовной и материальной культурой привел к консенсусу приоритетном развитии экономики. Дрейф от политики к экономике продолжился. Аналогичный процесс происходил в общественной мысли, которая, подвергнув марксизм критическому анализу, стала стремительно от него отдаляться. Разделение экономики и политики, форм собственности, плана и рынка, партийных и административно-хозяйственных функций, культуры и идеологии, науки и поли-

²⁴¹ В основе конфликта лежало различие взглядов поколений. Близость к Дэн Сяопину стала причиной возвышения Чжао Цзыяна, а недопустимая для такой карьеры самостоятельность – причиной отставки. См. разд. 4.1.

²⁴² Именно так произошло в России и Китае, где монархию сменила монополия партии на власть.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

тики и т.д. вели к расколу сложившейся общественной системы, восходящей к принципам традиционной, интровертной и гармоничной китайской цивилизации. Происходивший одновременно с этим поворот к экономике и внешнему миру вылился в стремление вновь подчиняться внешним критериям: рыночным в экономике и демократическим – в политике. Этот подход восторжествовал на XIII съезде, установив баланс экономического прагматизма и марксистской идеологии. Направление «вовне» стало главным ориентиром развития, а национальная идентичность как гарантия успешной модернизации оказалась на периферии интересов.

Победа реформаторского крыла позволила приступить к созданию экономических и политических условий для выработки новой социально-экономической концепции. Концепция НЭС, решая многие из текущих экономических задач, задавала четко выраженный либеральный вектор. Ее главным недостатком была проистекавшая из экономического детерминизма радикальность в отношении принципов общественного управления, создававшая предпосылки для политического плюрализма и социальной нестабильности.

Старшее поколение руководства, отдав приоритет практике, а не сформулированной Западом идеологической чистоте, последовательно отказалось от пролетарского интернационализма во внешней политике, планового хозяйства в экономике и коммунистической идеологии в качестве обязательного общественного идеала. Неизменной осталась только его позиция по вопросу о руководящей роли КПК и стратегической цели – превращения Китая в мощную мировую державу, принципиально не отличавшаяся от теории «новой демократии»²⁴³. Идеократический подход, фокусировавшийся на мобилизации имеющихся ресурсов, был заменен прагматичным модернизаторским, технологически близким доктрине «самоусиления», не отягощенной приверженностью западным идеологическим конструкциям. Но главное: Дэн Сяопин восстановил реформу как главный инструмент модернизации, отвергнув революцион-

²⁴³ См., напр., современное толкование «новой демократии»: Пивоваров Э.П. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. С. 9; См. также: *Березный Л.А.* Еще раз о теории новой демократии // ПДВ. М., 2002. № 2. С. 103–111. (В связи со статьей *Меликсетова А.В., Панцова А.А.* Stalin, Mao and the new democracy in China // Вестник МГУ. Сер. 13. 2001. № 2. С. 24–37.)

²⁴⁴ Для Мао Цзэдуна революция была мистическим понятием, способным решить все проблемы, поэтому он всегда отдавал предпочтение революционным методам, оставляя за практикой право на урегулирование. Дэн Сяопин понизил градус и степень преобразований. Это разные модели развития. На это обращают внимание и

Глава 3. Между старым и новым. Реконструкция марксизма...

ные методы преобразований²⁴⁴. Если марксистская идеология стала в начале XX в. основой сохранения идентичности в условиях глобального противостояния двух систем, то новый поворот к экономике и экономическому росту давал шанс отказаться от нее в поисках идентичности собственной, главной задачей которой был поиск форм синтеза мировых реалий с национальной культурой.

С точки зрения важнейших социально-экономических критериев различий между этими двумя подходами практически не существовало. Об этом свидетельствует, в частности, уход Дэн Сяопина на XIII съезде со всех постов, символизировавший завершение перехода от «левого» курса к прагматическому²⁴⁵. Однако очень скоро выяснилось, что прагматизм может быть разным и зависит от кадров, его отстаивающих. Их конфликт в руководстве завершился победой действующей системы власти над текущим политическим курсом, но одновременно вскрыл ее существенные изъяны – отсутствие института преодоления подобных кризисов.

китайские, и западные исследователи. Революция требует высокой централизации власти, абсолютных полномочий, идеализма, экстремизма, подчинения коллективу, обожествления вождя. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 4. С. 204). Мао Цзэдун считал, что китайский путь к социализму лежит через классовую борьбу и революцию, а Дэн Сяопин через политические реформы и экономическое развитие. См.: Schram S. The Thought of Mao Tse-tung. Cambridge, 1989. Реформа ускорила развитие производительных сил, вызвала глубокие изменения в экономике, общественной жизни, стиле работы. «Реформа – это самосовершенствование социализма». (ЖМЖБ. 24.09.1985). «Хотя времени на реформы требуется больше, сложностей тоже больше, однако цена меньше, постепенное накопление приводит к естественному результату». (Шэхуй кэсюэ. 1990. № 2. С. 51).

²⁴⁵ На XIII съезде обновилась на 57% и Комиссия по проверке дисциплины, создав предпосылки для формирования нового стиля партии. Избрание нового состава ЦК КПК 13-го созыва означало переход «от умеющих мобилизовывать к умеющим управлять». (Asian Survey. 1988. Vol. 28. № 4. P. 373).

Глава 4.

Во власти реалистического подхода.

Политическая модель модернизации.

(1989–2002)

Социально-политическое движение, осуществляемое не в русле естественно-исторических импульсов, а постоянно им себя противопоставляющее, оправдано только более быстрым достижением поставленных целей. Значительный рост ВВП и повышение уровня жизни в ходе экономических реформ были тем результатом, к которому стремилось китайское руководство. Однако даже успешные радикальные преобразования обладают одним существенным недостатком – высокая отдача предполагает многократное увеличение рисков. Разрушая препятствующие быстрому экономическому росту элементы прежней общественной системы, они делали более уязвимым весь социальный организм, в котором стихийно складывались механизмы регулирования, соответствующие требованиям новой экономической реальности, но противоречащие действовавшим социально-политическим принципам и этнокультурным традициям. Разложение элементов политического механизма проявлялось двояко, в зависимости от того, что выступало в качестве препятствия экономическим реформам – национальные традиции или коммунистическая идеология.

Коррупция, превратившаяся после ослабления государственного контроля и усиления личной мотивации в ключевой элемент экономического механизма, поразив прежде всего высшие слои общества, усилила имущественное неравенство и недоверие населения к власти. Пропаганда социалистических принципов, не таких радикальных, как в «культурную революцию», но по-прежнему распределительных и эгалитаристских, на фоне нараставших рыночных реформ, также разрушала социально-политическое единство, создавая угрозу стабильности. Накапливавшийся в обществе протест проявился прежде всего в молодежной среде, в силу социально-психологических особенностей наиболее чутко воспринимавшей разрыв между официальной идеологией и действительностью. По мере того как в экономической жизни распространялись новые механизмы, противоречащие официальным установкам, молодежь стала предъявлять претензии и к действующей социально-экономической системе, в которой коррупция заполняла бреши неэффективного управления, и к ее фундаменту – коммунистической идеологии, оспаривая тем самым легитимность власти. Не имея возможности оперативно решать социальные

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

проблемы, компартия была вынуждена прибегать к организационно-политическим и политико-пропагандистским мерам, соответствующим масштабам угроз. Состояние неустойчивого равновесия сохранялось, однако долго так продолжаться не могло. Авторитарный характер власти обеспечивал постоянный контроль над социально-политическими процессами, но предпринимаемые меры были способны лишь на время погасить возмущение социальной среды, удерживать ситуацию в управляемом русле, но не решить проблему.

Вопрос о социально-политическом устройстве неумолимо вставал в повестку дня. Практические шаги по глубокому реформированию политической системы сдерживались не только инерцией политического механизма и интересами проведения экономической реформы, но и важнейшим элементом легитимации КПК – ответствием ее политического курса идеологическим нормам и классовым принципам. Существовавшие концепции политической системы не отвечали национальным традициям, надежда оставалась только на практику, прочно утвердившуюся в качестве основного методологического инструмента компартии. После потрясений 1989 г. необходимо было внести изменения в эмпирически сложившуюся и в целом успешную модель развития. Вопрос состоял лишь в том, какие это должны быть изменения.

Такой характер проблем предопределил основные черты развития Китая в начале 90-х годов. В то время как политические дискуссии сосредоточились вокруг стабильности и демократии, теоретические дискуссии ушли в сферу культуры, возродив интерес к конфуцианству и китайской цивилизации. Исчерпав пространство для их переосмысления, марксизм постепенно стал уходить из фокуса внимания, поскольку дальнейшее обсуждение было способно лишь вскрыть его непримиримые противоречия с формирующейся идеологической доктриной. Китай вынужден был взять на себя историческую инициативу, чему в немалой степени способствовали события в Восточной Европе и СССР. Дискредитировав не только реформы, но и западный путь социализма в целом, они развязали руки КПК, став зримым свидетельством изменений, произошедших в мире после Октябрьской революции в России. В результате экономической стабилизации социальное напряжение удалось сбить, и важнейшим для компартии стал вопрос о формуле новой власти. Складывавшиеся на протяжении предыдущего десятилетия принципы взаимодействия теории и практики, экономики и идеологии необходимо было институционализировать, т.е. найти механизм воспроизводства власти, экономики и культуры. Только после этого можно было говорить о наступлении стабильной фазы китайской цивилизации и обретении ею новой идентичности.

4-1. Внешний вызов. Социально-политический кризис и общественная мысль. (1989—1991)

Дискредитация марксизма и рыночные тенденции в экономике усилили влияние либеральной идеологии, которая в противостоянии с китайской действительностью смогла, наконец, рассчитывать на поддержку новых социальных слоев. В политическом процессе также произошли существенные изменения. Проводившиеся с конца 70-х годов реформы способствовали переходу от старой, тоталитарной модели управления к более либеральной. У руководивших этим процессом представителей молодого поколения политиков сформировались новые ориентиры, которые служили для них не только средством преодоления прошлых ошибок, а превратились во вполне искренние цели и ценности. Призванные ветеранами в качестве локомотива преобразований, они постепенно завоевывали авторитет в обществе и партии, что позволяло им все успешнее отстаивать собственные политические взгляды и позиции.

В соответствии с принципами экономического детерминизма возродившаяся многоукладность требовала расширения демократических прав и свобод во всех сферах общественной жизни¹. Однако разделение политических и административно-хозяйственных функций, предпринятое в целях повышения экономической эффективности, содержало для сложившейся политической системы скрытую угрозу. Дробление полномочий разрушало монополию КПК на власть, вместе с которой нарушались фундаментальные принципы прежней системы управления и критерии социального успеха. Деформация старого механизма предопределила активность аппарата, использовавшего открывшиеся возможности для родственного распределения руководящих постов в создаваемых негосударственных компаниях и коррупции².

¹ Это типичная для западного марксизма позиция («Демократия как неотъемлемое звено длительного процесса модернизации», *Friedman E. Modernization and Democratization in Leninist States. The Case of China // Studies in Comparative Communism. 1989. vol. 22. № 2/3. P. 252.*) — стала распространенной и у значительной части китайских ученых, считавших демократизацию требованием социалистической товарной экономики и крупного общественного производства (см., напр.: Шэхуй кэсюэ. 1989. № 8. С. 44).

² На рубеже XX в. в период бурного развития промышленности китайская буржуазия также формировалась в основном из чиновников. И всегда отношения экономически активных слоев с государством порождали коррупцию, которая дополняла «чистую» общественную или государственную собственность личным интересом чиновника.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

Противоречия социально-экономической действительности с официально провозглашенными принципами социальной справедливости на фоне ухудшавшегося материального положения значительной части населения породили брожение, которому в наибольшей степени было подвержено студенчество, усмотревшее итог политического реформирования по модели КПК в закреплении власти в стране за влиятельными семейными кланами³. Их стихийное движение не могло оформиться в общественно-политическую силу без участия консолидирующего начала. Гуманитарная интеллигенция (книжники), осознавшая на предыдущем этапе свою интеллектуально-политическую субъектность, готова была предложить более радикальный, чем официальный, вариант политического развития⁴. В то время как КПК стремилась приобрести в результате реформ большую самостоятельность от марксизма в экономической политике, сохранив монопольное положение в системе государственной власти, целью интеллектуалов была либерализация строя и установление политического равноправия с КПК⁵. Эти ориентиры подкреплялись ссылками на международный опыт, в котором рынок и демократия предлагали успешно действовавшую альтернативу социализму, с чем молчаливо соглашалась и часть высшего партийного руководства. Не представляя истинный, исторический масштаб перемен, молодое поколение руководителей с готовностью принимало выводы и рекомендации современной и близкой

³ Студенчество в очередной раз в китайской истории чутко уловило перспективу предстоящих изменений. Однако мера его ответственности не соответствовала масштабам предлагаемых преобразований, так и не позволив ему превратиться в социальную силу реформ и революций. А расширение экономической самостоятельности, как показали последующие события, не привело к росту общественно-политической активности новых слоев, оставив реформу без конструктивной альтернативы.

⁴ Кампания по борьбе со злоупотреблениями властью и взяточничеством сделала достоянием гласности множество нарушений властью этических норм. Интеллектуальная элита направила возникший протест против КПК, предложив альтернативу — демократическое общество западного типа, в котором нарушения норм влекут наказание, а не осуждение. Одним из важнейших препятствий для ее практического утверждения являлась традиционная социокультурная гомогенность населения, с трудом принимавшего западные, юридические нормы социального регулирования. По словам Пэн Чжэня в Китае действуют всего 10%—15% законов.

⁵ В начале 1989 г. в КНР все чаще высказывалось мнение, что КПК должна отказаться от монополии на власть и допустить интеллектуалов к политическому процессу. (China News Analysis. 1990. № 1407. P. 1—19).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ей по духу общественной мысли, предлагавшей свободную от идеологического противостояния и поэтому более западную и либеральную модель⁶.

Разделение теоретических и политических функций, дав обществу интеллектуальную свободу, освободило его от политической ответственности. Поощряя в середине 80-х годов его профессиональную активность, КПК сумела локализовать потенциальные идеологические конфликты рамками научной среды и оградить от ее энергии общественно-политическую жизнь, препятствуя тем самым организационному оформлению оппозиции⁷. Но целиком решить проблему не удалось. Общественная мысль все заметнее втягивалась в процесс выработки политического курса⁸. Рассчитывая на то, что главным потребителем результатов научных дискуссий будет идеологически выдержанное руководство компартии, способное отсеять враждебные взгляды, КПК не учла, что, позволив сформироваться идейно-теоретической альтернативе, она дает шанс на формирование политической оппозиции той частью общества, которая по своим характеристикам была наиболее близка к восприятию новых взглядов.

Демонстрации студентов зимой 1986–1987 годов показали, что у КПК может появиться опасный противник, выступления которого в XX в. всегда предшествовали серьезным политическим потрясениям, последний раз всего чуть больше 10 лет назад. Призыв Дэн Сяопина принять «решительные меры в отношении тех, кто пытается скандалить на площади Тяньаньмэнь»⁹, не встретил поддержки у Ху Яобана, позиция которого в отношении выступле-

⁶ Впоследствии Чжао Цзыян был подвергнут критике за отход от «четырех основных принципов», ослабление идеологической работы, а также за утверждение, что «сейчас никто не может сказать, что такое социализм». (Ляован. 1989. № 36. С. 8).

⁷ В СССР в силу обусловленной высоким уровнем марксистских исследований цензуры и самоцензуры интеллектуалы были вынуждены обращаться к публицистике, переводя обсуждение из научной сферы в общественно-политическую, не только расширявшей простор для интеллектуальной деятельности, но и приносившей практический результат, которого явно не хватало в академической среде.

⁸ Идеологи движения за демократические реформы занимали высокое положение в научной и политической иерархии КНР — директор Института марксизма-ленинизма, идей Мао Цзедуна Су Шаочжи, директор Института реформы политической структуры Янь Цзяци, директор Института реформы экономической структуры ГС КНР Чэнь Ицзы и др. Поэтому важнейшей причиной «новой смуты» называлась наука. (Ляован. 1989. № 36. С. 9).

⁹ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 171. Для Дэн Сяопина, помнившего о последствиях фракционной борьбы за власть, было недопустимо ее повторение.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

ний могла быть расценена как проявление оппозиционности внутри КПК. Его замена на посту генерального секретаря ЦК Чжао Цзянаном (январь 1987) должна была устранить угрозу раскола в руководстве. Однако новый генеральный секретарь вскоре после назначения также недвусмысленно заявил о приверженности либеральным взглядам¹⁰.

Решение 3-го пленума ЦК КПК 13-го созыва (сентябрь 1988) об упорядочении экономики еще больше обострило внутрипартийные противоречия, продемонстрировав, что Чжао Цзян не обрел полноты власти, а используется лишь в качестве «технического» исполнителя ее воли¹¹. В квазитрадиционной, авторитарной политической системе возник чрезвычайно острый и болезненный конфликт – конфликт по поводу лидерства, который еще не был очевиден при отставке Ху Яобана. Получив отражение в СМИ, он вырвался наружу, подключив к процессу массы¹². Требовалось только время, чтобы он приобрел практические очертания.

Смерть Ху Яобана (апрель 1989), дав повод для выражения народных симпатий молодому поколению реформаторов, создала условия для незапланированной процедуры легитимации власти. Церемонии прощания с бывшим генсеком показали, что у неформального руководства КПК остались серьезные конкуренты в борьбе за власть, обладающие на тот момент уже не только своей идеологией и социальной поддержкой, но и безупречным нравственным символом – Ху Яобаном – и его действующим преемником – Чжао Цзянаном. В этом контексте события мая-июня 1989 г. могли быть восприняты ветеранами партии не как назревшее требование демократизации, а как обострение классовой борьбы и попытка контрреволюционного переворота, целью которого являлось свержение власти¹³.

Реакция КПК на эти события была predetermined. Совершив революцию и нарушив естественный ход истории, коммунистическая партия приняла на себя обязательства вне его выровнять уровень развития с другими странами. Для нее судьба Китая стала неразрывно связанной с собственной судьбой. Взяв ответственность в

¹⁰ См.: Ляован. 1989. № 36. С. 8.

¹¹ В полном соответствии с планом Дэн Сяопина по привлечению для повседневного руководства текущей работой молодых исполнителей. См. разд. 3.2.

¹² В прессе стали появляться намеки на желание Чжао Цзяна сместить старшее поколение руководства. Подробно см.: *Галенович Ю.М.* Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 г. ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 7. С. 22–25. Острота конфликта, вероятно, определялась и особым характером личных отношений земляков – содействием Дэн Сяопина политической карьере Чжао Цзяна.

¹³ См., напр.: Ухань дасюэ сюэбао. 1991. № 4. С. 10.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

1949 году, она вынуждена была взять ее и в июне 1989 года¹⁴. Вызванные 70-летием «движения 4 мая» исторические аналогии придавали выступлениям студентов характер бескомпромиссного политического вызова, а действиям власти – последовательность и жесткость¹⁵. 4-й пленум ЦК (июнь 1989), возложив вину за события лично на Чжао Цзыяна, отправил его в отставку, избрав на его место Цзян Цзэминя, решительно пресекшего аналогичные выступления в Шанхае в 1987 году.

Удержав власть и доказав свою политическую состоятельность, компартии необходимо было выяснить причины произошедшего и найти способы борьбы с новыми вызовами. Выступления на площади Тяньаньмэнь не просто продемонстрировали оппозицию проводимому курсу. Впервые не оправдала себя методология реформ. Принцип «практика – критерий истины», обеспечивавший поступательное движение на протяжении 10 лет, стал работать против КПК, бросив вызов самой модели реформирования¹⁶. Из этой ситуации был единственный выход: сбавить темпы преобразований и попытаться удержать существующую социально-экономическую и политическую конструкцию от распада, выиграв время для поиска оптимальных решений. 5-й пленум ЦК (ноябрь 1989) высказался за продление политики «урегулирования» на период до 1992 г. Оставив на этом пленуме последний официальный пост – председателя Военного совета ЦК КПК, Дэн Сяопин ясно продемонстрировал, что неформальный механизм контроля за действиями высшего руководства сложился и успешно функционирует, позволяя ему как представителю старшего поколения и впредь определять политический курс страны.

КПК оперативно предприняла шаги, чтобы ликвидировать поводы для упреков и критики в свой адрес, а также аргументировать возникший в руководстве компартии конфликт. Стабилизационные меры в экономике позволили смягчить социально-экономичес-

¹⁴ «Без КПК не было бы и нового Китая». Ляован. 1989. № 40. С. 33. КПК будет у власти, пока не выполнит свою политическую миссию – проведение социалистической модернизации. (Beijing Review. 1990. vol. 33. № 34. P. 24).

¹⁵ Главными лозунгами студенческое движение провозглашало «патриотизм», «демократию» и борьбу с коррупцией, выражая тем самым недоверие КПК не в выборе курса, а в ее способности провести намеченные реформы. См.: Галенович Ю.М. Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 г. ИБ ИДВ РАН. 1995. № 6. С. 76.

¹⁶ Впоследствии было признано, что утверждения «практика – критерий истины», «монизм практики» являются отходом от марксистской философии и ведут к ошибкам в политике. (Шэхуй кэсюэ. 1990. № 2. С. 26–29. Цзинань сюэбао. 1989. № 3. С. 1–6). С 1989 г. принцип «реалистического подхода» постепенно стал уступать место методологии «практического материализма».

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

кие проблемы, а активизация идеологической работы создала необходимые условия для нормализации общественно-политической ситуации. В 1989 г. были опубликованы тысячи статей с критикой буржуазной либерализации, доказательством преимуществ и исторической неизбежности социализма, пропагандой руководящего места КПК, социалистического пути, марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна. Причинами обострения ситуации были названы ошибки руководства и лично Чжао Цзяня, но также более фундаментальные факторы, связанные с развитием марксизма в Китае и мире, влиянием империалистических государств и с внутренней реакцией¹⁷. В научной и общественно-политической периодике активно стали обсуждаться не только долгосрочные преимущества, но и спады и кризисы социализма¹⁸.

Брошенный реформам вызов не ограничился сферой внутренней политики. Необходимо было сверить курс преобразований не только с полученными результатами, но и с мировым опытом, который на тот момент недвусмысленно подтверждал наличие серьезных проблем в социалистическом лагере. Выполнить эту миссию должна была общественная мысль, частично повинная в произошедших событиях, но сохранившая статусный авторитет для решения политических споров и вновь оказавшаяся востребованной в качестве активного участника идейно-политических процессов¹⁹.

Пересмотр стратегических ориентиров стимулировал интерес, внешне чисто академический, к немарксистским концепциям развития. С 1989 г. стали появляться статьи, посвященные демократическому социализму, его историческим и теоретическим корням. Особое внимание уделялось североевропейским социал-демократическим моделям, которые рассматривались как один из источников национальной концепции социализма и ориентир для реформ в восточноевропейских странах. В результате в мировом коммунистическом движении было выделено три тенденции: обновление социализма, отрицание марксизма-ленинизма и демократический социализм, природа которого была еще окончательно не определена²⁰.

¹⁷ См., напр.: Цюши. 1989. № 19. С. 21–24; Цзянхан луньтань, Учан, 1989. № 9. С. 16–20; Фуцзянь луньтань. 1989. № 3. С. 40–46, Ухань дасюэ сюэбао. 1991. № 4. С. 11. (с критикой Ху Яобана и Чжао Цзяня.) Ляован, 1989. № 36. С. 7–9; Ляован. 1989. № 40. С. 33–34; Цзинань сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ). 1989. № 3. С. 1–6.

¹⁸ «Коммунистическое движение вступило в полосу упадка». Синьхуа вэньчжай. 1992. № 1. С. 1.

¹⁹ О роли общественных наук в принятии политических решений см., напр.: Шэхуй кэсюэ. 1990. № 2. С. 68–70.

²⁰ См.: Шэхуй кэсюэ. 1990. № 9. С. 7–10. Чжунго шэхуй кэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1992. № 1. С. 6, 8.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Однако после массового падения режимов в Восточной Европе в демократическом социализме увидели реального противника существующему общественному строю. События мая-июня 1989 г. в этом контексте приобрели дополнительный драматизм, косвенно подтвердив возможность подобного развития в Китае²¹. Демократический социализм был подвергнут анализу и критике с классовых позиций за проводимую приватизацию, движение к рыночной экономике, установление многопартийной системы, парламентской демократии, утверждение буржуазных ценностей, западного образа жизни и т.д.²². Был сделан вывод, что к двум уже существовавшим фронтам идеологической борьбы: с западным, прежде всего американским, антикоммунизмом и с вызванной им «буржуазной либерализацией» добавился новый – с социал-демократией и особенно с проникшим в международное коммунистическое движение демократическим социализмом, который вышел на первый план²³. Его главной задачей провозглашалось ограничение негативных последствий развития рыночных отношений и западного влияния, приносимого в Китай в процессе международного экономического и гуманитарного обмена. «Реформа в сторону рынка вовсе не означает, что нужно двигаться в сторону всестороннего внедрения рыночной экономики»²⁴.

Общественная мысль выделила два комплекса причин «драматических изменений» в социалистических странах, в целом совпадавших с причинами событий мая-июня 1989 г. в Китае²⁵. Внешними была названа стратегия «мирного перерождения», проводимая капиталистическими странами. Но она, как отмечали китайские авторы, не имела бы шансов на успех, если бы в 1960-х годах в мире не началась новая научно-техническая революция, результаты которой позволили капиталистическим странам, несмотря на экономические кризисы и безработицу, динамично развивать экономику, улучшать жизнь народа и смягчать социальные противоречия. Отставание в этих областях привело к утрате населением стран веры в социализм и коммунистическую партию, допустив-

²¹ После противостояния весной 1989 г. события в Восточной Европе доказывали правоту избранного КПК курса, частично реабилитировав ее в общественном мнении внутри страны.

²² См., напр.: Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1990. № 6. С. 8–11.

²³ Чжунго шэхуй кэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1992. № 1. С. 6. В некоторых работах демократический социализм отождествлялся с социал-демократией. См.: Кэсюэ шэхуйчжуи. D.1. 1992. № 2. С. 133.

²⁴ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1992. № 3. С. 48.

²⁵ См.: Виноградов А. Изучение реформ в СССР и странах Восточной Европы в Китае // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. V Междунар. научн. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир». М., 1994. Ч. II. С. 88–92.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

шую к тому же ряд серьезных ошибок при исправлении недостатков прежней социально-экономической и политической системы²⁶. Отсутствие цельной концепции перехода к рыночной экономике, ориентация на ценности западной демократии и передача всей полноты власти представительным органам в бывших соцстранах устранили компартии от управления, расстроили механизм власти и привели к спаду производства и хаосу. В этих условиях работающая на одном социально-политическом поле с компартиями социал-демократия достигла успехов и привлекла симпатии населения социалистических стран.

В отношении внутренних причин доминировала точка зрения, согласно которой к появлению ошибочной концепции «гуманного демократического социализма» привели теоретические заблуждения. Его корни, по мнению китайских политологов, восходят к XX съезду КПСС, ошибочно допустившему отрицание нескольких десятилетий социалистической истории, классовой борьбы и диктатуры пролетариата, утверждение абстрактного гуманизма, а также давшему неверную оценку угрозе самоуничтожения в результате ядерной войны, которые «привели к выводу о необходимости классового сотрудничества». Воспитанное в его атмосфере поколение руководителей КПСС продолжило этот курс²⁷. В результате, европейские соцстраны в экономике отказались от ведущего места общественной собственности и начали приватизацию; в политике перешли к многопартийной системе, разделению трех властей, отрицанию руководящего места компартии; в идеологии и культуре – к плюрализму, компромиссам и уступкам антикоммунистическим и антисоциалистическим силам. «Произошла ревизия марксизма»²⁸. Ссылка на авторитет марксизма в тех обстоятельствах оказалась одним из немногих, а возможно, единствен-

²⁶ Пораженческие настроения в сфере идеологии, капитуляция перед западной культурой и пропагандой, извращение социалистической истории идейными противниками дискредитировали компартии и лишили их авторитета в обществе. В результате ошибок в экономике, идеологии, партстроительстве и стиле работы КПСС потеряла поддержку народа, а попытки реформирования, предпринятые в СССР в 1980-е годы, оказались безуспешными. Кэсюэ шэхуйчжуи. 1993. № 3. С. 154. Дуньюоу чжунъянь яньцзю. 1999. № 2. С. 87–92.

²⁷ М. Горбачеву, провозгласившему приоритет общечеловеческих ценностей, «оставалось только капитулировать». (Кэсюэ шэхуйчжуи. 1992. № 1. С. 159–160).

²⁸ Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1990. № 6. С. 8–13; Ухань дасюэ сюэбао. 1990. № 6. С. 41–46. В явном меньшинстве оказались те, кто связывал кризис социализма с расширением в 1950-е годы классовой борьбы, господством в 60-е–70-е годы левого догматизма, подавлявшего инициативу и творчество интеллигенции, вызвав ее разочарование в социализме. См.: Кэсюэ шэхуйчжуи. 1992. № 5. С. 152; 1993. № 1. С. 156–160.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ным ресурсом легитимности КПК, поскольку практика, ставшая в предшествующее десятилетие важнейшим политическим ориентиром, свидетельствовала против нее²⁹.

В свете идеологической борьбы марксизма с демократическим социализмом, главным отличием между которыми называлось отношение к демократии и ее месту в общественной жизни, изменились акценты при определении целей преобразований в политической сфере³⁰. Решение этой задачи облегчалось тем, что на протяжении нескольких лет проблемы политической реформы и строительства социалистической демократии находились в центре общественно-политической жизни. События 1989–1991 годов лишь по-новому расставили акценты при определении взаимосвязи понятий демократия и диктатура, политическая реформа и строительство социалистической демократии. В этом ряду особое место занимала дискуссия о стабильности и демократии, отношения между которыми публично были прокомментированы в свое время Чжао Цзыяном³¹. На протяжении нескольких лет их взаимоотношениям, а также скрывавшимися за этими понятиями традиционным и современным ценностям уделялось значительное внимание в общественно-политической и научной периодике, не меньшее, чем китайской специфике между XII и XIII съездами³². В сущности, это был вопрос о выборе новых ориентиров развития.

Традиционно социалистическая демократия рассматривалась в КНР как продукт диктатуры пролетариата – «самая широкая демократия для народа и диктатура для меньшинства вражеских элементов», т.е. как форма государственного устройства³³. В основу этого

²⁹ Характерной чертой китайской общественно-политической мысли является то, что любой негативный результат квалифицируется как отход от традиции. Одной из коренных причин политического кризиса 1989 г. назывался отход от философии К. Маркса, начатый еще Ф. Энгельсом и В. Лениным. См.: Цзинань сюэбао. 1989. № 3. С. 1–6.

³⁰ Главное отличие демократического социализма от марксизма в признании демократии самоценной. Чжунго шэхуйкэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1991. № 6. С. 12. См., также Ухань дасюэ сюэбао. 1990. № 6. С. 42–43.

³¹ См. разд. 3–4.

³² См.: Виноградов А. Китайское обществоведение о проблемах стабильности и демократии // Китай и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. III Междунар. научн. конф. М. 1992. Ч. II. С. 20–24. Это была массовая пропагандистская кампания, принявшая форму научной дискуссии, в ходе которой общественное мнение убеждалось в функциональном характере демократии и подчинении ее интересам стабильности.

³³ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 11. С. 33, 1990. № 1. С. 40. Демократия и диктатура – это 2 стороны одного вопроса. (Шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 3).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

представления был положен высказанный Ф. Энгельсом тезис, на который ссылались китайские авторы. Согласно ему государство возникло тогда, когда общество было уже не в состоянии само разрешать собственные противоречия, став силой, смягчавшей социальные конфликты и удерживавшей их в строго определенных рамках, обеспечивая стабильность³⁴. Таким образом, вопрос об изменении формы государственного устройства и утверждении демократических форм правления связывался с неспособностью или неэффективностью предыдущих способов решения общественных противоречий и поддержания стабильности. Принципиальная позиция, таким образом, была сформулирована предельно четко: не демократия, а социально-экономическое развитие является целью государства и общества, и до тех пор пока существующая система не исчерпала средств для решения общественных противоречий, интересам развития отвечает не утверждение демократии, а недопущение нестабильности³⁵.

В природе социалистического строя, по мнению китайских общественников, существовали все необходимые предпосылки для решения возникающих противоречий и поддержания стабильности: общественная собственность, социалистический принцип распределения, многопартийное сотрудничество, обеспечивающие социальную поддержку, и руководящая идеология, гарантирующая идейно-политическую консолидацию³⁶. Однако, несмотря на благоприятные условия, стабильность не устанавливается автоматически – необходим особый механизм ее поддержания через использование законов, морали и руководства общественным мнением³⁷. При этом подчеркивалось, что общественный порядок, основанный на законности, выгодно отличается от порядка, базирующегося на нравственных нормах или авторитете одного человека, а укрепление социалистической законности является гарантией социалистической демократии и социалистической справедливости³⁸. «Без порядка нет справедливости»³⁹.

Включение в контекст политической реформы проблем справедливости расширяло ее значение, подвергнув ее оценке по самым высоким и строгим критериям. Справедливость была противопос-

³⁴ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 8. С. 56, 78. Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1991. № 2. С. 117.

³⁵ Общественная стабильность является средством государственного строительства, в том числе демократии. (Шэхуй кэсюэ. 1991. № 8. С. 43).

³⁶ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 6. С. 5; № 8. С. 44, 77.

³⁷ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 8. С. 44.

³⁸ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 8. С. 57; № 2. С. 33.

³⁹ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 3. С. 50. Для его утверждения нет необходимости в разделении трех властей. (Шэхуй кэсюэ. 1991. № 8. С. 58).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

тавлена другой системе ценностей, свойственной представлениям западной цивилизации о природе человека – гуманизму, правам человека и другим. Достижение справедливости прямо связывалось с экономической эффективностью⁴⁰. Поскольку раньше в Китае эффективность приносили в жертву справедливости, под которой понималась уравнительность, а совместить их сейчас невозможно, постольку на первое место предлагалось поставить эффективность⁴¹.

Реформа политической системы, впервые провозглашенная Дэн Сяопином в августе 1980 года, наконец приобрела стройность и последовательность, ликвидировав все двусмысленности, вытекавшие из ее формулировки. В момент выдвижения предполагалось, что она должна вывести КПК из замкнутого круга классовой борьбы и обеспечить социально-политическую стабильность за счет экономического роста⁴². Исчерпав кредит доверия, КПК уже не могла рассчитывать исключительно на успех мобилизационных мер. Экономический рост мог быть достигнут только за счет активизации самого населения⁴³. Одновременно очищение от идей «культурной революции» не должно было превратиться в борьбу с ее выдвигенцам. Анализ выступлений Дэн Сяопина на рубеже 80-х годов показывает, что демократизация как цель общественного развития им не ставилась, а означала лишь смягчение режима в отношении своих противников в верхних эшелонах власти и обоснование экономической либерализации⁴⁴.

⁴⁰ Рост эффективности исторически явился причиной возникновения справедливости, поскольку до этого весь продукт был необходимым. (Шэньхуй кэсюэ. 1990. № 7. С. 26).

⁴¹ «Распределение по капиталу при социализме несправедливо, но оправдано». (Шэньхуй кэсюэ. 1988. № 6. С. 10–12).

⁴² Как и на рубеже 1980-х, на рубеже 1990-х годов начинался новый цикл развития, характеризующийся нарастающим движением, но уже не от левого, а от правого уклона и, шире, от западного, требовавшего повышенного внимания к стабильности. Поэтому одним из уроков «культурной революции» провозглашалась необходимость стабильности. (Чжэсюэ яньцзю. 1987. № 6. С. 10. См. также: Цюши. 1991. № 22).

⁴³ Необходимо разделение партийных и хозяйственно-административных функций, чтобы форсировать дело модернизации. (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 352–353). См. разд. 3.1.

⁴⁴ Побывав в роли опального политика, Дэн Сяопин, вероятно, склонялся к более мягким формам внутривластной борьбы, оставляя для оппонентов возможность достойного отступления, а не эскалации противостояния. Поэтому на рубеже 1980-х годов, говоря о демократии, он всегда говорил и о законности, ограждающей от произвола победителей. См.: Дэн Сяопин. Избранные произведения. 1975–1982. С. 179, 224, 398; Дэн Сяопин. Строительство специфически китайского социализма. Бэйцзин, 1985. С. 56.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

В новых условиях задач политической реформы стало создание механизма адаптации к постоянным изменениям, вызванным рыночными реформами, а не изменение политической системы во имя идеальных целей, по-прежнему сохранявших важную роль в политической жизни страны⁴⁵. Именно поэтому отказаться от строительства демократии, как и от марксизма, КПК не могла, но должна была придать этому понятию новое значение.

Для компартии поиск решений был ограничен рамками марксизма, не оставившего цельного учения о политических преобразованиях, и китайской политико-философской традицией, не дававшей примеров принципиально иной, чем авторитарная, политической системы. Курс на реформу, провозглашенный на XIII съезде, ориентировал КПК на постепенное формирование условий для создания демократической системы. Однако переход к ней в целом по стране требовал высокого уровня экономического развития и образования, единого национального рынка и др.⁴⁶. Не обладая демократическими традициями, Китай не мог утвердить эту форму правления декретами⁴⁷. «При создании многопартийной системы в Китае из-за невысокого уровня культуры обязательно возникнет много партий, которые будут соперничать и бороться, препятствуя стабильности»⁴⁸. Китайские обществоведы отвергали существование «абстрактных прав человека и внеклассового гуманизма» и на этом основании предлагали постепенную, адекватную китайским условиям демократизацию под руководством КПК через совершенствование системы СНП и расширение участия масс в принятии решений прежде всего на низовом уровне, что полностью соответствовало курсу на развитие личной инициативы в экономике⁴⁹. Руководство КПК строительством демократической политической системы, генетически восходившей к

⁴⁵ «Без демократии не может быть социализма и социалистической модернизации». (Дэн Сяопин. Избр. Произв. С. 202). В Постановлении VI пленума (1981 г.) в разделе о социалистической демократии указывалось, что «высокоразвитая демократия является одной из великих целей социализма, а также важнейшим воплощением социалистической духовной культуры в государственной и общественной жизни».

⁴⁶ Шэхуй кэсюэ. 1990. № 2. С. 53. Характерно, что при обсуждении демократизации не употреблялось понятие «мобилизационность», которое постоянно использовалось в экономических работах.

⁴⁷ В Китае невозможно разделение трех властей. (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 3. С. 5).

⁴⁸ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 3. С. 5.

⁴⁹ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1992. № 2. С. 3–24; Шэхуй кэсюэ. 1990. № 1. С. 40–42; Шэхуй кэсюэ. 1990. № 7. С. 36–39.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

«Программе политической опеки» ГМД, предполагало сохранение мобилизационного императива развития, в котором не было места всеобщему избирательному праву и другим либеральным свободам и ценностям⁵⁰.

Таким образом, осуществление реформы политической системы и строительство социалистической демократии было строго ограничено контролем КПК и укреплением законности, что придавало ей сугубо функциональный характер. Мнение о том, что социалистическая демократия не обусловлена развитием товарной экономики, а составляет сущность социализма, поскольку мобилизует активность, творчество и инициативу народа, открывая новые перспективы развития⁵¹, серьезного общественно-политического резонанса и последствий не имело. Политические идеалы западного общества не нашли массовой поддержки в китайской общественной мысли. На государственном уровне демократия означала не участие народа в управлении, а процедуру легитимации власти и ее решений, воплощенной в принципе демократического централизма⁵². «Демократическое» было синонимом «легитимного», поддержанного населением и в этом смысле не противоречило ни китайским, ни марксистским политическим традициям⁵³.

Несмотря на усилившийся со стороны КПК контроль и возросшую политизацию исследований, после 1989 г. у общественных наук остался и даже усилился интерес к фундаментальным проблемам. В значительной степени этому способствовали потрясения в Восточной Европе и СССР, указавшие даже самым искренним сторонникам марксизма на его ограниченность.

До начала 80-х годов большинство авторов было искренне убеждено в безупречности марксизма, положения которого не подвержены критике и времени и пригодны для использования в различных национальных и исторических условиях. Но по мере десакрализации своей идейно-теоретической платформы КПК теряла легитимность в глазах интеллектуальной элиты. Подточив абсолютный авторитет официальной идеологической доктрины, дис-

⁵⁰ В Китае нужен переходный период для введения всеобщего голосования на всех уровнях. Сейчас для этого народ не созрел. Дэн Сяопин чжунъяо таньхуа (Важнейшие выступления Дэн Сяопина). Пекин, 1987. Февраль—июль. С. 40, 18. См. также Шэхуй кэсюэ. 1991. № 2. С. 10.

⁵¹ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 6. С. 2, 1990. № 1. С. 44.

⁵² Шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 3.

⁵³ Министры и сановники в Древнем Китае могли критиковать императора, а греческая модель демократии не может служить абсолютным стандартом. (Beijing Review. 1990. vol. 33. № 34. P. 21—22).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

куссии середины 80-х годов, воплотившись в Постановления 3-го и 6-го пленумов 12-го созыва, заставили большинство общественников внутренне согласиться, что Маркс и Энгельс будут убраны с пьедестала. Задача состояла лишь в том, чтобы найти им достойное место в интеллектуальной и политической истории. Удобной выглядела аналогия с Ньютоном, непревзойденным в рамках очерченного им круга вопросов и избранных объектов. Это сравнение интенсивно использовалось в дискуссиях о марксизме⁵⁴. Но уже в начале 90-х годов в научной периодике Ньютона впервые отважились подвергнуть открытой критике, дав понять, что потребность в нем исчезла⁵⁵.

Критический анализ марксизма позволил выделить области, в которых оценок и высказываний основоположников было либо крайне мало, либо они вообще отсутствовали. Активность исследователей (с недоступной пониманию Ньютона скоростью) переместилась в сферу культуры и цивилизаций, национальной психологии, когнитивных наук, где стало формироваться новое представление о социальном идеале, приближающееся к традиционному. Критика действовавшей в Восточной Европе социалистической модели и ее финал предполагали рост интереса к истории Китая, в которой на основании тезиса о специфичности можно было найти оправдание самостоятельного курса КПК. Соединение Дэн Сяопином двух «китайских изобретений»: тезиса о национальной специфике и принципа «реалистического подхода» наметило прорыв в формационной теории, которая началась с активного изучения генезиса китайской цивилизации.

Выяснение отношений политического курса КПК с марксизмом, активно проходившее со второй половины 80-х годов, натолкнувшись на ряд теоретических трудностей, пошло в другом направлении. Методология экономического детерминизма и реалистического подхода, положенные в основание концепции НЭС, были поставлены под сомнение политическим кризисом, а поражение социализма в Европе делало нецелесообразным акцентирование преемственности с обанкротившейся моделью, переведя концепцию НЭС в разряд частных теорий об особом этапе социалистического строя в странах с низким исходным уровнем экономического развития. В то же время европейская модель окончательно потеряла

⁵⁴ Автор встретил имя Ньютона в десятках статей. См., напр.: Шэхуй кэсюэ. 1985. № 10. С. 14; 1986. № 4. С. 2.

⁵⁵ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. № 2. С. 77. Для человека, незнакомого с традициями политической культуры Китая, эта критика может показаться не достойной упоминания.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

доверие. Наиболее перспективным для официальной идеологии вариантом стало рассмотрение вопросов, связанных с особенностями цивилизационного развития Востока и Запада: «следует ли Запад и Восток одним и тем же законам общественного развития»⁵⁶.

Универсализм марксистской формационной теории не способствовал изучению национальной, а тем более цивилизационной специфики⁵⁷. Единственным местом, где у самого Маркса присутствовала проблема специфичности исторического развития, был азиатский способ производства⁵⁸. Соединение специфики с формационной теорией в рамках азиатского способа производства позволило китайской общественной мысли проследить истоки национального социализма с момента зарождения китайской цивилизации. В результате обсуждения выяснилось, что специфические для марксистской версии аспекты были присущи ему изначально и связаны с природными условиями – большой территорией, дефицитом воды, изолированностью от других цивилизаций, а также варварским окружением, способствовавшими формированию особой роли государства⁵⁹.

Природно-демографические особенности, положенные Дэн Сяопином в основу китайской специфики, оказавшись неплодотворными для объяснения характерных черт текущей стадии развития, привели к более существенным результатам в контек-

⁵⁶ Шэхуй кэсюэ. 1990. № 9. С. 80. См.: Виноградов А.В. Социализм или китайская специфика // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. IV Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1993. Ч. II. С. 99–103.

⁵⁷ Для цивилизационно близких стран Европы проблема специфичности была не так важна, как для стран Азии, и оказалась в тени идеологической борьбы между различными крыльями левого движения. Не случайно, что и теория «новой демократии» длительное время подвергалась критике за ревизию «основных положений марксизма».

⁵⁸ Здесь необходимо одно уточнение, связанное с закономерностями развития общественной мысли. Одни авторы начинают исследовать первое из звеньев исторических событий, для других они очевидны, и их внимание фокусируется на последующих. Поэтому в реальной картине присутствуют темы и дискуссии, связанные внутренней логикой, но внешне существующие автономно. Так произошло и с дискуссиями о стабильности и демократии и об азиатском способе производства, совпавших по времени.

⁵⁹ Шэхуй кэсюэ. 1990. №8. С. 5. См.: разд. 1.1. Признание природных условий источником специфических форм общественного развития на Дальнем Востоке является важнейшим, неоспоримым доказательством специфики, которая не сводится к формационным категориям «отсталости» в рамках универсального исторического развития.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

сте изучения китайской цивилизации. Теоретическое обоснование строительства «социализма с китайской спецификой» органично укладывалось в концепцию азиатского способа производства. По мнению китайских ученых, азиатская специфика, заключающаяся в особой роли государства и патриархальной системе, в которой глава семьи играет исключительную роль в распределении и управлении; высокой степени концентрации власти, общественном или государственном владении землей, особом, по сравнению с Западной Европой, характере взаимоотношений крестьян и помещиков и т.д., прослеживается на всех исторических этапах до капитализма⁶⁰. «Азиатский способ производства означает не одну-единственную общественно-экономическую формацию, а целый ряд, состоящий из нескольких различных ОЭФ, включающих и первобытно-общинное, и рабовладельческое, и феодальное общество». Поэтому «общие законы человечества проявляются в двух, обладающих особенностями, рядах развития, оба ряда (азиатский и античный) воплотили общий процесс развития человеческого общества, оба не оторвались от столбовой дороги развития»⁶¹.

Существенные отличия азиатского способа производства от западноевропейских (первобытнообщинного, рабовладельческого и феодального) заставили усомниться в безупречности пяти-

⁶⁰ Шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 7–10. Строго следуя экономическому детерминизму, марксисты не могли описать азиатский способ производства, т.к. в отличие от всех остальных в нем существенную роль играли неэкономические факторы (кровно-родственные, этнокультурные), затруднявшие анализ. Поэтому К. Маркс под азиатским способом производства подразумевал форму первобытной общины, а Ф. Энгельс позже — форму рабовладельческой системы. Азиатский способ производства характеризуется государственной собственностью на землю, которую обрабатывают крестьяне для государства под контролем феодалов, в то время как в западноевропейской модели собственником земли были феодалы, а обрабатывали ее свободные крестьяне. В отечественном обществоведении с конца 20-х годов этой теме посвящены десятки работ и обзоров. В большинстве их характерной чертой азиатского способа производства называется государственная собственность. См., напр.: *Конотолов М.В., Сметанин С.И.* История экономики зарубежных стран. М., 2004. С. 191; ВФ. 2000. № 12. С. 7, а также *Алаев Л.* Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. 1987, № 3; *Ашрафян К.Ц.* Феодальные системы в Азии // Восток. М., 1991. № 2. С. 142–145; *Бокщанин А.А.* Китайские историки о характерных чертах и особенностях феодального строя в Китае // Общественные науки в КНР. М., 1986. С. 85–116; *Свистунова Н.П.* Обзор дискуссии об азиатском способе производства // Там же. С. 370–404; и др.

⁶¹ Шэхуй кэсюэ. 1990. № 8. С. 7–8.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

членной формационной теории. Из этого следовало, что общество в своем развитии неизбежно проходит лишь три этапа: натуральную экономику с общинной собственностью, товарную экономику с частной собственностью и экономику продуктообмена с общественной собственностью. При этом у натуральной экономики три главные формы (способа производства): азиатская, античная и феодальная, а у товарной два: капиталистическая и социалистическая. Поэтому, как доказала практика, каждое общество «может из любого способа производства натуральной экономики непосредственно перейти в любой способ производства товарной экономики»⁶².

Социализм и капитализм в предлагаемой схеме рассматривались не как исторически необходимые этапы, а как два равноправных пути развития, которые возникают на одной социальной основе и являются методами модернизации. Таким образом, социалистическое общество – это самостоятельная общественная формация, а не первый этап коммунистической ОЭФ⁶³ и может рассматриваться как особый, самостоятельный путь к новой социальной организации⁶⁴. Поскольку развитие общества описывается не пятичленным, а трехчленным формационным делением, постольку и «плановая экономика не входит в коренные принципы социализма»⁶⁵. А из особой роли традиционного государства и механизма его саморегуляции естественным образом вытекал действующий в КНР принцип экономического управления: «государство регулирует рынок, а рынок регулирует предприятия»⁶⁶.

⁶² Шэхуй кэсюэ. 1990. №8. С. 7–8. Схожая модель аргументации использовалась и советскими востоковедами. «Положение о смене социально-экономических формаций не закон истории, а научный постулат», поскольку этого не было в истории Японии, Китая и некоторых других стран, где в «преобразованном виде воспроизвелись старые институты». (Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 18).

⁶³ Кэсюэ шэхуйчжуи. D.1. 1993. № 5. С. 86.

⁶⁴ Общественно-экономических формаций не пять, а шесть, и развитие общества имеет не одну линию, а несколько. Шэхуй кэсюэ. 1990. № 6. С. 3.

⁶⁵ Синьхуа вэньчжай. 1992. № 7. С. 5. «Особый характер общества и исторических условий дал Китаю возможность миновать этап полного развития капитализма и через новую демократию вступить в социалистическое общество». (Шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 9). Другие утверждали, что это нормальный переход от натуральной экономики в азиатской форме к товарной экономике в социалистической форме. Маркс, опираясь на вскрытые им законы исторического развития, выделил очередность пяти способов производства и схему трех больших общественных формаций. (Фудань сюэбао. 1992. № 2. С. 31).

⁶⁶ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1992. № 4. С. 3. Этот принцип был вызван натуральным характером экономики и закрытостью. (Шэхуй кэсюэ. 1991. № 1. С. 10).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

В результате целенаправленного выдавливания из идеологической доктрины КПК классового компонента на первый план в социализме выходил другой аспект – не универсальный принцип социальной справедливости, выросший в городской культуре европейской цивилизации с демократическими традициями общественной жизни и государственного управления, а тип социально-экономического развития, благоприятный для отсталых стран с патриархальной системой и приоритетом государственных интересов над личными. Такая трактовка позволила китайским ученым перейти к широким обобщениям. Высокоцентрализованная модель социализма («сталинская модель») была, на их взгляд, продиктована «полуазиатскими особенностями российского общества», а ее появление в СССР и КНР играло позитивную роль, соответствуя национальной психологии (приоритету коллектива перед личностью) и уровню производительных сил⁶⁷.

Подобно тому как марксизм, выделив сущность европейской цивилизации – экономический детерминизм, доказал возможность реализации социального идеала европейского общества, так же точно и дискуссия об азиатском способе производства показала ущербность экономического детерминизма для реализации модернизационных целей, повторив выводы дискуссии о марксизме середины 80-х годов теперь уже на прикладном, политическом уровне⁶⁸.

Азиатский способ производства давал основание поставить под сомнение и даже опровергнуть единство исторического процесса, допущение которого было основой марксистской исторической концепции. Его главное отличие усматривалось в том, что эксплуатацию осуществляет не господствующий класс, а государство, естественным образом выросшее из патриархальной общины, в которой эксплуатация как социальное явление отсутствовало. Из этого следовало, что социалистическое государство не воспринималось как источник эксплуатации, напротив, его усиление воспринималось как благо⁶⁹. С этих позиций была дана оценка либерализации,

⁶⁷ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. №2. С. 75–76.

⁶⁸ Историческая теория Маркса не есть конечная истина, она открыта для всего, в т.ч. немарксистского знания. (Фудань сюэбао. 1992. № 2. С. 32). В Китае надо исследовать не только классическую немецкую философию, но и блестящие традиции древнекитайской философии. (Чжунго шэхуйкэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1991. № 2. С. 2).

⁶⁹ Демократический социализм считает, что человеческая жизнь и достоинство выше государства. (Ухань дасюэ сюэбао. 1990. № 6. С. 43). Тогда, как на самом деле «государственный суверенитет — это первейшее содержание прав человека». (Цюши. 1992. № 7. С. 22).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

навязывавшей «Китаю полную вестернизацию», и демократическому социализму, целью которого было «очеловечить государство, а не огосударствить человека»⁷⁰.

Переосмысление универсализма западных концепций сыграло позитивную роль в процессе становления современной общественной мысли, которая в целом стала менее западной и менее марксистской, придя к выводу о пределах универсализма, к которому примерно в это же время подошли и западные коллеги⁷¹. Новое понимание социализма, произошедшее под влиянием событий в СССР и Восточной Европе, выдвинули на первый план проблему национальной модернизации, которая вытесняла социализм. Общественно-экономическая формация, обладающая национальными особенностями, вынуждена была уступить цивилизации. С конца 1991 г. чаще стали говорить не о строительстве социализма, а о «социализме с китайской спецификой», повышая тем самым его теоретический статус⁷².

* * *

Стремление к внешнему миру и универсализму, «реформа и открытость» указывали Китаю путь развития на протяжении всего периода реформ после 1978 года. События 1989 года, разведя линии политического развития Китая и Восточной Европы, поставили руководство КПК перед дилеммой: следовать по пути других стран и почти неизбежно утратить власть или остаться на своих по-

⁷⁰ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1990. № 3. С. 1. В этих оценках конкретизировались подходы к типологии западного и восточного общества по отношению к государству и человеку. Очевидно, что в Европе не могло возникнуть понятие совокупной государственной мощи, а могло только — национальный доход на душу населения.

⁷¹ «Существует гегелевско-марксистская концепция истории как последовательная, линейная эволюция человеческих обществ как таковых». И лежит она в феномене экономической модернизации, основанной на направленном раскрытии современных естественных наук, которая объединила человечество до беспрецедентной степени, дав надежду на распространение демократических, капиталистических институтов. Но это дает только надежду на прогрессивный характер мировой истории, но не доказывает его. «Основания современной либеральной демократии действительно были поставлены под угрозу философским “кризисом модернити”, провозглашенным Ф. Ницше и М. Хайдеггером». «Эта проблема, наиболее серьезно обсуждавшаяся в дебатах С. Кожере, является центральной интеллектуальной проблемой нашей эпохи». *Fukuyama F. Reflections on the End of History, Five Years Later // History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Wesleyan University. 1995. № 34. P. 27.*

⁷² Цзян Цзэминь заявил, что «китайский социализм — это не советская модель и не восточноевропейская, а социализм с китайской спецификой». (ЖМЖБ. 2.11.1991).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

зициях и вновь отойти от внешнего мира, рискуя допустить очередную «национально окрашенную» ошибку. В результате поражения социализма в европейских странах социалистическая идентичность как таковая исчезла из современного мира, предопределив необходимость поиска или создания новой. В этот период, не отказываясь от «открытости», КПК осознанно отказалась повторять западный опыт. Причины этого не только в том, что компартия не была готова делиться властью. Кризис внешних моделей и экономические успехи внутри страны подталкивали к выбору собственного пути. Провозгласив целью достижение уровня развитых стран в экономической области, модернизация приобретала характер технологической процедуры, свободной от ценностей как своих, традиционных, так и внешних, заимствованных, позволяя нарушать естественный ход развития.

4-2. Реформы в СССР. Сравнительный анализ

В 1960–70 годы в мировом развитии наметились новые тенденции, вызванные появлением глобальных проблем (угрозой возникновения ядерной войны, энергетическим и экологическим кризисами, увеличивающимся разрывом между развитыми и развивающимися странами и т.д.). Обе общественные системы были вынуждены искать им решение, невольно вступив в очередное соревнование в абсолютно новой и поэтому чрезвычайно чувствительной сфере. От его исхода зависело не только внутреннее социально-экономическое развитие, но и их роль в мире.

Для власти в идеократическом государстве опасно было не столько снижение уровня жизни, сколько поражение идеи, тождественное потере внутренней легитимности. В соответствии с официальной идеологической доктриной главной угрозой социалистическому строю были внешние, отстающие по историческим меркам капиталистические страны. Именно поэтому КПСС всегда уделяла повышенное внимание внешней политике и идеологической борьбе на международной арене. Нарастающее отставание от Запада в результате замедления темпов экономического роста стало важнейшим фактором внутреннего развития. Состояние «застоя», наступившее в СССР на рубеже 80-х годов, означало несоответствие существующей модели основному формационному признаку – способности сократить разрыв с капиталистическими странами и, как следствие, неминуемую утрату статуса сверхдержавы, позволявшего претендовать на особое место в историческом процессе, даже не соответствуя ему по социально-экономическим критериям. Со-

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

хранить «всемирно-историческую» роль можно было только в ходе военно-технического соперничества – «гонки вооружений», которая, в свою очередь, серьезно препятствовала экономическому развитию⁷³. Главной причиной реформ в СССР, таким образом, было не банкротство эндогенных идеологических принципов (например распределения по труду), а ослабление внешнеполитических позиций и усилившееся отставание от Запада. Создание нового экономического механизма, способного обеспечить более высокие темпы роста, стало важнейшей государственной задачей⁷⁴.

Предпринимавшиеся на протяжении всей послевоенной истории попытки внести коррективы в экономическую стратегию сводились либо к принятию все более крупных программ и усилению административных рычагов, т.е. плановым началам, либо к использованию экономических стимулов и децентрализации, свойственных рыночному ведению хозяйства. Обязательное соответствие социально-экономических реформ социалистическим идеалам и принципам (идеологическая легитимация) препятствовало проведению необходимых хозяйственных преобразований. В результате идеологической конфронтации этих подходов ни одна государственная программа, направленная на повышение экономической эффективности, не была выполнена, а неконкурентная однопартийная система позволяла игнорировать усиливавшиеся негативные явления.

К началу 80-х годов советское общество было внутренне готово к реформам, прежде всего социально-экономическим. Однако преклонный возраст высшего партийного руководства, в исключительной компетенции которого находились важнейшие государственные вопросы, препятствовал принятию и реализации уже согласованных решений, заронив сомнения в способности самого строя к реформированию и совершенствованию. Начало перемен связывалось с приходом динамичного лидера, способного преодолеть инерцию системы. Став генеральным секретарем (ноябрь 1982), Ю. Андропов не только значительно обновил Политбюро, но и продемонстрировал высокий потенциал инициатив государственного

⁷³ Угроза ядерной войны, оправдывавшая политику мирного сосуществования, подготавливала общественное мнение к восприятию лозунга «общечеловеческих ценностей». Но, несмотря на то что в основе «нового политического мышления» сохранялись мессианские мотивы «Манифеста Коммунистической партии», позволявшие эффективно мобилизовывать население, отрицание борьбы двух систем разрушало идеологические основы большевистской государственности. См. разд. 1.4.

⁷⁴ Внутренние стимулы к развитию, стагнация и даже снижение уровня жизни часто оказываются недостаточными для принятия энергичных практических мер, что известно из истории КНР и Северной Кореи.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

масштаба, сделав выбор (возможно не окончательный) в пользу командно-административных, мобилизационных рычагов. Сфокусировав внимание на дисциплине, он задействовал те механизмы, которые были заложены в системе при ее формировании, получив быструю отдачу и выигрыш во времени для выработки комплекса переходных мер. Вероятно, его успех оказал влияние и на М. Горбачева, избранного генсеком ЦК в апреле 1985 года, также первоначально отдавшего предпочтение административным методам⁷⁵. Провозглашенная им концепция «ускорения социально-экономического развития» была проявлением именно того динамизма, которого от него ждали в обществе, и вполне соответствовала официальной идеологической доктрине, в новой формулировке повторившей лозунг «догнать и перегнать»⁷⁶.

Для своего практического воплощения радикальные реформы должны были не только преодолеть инерцию высшего руководства, но и заручиться поддержкой населения, поскольку получить легитимацию, лишь обратившись к марксистско-ленинской традиции, было уже недостаточно⁷⁷. Марксизм в советской России всегда был точкой отсчета, все теоретические новации вводились не только с оглядкой на положения основоположников, но и в ходе внутренней дискуссии с ними. Однако продекларированная радикальность, которая принесла успех новому лидеру, плохо сочеталась с традицией, а авторитет классиков значительно уступал по своей убедительности практическим результатам. Большой и влиятельной общественно-политической дискуссии о пути развития, которая могла бы расставить верные оценки, не получилось⁷⁸. Наука была исключена из фак-

⁷⁵ Это продемонстрировали указ о борьбе с пьянством и алкоголизмом, а также постановления пленумов ЦК КПСС о повышении роли научно-технического прогресса и определяющей роли машиностроения, синонимичные решениям брежневских пленумов.

⁷⁶ На самом деле, понятия «ускорение» и «перестройка» употреблялись советским руководством еще в начале 80-х годов, задолго до того, как они были использованы М. Горбачевым, но не воспринимались из уст престарелых партийных лидеров. См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 75. Первым об «ускорении» как типе развития применительно к России писал еще Н. Чернышевский. (*Чернышевский Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 383). См. также: разд. 1.3.

⁷⁷ Ею безуспешно попытался воспользоваться М. Горбачев, назвав целью перестройки «теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма». (*Горбачев М.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 20).

⁷⁸ Закономерность социалистического строительства в СССР сомнению не подвергалась. Все политические силы призывали только к усилению социальной ориентации строя, признавая его органичность для России, а фундаментальные дискуссии строились вокруг в целом схоластического противопоставления ленинизма и сталинизма.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

торов политической жизни, чему, безусловно, способствовала пресыщенность официальным марксизмом, оторванным от реалий, породившая простое желание выйти за его рамки⁷⁹. Скорее популистскими, чем продуманными, были шаги нового генерального секретаря на протяжении последующих трех лет, но именно они позволяли ему выдерживать намеченный курс и уверенно чувствовать себя в отношениях с партийно-государственным руководством, занимавшим охранительные или откровенно консервативные позиции⁸⁰.

Появление в руководстве страны принципиальных разногласий при примерном равенстве сил обеих сторон положило начало дисбалансу системы управления, единство которой обеспечивало жизнеспособность мобилизационной модели. Чем труднее М. Горбачеву было удерживать власть в партии, тем меньше оставалось у него сил для выполнения задач реформирования. Высокая цель, служившая источником мобилизационного развития, постепенно исчезла, одновременно усилилась борьба за власть, требовавшая от политиков уже других качеств⁸¹.

Вместе с провалом очередной общественно-политической кампании исчезал харизматический облик нового лидера, подталкивая М. Горбачева к разделению ответственности сначала в партии в результате расширения внутрипартийной демократии, а затем и в обществе⁸². С 1988 г. акцент переместился на демократизацию

⁷⁹ В СССР государство не было заинтересовано в «научном субъекте». (Свободная мысль. 1991. № 8. С. 32). Возможно, поэтому научная общественность, считая себя продолжателем нравственных традиций русской интеллигенции, предпочла искать себе новое поле деятельности, составив ядро оппозиционных политических движений, а не заниматься профессиональной деятельностью.

⁸⁰ Следует подчеркнуть, что своей популярностью М. Горбачев в значительной мере обязан манере общения и другим элементам публичной политики, дававшим ощущение сопричастности важнейшим политическим решениям, и, казалось, стиравшим грань между властью и народом.

⁸¹ Судьба страны вновь оказалась в руках элиты, ставшей главным носителем очередного модернизаторского импульса. Но ни высокой нравственности, являвшейся постоянным источником сил для интеллигенции XIX века, ни политической организации у нее не было. Провалы в экономике возродили гуманистический настрой, временами напоминавший религиозно-философское течение начала XX века. Бесспорно одно: образованные слои отстранились от государства, подтвердив мысль П. Струве, считавшего Октябрьскую революцию следствием безрелигиозного отщепенства интеллигенции от государства. (Вехи. Из глубины. С. 460—461).

⁸² Возможно, ослабление собственных позиций в партии и угроза вследствие этого свертывания радикальных экономических реформ заставили М. Горбачева сделать выбор в пользу демократизации, гарантировавшей продвижение по пути рыночных реформ. Но, возможно, этот выбор явился психологической реакцией на неспособность сохранить облик сильного харизматического лидера.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

политической системы, на которую возлагалась главная вина за неудачи экономической реформы⁸³. Отсутствие в марксизме разработанной политической концепции позволяло довольно свободно предлагать меры по реформированию политической системы социализма, что вовлекло М. Горбачева в теоретическую ловушку. Взятый им на вооружение лозунг «больше демократии – больше социализма» действительно был марксистским, но применимым только к европейской среде. Следуя ему, КПСС отказалась в ходе политической реформы от монопольного права на власть и, изменив 6-ю статью Конституции СССР, поставила вопрос о замене всего механизма управления.

Нагрузка на партийно-государственный аппарат, увеличившаяся в ходе экономической реформы, многократно усилилась задачами собственного реформирования. В результате он был изъят из потока преобразований. Социально-экономические процессы начали развиваться стихийно. Партийно-государственный аппарат, почувствовав, что потребность в нем в рыночной системе может исчезнуть, усилил сопротивление. Одновременно часть его попыталась воспользоваться сохранявшимися полномочиями и привилегиями, чтобы сделать себе хозяйственно-экономический задел на будущее⁸⁴. Целенаправленная дискредитация в массовом сознании высоких целей, предпринятая творческой интеллигенцией, подтолкнула правящий класс к поискам новых гарантий и принципов легитимации, отсутствовавших в советской системе. В процессе проведения реформ стало абсолютно ясно, что не официальный статус, не общественное положение, а собственность дает надежную гарантию благополучия, став новой целью преобразований для части государственных чиновников, переориентировавшихся на закрепление сложившихся в номенклатурной системе привилегий⁸⁵.

Несогласие с проводимым курсом послужило поводом для серьезных перестановок в Политбюро, из которого постепенно были

⁸³ Тогда же «ядром перестройки» была названа демократизация общественной жизни и реформа системы управления, прежде всего ее ключевого звена – партийно-государственного аппарата.

⁸⁴ «Закон о предприятии» должен был расширить число активных сторонников экономических реформ, но в результате расширения самостоятельности предприятий окончательно разложил директоров, подготовив условия для последовавшей приватизации.

⁸⁵ В 1989 году, выступая в Одесском военном округе, М. Горбачев впервые использовал слово «приватизация», которая вопреки мировой практике не служила консолидации капитала, а, наоборот, вела к его распылению, став новой формой уравнительного перераспределения, такого же по характеру, как национализация в 1917 году.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

выведены многие оппоненты курса М. Горбачева, что ускорило демонтаж существовавшей системы управления⁸⁶.

Оппозиция не могла возникнуть вне партии, исчерпывавшей собой все политическое пространство. Одним из первых с критикой проводимого курса и призывом ускорить темпы преобразований выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Ельцин, продемонстрировав, что оппозиция реформам существует не только справа, со стороны консерваторов, но и слева, со стороны радикалов. Его выступление было использовано М. Горбачевым в политической борьбе. Сместив Б. Ельцина, он отвел удар от себя. Однако роковая ошибка генсека состояла в том, что, выведя Б. Ельцина из состава высшего руководства, он позволил ему продолжать заниматься политической деятельностью, создав предпосылки для формирования оппозиции за пределами партии. Избранный в 1989 г. Верховный Совет СССР постепенно стал превращаться в альтернативный центр силы. Введение поста президента, избираемого Верховным Советом, позволило М. Горбачеву сохранить огромные властные полномочия, формально не связанные с партией, неуклонно терявшей авторитет и влияние в обществе. Но прецедент создания высшего непартийного поста в государстве мог быть использован и для легального создания параллельных структур власти.

Стремительно ухудшавшееся экономическое положение обострило социальные проблемы, спровоцировав забастовки и конфликты на межнациональной почве. Потеряв надежду на эффективное руководство со стороны Центра, региональные элиты были вынуждены начать самостоятельный поиск выхода из кризиса. В регионах ими были созданы «народные фронты», построившие свои предвыборные программы на критике социально-экономической политики Центра, отождествлявшегося с КПСС. На состоявшихся в большинстве республик президентских выборах победу одержали оппоненты компартии. Укрепление власти в регионах и новая расстановка политических сил в Центре привели к нарастанию центробежных тенденций и усилению регионализма. В результате во всех союзных республиках появилось мощное оппозиционное движение не только с антиправительственными, антикоммунистическими, но и с националистическими лозунгами, ставшими новой точкой консолидации.

В повестку дня встал вопрос о подписании нового союзного договора и перераспределении властных полномочий в пользу регионов, вызвав негативную реакцию влиятельной части партийного и

⁸⁶ На сентябрьском пленуме 1988 года, когда из Политбюро вывели А. Громыко, А. Добрынина, М. Соломенцева, победили реформаторы, а на октябрьском 1964 г. Н. Хрущева сняли консерваторы.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

союзного руководства. Для предотвращения дезинтеграции страны и дальнейшего рассредоточения власти был создан Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению (ГКЧП), который с целью сорвать подписание нового союзного договора предпринял в августе 1991 г. безуспешную попытку отстранить М. Горбачева⁸⁷.

Монополия на власть превратила компартию в универсальный институт управления. Критерием ее жизнеспособности было умение решать хозяйственные и административные вопросы при опоре на строгую исполнительскую дисциплину. Возможно, на это рассчитывал ГКЧП, повторяя сценарий середины 60-х годов по смещению Н. Хрущева. Однако хаотичные реформы М. Горбачева приучили не только население, но и руководителей всех рангов к безответственности и, как следствие, к безнаказанности. Сценарий повторялся, однако декорации и исполнители были уже не те. За пределами ЦК появился еще один центр силы – оппозиция. Приняв решение о смещении М. Горбачева, ГКЧП не просто убрал ключевое звено управленческой машины, тем самым ослабив себя, – он подтвердил сомнения населения в легитимности действующей власти. На оказавшееся вакантным место вместо привычного для советской политической системы одного появилось два претендента. Один из которых, не обладая реальной властью, имел огромный по советским меркам опыт политической борьбы и в массовом сознании прочно отождествлялся с главным оппонентом М. Горбачева и его реформ. Другой – ГКЧП, обладая реальной властью, но не имея такого опыта, оказался неготовым к принятию энергичных мер, он ассоциировался с Горбачевым, КПСС, социально-экономическим курсом последних лет и не мог рассчитывать на поддержку народа. Летом 1991 г. неспособность принимать ответственные политические, а не административные решения предопределила фиаско КПСС как политической организации и победу противостоявшего ей символа.

В результате одновременного преобразования экономической системы и механизма управления реформы превратились в стихийный процесс выживания. Паралич власти сменился безвластием. Запрет КПСС ликвидировал политический стержень, скреплявший единую социально-политическую ткань. Распад государства

⁸⁷ Закон о чрезвычайном положении был предусмотрительно принят еще весной 1991 года, но чтобы им воспользоваться, все равно требовалось мужество. Нерешительность ГКЧП проявилась с самого начала – в формулировке «по состоянию здоровья». Возможно учитывая негативный опыт критики культа личности, ГКЧП решил не лишать реформы символа, но продолжить их в другом ключе. Мемуары членов ГКЧП, однако, не дают оснований говорить об этом как об осознанном выборе, подтверждая первую из версий. См., напр.: *Крючков В.А.* Личное дело. М., 1996. Т. 2. С. 5–214.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

стал неотвратим. Подписание Беловежских соглашений, призванных, как было заявлено, положить начало созданию нового союзного государства, передало инициативу реформирования местным элитам, уже не упускавшим власть из своих рук⁸⁸.

Разрушение управленческого механизма ликвидировало саму возможность организованного проведения реформы. Для формирования эффективной системы управления необходима была консолидация политических сил, но в условиях роста социальной напряженности даже она не могла бы гарантировать проведение решений на низовом уровне. Упразднение центрального аппарата управления способствовало усилению стихийно-рыночного характера реформ, к которым элита и общество были уже идейно-психологически подготовлены.

После безуспешных попыток выработать свой курс реформ западная модель утвердилась в качестве важнейшего ориентира развития, повлияв на направление дальнейших преобразований. Соревнование двух общественных систем во главе с СССР и США предопределило тот факт, что поражение социализма было воспринято как победа другой сверхдержавы, социально-политическая и экономическая модель которой стала образцом для государственного истеблишмента⁸⁹. Отставание России, а также органическое неприятие российским имперским сознанием постепенности обусловили политический радикализм новой власти⁹⁰. Как и «перест-

⁸⁸ Идея равноправия наций без соответствующего идейно-теоретического и пропагандистского обеспечения привела к усилению центробежных тенденций, не утверждению равенства, а разделению, пропаганде национальности и желанию ее закрепить государственно. Действительные причины распада СССР лежат не столько в национальных противоречиях и порожденных ими центробежных силах, сколько в том, что борьба за идейное и политическое единство, консолидировавшее общество в начальный период СССР, на последующих этапах привела к искусственному удалению из общественной жизни открытых социально-политических противоречий и, следовательно, механизма их решения.

⁸⁹ Характерно, что вовлеченная в политику «научная общественность» отдавала предпочтение европейской, социал-демократической модели, которую представлял Р. Хасбулатов.

⁹⁰ «Нет необходимости доказывать, что распад Советского Союза был в лучшем случае политической импровизацией. Осуществившие его силы внутри страны, в отличие от большевиков в преддверии 1917 и даже 1905 годов, не были готовы ни к самому распаду, ни тем более к его внутренним и международным последствиям. Не было ни задела под идеологию постсоветских обществ и государства, ни программ в области внутренней и внешней политики, ни оценок стратегической перспективы — ровным счетом ничего. Более того, инициаторы демонтажа СССР все это поначалу даже не считали необходимым». (Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 218).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

ройка» Горбачева, последовавшие гайдаровские реформы были проведены в традиционном революционно-разрушительном ключе, не только по форме, но и по содержанию напоминая реванш либеральной теории над социалистической практикой⁹¹.

Поскольку оппозиция не имела ни адаптированной к российским условиям концепции экономических и политических преобразований, ни сильной политической организации, главным критерием формирования новой государственной машины стали личные отношения и близость к главе государства⁹². Отсутствие идейного и организационного единства на фоне продолжавшегося ухудшения экономического положения стали главной причиной вооруженного размежевания новой власти в октябре 1993 года, в ходе которого умение действовать в условиях острой политической борьбы вновь принесло победу Б. Ельцину⁹³.

Успех ЛДПР (победа по партийным спискам) на выборах в Государственную Думу в декабре 1993 г. подтвердила, что лимит доверия Б. Ельцину исчерпан. Однако, приняв новую Конституцию, ограничивающую права законодательного собрания, он избежал ошибки М. Горбачева, устранив институционально оформленную угрозу со стороны оппозиции. Одновременно он воспроизвел прежний механизм власти, до деталей воссоздав структуру ЦК КПСС в виде администрации президента и единую исполнительную вертикаль, которая, однако, оказалась недееспособной⁹⁴.

⁹¹ Отсутствие концепции стало главной причиной провала реформ. Россия, выйдя из естественно-исторического русла, могла вернуться в него только через ту же дверь, т.е. заблаговременно подготовив алгоритм преобразований, чего сделано не было.

⁹² Назначенный Б. Ельциным премьером, но не утвержденный Верховным Советом Е. Гайдар получил огромную власть, при этом мера его ответственности ограничивалась личными отношениями с президентом.

⁹³ Для Ельцина демократия тоже была символом легитимности, а не ценностью, поэтому созданная им политическая система была абсолютно недемократичной. Когда это стало очевидно, со второй половины 90-х годов потребовалась новая национальная идея как новый символ легитимности.

⁹⁴ Не только структура, но и численный состав Администрации президента (примерно 1200 человек) соответствовали аппарату ЦК КПСС. Ликвидировав представительные органы власти в лице Советов, Б. Ельцин заменил их исполнительными — губернаторами, мэрами, префектами, представителями президента и т.д., повторяя логику 1917 года. А главными политическими субъектами вновь стали действующая власть и оппозиция. Технологически все эти действия близки воссозданию органов власти после хаоса «культурной революции», которая привела к укреплению единоличной власти главы государства и региональных лидеров на местах, не решив при этом ни одного социально-экономического конфликта.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Новая социально-экономическая организация общества (строй) создала свои механизмы регулирования. Появившегося вне государства собственника мог контролировать только негосударственный элемент, который, не располагая возможностями создавать привилегированные условия и льготные режимы, стал влиять на экономическую деятельность путем фактического перераспределения доходов. Таким образом была восстановлена, как принято было считать свойственная исключительно социализму, распределительная модель, но с пониженным статусом: социальную справедливость обеспечивало не государство, а криминальные структуры, сросшиеся с местной властью⁹⁵. Негосударственная собственность в негражданском обществе приняла форму криминальной, а распространение товарно-денежных отношений усилило коррупцию.

Постепенно для более справедливого перераспределения доходов и расширения социальной опоры была в ограниченных масштабах восстановлена система государственного управления – «вертикаль власти», позволившая государству вернуться в экономику, а затем и приступить к экономическим реформам, которые уже при В. Путине стали медленно выводить страну из кризиса.

Аналогичные процессы наблюдались и в политике. Отсутствие политической оппозиции вне государства привело к власти на постсоветском пространстве представителей прежнего политического руководства, воспользовавшегося плодами реформ. После 1991 г. в большинстве постсоветских республик либерально-модернизаторский импульс сменился консервативно-охранительной тенденцией, распространением института пожизненного президентства либо преемничества, реставрировавших прежний государственный механизм управления⁹⁶.

В целом через 20 лет после начала реформ, несмотря на крупные социально-экономические потрясения, система государственного управления восстановила свои принципиальные черты. По-прежнему решение политических вопросов замыкается на одного

⁹⁵ Коррупция является одним из механизмов управления и перераспределения в обществе, где власть и собственность не разделены. Поэтому А.Зиновьев называет ее нормой, хотя и не дает объяснения. См.: *Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. Нормативность коррупции пропадает, как только усиливается власть. С этим, в частности, связано введение в 2004 г. системы назначений губернаторов, тесно сросшихся с бизнесом, криминальными структурами и фактически утверждавших новый регионализм, но не политический и национальный, как на рубеже 1990-х годов, а экономический.

⁹⁶ Продление в результате референдумов срока президентства в среднеазиатских республиках (Туркмения, Казахстан, Киргизия) и оформленное процедурой выборов преемничество в России и Азербайджане.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

человека, воссоздан традиционный политический механизм, который постепенно распространяется на экономику, ограничивая всевластие олигархов и усиливая государственный контроль в бизнесе. Политический спектр власти представлен государственным и лево-патриотическими партиями и почти свободен от право-либеральных; произошел отказ от избрания глав исполнительной власти субъектов Федерации, все теснее срачивавшихся с бизнесом и криминальными структурами, усиливая центробежные тенденции; началось укрупнение регионов. Но, вероятно, самой существенной чертой складывающегося в России общественно-политического строя стало провозглашение после десятилетия либеральных свобод новой мобилизационной программы – двукратного увеличения ВВП к 2010 году.

Содержательно итоги реформ в России оказались похожи на китайские: в обеих странах функционирует многоукладная экономика, сохранилась вертикаль власти, обеспечивающая экономический рост и повышение уровня жизни населения. Но степень их эффективности несопоставима – по важнейшим социально-экономическим показателям Россия в 2005 г. еще не достигла уровня 1991 года, тогда как Китай его превзошел уже более чем в 3 раза⁹⁷.

* * *

До 1991 г. сравнительный анализ реформ в СССР и КНР базировался на принципиальной схожести объектов – едином социально-экономическом типе и общем характере протекавших в них процессов. На этом часто заканчивают сравнение: в бывшем СССР произошла смена социально-экономического строя и политического режима; в КНР они сохранились. Однако и после исчезновения формационной общности обе страны можно рассматривать в новом качестве – модернизирующихся цивилизаций, создающих поле для сравнения, тем более что уже реформированные и ныне действующие политические и экономические механизмы в них схожи.

Неожиданный для наблюдателей провал «перестройки» объясняется преимущественным вниманием к фундаментальным параметрам: экономике, уровню жизни, политической ситуации в стране, – которые не предвещали катастрофического развития событий. Однако базовые факторы только очерчивали поле, в пределах которого происходили изменения. Покинув его и вступив на

⁹⁷ Рост российского ВВП в третьем квартале 2003 г. составил 8,2%, став рекордным с первого квартала 1984 г., а рост ВВП во втором полугодии составил 6,1%, став самым значительным с января-июня 1984 г. (Коммерсант. 28 февраля 2004. (№ 36.) С. 6.) В конце 2005 года темпы снова снизились.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

«ничейную землю» реформ, шансы уравнивались (хотя и не сравнивались). Больше, чем от стартовых условий, исход зависел от профессионализма и политической воли вождей, обеспечивавших достижение цели в мобилизационном обществе.

Природа политической системы социализма требовала яркого харизматического лидера, способного к ответственным стратегическим инициативам, компенсирующим отсутствие целостной концепции развития. Из этого вытекал главный недостаток авторитарной системы – отсутствие эффективного контроля со стороны общества и со стороны идейно-теоретической доктрины, допускавшей широкие интерпретации⁹⁸. Однако марксизм не рассматривал влияние личности, особенно заметное на переломных этапах развития. В практической политике это выразилось в отсутствии особого механизма отбора на руководящие должности, поскольку даже обладатель высшего поста в государстве рассматривался как воплощение объективных закономерностей и конкретно-исторических условий.

В результате для руководителей крупных территориальных парторганизаций – М. Горбачева и Б. Ельцина – было почти неведомо понятие «политической ответственности», зато было близко понятие «политического риска». Сформировавшийся в мобилизационном обществе М. Горбачев не стал лидером мобилизационного типа, способным формулировать стратегические задачи и обеспечивать их выполнение. Он, как свидетельствует его политическая биография, не задумывался о легитимности власти как таковой, рассматривая ее неотъемлемым атрибутом КПСС. Поэтому своей главной задачей считал борьбу за лидерство в абсолютно легитимной властной структуре и верил, что власть не может уйти, а может только перейти⁹⁹. Этим просчетом воспользовался Б. Ельцин, в силу сложившихся обстоятельств раньше других осознавший необходимость публичной легитимации.

Для Дэн Сяопина, участвовавшего в революции, пережившего «большой скачок» и «культурную революцию», обеспечение легитимности власти всегда было приоритетной задачей. Обладая необ-

⁹⁸ «Я объясняю это [отсутствие иммунитета у государства] верой наших людей в своих вождей, тем, что идеология, пропаганда в нашем обществе изначально были таковы, что все мы приучены, приучены к тому, чтобы верить руководству, верить своим вождям, ибо от вождей, руководства всегда исходили импульсы государственного строительства (Интервью с бывшим членом ПБ ЦК КПСС и ГКЧП О. Шениным. День. 15–21 ноября 1992 г. № 46 (74).

⁹⁹ Возможно недооценивая угрозу власти, М. Горбачев согласился на избрание президентом только Верховным Советом, т.е. на получение элитной, а не всенародной легитимности.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

ходимым политическим опытом, он сумел стать структурой-аттрактором партийного руководства, осуществляя макроуправление политическим процессом, формулируя и организационно обеспечивая выполнение стратегических задач. Поэтому им была провозглашена задача не политической реформы, а реформы политической системы, содержание которой сводилось к совершенствованию механизма власти и партийно-государственного аппарата для проведения реформ сверху, а не его смене.

Показательна в этой связи разная оценка одних и тех же событий руководством обеих стран. К 1989 г. уже было очевидно, что цели, к которым стремятся оба государства, близки: выход на новый уровень экономического развития на основе повышения эффективности производства, многоукладности, при сохранении распределения по труду и ведущем месте общественной собственности, взаимовыгодном сотрудничестве, деидеологизации двусторонних отношений и т.д. Тем не менее в выступлениях на площади Тяньаньмэнь, совпавших с визитом М. Горбачева, китайское руководство увидело угрозу не только ходу реформ, но и власти коммунистической партии. Для М. Горбачева эти события стали еще одним аргументом в поддержку радикальных демократических реформ, убедив его в том, что движение к демократии – общее направление развития всех социалистических стран не только восточноевропейских и СССР, в которых этот процесс уже набрал необратимую силу, но и в КНР. Свертывание политической реформы в Китае на фоне убыстряющегося реформирования в СССР воспринималось советским руководством, по-прежнему считавшим, что реформы сами по себе гарантируют позитивный результат, как возврат в прошлое, к «застою».

Впервые, наряду с уровнем экономического развития, характер политической системы стал рассматриваться в качестве самостоятельного критерия зрелости строя. Возможно, исключительное место в общественно-политической жизни реформы политической системы связано с тем, что именно этот аспект наиболее важен в мобилизационном развитии России, вновь начинавшей цикл преобразований с переустройства не экономики, а политической системы. Однако при этом было упущено одно важное обстоятельство. Мобилизационная модель, сложившаяся после 1917 года, не могла существовать без авторитарной политической системы, вокруг которой она была построена. Революция, разрушившая империю, начиналась как политическое движение, в основе которого лежало буржуазно-демократическое требование перераспределения властных функций: от царя и Центра к представительным органам (Думе) и регионам. В 1917 г. широкая, но политически рыхлая оппозиционная коалиция сменила ослабленную войной монархию, но не смогла

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

удержать власть, чему в немалой степени способствовало то, что Временное правительство, воплотившее идеалы почти 100-летней политической борьбы, не смогло обеспечить нормальное функционирование находившегося в глубоком кризисе общества. Обстоятельства победили новую власть, так же как перед этим царя. Нужна была новая политическая сила, за счет радикализма способная собрать разрушенное социальное пространство.

Аналогичные процессы происходили на рубеже 1990-х годов. Неспособность «перестройки» централизованно преодолеть социально-экономический кризис привела к росту влияния регионов и региональных элит, вызвав ослабление центральной власти, вынужденной делиться полномочиями. Однако новая система управления, основу которой составляли Верховный Совет и система местных советов, не смогла стать альтернативой КПСС, положив начало новому циклу авторитаризма, набирающему силу и в начале XXI века. Все, что произошло в конце 1980-х – начале 1990-х годов в качестве тенденций наблюдалось в то же время и в Китае. Однако Китай в XX в. неоднократно переживал подобные процессы, что помогло его лидерам в 1989 г. сделать обоснованные выводы, выбрать верное решение, прервать развитие опасных для социально-политической стабильности тенденций и переключиться на реформу государственного управления.

4-3. Канонизация Дэн Сяопина и рыночной экономики. XIV и XV съезды КПК. Вызов традиции. (1992–1999)

Внутриполитический кризис 1989 г. и смена политических режимов в Восточной Европе нарушили систему координат, в которой после 1949 г. КПК выстраивала стратегию общественного развития. Не осталось ни внешних ориентиров и символов легитимности, ни отлаженного механизма общественной мобилизации, ни многих других элементов мобилизационного развития, которыми пользовалась компартия на протяжении всего периода пребывания у власти. У нее сохранились чрезвычайно важные, но и крайне ограниченные ресурсы: власть, легитимность которой серьезно пострадала в ходе недавних событий, и общепризнанные национальные цели, которым также необходимо было придать новую идеологическую окраску. Можно даже предположить, что при смене очередности внутриполитического кризиса и потрясениях в Восточной Европе сохранение правящего положения КПК было намного проблематичней. Однако в сложившихся обстоятельствах компартия сумела удержать власть и принять меры для ее упрочения. Во всем

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

остальном нужно было начинать с «чистого листа», вернувшись, в сущности, к исходной проблематике модернизации.

Одним из естественных выводов, напрашивавшихся из негативных последствий радикальных преобразований, была их консервация и общественно-политическая консолидация на прежней, дореформенной основе. В экономике на некоторое время были свернуты программы акционирования и маркетизации. В политике и идеологии также произошли изменения: возродились эгалитаристские лозунги и призывы, усилилась критика рыночных отношений при формальном сохранении у действовавшего социально-экономического механизма принципиальной возможности обратной эволюции. Однако для абсолютного большинства китайского общества уже было очевидно, что возвращение к исходной точке реформ не может принести успеха. На протяжении 1990–1991 годов в прессе продолжал активно обсуждаться вопрос о реформировании крупных и средних предприятий, размере государственного пая в акционерных кампаниях и т.д.¹⁰⁰. Перед руководством страны встала задача выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала начальную и конечную точки: власть КПК и стратегические цели Китая – экономическую мощь и авторитет на международной арене.

Пауза, вызванная политическим взрывом, была использована для инвентаризации имеющихся активов. При внимательном и скрупулезном анализе, предпринятом руководством КПК с позиций твердой политической воли, выяснилось, что подлежащие восстановлению утраченные ресурсы можно компенсировать новыми. В результате мирового кризиса социализма сложилась международная атмосфера, в которой декларативная гегемония либерализма упразднила очаг противостояния двух систем, создав благоприятные условия для экономического развития – стабильность и предсказуемость на глобальном уровне. Экономика, став главной ареной соревнования, автоматически отводила идеологии подчиненное место, снимая целый ряд внутривнутриполитических проблем и препятствий. Поражение социализма в СССР на практике доказывало обоснованность политического курса КПК. Чрезвычайно острая на всем протяжении реформ задача легитимации, сдерживавшая их динамизм, оказалась снятой в результате исчезновения внешних авторитетов (и в теории, и на практике)¹⁰¹. КПК не только доказала свое

¹⁰⁰ См., напр.: Цюши. 1991. № 20, 21, 24.

¹⁰¹ Характерно, что поражение социализма в СССР и странах Восточной Европы связывалось с недостаточной радикальностью их компартий в проведении экономической реформы до 1989 г. (Гоцзи гунчаньчжуи юньдун. Д.3. 1993. № 3. С. 20).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

идейно-политическое превосходство перед другими компартиями, но и получила в результате этого возможность действовать без оглядки на привычные стереотипы и идеологические принципы.

Неопределенность стратегического направления реформ не могла продолжаться долго. После того как острота противостояния исчезла и социально-политическое напряжение спало, вновь встал вопрос о перспективе развития. Для ее определения необходимо было преодолеть последнее препятствие – инерцию сознания, борьба с которой велась с самого начала реформ¹⁰². Однако на этот раз курс на реформы столкнулся с абсолютно новой проблемой. Это был уже не привычный вызов дихотомии «справа-слева», инструментами и богатым опытом для ответа на который КПК обладала. Это был вызов основанию современной китайской государственности – состоятельности марксистского социального проекта. Все усилия, затраченные на то, чтобы преодолеть его ортодоксальность, завершившиеся национальной реконструкцией, выглядели неубедительными и напрасными. КПК необходимо было сохранить верность символам своей легитимности, отказавшись от многого из того, что они диктовали по существу.

Целостность концепции НЭС требовала решительности и радикальности в признании допущенных ошибок. В этих условиях для Дэн Сяопина, всегда скептически настроенного к использованию западного опыта и теории, начался «золотой век»: в партии у него не осталось влиятельных оппонентов, принявших на себя вину за социально-политический взрыв 1989 года, а идеологические авторитеты оказались исключенными из числа непосредственных участников политического процесса. Авторитет «архитектора реформ» стал непререкаем. Ему нужно было только точно рассчитать место и выбрать время для новой инициативы, завершавшей период спада. Политический опыт позволил ему это сделать с легкостью и изяществом, тонко уловив момент, когда общественное мнение созрело для продолжения реформ. Решающую роль в этом сыграла изменившаяся ситуация в мире и исчезновение с распадом СССР социалистического ориентира, сохранявшего на предшествовавшем этапе важнейшую роль при определении курса КНР¹⁰³.

¹⁰² Главным препятствием углубления реформы и ускорения строительства является «идейная скованность». (ГМЖБ. 5.07.1992). Выдвижение III пленумом (1978) лозунга раскрепощения сознания и реалистического подхода называлось исходной точкой теории строительства социализма с китайской спецификой. (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 4).

¹⁰³ «Без потрясших людей драматических перемен в Восточной Европе и распада СССР такого глубокого обобщения мы, боюсь, не достигли бы». (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 1).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

В ходе предпринятой в январе-феврале 1992 г. поездки по южным провинциям Дэн Сяопин сделал несколько принципиальных заявлений о характере и перспективах развития, касавшихся двух важнейших аспектов: экономических преобразований и отношений политического курса с идеологической доктриной КПК. Несмотря на произошедшие в Китае и мире потрясения, он призвал продолжить курс на реформы и открытость, смело заимствовать все передовое, в том числе в опыте капиталистических стран, не бояться экспериментов, сделав вывод, что план и рынок не противоречат друг другу. Для предотвращения капиталистической эволюции он заявил о необходимости подчинить всю деятельность государства трем критериям: «развитию производительных сил социалистического общества, укреплению совокупной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни»¹⁰⁴. Отдельно Дэн Сяопин остановился на необходимости борьбы с разложением, призвав заимствовать опыт Сингапура, и целенаправленно готовить руководящие кадры¹⁰⁵.

В сумме эти высказывания предложили новую, целостную концепцию реформ. Во-первых, был реабилитирован на политическом уровне принцип реалистического подхода и опоры на практику, альтернативы которому у руководства КПК не нашлось. Во-вторых, официально было упразднено противопоставление плана и рынка. После дискуссии об азиатском способе производства рыночная экономика стала не только чертой неразвитого социализма, что требовало тяжелого и все равно небезупречного доказательства марксистского происхождения этого тезиса, а закономерностью общественного развития. В результате принципиальная несовместимость социализма и капитализма перестала быть непреодолимым теоретическим препятствием, открыв пространство для поиска собственной модели развития¹⁰⁶. В-третьих, социалистическая идентичность сохранялась и как символ национальной идентичности, противостоящий капиталистическому Западу, и как символ современности, противостоящий традиции. Одновременно подчеркива-

¹⁰⁴ Дэн Сяопин вэньсюань. (Избранные произведения Дэн Сяопина.) П., 1993. Т. 3. С. 375.

¹⁰⁵ Надо заимствовать из Сингапура общественный порядок и управление. (Дэн Сяопин вэньсюань. Т. 3. С. 378¹⁰⁵379).

¹⁰⁶ Противоположность капитализма и социализма «находится в рамках единства и не является абсолютной противоположностью». (ГМЖБ. 6.07.1992). В этой связи показательна критика китайскими экономистами Ф. Хайека (*Hayek F. The Fatal Concept — The Errors of Socialism. L., 1988.*), категорически противопоставившего плановую и рыночную экономику. См.: Кэсюэ шэхуйчжун. D.1. 1993. № 3. С. 93–98. На самом деле современная рыночная экономика — это плановая или регулируемая рыночная экономика. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. № 2. С. 45).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

лась необходимость заимствования опыта стран конфуцианского культурного ареала, включавшегося в фундамент новой идентичности¹⁰⁷. В-четвертых, сравнив развитие реформированных в экономическом отношении районов, Дэн Сяопин указал на успешно развивающиеся прибрежные провинции, заменившие внешние ориентиры в качестве образцов для подражания. Завершало новую программу выделение трех критериев развития, в которых два социалистических принципа – развитие производительных сил и повышение уровня жизни – дополнялись третьим – укреплением совокупной мощи государства, – который придавал качественно новое содержание двум первым. Характерные черты социализма, таким образом, подчинялись национально-государственному развитию, вымарывая социализм из сферы реальной политики.

Развитие экономики, перестав быть следствием марксистской теории, окончательно превратилось в императив развития, на практике доказавший свою состоятельность и эффективность относительно целей модернизации. Об этом свидетельствовала и новая характеристика социалистической рыночной экономики как «цельной концепции, позволяющей эффективно соединить преимущества общественной собственности с рациональным использованием ресурсов, свойственным рынку»¹⁰⁸. В этих условиях продолжилось, хотя и с меньшей интенсивностью, изучение социально-экономических моделей бывших социалистических стран, которые, как указывали китайские политологи, имеют ярко выраженный переходный характер¹⁰⁹. Критика демократического социализма была вытеснена «изучением и использованием достижений капитализма» в материальной, духовной и политической культуре, поскольку, как отмечалось, цивилизационные достижения капиталистических государств не являются капиталистическими¹¹⁰.

¹⁰⁷ В научной периодике появились публикации о сингапурском и японском опыте экономического развития. Отмечалось, в частности, что в мире существуют три классических модели рыночной экономики: англо-американская, германская и японская с ведущей ролью государства при достижении определенных экономических целей, пропагандирующая конфуцианский дух и единство общества. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. № 2. С. 75). Позже эти экономические модели были концептуализированы: американская – модель свободного рынка, японская – корпоративная, немецкая – социально-рыночная. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1998. № 1. С. 72).

¹⁰⁸ Из ответов Цзян Цзэминя на вопросы японских журналистов 9 августа 1993 года. Правда. 10.08.1993.

¹⁰⁹ Кэсюэ шэхуйчжун. 1993. № 3. С. 154. Неомарксизм вновь был признан течением марксизма, развивающим культурные традиции западного общества. (ГМЖБ. 2.11.1992).

¹¹⁰ ЖМЖБ. 23.02.1992.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

После поездки Дэн Сяопина КПК начала поиск конкретных мер по изменению курса¹¹¹. Летом 1992 г. совещание в Бэйдайхэ приняло решение о повышении темпов годового экономического роста с 5–6% до 9–10%, возвратив их к пику экономического либерализма 1987–1988 годов, а накануне XIV съезда в прессе появился лозунг: «не отстаивание измов, а социально-экономический прогресс»¹¹².

XIV съезд (октябрь 1992) должен был зафиксировать на высшем партийном уровне новые принципиальные положения, прежде всего отказ от идеологических ограничений. Доклад Цзян Цзэминя начинался с призыва не сковывать себя идеологическими и практически абстрактными спорами «о фамилии реформ: капиталистическая или социалистическая», а смело заимствовать зарубежный опыт¹¹³. В качестве партийных решений были утверждены высказанные Дэн Сяопином в ходе поездки положения и провозглашен курс на создание социалистической рыночной экономики, которая, нарушив целостность марксистского мировоззрения, продолжила формирование национальной идеологии в рамках строительства «социализма с китайской спецификой». Одним из основных рефренов съезда стало «ускорение»¹¹⁴. Мысль об ускорении развития использовалась КПК и ранее, однако на этот раз она стала структурообразующим элементом концепции, «вошла в теорию строительства социализма с китайской спецификой»¹¹⁵. Новое состояние было названо «второй великой революцией», коренной перестройкой экономической системы с использованием западного капитала, техники, технологии и частного сектора в качестве «полезного дополнения».

Несмотря на то что съезд не смог предложить убедительного ответа на соотношение рыночной экономики и социализма, он ясно продемонстрировал, что начался стратегический поворот реформ, в ходе которого будут заново пересмотрены все основные положения

¹¹¹ В марте ПБ ЦК КПК, руководствуясь высказываниями и предложениями Дэн Сяопина, приняло решение об ускорении реформ, открытости и модернизации. См.: Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 2.

¹¹² Вопрос о социально-политической идентичности исключался теми политическими силами, которые нашли ее в «измах» в начале XX века, чтобы таким образом вписаться в современный мир. В 1919 г. автором этого тезиса был Ху Ши.

¹¹³ ЖМЖБ. 21.20.1992.

¹¹⁴ См. 7 раздел Отчетного доклада ЦК XIV съезду, где прямо указывалось о необходимости ускорения. (ЖМЖБ. 21.20.1992).

¹¹⁵ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 2. Об ускорении развития сельского хозяйства говорилось в Решении 4-го пленума 11-го созыва (сентябрь 1979 года). (ЖМЖБ. 6.10.1979). А Дэн Сяопин призывал ускорить развитие общественных производительных сил для выявления преимуществ социализма. *Дэн Сяопин. Избранные произведения*. С. 356.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

идеологической доктрины. Отсутствие собственной альтернативной модели не позволило КПК дать критический анализ событиям в бывших соцстранах несмотря на то, что научные круги негативно их прокомментировали, а сами события послужили отправной точкой многих практических решений¹¹⁶. Наиболее важным их следствием во внешнеполитическом разделе стало изъятие принципа «пролетарского интернационализма» из Устава КПК¹¹⁷. Недостаток в документах съезда внимания к духовной культуре, политической системе и коммунистической идеологии, ставших основной ареной политической борьбы три года назад, свидетельствовал о возврате к экономическому детерминизму, но уже не марксистскому, а универсально-прагматичному, частично впитавшему в себя взгляды либеральной оппозиции.

Тем не менее для формулирования новой концепции развития недостаточно было тех элементов, которые внес Дэн Сяопин в традиционные представления о социализме. Необходимо было признать за его идеями качественную новизну, что развязывало руки для внесения более глубоких изменений в идейно-теоретическую доктрину, которая бы не только обосновывала направление дальнейшего развития, но и стала новым консолидирующим началом, способным обеспечить социально-политическую стабильность¹¹⁸. С привычной для пореформенного Китая осторожностью руководящей идеологией КПК на съезде были названы, но еще не зафиксиро-

¹¹⁶ Империализм настойчиво стремится к перерождению социалистических стран. Сейчас вопрос не в том, пало ли знамя СССР, а в том, пало ли знамя Китая. «Если китайский социализм не падет, то он навсегда останется в мире». Цит. по: Мао Цзэдун сысян яньцзю. А2. 1995. № 2. С. 45. После поражения социализма в Восточной Европе и СССР в мире стали считать, что социализм окончательно умрет. Однако после поездки Дэн Сяопина на юг ситуация изменилась. (ЖМЖБ. 12.12.1992; Гоцзи гунчаньчжуи юньдун. Д.3. 1993. № 1. С. 91). В этот период ЦК КПК проводились закрытые совещания ЦК КПК с оценкой событий в Восточной Европе и СССР, отголоски которых регулярно просачивались в печать. Например, закрытые Совещания ЦК КПК весной 1992 г., в апреле 1995 г. по идейно-политической работе, на котором с докладом выступил Ху Цзиньтао «Вопросы современного внутрипартийного кризиса и идеологические тенденции», в том числе о негативном влиянии распада СССР и краха мирового социализма. См.: ПДВ. 1996. № 3. С. 33.

¹¹⁷ «Пролетарский интернационализм не соответствует новой ситуации». Все коммунистические партии отказались от такой формулировки, а КПК сделала это только на XIV съезде. (Гоцзи гунчаньчжуи юньдун. Д.3. 1993. № 3. С. 26).

¹¹⁸ XIV съезд выдвинул стратегическую задачу идейного объединения партии на основе теории Дэн Сяопина. (ЖМЖБ. 2.11.1992). Это стало закономерным следствием дискредитации марксизма и признания недопустимости для Китая многопартийной системы и парламентской демократии.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

рованы в Уставе, «марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой». Революционные по характеру изменения обрели вождя и новую идейно-теоретическую основу, легитимность которой давал его авторитет. В результате Дэн Сяопин стал не просто политическим лидером, «архитектором реформ». Претендуя на более высокое место, адекватное масштабу поиска новой идентичности, он стал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую (заимствованную) идентичность Китая¹¹⁹.

В отличие от двух предыдущих, пытавшихся выработать стройную концепцию в рамках марксистско-ленинской традиции, XIV съезд только заявил о принципиальной возможности формирования новой идейно-теоретической концепции государственного строительства, продолжив традицию соединения современных реалий с идеями предшественников, и больше походил на политический манифест¹²⁰. Однако уже было ясно, что все основные положения концепции строительства социализма с китайской спецификой оказались, как и марксизм, применимы для решения других, отличных от первоначально продекларированных задач. Вероятно, именно на это и рассчитывал Дэн Сяопин, последовательно выстраивавший курс на национальную самобытность. Наконец его стратегическая цель стала очевидной для всех¹²¹.

¹¹⁹ Эти и некоторые другие положения, следовавшие из материалов XIV съезда, были официально закреплены в Уставе КПК только на XV съезде, выделившим в истории КПК 2 качественных скачка: идеи Мао Цзэдуна о новодемократической революции и теорию Дэн Сяопина о социализме с китайской спецификой. Одновременно в научной периодике появились публикации о преемственности идей Дэн Сяопина идеям Сунь Ятсена о сельском хозяйстве, транспорте, науке, образовании. (Шэхуйчжуи яньцзю 1998. № 1. С. 7—11).

¹²⁰ Идеи Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой — это «соединение основных положений марксизма с китайской действительностью на нынешнем историческом этапе строительства социализма». (Синьхуа вэньчжай. 1992. № 7. С. 3).

¹²¹ В научной периодике указывалось, что теория социализма с китайской спецификой формировалась с 1956 года, и на XIV съезде КПК начался ее новый, 4-й этап. (Кэсюэ шэхуйчжуи. D.1. 1993. № 6. С. 117). И с самого начала она связывалась с именем Дэн Сяопина. Цитировалось, в частности, выступление Мао Цзэдуна перед секретарями парткомов провинций, городов центрального подчинения и автономных районов 27 января 1957 года, где он заявил: «В целом, надо вести дела диалектически, как говорил об этом Дэн Сяопин. Я думаю, вся партия должна учиться диалектике, пропагандировать диалектический метод ведения дел». (Мао Цзэдун сюаньцзи. (Избранные произведения Мао Цзэдуна). Пекин, Т. 5. С. 361—362).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

«Социалистическая рыночная экономика» стала, несомненно, поворотным моментом для выработки новой теоретической платформы КПК. Долгое время социализм понимался как определенный набор черт – общественная собственность, отсутствие эксплуатации человека человеком (распределение по труду), плановая экономика и политическая власть трудящихся. Реформы существенным образом скорректировали эти представления. Если раньше теоретические выводы марксизма рассматривались как не подвергающаяся сомнению цель, и задача состояла лишь в поиске средств ее осуществления, то теперь серьезной корректировке подверглись сами «социалистические принципы». Утвердилось представление об общественной собственности лишь как о ведущей, при допущении и поощрении других укладов, служащих общественному сектору; о распределении лишь в основном как о распределении по труду; наконец, о планировании в масштабах всего общества лишь как об одном из инструментов экономического развития наряду с рыночным регулированием. Обществоведение даже сделало вывод, что «традиционная плановая экономика является не сущностной чертой социализма, а особым продуктом первоначального накопления социализма» для сокращения отставания от капиталистических стран¹²².

Исчезновение принципиальных экономических различий между социализмом и капитализмом дало основание провести различие между ними в соответствии с выдвинутыми Дэн Сяопином зимой 1992 г. тремя критериями (в китайской терминологии «три полезно») – «то, что им соответствует – то и является социализмом»¹²³. В совокупности эти представления противоречили марксизму, видевшему свою главную цель в уничтожении классов и эксплуатации. Классовый характер открыто стал называться «пережитком метафизического мышления»¹²⁴. Расширительно интерпретируя сущность социализма как «освобождение производительных сил, развитие производительных сил, уничтожение эксплуатации, устранение поляризации, в конечном счете достижение совместного обогащения»,

¹²² Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. № 2. С. 43.

¹²³ Кэсюэ шэхуйчжуи. D.1. 1993. № 1. С. 61. Капиталистический или социалистический характер зависит от того, полезно ли это развитию социалистических производительных сил, росту совокупной мощи, повышению уровня жизни народа. (Чжэн-няо. 1992. № 5. С. 10). «Необходимо понятие “капитализм” включить в социалистическую экономику». (Кэсюэ шэхуйчжуи. D.1. 1993. № 1. С. 111). Высказывалась и другая точка зрения, согласно которой три критерия позволяют прекратить абстрактные споры, а вовсе не являются критериями социализма или капитализма. Если капиталистическое соответствует этим критериям, то это «необходимое дополнение социализма.» Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 3).

¹²⁴ См.: ЖМЖБ. 8.06.1992.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

КПК девальвировала классические социалистические лозунги и цели¹²⁵. В этой атмосфере стали высказываться самые радикальные взгляды. «Если логическим началом развития будет «равенство», результатом может быть только всеобщая бедность»¹²⁶. Из этого следовало, что при товарном производстве при социализме может существовать безработица, а «погоня за деньгами» неизбежна¹²⁷.

Ревизионистский по существу характер изменений признавался и в самом Китае, единственным, но убедительным оправданием ему была лишь практическая результативность¹²⁸. Представления, что «догматизм лучше ревизионизма», ушли в прошлое¹²⁹. Социализм все больше воспринимался как тип развития, обеспечивающий необходимые темпы роста и место КНР в мире, а не европейский принцип социальной справедливости, не вписывавшийся в традиционные китайские ценности – патриархальную систему, приоритет общества и государства над личностью¹³⁰. В этом контексте история социалистического строительства в мире стала характеризоваться как история борьбы пролетариата и трудящихся Востока с западным империализмом¹³¹.

После исчезновения мировой социалистической системы, служившей ясной альтернативой империализму, необходимо было восстановить утраченную на глобальном уровне идентичность в национальной программе развития, учитывавшей тенденции современного мира, прежде всего «международную конкуренцию государств»¹³². Четко сформулированная цель, являясь обязательным

¹²⁵ См.: 3-й раздел доклада XIV съезду и комментарии к нему в Кэсюэ шэхуйчжун. D.1. 1993. № 4. С. 91.

¹²⁶ Чжэнняо. 1992. № 5. С. 7.

¹²⁷ Чжэнняо. 1992. № 5. С. 8. Технологизация модернизационных реформ вела к отказу от социальной справедливости в марксистском, близком к традиционному, варианте.

¹²⁸ С точки зрения традиционного марксизма изменения в Китае за десять лет есть ревизионизм, а с точки зрения критерия практики – подлинный марксизм. (Синьхуа вэньчжай. 1989. № 5. С. 3).

¹²⁹ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1993. № 3. С. 4.

¹³⁰ Разделив социализм на нравственный идеал и средства его достижения, в Китае создали предпосылки для выделения в качестве самостоятельной категории типа развития, который подходил и для достижения собственных, китайских ценностей.

¹³¹ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 3.

¹³² Цюши. 1992. № 22. С. 6. В КНР эта формулировка стала звучать раньше, в конце 1980-х годов, когда марксистские идеалы стали вытесняться из сферы реальной политики. С конца 1970-х – начала 1980-х годов в большинстве стран мира начались реформы, нацеленные на «укрепление совокупной мощи государства». (ГМЖБ. 7.08.1988).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

элементом мобилизационного развития, была найдена. Ею стало превращение Китая в середине ХХI в. в развитую державу, оставив все остальные цели лишь демонстрацией продвижения¹³³. Сущность социализма, таким образом, стала определяться его целями¹³⁴, среди которых вновь открыто декларировался приоритет государства.

Появление новых ориентиров не означало завершение в КНР посылы переходного развития, наоборот, оно служило его официальным признанием. Именно поэтому на XIV съезде особое внимание было уделено кадровым вопросам, в значительной степени определяющим ход общественного развития в неоавторитарной политической системе. На съезде на 47% был обновлен состав ЦК и на 72% – Политбюро, в которых стало значительно больше технократов и ученых, психологически готовых идти дальше своих предшественников.

Появление общепризнанного вождя делало излишним коллективное руководство и дополнительный контроль со стороны ветеранов партии (ареопага). Для энергичного продвижения вперед Комиссия советников могла представлять серьезную опасность, став независимым центром консервативных сил, нечувствительных к харизматическому авторитету Дэн Сяопина. Выполнив свою политическую миссию на начальном этапе реформ, она была упразднена. Но контроль верховной власти за ситуацией в стране и партии не ослаб. Наряду с КПК гарантом социалистического пути была названа НОАК, подтвердившая свою социально-политическую эффективность в ходе событий 1989 года¹³⁵. В результате принятых съездом

¹³³ Эта цель ставилась и раньше, но никогда не приобретала такого значения, оставаясь в тени марксистских символов и целей. 1-я сессия ВСНП (февраль–март 1978) поставила задачу превратить Китай к концу столетия в мощную державу, занимающую ведущее положение в мире, достигнуть или превзойти «самые развитые капиталистические страны». 1-я сессия ВСНП 5-го созыва. Документы. Пекин. 1978 г. С. 42, 47. Деяния «четверки» помогли нам осознать, что «без осуществления модернизации, без повышения научно-технического уровня, без развития общественных производительных сил и наращивания реальной мощи страны, без улучшения материальной и культурной жизни народа нельзя в достаточной мере упрочить наш социалистический и экономический строй». (Дэн Сяопин. Избранные произведения. С. 112).

¹³⁴ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 2.

¹³⁵ Избрание в состав ПК ПБ ЦК КПК первого профессионального военного со времени Линь Бяо заместителя председателя Военного Совета ЦК КПК Лю Хуацина показало готовность КПК использовать этот инструмент и впредь. Таким образом, круг основных социально-политических субъектов модернизации замкнулся. Молодежный протест могла погасить только армия, а армейскую дисциплину преобразовать в созидательный импульс — партия, как в китайской игре «ножницы, камень, бумага».

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

решений высшее руководство было консолидировано, превратившись в отлаженный механизм государственного управления.

Смерть Дэн Сяопина оказала существенное влияние на характер XV съезда КПК (сентябрь 1997). Уход живого символа успешных реформ предполагал отсутствие радикальных изменений и акцент на преемственности. Съезд более четко сформулировал выводы, следовавшие из решений XIV съезда, и продолжил принципиальный курс на создание рыночной экономики. Наиболее заметной теоретической новацией стало положение, в соответствии с которым общественная собственность включает в себя не только коллективный и государственный секторы, но и государственный и коллективный компоненты в экономике смешанных форм собственности. Одновременно сохранение доминирующей роли государственного сектора означало, что только за государством признавалась полноценная субъектность не только в политической, но и в экономической сфере. Параллельно продолжился отход от базовых социалистических принципов. Сочетание распределения по труду и по факторам производства предполагало приоритет эффективности перед принципами социальной справедливости, что также было зафиксировано в документах съезда¹³⁶.

В области социально-политических отношений Цзян Цзэминь увязал развитие демократии с совершенствованием правопорядка и управлением в соответствии с законом, призвав партию к формированию правильного стиля и борьбе с коррупцией. Положение «теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой» как руководящей идейной основы наравне с марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна вошло в Устав КПК¹³⁷. Возвращение Сянган в состав КНР накануне съезда усилило внимание к национально-государственному аспекту модернизации. Одной из важнейших задач было провозглашено сплочение нации и возрождение Китая, ставших новой парадигмой укрепления совокупной мощи государства¹³⁸.

¹³⁶ ЖМЖБ. 22.09.1997.

¹³⁷ В публикациях после съезда она называлась «новой формой марксизма» и «относительно самостоятельной теоретической системой». Кэсюэ шэухуйжуи. D.1. 1993. № 3. С. 9. «Самостоятельной китайской теорией социалистического строительства». (Синьхуа вэньчжай. 1999. № 2. С. 7).

¹³⁸ На этом основании можно было бы расширить социальную базу КПК. Однако пойти на этот радикальный шаг КПК не отважилась. Несмотря на то что после XIV съезда предпринимателей принимали в КПК, в 1996 г. Орготдел ЦК запретил эту практику, а обсуждение этого вопроса накануне съезда не привело к соответствующим партийным решениям. См.: ПДВ. 1996. № 3. С. 25.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

В целом прошедшие с 1989 г. годы свидетельствовали о нарастающей деидеологизации и функциональности политической доктрины КПК, которая в этом качестве, казалось, не имела конкурентов со стороны идеологических противников и надежно удерживала общество от социально-политической нестабильности. Однако по мере исчезновения из общественно-политической жизни классовой идеологии и других марксистских символов обнажалось нарастающее сходство КНР и традиционного Китая в отношении этатистских принципов управления, понимании национальных интересов, отношении к человеку и т.д. На эту черту обратили внимание еще китайские либералы, считавшие, что в КНР произошла феодализация современности, а главной проблемой Китая остается влияние «феодального абсолютизма»¹³⁹. «Новое не сумело преодолеть старое», а китаизация марксизма легализует конфуцианство¹⁴⁰.

Действительно, критический анализ марксизма в середине 80-х годов привел не только к усилению влияния буржуазной идеологии, но и к возрождению китайской культуры. Позитивный интерес к ней усилился вследствие кризиса мирового социализма и борьбы с буржуазной либерализацией, подвергавшей критике традиционную культуру как первооснову коммунистических взглядов¹⁴¹. В научной, общественно-политической и публицистической литературе стали раздаваться призывы не импульсивно и субъективно, а трезво и объективно давать ей оценку, не отбрасывать традиционную культуру, а на ее основе впитывать лучшее из внешнего мира¹⁴².

¹³⁹ ЖМЖБ. 25.04.1989. Су Шаочжи в тот момента просто повторял свои взгляды, высказанные в ходе дискуссии о марксизме, но уже в интересах политической борьбы. См. разд. 3.3.

¹⁴⁰ Соединение Маркса с Цинь Шихуаном приведет к «поеданию» демократии абсолютизмом. «Необходимо преобразовать феодально-абсолютистские политико-культурные традиции». Цит. по: Цюши. 1990. № 7. С. 25; 1989. № 24. С. 27; 1991. № 23. С. 24–29. Эти идеи почти дословно повторяли выводы революционеров-демократов в России. См. разд. 1.3. Вывод о легализации конфуцианства китаизированным марксизмом был сделан на основе их общего внимания к идейно-нравственному воспитанию, коллективизму, закрытости. Мао Цзэдун действительно призывал связать применение марксизма к условиям Китая с обобщением китайской истории от Конфуция до Сунь Ятсена. Мао Цзэдун сюаньцзи. (Избранные произведения Мао Цзэдуна.) П., 1952. Т. 2. С. 496.

¹⁴¹ Мировой социализм вступил в полосу упадка. Кэсюэ шэхуйчжуи. 1993. № 3. С. 65. (На рубеже 90-х говорили только кризисе марксизма. См. гл. 4-1.) Поражение социализма как мировой системы требовало новой самоидентификации, усиливая интерес к национальным истокам и традиции.

¹⁴² Шэхуй кэсюэ. 1990. № 10. С. 40, 42. Отчетливо прослеживается полемика с телесериалом «Хэ шан». Подробнее см.: Галенович Ю. Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989. ИБ ИДВ 1995. № 8; Делюсин Л.П. Телефильм «Хэшан» и дискуссия

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

Поощряемый КПК ренессанс китайской традиции не ограничился, как и следовало предполагать, критикой либерализма. Она попыталась отвоевать часть позиций, занимаемых официальной идеологией. Этот процесс был уже объективно подготовлен предыдущим развитием, породив кризис веры в социализм. Социологические опросы в провинциях Шэнси, Хэнани, Цзянсу и Гуандуне показали, что только 28% верят в социализм, 36% не верят, а 22% раньше верили¹⁴³. Высказывавшиеся и ранее соображения о том, что историческая теория Маркса «не есть конечная истина» и открыта для всего, в том числе немарксистского знания¹⁴⁴, приобрели новый смысл. Для многих стало очевидно, что в Китае необходимо исследовать не только классическую немецкую философию, но и блестящие традиции древней китайской философии¹⁴⁵. Рост национального самосознания, вписываясь в проводимый КПК курс, не встречал серьезного противодействия. Компартия, вероятно, считала, что указанные настроения способствуют формированию новой идейной доктрины и соответствующей ей атмосферы в обществе, и за ними скрывается социалистический патриотизм, а не национальная традиция. Развернувшаяся в СМИ пропагандистская кампания была тем более актуальна, что явления разложения в партии, вызванные исчезновением классовой борьбы как главной арены политической деятельности, маркетизацией общественных отношений и маргинализацией социалистических идеалов справедливости требовали повышенного внимания КПК к идейно-воспитательной работе¹⁴⁶.

6-й пленум ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1996) впервые за 10 лет обратился к вопросам духовной культуры, признав, что потеря нравственных норм, культ денег, индивидуализм и феодальные предрассудки ослабили у части людей понимание государственных интересов и породили сомнения в социалистической перспективе развития¹⁴⁷. Ее оппонентами назывались не только

о роли традиций в модернизации Китая // Китай: от закрытого общества к открытому миру. М., 1995. С. 98—131; См. также: *Сунь Цян, Чжан Цянцян, Цяо Бянь, Тан Чжэньюй, Гу Циншэн*. Чжунго нэн шо бу. (Китай может сказать «нет») и Чжунго хайши нэн шо бу (Китай все же может сказать «нет».) Тайбэй. 1996; и комментарии к ним: *Галенович Ю.* К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. М., 1999. С. 4—58.

¹⁴³ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 125.

¹⁴⁴ Фудань сюэбао. 1992. № 2. С. 32.

¹⁴⁵ Чжунго шэхуйкэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1991. № 2. С. 2.

¹⁴⁶ С целью преодолеть их негативные последствия в 1995 г. началась кампания «трех акцентов» (сань цзян) — на учебе, политике, стиле.

¹⁴⁷ ЖМЖБ. 11.10.1996.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

«капиталистическая гниль», но и разлагающее влияние феодального общества. От опасностей, подстерегающих Китай на пути модернизации и вхождения в международное сообщество, как неоднократно подчеркивалось в постановлении пленума, сможет защитить «национальная традиция» (а не приверженность коммунистической идеологии). Все это определило возрастающую роль патриотизма, органическое единство которого с практикой строительства социализма с китайской спецификой называлось мощной мобилизующей силой национального возрождения¹⁴⁸. Допустив крен в сторону национально-государственной идеологии, пленум не смог предложить обществу новую влиятельную идею, постаравшись компенсировать ее отсутствие усилением роли законодательного регулирования общественной жизни, закрепляющей правящее положение компартии за счет соблюдения законов, а не за счет утверждения ее идейно-нравственного лидерства, являвшегося главным инструментом мобилизационной политики КПК после 1949 года. Этот шаг к дальнейшей технологизации социально-политических процессов прикрывался утверждением, что «социалистическая законность воплощает волю народа». Основной формой государственного управления было провозглашено использование законов: «опираясь на законы, усиливать управление всеми сторонами общественной жизни», и даже при формировании социалистической нравственности следовало «опираться на закон».

Общий тон постановления свидетельствовал о том, что главной задачей КПК является консолидация правящего класса перед вызовом социально-экономической среды и неизбежной скорой сменой неформального лидера, авторитет которого оставался наиболее надежной гарантией стабильности. В этих условиях отказ от принципа «правление человека» (жэнь чжи) в пользу «правления закона» (фа чжи) выглядел логичным и обоснованным, органически вписывавшимся в сугубо экономическую концепцию развития, в которой не было места революционным традициям общественно-политических кампаний¹⁴⁹.

Положение об управлении государством на основе закона, который гарантировал руководящую роль КПК, было подчеркнуто и в докладе XV съезду. Но жизнь не приняла простого решения. По-

¹⁴⁸ На этом основании был сделан вывод, что Мао Цзэдун считал, что только социализм способен спасти Китай, а Дэн Сяопин — что только патриотизм. «Мао Цзэдун призывал служить рабочему классу, а Дэн Сяопин — народу». (Синьхуа зэньчжай. 1999. № 2. С. 8).

¹⁴⁹ Пленум создал Комиссию ЦК КПК по руководству строительством социалистической духовной культуры.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

сле исчезновения официального квазирелигиозного символа появились новые, неофициальные, но необходимые обществу, переживающему переходный период¹⁵⁰.

Опасения власти относительно последствий идеологического нигилизма не были беспочвенными. Как и в начале века, на фоне неизбежных перемен общество разделилось. Интеллигенция и студенчество, предложив либеральную альтернативу действовавшему политическому режиму и полагаясь на совершенство западных теоретических схем, потерпели поражение. Поборов либерализм, КПК объективно и часто намеренно содействовала возрождению традиционных ценностей и форм воспроизводства общественной жизни, которые занимали высвобождающееся социально-политическое пространство¹⁵¹. В результате этих процессов в 1992 г. было официально зарегистрировано Общество изучения Великих законов колеса дхармы (Фалуньгун). В основе его деятельности наряду с общими представлениями о духовном и физическом здоровье и нравственной чистоте лежало также вполне конкретное и политически актуальное осуждение коррупции, падения морали и т.д.¹⁵². Основатель общества Ли Хунчжи утверждал, что «современное научное знание, которым КПК традиционно обосновывала свои претензии на легитимную власть, по определению ограничено и узко», и обещал восстановить связь идеологии и нравственности¹⁵³. Это была жизненная философия, противостоящая усиливавшемуся в ходе рыночных реформ упадку морали и получившая деятельную поддержку и симпатии значительной части общества, превышавшей по некоторым оценкам численность КПК.

Распространение Фалуньгун, как и идеологии тайпинов, представляло вызов реформам и государству, но не традиционному го-

¹⁵⁰ Помимо Фалуньгуна примерно в это же время (1993) в Хунани возникло «учение о главном святом». См.: ГМЖБ. 13.07.1999.

¹⁵¹ Поскольку социалистические идеи привились на традиционной почве, постольку впоследствии традиция получила явные преимущества для противодействия социалистическим идеям, работая с ними на одном поле и используя одинаковые приемы.

¹⁵² Для этого были все основания. В 1994 г. в Китае 20% самых бедных семей обладали 4,27% богатства, а 20% самых богатых семей — 50,24%. (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 1. С. 25). Показательно также, что падение морали оценивалось по сравнению с периодом «культурной революции». Призывы объединить долг и выгоду (см., напр.: Синьхуа вэньчжай. 1987. № 6. С. 176.) и не могли быть расценены иначе поколением «культурной революции».

¹⁵³ Thornton P. Framing Dissent in Contemporary China: Irony, Ambiguity and Metonymy // China Quarterly. 2002. № 171. P. 675–677. Среди образцов высокой нравственности им выделялась «культурная революция», в период которой начали создаваться группы для занятия цигун, и начал практики сам Ли Хунчжи.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

сударству со стороны синкретизма с участием Запада, а современному – с участием традиции. Зеркальное отличие их учений соответствовало отличиям между цинским и коммунистическим Китаем, неизменной была только их социально-политическая роль. Не являясь частью государственной системы, они, как и тайные общества, позволяли аккумулировать социальный протест. Представляя угрозу власти, они заставляли ее реагировать на новые вызовы и совершенствоваться, выполняя функции, аналогичные политической оппозиции в западной демократической системе, хотя и не имели реальных инструментов борьбы за власть.

Проведенная Фалуньгун акция протеста у ворот Чжуннаньхуа в апреле 1999 г. продемонстрировала растущую нравственную оппозицию идеологически одряхлевшему режиму¹⁵⁴. Стихийность выступления соответствовала китайской традиции «смены мандата», в отличие от современной европейской рациональности, требовавшей акцентированного партийного лидерства¹⁵⁵. Но, представляя реакцию не западно-ориентированной интеллигенции, а традиционного этнокультурного ядра, она, несмотря на размах, не обладала организационным потенциалом, была несистемной и поэтому формально менее опасной для действующего политического режима, чем либеральная оппозиция 80-х. Тем не менее у КПК были основания опасаться Фалуньгуна, поскольку в его деятельности просматривалась прямая аналогия с возникновением Тайпинского движения во главе с Хун Сюцюанем и с опытом самой компартии, эффективно использовавшей лозунги борьбы с коррупцией в 1946–1947 годах для победы над Гоминьданом. Для Китая, история которого была непрерывной, живой и выступала в качестве действующего фактора политики, возвращение в одно из предшествовавших состояний было вполне реальной перспективой. Поэтому даже намек на исторические аналогии, связанные с оппозицией, расценивался властью как прямая угроза. Несмотря на то что масштаб угрозы был неизвестен, отношение к ней было однозначным и заставило власть прибегнуть к решительным мерам.

Решения о запрете организации в июле 1999 г. и законодательное закрепление его в октябре показали «законную» силу КПК. Реанимация традиции потерпела поражение, как и аналогичные попытки в начале XX века. Тем не менее она продемонстрировала серьезную угрозу в более отдаленной перспективе. Придав соци-

¹⁵⁴ Хронику событий см.: *Галенович Ю.* Новые тенденции в духовной жизни КНР на рубеже тысячелетий. М., 2000. ИДВ РАН.

¹⁵⁵ Традиционное представление о «мандате Неба» для «сына Неба» со времени Мэнцзы включало право подчиненных на «смену мандата» (гэмин).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

альному протесту традиционную форму, она затронула фундаментальные основы государства, дав власти веский повод назвать критику, исходящую от Фалуньгуна, «политической борьбой»¹⁵⁶.

* * *

Успешные экономические реформы, особенно ценимые властью после либерального взрыва 1989 года, вызвали эйфорию в руководстве страны, дав основание, хотя и с оговорками, считать, что успешный путь модернизации наконец найден. Движение вперед преодолело идеологические препятствия в партии, избежав опасного крена вправо. Однако на исходе XX в. выяснилось, что технико-технологические изменения не ведут к автоматическому разрушению традиционной культуры, заставляя изменяться не по готовому шаблону, а часто вопреки ему. Деятельность секты Фалуньгун обострила конфликт традиции и современности, отразив нараставший социокультурный раскол. Оказалось, что традиция, которую КПК поспешила списать со счетов, до сих пор жива и по-прежнему представляет реальную угрозу современности. Ее влияние не может быть преодолено только с помощью патриотизма – необходим высокий нравственный авторитет власти, исторически лежавший в основе ее успехов в борьбе с политическими оппонентами, прежде всего с ГМД. Только через союз с современными общественно-политическими силами и патриотизм в рядах КПК может появиться возможность нейтрализовать действие традиции или, канализировав его в позитивную энергию экономического развития (клановые корпорации, конфуцианская трудовая этика и т.д.), положить начало их синтезу¹⁵⁷.

Был и еще один вывод. КПК в очередной раз доказала, что не отдаст власть, а китайская история – что существенных различий между противоборствующими идейно-теоретическими и социально-экономическими моделями немного. Точнее, что у социально-экономического процесса в Китае нет реальной альтернативы. Рыночная экономика и борьба с коррупцией в качестве важнейших пунктов программы Чжао Цзяна прочно утвердились в качестве политического курса КПК. Однако обращение бывшего генераль-

¹⁵⁶ ЖМЖБ. 23.07.1999.

¹⁵⁷ С этим был связан усилившийся с середины 90-х годов интерес китайской экономической мысли к роли традиционных институтов и морали, органически включавших ограничение. Экономическая этика является фундаментом и предпосылкой этики в целом. История китайской модернизации началась после «опиумных» войн. (Шэхуйчжун яньцзю. 1998. № 1. С. 39). См. также: *Борох О.* Моральна ли экономическая наука: китайские дискуссии конца 90-х годов // V Всероссийская конференция «Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Тез. докл. ИДВ РАН. Информационные материалы. Вып. 4, М., 1999. С. 113–121.

ного секретаря к XV съезду с просьбой пересмотреть на этом основании оценку событий 1989 г. не было удовлетворено. Политический радикализм в отношении власти и угроза ее дестабилизации, проявившиеся в действиях Чжао Цзяяна, были неприемлемы для КПК, твердо настроившейся на эволюционный характер развития.

4-4. Механизм воспроизводства власти и культуры. XVI съезд КПК. (1999–2002)

С самого начала экономических реформ КПК стремилась оптимизировать систему государственного управления. В результате предпринимаемых мер постоянно снижалась политизация и повышалась функциональность органов власти всех уровней. В начале 80-х годов приоритет окончательно был отдан профессионализму, потеснившему политическую благонадежность, а в 1987 г. при замещении вакантных должностей были введены конкурсные экзамены, «имеющие преимущества перед системой выборов и назначений»¹⁵⁸. Курс на кадровую реформу был продолжен на XIV съезде, призывавшем ввести в систему госслужащих механизм конкуренции, назначать по профессиональным качествам, а не по стажу. Эти предложения органично вписывались в русло начавшейся в середине 80-х годов идеологической реформы, в ходе которой даже высказывалось мнение, что члены КПК могут быть немарксистами, требование быть стойким марксистом «относится прежде всего к членам ЦК»¹⁵⁹, а хорошим коммунистом сейчас является тот, кто «способен вести массы к обогащению»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Сяньдай ганьбу гуаньли. (Современная система управления ганьбу.) Цзинань. 1987. С. 63. Чжэсюэ яньцзю. 1987. № 6. С. 8. В китайской традиции экзаменационная система препятствовала новациям, поэтому ее введение можно было рассматривать и как сигнал сложившейся общественно-политической системы, свидетельствующий о завершении периода революционных преобразований и начале стабильного воспроизводства власти.

¹⁵⁹ Макэсычжуи яньцзю. 1989. № 5. С. 3. Укрепление партийного единства было возложено не столько на идейно-воспитательную работу, сколько на организационные мероприятия. В 1989 г. ЦК ввело ежегодную оценку всех членов КПК с целью очистить партию от сомневающихся из более чем 12 млн. вступивших в нее после 1978 года. (China News Analysis. 1989. № 1383. Р. 1–10).

¹⁶⁰ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1993. № 3. С. 124. «От ганьбу на предприятиях и в организациях прежде всего надо требовать, чтобы они были товаропроизводителями и управляющими, могли сознательно в соответствии с законами рыночной экономики работать, приносить сравнительно высокую экономическую пользу». (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1993. № 3. С. 125).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

Однако, несмотря на подтвержденное практикой соответствие требованиям рыночной эффективности, модель государственного управления, которая стала складываться после XIV съезда, обнаружила серьезные изъяны. Успешно эксплуатируя на протяжении 40 лет принципы традиционной культуры для укрепления идеократического характера государства, КПК обрекла себя на дальнейшее использование соответствующих механизмов модернизации, препятствующих ее преобразованию в формальный, идеологически нейтральный институт государственного управления. Для продолжения реформ она должна была сохранять свое особое социальное измерение, соответствующее отличиям государства в Китае от государства на Западе, противостоящего обществу в качестве отчужденного механизма управления¹⁶¹.

Успешно преодолев внутриполитический и международный, идеологический кризис, КПК укрепила свои политические позиции. Проблема, однако, заключалась в том, что обретенный ею уровень лидерства оказался неадекватен обществу, для которого радикальные изменения в общественной жизни и политические потрясения предшествующего десятилетия не прошли бесследно. Деидеологизация КПК на фоне постоянного усиления либеральных тенденций обрела новое и неожиданное продолжение. Противоречие двух общественно-экономических систем, не получив удовлетворительного разрешения, вытолкнуло общество в другое, более комфортное измерение – оно перешло в оппозицию переменам, попытавшись найти опору в фундаментальных пластах культуры. Деятельность секты Фалуньгун наиболее полно отразила ожидания населения, готового принять формы стабильного воспроизводства, предлагаемые традиционной социальной организацией. Это стало серьезным уроком для КПК, впервые за последние десятилетия увидевшей в традиции не просто препятствие, а серьезно и все еще опасного противника.

По мере экономического роста и усиления маркетизации общественной жизни шло разрушение основ социального организма, проявлявшего свои защитные рефлексы и иммунные свойства. Складывавшееся относительное благополучие в социально-экономической области могла гарантировать только социально-политическая стабильность. Испытанным способом общественной консолидации была организация идеологических кампаний, провозглашение новых целей или поиск нового врага. Однако неизбежным

¹⁶¹ Равноудаленность государства является требованием гражданского общества и гарантией его легитимности на Западе, в то время как в Китае такой гарантией является его одинаковая близость всем членам общества. См. также разд. 1.3.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

побочным следствием такого массового движения стало бы неэффективное использование ресурсов и экономический спад. Судьба социализма, понимавшегося теперь как сложившаяся в КНР стратегия социально-экономического развития, стала зависеть от политических процедур, обеспечивающих эффективность власти и ее бесконфликтное обновление.

Вскрывшийся социокультурный раскол подтолкнул КПК к поиску новой платформы общественной консолидации и созданию эффективного механизма управления, избегая при этом смены революционных символов, обеспечивавших ей легитимность. Поддержание стабильности требовало создания такой системы власти, которая бы соответствовала сложившейся экономической системе, официальным идеологическим принципам, национальным традициям и обладала способностью к самовоспроизводству. Изменения общественно-политических функций партии и принципов партийного строительства в этом контексте были неизбежны¹⁶². Особое значение этот вопрос приобретал в связи с преклонным возрастом Дэн Сяопина, который не только консолидировал властную пирамиду своим личным авторитетом, но и, являясь одним из символов идентичности идеократического государства, играл важную мобилизующую роль¹⁶³.

¹⁶² Вопрос о партийном строительстве стал одним из центральных. В 1992 году, во время поездки на юг, Дэн Сяопин сказал: «если в Китае возникла проблема, то она возникла внутри партии». Цит. по: Цзефан жибао. 2.07.2002. Партия оперативно отреагировала на это указание. Накануне 71-й годовщины КПК ЖМЖБ и «Жэньминь луньтань» провели симпозиум «Изучение идей Дэн Сяопина о строительстве правящей партии». (ГМЖБ. 1.07.1992). Выводы обсуждения были ожидаемы: главный урок событий в СССР и Восточной Европе в том, что там игнорировали партийное строительство (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1993. № 3. С. 123.), в Китае в новых условиях центральная роль партии в руководстве китайским народом и социалистическим строительством не должна измениться. «Партия руководит всем». (Там же. С. 124.)

¹⁶³ Как основоположник новой общественной системы он, так же как Мао Цзэдун, обладал высшей степенью легитимности. Вероятно, такая разовая легитимация является общим принципом революционных изменений. В России, например, и большевики сначала выступали за Учредительное собрание, а Б. Ельцин за Съезд народных депутатов и передачу власти парламенту. После того как формальности были соблюдены, оба представительных органа были разогнаны. Однако Б. Ельцин учел ошибки КПСС, успев осуществить передачу власти преемнику, поделившись с ним пусть уже и безупречными символами легитимности. Аналогичные проблемы стояли и в Китае перед ГМД. Потеряв центр гравитации после смерти Чан Кай-ши, ГМД необходима была реформа, проведенная его сыном Цзян Цзиньго в качестве партийного лидера. Позже и сам Цзян Цзиньго считал, что возглавить ГМД после него должен уроженец Тайваня. См.: The Storm Clouds Clear Over China. The Memoir of Ch'en Li-fu. 1900—1993. (S.H.Chang, R.H.Myers eds.), Hoover Institution Press, 1994. P. 240-242.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

К середине 90-х годов реформа политической системы вошла в число первоочередных задач власти. Необходимо было решить сразу несколько взаимосвязанных вопросов. Во-первых, создать политический механизм, гарантирующий социальную стабильность не в результате усилий харизматического лидера, а институционально. Это был не просто вопрос о механизме управления. Это был вопрос о формуле власти, на которой лежит ответственность за продолжение экономических реформ и «возрождение Китая». Во-вторых, удержать политическую монополию КПК в условиях, когда экономический рост постоянно выводил в число активных участников политического процесса новые социальные силы, являющиеся необходимым условием модернизации и в этом качестве представлявшие опасность для политической системы, созданной КПК. В-третьих, обеспечить преемственность руководства в КПК. Для идеократической системы передача власти была едва ли не единственным способом обеспечить ее легитимность и единственным допустимым для мобилизационного характера развития, не признающего обновления на конкурентной, многопартийной основе¹⁶⁴. Элементы такой системы создавались еще при Мао Цзэдуна, избравшего своим преемником сначала Линь Бяо, а затем Хуа Гофэна¹⁶⁵. Но действительно успешную попытку передачи власти предпринял Дэн Сяопин, который, выделив сначала Ху Яобана и Чжао Цзыяна, затем остановил свой выбор на Цзян Цзэмине¹⁶⁶. Для Дэн Сяопина, всегда благожелатель-

¹⁶⁴ Именно поэтому линии преемственности, как позитивные, так и негативные, были важнейшим элементом политической жизни Китая (Конфуций-Линь Бяо, Линь Бяо-Цзян Цин, Чжоу Эньлай-Дэн Сяопин и др.), позволяя использовать уже сложившиеся образы и аргументацию.

¹⁶⁵ Шаги в этом направлении предпринимались и раньше. На VIII съезде КПК из Устава было изъято положение о руководящих идеях Мао Цзэдуна, а в 1959 г. Мао Цзэдун отказался избираться на пост председателя КНР, положив начало формированию нового института государственного управления, формально не связанного с государственными постами, а действующего только силой авторитета. Органичной частью этого плана было формирование института «исполнительной власти», формально наделавшегося правом преемственности. Однако Лю Шаоци и Линь Бяо не прошли «испытания», обстоятельства улыбнулись только Хуа Гофэну.

¹⁶⁶ Есть свидетельства, что Дэн Сяопин обращал внимание и на Ху Цили. В 1992 г. назвав Ху Цзиньтао «неплохим человеком» (жэнь буцэ), он дал толчок его стремительному возвышению. Похоже, что у Дэн Сяопина, лично столкнувшегося с перипетиями острой политической борьбы, симпатии вызывали мягкие люди, такие как Ху Яобан и Ху Цзиньтао. Но жизнь делала вынужденный выбор в пользу более решительных и смелых.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

но относившегося к «национальной специфике», естественной была мысль об институционализации преемственности, которая позволила бы ввести традицию в современный политический процесс, обеспечив ему необходимую стабильность¹⁶⁷. Все перечисленные задачи в силу своего характера заставляли думать не только об адекватности современности действующей власти, но и о формах ее соединения с традицией.

Последний срок пребывания Цзян Цзэминя на посту генерального секретаря заставлял его оперативно искать решение возникшей проблемы. Был у него, видимо, и личный мотив: преклонный возраст остро ставил перед ним задачу войти в историю¹⁶⁸. Для решения всего комплекса вопросов необходимо было прежде всего подтвердить легитимность действующего партийного руководства. На этом этапе решающая роль перешла к символам преемственности с предшественниками¹⁶⁹.

Фундаментальное отличие политических отношений на Востоке состоит в том, что они имеют в качестве полноценного участни-

¹⁶⁷ Реформы самого Дэн Сяопина были ограничены традицией, следуя которой, он укреплял свой авторитет. Верность марксистскому символу была признаком высокой нравственности, но не религиозной, а конфуцианской (символической), допускавшей наращивание и дополнение к марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна. Строгое следование закону в этих условиях, к чему призывал Дэн Сяопин (см. прим 4.), могло быть расценено как отход от традиции, поскольку закон, имея в Китае длительную историю взаимодействия с этикой, по определению не мог стать новой консолидирующей идеей. Алгоритм политической преемственности Дэн Сяопина имеет широко известную историческую аналогию. Первый переход от авторитарного правления в Греции происходил при потомке афинских царей Солоне в 594 г. до н.э., и новый механизм власти состоял из 9 избираемых архонтов (исполнительной власти) и ареопага (бывших архонтов), осуществлявших контрольные функции. Комиссия советников ЦК КПК также вводилась как институт обеспечения преемственности (ареопаг), но все-таки уступила место личному авторитету, более близкому китайской традиции.

¹⁶⁸ Цзян Цзэминь это косвенно подтвердил, призвав ганьбу задумываться «зачем революция, что нужно делать на руководящем посту и что оставить после себя». (ЖМЖБ 14.03.2000). Официально этот призыв относится к кампании «трех приоритетов» (акцентов) и поэтому в историографии «трех представительств» практически не известен.

¹⁶⁹ Само выдвижение нового курса было обставлено символическими ассоциациями. В прессе особо отмечалось, что через восемь лет после поездки Дэн Сяопина на юг и выдвижения «трех критериев» Цзян Цзэминь выдвинул идею «трех представительств». (Цзефан жибао. 2.07.2002). Повторение — типичный пример проявления политической традиции на Дальнем Востоке. В Северной Корее распространена история о том, как Ким Ир Сен в детстве залез на сливу, чтобы поймать радугу, а затем и маленький Ким Чен Ир забрался на дерево с той же целью.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

ка не только власть и народ, но и традицию, представленную в императорском Китае конфуцианскими, а в современном – марксистскими, символами и нормами¹⁷⁰. Постоянно подвергаясь китаизации, марксизм весьма успешно выполнял функции символа приобщенности к могущественному и передовому Западу, легитимизировавшему передачу «мандата на правление» КПК¹⁷¹. Однако обусловленная задачами мобилизационного развития и традициями политической культуры несменяемость руководства препятствовала применению новых схем и решений, лишая социализм его преимуществ. Это обстоятельство помогло выявить действительную задачу модернизации – не просто заимствование техники и передовых социально-экономических институтов, а нахождение типа развития и соответствующих ему механизмов управления, позволяющих оставаться адекватным меняющейся ситуации. Осознание этого факта руководством КПК постепенно привело к переоценке места идеологических символов в политической жизни, из которой ушел тезис об обострении классовой борьбы, а его место занял курс на приоритетное развитие производительных сил¹⁷². Отказ от коммунизма как всеобщего идеала и сохранение его в этом качестве для членов партии, а до этого – допущение имущественной и социальной дифференциации означали признание и в долгосрочной перспективе углубление социокультурного раскола, но в тот момент снимало ограничения на предпринимательскую активность, вызвав «раскрепощение производительных сил» и сокращение разрыва в экономическом развитии с другими странами. В результате социализм приобрел сугубо прагматичный узкофункциональный характер, освободившись от значительной части ценностей и атрибутов социального идеала. Создав, в сущности, новую общественную систему, Дэн Сяопин обрел высшую из возможных степеней легитимности и авторитета. Назвав действовавшее руководство КПК «третьим поколением» руководителей, он ввел его в историю

¹⁷⁰ В то время как новоевропейская политсистема исключила из политического процесса авторитет традиции, отделив церковь от государства и ограничив суверенитет власти только народом. Именно существование высшего авторитета, которому подчиняется как народ, так и власть, делает ситуацию нетипичной для новоевропейских политических отношений.

¹⁷¹ После 1949 г. верность марксизму в глазах партийной массы и населения стала важнейшим атрибутом политической системы, сохранив тем самым традиционный архетип политических отношений.

¹⁷² Утрата марксистскими символами влияния и авторитета у руководства страны способствовала поиску источника жизненных сил и оптимизма на Востоке, в собственной культурной традиции. Именно поэтому начало экономических экспериментов совпало с первым упоминанием Дэн Сяопином общества «сяокан» (1979).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

КНР как правящую династию¹⁷³. Однако для утверждения его в этом качестве необходима была свежая идея, особый вклад в государственное строительство, адекватный историческому масштабу реформ предшественника.

После потрясений конца 80-х годов Цзян Цзэминь нашел искомое звено, официально провозгласив принцип «управлять государством в соответствии с законом» (и фа чжи го)¹⁷⁴. Этот принцип означал, что «под руководством партии широкие массы населения в соответствии с Конституцией и законами принимают участие в управлении государством, экономикой и культурой, общественными делами, а социалистическая демократия постепенно приобретает характер закона и нормы». 4-я сессия ВСНП 8-го созыва (март 1996) утвердила этот курс, «ознаменовав реформу в методе осуществления политики КПК и воплотив место руководящей группы ЦК КПК во главе с Цзян Цзэминем в процессе модернизации», «зрелость нового поколения руководителей в политике и теории»¹⁷⁵. XV съезд включил положение «управлять государством в соответствии с законом» в партийные документы, назвав его обогащением идей Дэн Сяопина об усилении социалистической законности «третьим поколением» руководителей во главе с Цзян Цзэминем¹⁷⁶. Легитимность действующего партийного руководства была, таким образом, полностью подтверждена, дав ему санкцию на правление.

Одновременно новый принцип управления преследовал конкретные политические цели. Провозглашая, что ни один человек, ни одна организация не могут быть выше закона, а его объектом являются в основном действия государственных органов и чиновников¹⁷⁷,

¹⁷³ В идеократическом государстве идеи больше, чем социально-экономический прогресс, являются условием легитимности, что объясняет особую ценность власти, а не денег. Вообще, на Востоке ведущую роль играют, как правило, не политические лидеры, вносящие рациональность в социальные процессы, а духовные (М. Ганди в Индии, аятолла Хомейни в Иране, шейх Исин в Палестине).

¹⁷⁴ Впервые он был официально провозглашен на 3-м совещании руководящего состава ЦК КПК по законодательной системе (8 февраля 1996 года). В 80-е годы в юридических кругах уже велась дискуссия о принципах управления и роли закона, но она не вышла за рамки научных обсуждений и не привела к формулированию партийных решений.

¹⁷⁵ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 35.

¹⁷⁶ Там же. С. 34. Дэн Сяопин использовал выражение «управлять государством в соответствии с законом» только один раз 3 сентября 1986 г. на встрече с японскими политиками. (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 35).

¹⁷⁷ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 36. В условиях социалистической рыночной экономики все регулирует не партия, не отдельный человек, а закон. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1999. № 2. С. 19–20). Государством нельзя управлять, опираясь на разум

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

компартия стремилась преодолеть отчуждение народа введением единых правовых норм и стандартов. Однако ограничения, налагаемые на партию и государство в целом, были большей частью декларативны. В реально действовавшей политической системе этот принцип означал, что новые социальные слои не имеют шансов изменить свой политический статус без санкции КПК, являвшейся ядром политической системы и контролировавшей всю законодательную деятельность¹⁷⁸.

Решив часть стоявших проблем, прежде всего в обеспечении социальной стабильности, принцип «управлять государством в соответствии с законом» в известной степени противоположил себя существовавшей системе управления, формально подчиняя партию, утрачивавшую авторитет и руководящую роль в обществе, закону. Открыто нарушался высказанный еще Сунь Ятсеном и эффективный для Китая принцип «партия управляет государством» (и дан чжи го), у которого в КНР оставалось много сторонников¹⁷⁹. Предлагавшаяся рационализация системы управления при внешней логичности и безупречности, затрагивая фундаментальные принципы социальной организации, вызвала обоснованные возражения. Высказывалось мнение, что в процессе развития рыночной экономики нравственность неизбежно должна принять новые исторические формы, а Китай должен развиваться собственным путем, избегая экономического роста за счет жертвы нравственности, способной предотвратить «еще более серьезные социальные противоречия и кризис культуры»¹⁸⁰.

Однако планы по дальнейшему развитию формального механизма управления, соответствовавшего бы рыночной экономике и неолиберальной модели модернизации, были нарушены. Переход к «управлению государством в соответствии с законом» был опротес-

и взгляды небольшого числа руководителей, а можно управлять, только опираясь на юридические законы, соответствующие объективным законам, духу эпохи, социалистическим идеалам. (Синьхуа вэньчжай. 1999. № 9. С. 12). В результате обсуждения было уточнено, что принцип «закон управляет государством» не точен, более правилен принцип «управлять государством в соответствии с законом», но и он является лишь одним из принципов государственного управления. (В первом варианте иероглиф «yi» инструментальный, а во втором — смысловой.) (Там же).

¹⁷⁸ В идеократическом государстве новые экономические слои практически не имеют шансов стать властной элитой, если не произошла смена ценностных ориентиров в масштабах всего общества. Отношение китайского общества к бизнес-элите и чиновникам можно сравнить с отношением к пользе-выгоде и справедливости-долгу.

¹⁷⁹ Сунь Ятсен первый сформулировал принцип «и дан чжи го», что, несомненно, имеет огромное значение для Китая. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 4. С. 204).

¹⁸⁰ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 3. С. 66, 54; 1997. № 1. С. 19.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

тован Фалуньгун, деятельность которого показала, что закона достаточно только для контроля над общественными процессами, направлять же его могут только высокая идея или авторитетный харизматический лидер, которых у КПК в тот момент не оказалось¹⁸¹. Усугубляло ситуацию то, что компартии по-прежнему не удавалось погасить социальное напряжение, вызванное ширящимся масштабом коррупции и nepотизма¹⁸².

Вопрос о нравственных императивах правления стал широко дискутироваться со второй половины 90-х годов¹⁸³. Поскольку высокая нравственность в Китае была неразрывно связана с конфуцианскими добродетелями, обсуждение неизбежно сконцентрировалось вокруг социально-политической роли конфуцианства, подтвердив еще одну закономерность политической истории Китая XX века – внимание к конфуцианскому наследию увеличивалось всегда, когда возникала потребность в стабильном государственном строительстве: в период президентства Юань Шикая, в нанкинский период республиканского Китая, в период «урегулирования» в начале 60-х годов, в конце 70-х и в 90-е годы, тогда как его критика совпадала с революционными подъемами в начале XX в. и в период «культурной революции»¹⁸⁴. Широкое обсуждение мето-

¹⁸¹ Дэн Сяопин наделил Цзян Цзяминя только легитимностью, но ее было недостаточно.

¹⁸² Приводились данные, что 70 процентами богатств Китая владеет высшее руководство, что свидетельствовало о превращении КПК в партию бюрократического капитала. См. также разд. 4.3. Весной 1995 г. за финансовые злоупотребления был снят с поста и исключен из партии секретарь Пекинского горкома, член ПБ ЦК КПК Чэнь Ситун, но, вероятно, даже такие суровые меры не смогли кардинально улучшить общественное мнение о компартии.

¹⁸³ Упадок морали в конце 1980-х годов реанимировал интерес к конфуцианской нравственности в научных кругах, заставив обсуждать ее роль в общественной жизни, более широкую, чем функции государственного управления. В указании на традицию, конечно, прослеживалось и желание интеллектуалов воздействовать на власть в период конфронтации с ней. «Даже легизм в результате синтеза с конфуцианством приобрел чуждые ему изначально морально-этические черты». (Чжуншань дасюэ сюэбао. 1989. № 4. С. 12). Кризис морали в китайском обществе нашел отражение в различных областях.

¹⁸⁴ Позитивное внимание к Конфуцию было отмечено даже в начальный период КНР. Лю Шаоци в 1951 г. во время посещения Цюйфу заявил, что «учитель Конфуций — совершенный человек и народное правительство должно приносить ему жертвы». См.: ЖМЖБ 04.06.1969. На симпозиуме в честь 2440-й годовщины Конфуция в 1962 г. признавалось «огромное величие» Конфуция, прогрессивная роль его учения о «человеколюбии», направленное на повышение уровня благосостояния и благо народа. (ГМЖБ 21.11.1962). В начале 60-х Лю Шаоци сделал доступным для коммунистов идеи Конфуция и Мэнцзы. ЖМЖБ 10.01.1967. С. 4. Цит. по:

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

дов управления государством (а не только увеличения его совокупной мощи) привело к реанимации традиционной китайской максимы «управление государством с помощью добродетели» (и дэ чжи го), наряду с законом ограничивающей власть¹⁸⁵. В сущности, именно высокая нравственность оказалась одним из решающих факторов победы КПК над ГМД, дав исторический пример для восстановления ведущей роли нравственных принципов в ее деятельности в новый период¹⁸⁶.

Выяснилось, что основной нравственный конфликт китайского общества – между «справедливостью» и «выгодой» – сохранил свое исключительное, сущностное значение и для современного политического процесса. Конфуцианский тезис «ценить справедливость, презирать выгоду», подтвердив свою актуальность, подготовил почву для широких обобщений в общественно-политическом сознании: в Китае долг всегда был важнее выгоды, поэтому классовые интересы ставились выше индивидуальных или групповых, а революционные цели приняли форму высокого нравственного идеала¹⁸⁷. В ряде работ отмечалось, что особенностью политической культуры Китая является приоритет моральных принципов перед законом¹⁸⁸, выражавший серьезные сомнения в безупречности принципа «управлять государством в соответствии с законом».

Обсуждение этой проблемы на протяжении 90-х годов носило в целом академический характер, только после 1999 г. оно приобрело политическую актуальность и остроту. Стало ясно, что «и фа чжи го» (управление государством с помощью закона) не может стать главным лозунгом «третьего поколения», которое, следовательно, не будет обладать достаточной легитимностью для очеред-

Felber R. Kontinuitat und Wandel im Verhaeltnis des Maoismus zum Konfuzianismus. «Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft». Berlin, 1975, XXIII. Jahrgang, Heft 6, S. 686–699; Фельбер Р. Постоянное и переменное в отношении маоизма к конфуцианству. Цайтшифт фюр гешихтвиссеншафт. Берлин, 1975. № 6. С. 686–699.

¹⁸⁵ Есть два типа поведения: «законом ограничивать власть» и «добродетелью ограничивать власть», т.е. повышая добродетель обладателя власти, самоограничивать власть. (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 37).

¹⁸⁶ В последнее время эта точка зрения приобретает все большую популярность у западных исследователей. Яньань называется «духовным домом», «моральным центром», она «стала началом нового мира», «сохранила жизнь и стала ее восстанавливать из микроскопического организма». *Apter D., Saich T.* Revolutionary Discourse in Mao's Republic. L., 1994. P. 10, 26.

¹⁸⁷ Чжэсюэ яньцзю. 1988. № 3. С. 35.

¹⁸⁸ См.: Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 72, Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 5. С. 5. «Приоритет прав человека над суверенитетом является теоретической основой гегемонизма». (Синьхуа вэньчжай. 1998. № 8).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ной передачи власти. Но, самое главное, предлагаемая модель не может служить основой для новой формулы управления¹⁸⁹. Первый вывод о реформе власти, таким образом, был сделан: в основе государственного управления должна лежать не только законность, но и нравственные принципы. Однако после вынужденного под давлением обстоятельств уточнения даже их комбинация не могла стать центральной идеей, историческим вкладом «третьего поколения» в государственное строительство КНР.

В феврале 2000 года, во время инспекционной поездки в провинцию Гуандун, Цзян Цзэминь заявил, что партия пользуется поддержкой народа потому, что в ходе революции, социалистического строительства и реформ она всегда выражала «требования развития передовых производительных сил Китая, коренные интересы самых широких народных масс» и передовой культуры¹⁹⁰. Впервые в систематизированном виде идея «трех представительств» была изложена в речи, посвященной 80-летию образования КПК (1 июля 2001 года), а на 6-м пленуме 15-го созыва (сентябрь 2001) она впервые была поставлена в один ряд с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и в таком виде внесена в Устав на XVI съезде КПК¹⁹¹.

Сравнивая по длительности и интенсивности только с кампаниями по исправлению стиля (чжэнфэн) перед утверждением на VII съезде КПК руководящего места идей Мао Цзэдуна и накануне XV съезда, закрепившего руководящую роль теории Дэн Сяопина, пропагандистская кампания «трех представительств» была вызвана предстоящей передачей партийно-государственной власти, в которой ей отводилась ключевая роль. В научной периодике и СМИ

¹⁸⁹ В 2001 г. Цзян Цзэминь был вынужден признать, что нельзя управлять государством, только опираясь на закон (и фа чжи го), надо опираться еще и на нравственность (и дэ чжи го). Накануне XVI съезда КПК 25 октября 2002 г. ЦК КПК опубликовала «Программу построения гражданской нравственности (гунминь даодэ)», реализующую концепцию Цзян Цзэминя об управлении государством не только на основе закона, но и на основе добродетели. См.: *Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* Из истории идеологии «сяокан» // ПДВ 2003. № 3. С. 36.

¹⁹⁰ ЖМЖБ. 26.02.2000. Они были зафиксированы в Решении 5-го пленума ЦК КПК 15-го созыва (сентябрь 2000) как «выдвинутые Цзян Цзэминем три требования». Подробнее см.: *Виноградов А.* Идея трех представительств как элемент китайской модели модернизации; Политический механизм Китая: соотношение эффективности и легитимности власти // Китай: Шансы и вызовы глобализации. Тез. докл. XIV Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2003. С. 206-210.

¹⁹¹ Формулировка «теория Дэн Сяопина» использовалась на XIV съезде, но официально была закреплена в Уставе КПК только после его кончины — на XV.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

«идея Цзян Цзэминя» стала характеризоваться как «третий взлет в соединении основных положений марксизма с китайской действительностью» – формула, которая до этого использовалась только применительно к идеям Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина¹⁹². Все это позволило приблизить по формальным показателям вклад Цзян Цзэминя к вкладу Дэн Сяопина: «три критерия» Дэн Сяопина придали новое содержание социализму в новую эпоху, а «три представительства» Цзян Цзэминя – новое содержание компартии¹⁹³. Теоретическую зрелость идеи «трех представительств» обосновало выдвинутое Цзян Цзэминем новое методологическое положение «следовать времени» (юй ши цзюй цзинь), продолжившее ряд «реалистический подход» – «раскрепощение сознания»¹⁹⁴. Обретя необходимую целостность и завершенность, идея Цзян Цзэминя была названа «самым современным марксизмом», «китайским марксизмом нового века»¹⁹⁵.

Новая теоретическая концепция подразумевала новую стратегию «великого возрождения китайской нации». 5-й пленум ЦК КПК 15-го созыва (октябрь 2000) зафиксировал, что с начала XXI в. Китай вступил в «этап всестороннего строительства сяокан» (общества «малого благоденствия»), а жизнь народа в целом достигла уровня «сяокан». Изменившиеся условия диктовали создание соответствующего политического механизма, завершающего период социокультурной трансформации китайского общества. Разрешение его главного конфликта между традиционной этикой и рацио-

¹⁹² В периодической печати высказывались и более смелые сравнения: с опийных войн стоит цель возрождения Китая. Сунь Ятсен, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и Цзян Цзэминь творили во имя этой цели. Цзефан жибао. 2.07.2002. В этот ряд органически вписывается и Ху Цзиньтао, провозгласивший стратегию «мирного возвышения» Китая (хэпин цзюэци).

¹⁹³ Дэн Сяопин ответил на вопрос «что такое социализм», а Цзян Цзэминь – на вопрос «как и какую партию строить». (Цзефан жибао. 2.07.2002). Главное содержание идеи «трех представительств» – как в новых исторических условиях партия может эффективно руководить государством и обществом. (Шэхуй кэсюэ яньцзю. 2002. № 6. С. 13).

¹⁹⁴ «Раскрепощать сознание, реалистический подход, соответствие времени – душа марксистской философии». (Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 8. С. 3–4). В выступлении 31 мая 2002 г. в ЦПШ Цзян Цзэминь заявил, что ключ к выполнению «трех представительств» в «соответствии времени». Это положение было подтверждено и на XVI съезде было подтверждено.

¹⁹⁵ Цзефан жибао. 2.07.2002, ГМЖБ. 10.08.2002. «Три представительства» – это обширная, глубокая теоретическая система, включающая марксистскую философию, политэкономии, научный социализм. (Цзефанцзюнь бао. 30.05.2002. Шэхуй кэсюэ яньцзю. 2002, № 6. С. 1).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

нальной организацией общественной жизни требовало формирования нового типа управления через ликвидацию социокультурного раскола, расширения социальной опоры преобразований и изменения идеологической доктрины КПК, нашедших отражение в идее «трех представительств». Олицетворяя в соответствии с ней передовые производительные силы, члены партии должны были прежде всего бороться за освобождение и развитие общественных производительных сил, рост экономической мощи государства, а также служить интересам народа¹⁹⁶. Сокращение роли идеологических компонентов КПК в пользу экономических требовало принципиальных изменений политической системы и социальных и мировоззренческих основ компартии, служивших важнейшим средством сохранения власти и поддержания политической стабильности. В первую очередь необходимо было определиться в отношении новых экономических слоев. Идеологическая платформа КПК допускала различные формы политического сотрудничества. Изменения, внесенные в нее идеей «трех представительств», позволили перейти от ограничения участия бизнеса в политической жизни к его использованию. Следовало только избегать интеграции новой социально-экономической реальности в политическую систему через создание многопартийной системы, но можно было это осуществить через расширение социального состава правящей партии, сохранявшей политическую монополию на власть и мобилизационный характер модернизации¹⁹⁷. Для приема предпринимателей, даже если их считать классом, с чем в КНР до конца не определились, не осталось принципиальных препятствий¹⁹⁸. Включение в КПК «новых людей» стало средством нейтрализации их социально-политической активности, способной при определенных обстоятельствах привести их в авангард социального протеста (повторив алгоритм соединения научного социализма и рабочего движения).

Легализовав частную собственность и предоставив ей право на участие в политической жизни, идея «трех представительств» вызвала протест внутри КПК, расценившей ее как социал-демократи-

¹⁹⁶ ЖМЖБ. 26.02.2000.

¹⁹⁷ После поражения социализма в Восточной Европе и СССР, возможно, наиболее сильным внешним потрясением для китайского руководства стало поражение ГМД на президентских выборах на Тайване (2000), заставив его пересмотреть прочность своих политических позиций в свете масштабных социально-экономических изменений в КНР.

¹⁹⁸ Все участвующие в социалистическом строительстве классы, слои и группы входят в категорию народ, в том числе и появившиеся в социалистической рыночной экономике новые слои. (Синьхуа. 1.07.2002).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

ческий уклон, завершившийся поражением социализма в странах Восточной Европы и СССР¹⁹⁹. Однако возмущение идеологически выдержанного меньшинства не приобрело организованных форм. Единство высшего партийного руководства было сохранено.

Отчетный доклад XVI съезду (ноябрь 2002), утвердив все теоретические новации и официально провозгласив в качестве нового социального ориентира «общество сяокан», сделал еще один шаг в сторону исторической традиции, шаг, такой же, как формирующийся механизм власти²⁰⁰. Определение компартии как «авангарда китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации» окончательно преодолело синдром классовой борьбы, создав новые предпосылки для консолидации. Уйдя от технологизма «совокупной мощи государства» (представлявшей, как выяснилось, потенциальную угрозу не только внешнему миру, но и политической монополии КПК), общество «сяокан» и социально-политическая консолидация в рамках идеи «трех представительств» решили основные вопросы, поставленные компартией в этот период. Для успеха модернизации необходимо было решить последнюю, завершающую задачу – обеспечить устойчивое, поступательное движение.

Важнейшим критерием зрелости общественной системы является ее способность к воспроизводству. Передача власти от Дэн Сяопина к Цзян Цзэминю была важным событием, значение которого тем не менее не выходило за рамки конкретного политического контекста, хотя и стало первым в новейшей китайской истории успешным опытом политической преемственности²⁰¹. Передав власть Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь, на первый взгляд, не внес ничего нового, просто повторив действия предшественника. Но именно повторение позволило событию политической истории стать общественно-политическим институтом, являющимся центральным элементом формирующейся политической системы. Канонизация «трех представительств» в Уставе КПК позволила ее автору, даже после ухода с официальных постов, повысить свой статус до харизматического и сохранить контроль за политическими процессами, создав в дополнение к официальному руководству еще один рычаг

¹⁹⁹ Секретарь парткома г. Чунцин фактически выразил несогласие с курсом «трех представительств», противопоставив приему в партию предпринимателей верность идеалам. См.: Цюши. 2001. № 5. С. 46.

²⁰⁰ В новой редакции Устава КПК общество «сяокан» завершало исторический ряд «новая демократия», основы социализма, «строительство социализма с китайской спецификой», «начальный этап социализма».

²⁰¹ Дэн Сяопин обратился к Цзян Цзэминю с предложением создать и возглавить «третье поколение» руководителей 16 июня 1989 года. (Цзефан жибао. 2.07.2002).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

поддержания социально-политической стабильности, ограничивающий следующее поколение руководителей установками предыдущего, за которым закреплялось пожизненное право толковать и корректировать их выполнение. Как родовое понятие, продолжающее ряд «идеи Мао Цзэдуна»–«теория Дэн Сяопина», идея «трех представительств» искусственно вводилась в политический механизм в качестве полноправного субъекта. Институционализация механизма политической опеки имела влиятельную историческую аналогию: переход от «золотого века» к полумифической династии Ся также сопровождался передачей власти лицам самым достойным и нравственно совершенным: от Яо другому легендарному правителю Шуню, а от Шуня Юю²⁰².

Восстановление социокультурных механизмов преемственности было продублировано сохранением политических рычагов поддержания стабильности: Цзян Цзэминь остался председателем Центрального Военного Совета, а в новом руководстве была сохранена концептуальная альтернатива, представленная балансом «реформаторов» и «консерваторов» в лице Ху Цзиньтао и Цзэн Цинхуна²⁰³.

Законодательное ограничение срока пребывания на высших государственных и партийных постах, механизм преемственности и соблюдение процедур легитимации предложили новый механизм воспроизводства власти, который можно рассматривать как завершающий элемент китайской модели мобилизационного развития, способный преодолевать инерцию и догматизм, оставаясь фактором общественно-политической стабильности. Конечно, такой по-

²⁰² Яо, Шунь и Юй — легендарные «совершенномудрые» правители китайской древности, связанные преемственностью власти: они передавали ее не родственникам, а наиболее достойным, высоконравственным кандидатам. Однако полностью избежать семейственности при этом не удалось. Дочери Яо были женами Шуня, что, конечно же, только подтверждало его исключительные добродетели. Как и в современных условиях, исключительные добродетели «партии принцев», т.е. детей высокопоставленных партийных чиновников, занимающих сейчас высокие посты в руководстве КПК — Центральном Комитете и Политбюро.

²⁰³ Этот механизм был опробован уже на XIII съезде, на котором Чжао Цзыян стал генеральным секретарем, а Ли Пэн — премьером. Таким образом, на практике был воплощен западный опыт, в т.ч. принцип баланса властей без разделения трех властей, призывы заимствовать который неоднократно высказывались в научной периодике. См., напр.: Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993, № 1. С. 7. Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1993. № 3. С. 17. Важно отметить, что критерием деления на реформаторов и консерваторов в этот период было уже отношение не к экономическим, а к политическим преобразованиям. При таком подходе разделение властей органично проявлялось в разделении двух принципов управления: на основе закона и на основе нравственности.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

литический механизм может быть эффективен только там, где еще действует патриархальный принцип «сяо» (сыновней почтительности и уважения старших)²⁰⁴. Концептуальным завершением поисков можно считать провозглашенный на XVI съезде тезис о взаимовязанном строительстве трех культур: материальной, духовной и политической, воплотивших материальное превосходство Запада, социальную справедливость социализма и политические традиции, в сумме представляющих новую идентичность Китая.

Деятельность нового руководства КНР подтвердила дееспособный характер сложившихся принципов преемственности и функционирования высшего политического руководства. Дав собственную трактовку идее «трех представительств», в которых выделялись не производительные силы, а выражение коренных интересов широких народных масс, Ху Цзиньтао начал формировать новый партийный стиль, близкий демократизации внутрипартийной жизни при Чжао Цзяняне²⁰⁵. Все эти новации при соответствующем идейно-политическом оформлении могли стать символом (девизом) правления нового поколения.

4-5. На пути к новому курсу. XVII съезд КПК. (2003—2007)

Утверждению Ху Цзиньтао в качестве единственного беспспорного лидера Китая препятствовало сохранение у предшественника значительной доли властных полномочий, которые передавались поэтапно. Цзян Цзэминь передал пост Председателя КНР на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2003), а пост председателя Центрального Военного Совета ЦК КПК на 4-м пленуме 16-го созыва (сентябрь 2004). Окончательная передача полномочий произошла только в марте 2005 г. на 3-й сессии ВСНП 10-го созыва, когда Ху Цзиньтао стал председателем Центрального Военного Совета КНР (ЦВС КНР). До этого момента политическая субъектность Ху

²⁰⁴ История последней четверти XX в. свидетельствует, что передача власти свойственна обществам, переживающим активную фазу трансформации. Характерно, что такой способ обновления находит поддержку и у населения России, 13% которого по социологическим опросам (декабрь 2002) высказались за поиск В. Путиным себе преемника, т.е. за дополнение демократических процедур санкцией признанного авторитета. А в декабре 2007 г. поддержало выдвижение В.Путиным Д. Медведева на пост президента.

²⁰⁵ Это сходство вызвано, возможно, влиянием на Ху Цзиньтао Ху Яобана, способствовавшего его политической карьере в бытность генеральным секретарем ЦК, а, возможно, их комсомольским прошлым.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Цзиньтао была серьезно ограничена²⁰⁶. Сосуществование двух центров влияния было на тот момент, вероятно, согласованной частью общего плана руководства КПК по передаче власти и поддержанию стабильности. В этой ситуации важнейшей задачей Ху Цзиньтао и возглавляемого им нового поколения руководителей в целом была скорейшая идеологическая легитимация. Только предъявив обоснованные претензии на высшую форму легитимности, новый генеральный секретарь открывал путь к своему полноценному утверждению в качестве единоличного лидера государства. Его идейно-политические новации должны были отражать не только совокупность объективных проблем, стоявших перед страной, но и собственное стратегическое видение основных направлений развития Китая. Последнее обстоятельство было решающим при выборе им новых лозунгов (или девизов) своего правления.

На 3-м пленуме 16-го созыва (октябрь 2003) наметился поворот от экономики роста к социально ориентированной экономике, что получило оформление в принципе «человек в качестве основы» (и жэнь зэй бэнь)²⁰⁷. Внимание к нуждам народа было не только его внутренним, нравственным императивом. Поддержка населения гарантировала общественную стабильность, а также давала большую степень свободы в отношениях с партийными и государственными структурами, которым только еще предстояло признать его в новом качестве.

Энергия, с которой Ху Цзиньтао взялся за дело, давала основания предполагать, что он будет стремиться утвердить новые идеологические установки на уровне партийных документов уже в течение своего первого срока. Этому, безусловно, способствовало то обстоятельство, что Цзян Цзэминь не был харизматичной фигурой в той мере, в какой ею был Дэн Сяопин, что открывало более широкие возможности для идейно-теоретических новаций.

²⁰⁶ Сохранение за Дэн Сяопином поста председателя Центрального Военного Совета ЦК КПК длительное время позволяло ему эффективно использовать этот рычаг власти в поворотные моменты китайской истории.

²⁰⁷ ЖМЖБ. 22.10.2003. См.: Бергер Я. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // ПДВ. 2004. № 1. С. 6—29; Ломанов А., Борох О. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае // ПДВ. 2004. № 1. С. 30—47. С помощью диалога с народом, информации в СМИ о заседаниях ПБ, что уже было при Чжао Цзяяне, практике отчетов избранного органа перед избравшими, Ху Цзиньтао борется за поддержку народа, а расширение функций председателя КНР вызывает аналогии с введением непартийного поста главы государства М. Горбачевым. См. разд. 4.2. Поиски гармонизации отношений приводят к свежим теоретическим формулам: признание государством прав человека компенсируется признанием народом патриотизма в качестве интересов государства. См.: Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 5. С. 3.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

Выдвинутая на 4-м пленуме 16-го созыва (сентябрь 2004) «научная концепция развития» могла стать методологической основой нового курса. Ее формулировка предоставляла обширное поле для толкования, соответствовала различным политическим позициям и в этом качестве была оптимальной для переходного периода. Передавая полномочия Ху Цзиньтао в течение этого времени, Цзян Цзэминь продолжал укреплять свою идеологическую легитимность: за передачей поста Председателя КНР на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2003) последовало закрепление в Конституции на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2004) положения о «важности идеи трех представительств» наравне с марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина. Провозглашение же «научной концепции развития», преемственно определившей новые ориентиры КПК, совпало с передачей Ху Цзиньтао поста Председателя Центрального Военного Совета ЦК КПК на 4-м пленуме ЦК КПК и последующей передачей поста Председателя Центрального Военного совета КНР на 3-й сессии ВСНП (март 2005). Важно подчеркнуть, что 4-й пленум ЦК КПК был посвящен усилению руководящего потенциала КПК, т.е. той сфере, где вклад Цзян Цзэминя в идеологическую доктрину был наиболее значителен. Именно в материалах этого пленума впервые появилась формулировка «научная концепция развития», санкционированная таким образом Цзян Цзэминем²⁰⁸. «Научная концепция развития» должна была дать ответ на вызовы времени – не допустить социального взрыва той части населения, которая осталась за пределами экономического бума, и найти новую, более эффективную формулу роста.

Предпринятый новым руководством анализ экономической и внутриполитической ситуации показал, что в стране обостряются проблемы и противоречия, связанные с моделью социально-экономического развития, избранной еще при Дэн Сяопине. Особенно тревожно выглядела проблема социального неравенства. Расширение этого конфликта бросало вызов самому фундаменту идеологической доктрины компартии – принципу социальной справедливости. Создание и утверждение точек экономического роста, которые составляли сущность экономической политики 1980–1990-х годов, диктовали необ-

²⁰⁸ См. ЖМЖБ 26.09.2004. История появления этого понятия такова. На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2003), появилась формулировка «новый взгляд на развитие» в контексте перехода к пяти единым планированиям: экономического и социального развития, города и деревни, регионов, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости. На 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2004), была употреблена формулировка «научная концепция развития», вошедшая на 4-м пленуме ЦК (сентябрь 2004) в партийные документы.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

ходимость не отвергать эти достижения, а зафиксировать их. Специальными поправками на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в Конституцию КНР были впервые введены положения о защите частной собственности и прав человека. Таким образом, к 4-му пленуму ЦК на государственном уровне были закреплены основные итоги социально-экономического и политического курса, действовавшего на протяжении 80–90-х годов XX века, а на самом пленуме намечено направление дальнейшего поиска – «научная концепция развития». Переходный период заканчивался, осталась последняя формальная точка – пост Председателя ЦВС КНР, решение по которому уже было принято.

Как только Ху Цзиньтао ощутил свою полную политическую субъектность, он сразу же ею воспользовался. Растущее социальное расслоение требовало безотлагательных мер. Надо было вытягивать сферу, затрагивающую интересы большой массы населения. С усугубляющейся социальной дифференциацией нельзя было мириться и по практическим, и по политическим соображениям. На совещании ЦК КПК по экономической работе (декабрь 2004) Ху Цзиньтао впервые акцентировал внимание на формулировке «социалистическое гармоничное общество»²⁰⁹.

Концепция «социалистического гармоничного общества» имела хорошие перспективы, чтобы стать новым знаменем идей социальной справедливости, новой версией социализма с китайской спецификой, поскольку имела непосредственное отношение к центральной для социализма проблеме – борьбе с неравенством. Преемственный социалистической традиции идеологический лозунг к тому же решал наиболее актуальную социально-политическую проблему. Выступая перед руководящими кадровыми работниками провинциального и министерского уровня в феврале 2005 года, Ху Цзиньтао выделил шесть основных черт и, следовательно, шесть направлений работы по построению «гармоничного социалистического общества»: демократия и порядок, равенство и справедливость, доверие и дружелюбие, наполнение общества творческой энергией, стабильность и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы. 5-й Пленум ЦК КПК (октябрь 2005) зафиксировал эти положения. Но на этом Ху Цзиньтао не остановился. 6-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2006) целиком был посвящен «некоторым важным вопросам построения социалистического гармоничного общества», которое было охарактеризовано как «новое великое

²⁰⁹ Сложные взаимоотношения концепции «социалистического гармоничного общества» и «научной концепции развития» напоминают другую пару концепции «начального этапа социализма» и «строительства социализма с китайской спецификой», которые менялись ролью и местом на разных этапах развития.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

творчество КПК в сфере теории строительства социализма с китайской спецификой», как «сущность социализма с китайской спецификой»²¹⁰. Ху Цзиньтао в течение года переставил акценты, отдав приоритет концепции «социалистического гармоничного общества». «Научная концепция развития» оказалась на втором плане.

Если к этому добавить, что в 2003 г. была провозглашена задача «мирного возвышения» Китая, то казалось, что стратегический курс на ближайшие годы определен – результаты мощного экономического роста должны быть направлены на гармонизацию социальных отношений внутри страны и рост совокупной государственной мощи на международной арене²¹¹. Очередному XVII съезду оставалось только закрепить эти положения в партийных документах и таким образом завершить процесс передачи власти.

Однако подготовка к съезду заставила еще раз проанализировать ситуацию и скорректировать планы. Выяснилось, что идейно-теоретические лозунги не просто дань политической традиции, не просто форма идеологической легитимации, а вполне функциональная, практически оправданная процедура, которая обязывает каждого нового лидера выработать свое видение эпохи, определять ее главные вызовы и приоритеты, являющиеся неотъемлемым элементом мобилизационного развития и придающее необходимый динамизм в целом очень жесткой политической конструкции.

Важнейшей отличительной чертой Китая на протяжении предыдущих трех десятилетий являлся быстрый экономический рост. В начале XXI в. руководству КНР стало окончательно ясно, что высокие темпы достигаются устаревшими средствами, не отвечающими тенденциям и требованиям современного развития, о чем со всей определенностью было заявлено на 3-м пленуме 16-го созыва, на котором впервые прозвучала мысль о необходимости выработать новый взгляд на развитие. Избранная на рубеже 1980-х годов экономическая модель была ориентирована на быстрый рост совокупных показателей, рост «совокупной государственной мощи». В сущности, эта модель – модель индустриально-промышленной фазы – была единственно возможной для Китая, поскольку позволяла в максимальной степени использовать его конкурентные преимущества – дешевую рабочую силу. С характеристиками этого преимущества оказалось связано и большинство проблем развития Китая.

²¹⁰ ЖМЖБ. 1910. 2006.

²¹¹ Теория мирного возвышения (хэпин цзюэци лунь) восходит к известному лозунгу Чжоу Эньлая 1950-х годов «бороться за возвышение Китая» (вэй чжунхуа цзюэци эр доучжэн) и, в целом, для внутреннего пользования удачно сочетала преемственность и развитие идеи возрождения Китая в новых исторических условиях.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Уверенно вторгаясь по валовым экономическим показателям в число мировых лидеров, Китай не отличался адекватным технологическим и социальным развитием. Это был рост без развития, поскольку он был связан с увеличением объемов простого живого труда. Следствием этого являлся соответствующий экстенсивному характеру труда рост отходов производства, высокая энергоемкость и материалоемкость продукции, загрязнение окружающей среды и т.д., словом, низкая эффективность. Несмотря на высокие темпы расширения экономики, Китай оставался одной из самых затратных с хозяйственной точки зрения стран в мире с самой высокой стоимостью прироста.

С течением времени у этих проблем появилось и международное измерение. Лозунг о мирном возвышении Китая на фоне сохраняющихся высоких темпов роста стал вызывать обоснованную обеспокоенность международного сообщества, которое все настойчивее призывало КНР разделить бремя ответственности по защите окружающей среды, чтобы соответствовать своему новому месту в мире.

Проблемы низкой экономической эффективности в самом Китае оттенялись особенностями функционирования рыночной экономики, далекой от цивилизованного идеала. Негативными результатами взаимодействия рыночных механизмов и традиционной культуры в условиях «руководящей и направляющей роли» КПК продолжал оставаться рост коррупции и коррозия партийного и государственного аппарата на всех уровнях. Одним из следствий этого стали незаконные сделки с землей, растущее обезземеливание крестьян, повышение безработицы и увеличивающееся социальное давление. Но главное, растущая безработица поддерживала существовавшую неэффективную систему роста, создавая для нее питательную среду.

Поиск решения этих проблем серьезно ограничивался официальной идеологической доктриной, которая требовала строгого соответствия своим основным принципам. Вся история китайских реформ с 1978 года – это история совместной трансформации социально-экономической практики, общественного сознания и официальной идеологии. Каждый новый вызов современности всегда был вызовом не только общественному строю и действующим политическим механизмам, но и лежащей в их основе идеологии. Трудности развития всегда порождают идейные альтернативы, которые на фоне социальной напряженности были способны дестабилизировать политическую ситуацию. После XVI съезда энергичные дискуссии как на левом, так и на правом фланге свидетельствовали о нарастании интеллектуального брожения в обществе, не только активизируя оппозицию, но и обостря борьбу мнений внутри КПК.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

Наконец, существовал еще один момент, который оказывал серьезное влияние на атмосферу и решения XVII съезда (октябрь 2007) – смена высшего партийного руководства на следующем XVIII съезде КПК. Сменяемость руководства, ставшая нормой за предыдущие два десятилетия, решающим образом отразилась на деятельности высших органов власти, строго регулируя активность и фазы их деятельности. Передача должностей и всего объема полномочий от Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао, занявшая в общей сложности два с половиной года, ограничивала новое руководство идейно-политическими установками, политическим авторитетом и влиянием предшественников. В этом отношении первая половина первого срока Ху Цзиньтао характеризовалась неизбежной политической и идеологической преемственностью и сдержанностью. Центр тяжести его деятельности, таким образом, переносился на второй пятилетний срок, который предоставлял большую свободу для новаций как в теории, так и на практике. XVII съезд должен был обеспечить организационные и идейно-теоретические предпосылки для выработки нового авторского курса.

На протяжении уже второго столетия все развитие Китая определяется двумя факторами: потребностями социально-экономического развития и социокультурными особенностями, в отношениях между которыми периодически наступает кризис, связанный с колоссальной инерцией и вызванной ею необходимостью более быстрой и радикальной трансформации традиционной культуры. Предел, к которому подошла существовавшая модель экономического развития в начале XXI века, обострил проблемы и противоречия между экономическим и социально-политическим развитием, с одной стороны, и социокультурными традициями – с другой. Как следовало из материалов XVII съезда, у КПК отсутствовал четкий конкретный план дальнейших преобразований. Именно поэтому акцент в выступлении Ху Цзиньтао был сделан на «инновации»²¹².

После передачи власти новому поколению руководителей внимание к инновациям было впервые привлечено сугубо технологической (далекой от идейно-теоретических проблем) задаче – разработке 11-го пятилетнего плана на 5-м пленуме ЦК КПК (октябрь 2005). Поскольку, как отмечалось, от «самостоятельного новаторства» зависит не только конкурентоспособность страны, но и ее суверенитет и безопасности, новаторство было провозглашено «государственной стратегией»²¹³. XVII съезд вернулся к это-

²¹² См. Доклад Ху Цзиньтао <http://russian.people.com.cn./31521/6290591.html>.

²¹³ ЖМЖБ. 19.10.2005.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

му тезису, придав ему методологическое значение и распространив его с экономики на социально-политическую сферу и идейно-теоретическую работу.

Съездом были определены три комплекса стратегических задач: во-первых, попытаться найти ответы на вызовы времени, связанные с моделью экономического роста и обеспечением социальной стабильности как важнейших условий сохранения власти, с учетом того что экономические, политические и идеологические ресурсы для успешного завершения поиска были ограничены;

во-вторых, создать предпосылки для более свободного и эффективного поиска в предстоящие пять лет;

в-третьих, подготовить организационно-политические условия для подбора преемника, сохранения преемственности курса и стабильности на период до 2017 года, т.е. практически до момента построения общества «сяокан» и завершения индустриализации. Съезд должен был определить максимально широкий круг вероятных претендентов на эту роль.

В целом, КНР предстояло в исторически обозримой перспективе решить крайне сложную задачу – провести структурную перестройку экономики без заметного снижения существующих темпов роста, выступающих главным фактором поддержания общественной стабильности. Исходя из этого основные направления и контуры экономического развития были определены съездом в самом общем виде, оставляющим простор для различного рода интерпретаций:

- серьезные сдвиги в трансформации форм развития, форм роста и моделей потребления, введение энергоэкономных и экоохраных производственных структур, повышение эффективности, совершенствование системы рыночной экономики, повышение уровня макрорегулирования и макроконтроля. Особое внимание охране окружающей среды было зафиксировано введением понятия «экологическая культура»;

- приоритетное развитие образования, «создание державы людских ресурсов», «образование – краеугольный камень национального подъема»;

- повышение возможности самостоятельного новаторства и создание государства инновационного типа, совершение прорыва в сфере ключевых технологий, ускорение формирования государственной системы инновации.

Указанные меры должны гарантировать достижение главных социально-экономических ориентиров съезда к 2020 году – увеличение ВВП и построение общества «сяокан». Впервые стратегические цели – увеличение ВВП в четыре раза – были исчислены на ду-

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

шу населения, отразив переориентацию китайского руководства на новое качество роста²¹⁴. Отдельно был прописан комплекс мер по обеспечению социальной справедливости – через создание схемы рационального и упорядоченного распределения и постепенное увеличение доли доходов населения в распределении национального дохода. Были четко расставлены приоритеты между справедливостью и эффективностью в пользу первой.

В политической сфере перед КПК стояла задача консолидировать все уровни власти и политического участия под своим руководством. Важнейшая роль в этом процессе была отведена собраниям народных представителей, а также НПКСК, профсоюзам, комсомолу, федерации женщин и другим общественным организациям. Увеличивая прозрачность и расширяя гласность, «рекомендуя большее количество незаурядных кадровых работников-некоммунистов на руководящие посты»; «поощряя деятелей новых социальных слоев на активное участие в строительстве социализма с китайской спецификой», компартия демонстрировала свою решимость оставаться во главе политического процесса, надежно контролировать деятельность всех существующих форм общественно-политической жизни, не упуская из виду появление новых тенденций политического развития.

Сохранение ведущей роли компартии невозможно без удержания политической инициативы. Именно поэтому важнейшей задачей самой КПК было провозглашено улучшение партийного стиля, всемерная борьба с коррупцией, а главное – собственное строительство в духе реформы и инновации. Стремление постепенно институционализировать руководящую роль партии в общественном и государственном управлении проявилось также в эксперименте по переходу на режим постоянного функционирования партсъездов на уездном уровне.

Все перечисленные направления деятельности были призваны обеспечить общественно-политическую стабильность, оставив открытыми возможности для разработки новой идейно-политической концепции, определяющей стратегическое направление развития.

В идеократическом государстве мобилизационного типа, таком как Китай, идеология, консолидируя партию и общество для достижения поставленных целей, может стать серьезным вызовом, способным тормозить осуществление преобразований, как это было в 1980-х годах в период перехода к товарной, а затем и

²¹⁴ С этим было связано повторное провозглашение целью текущего развития построение общества «сяокан», которое было провозглашено достигнутым еще на 5-м пленуме ЦК 15-го созыва (2000).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

рыночной экономике. Понимая это, руководство КПК приложило большие усилия для дальнейшей трансформации идеологической доктрины.

Констатируя, что в результате последних пяти лет была создана новая ситуация в деле построения социализма с китайской спецификой и открыты новые горизонты в китаизации марксизма, Ху Цзиньтао вновь обратился к «научной концепции развития», выдвинув ее в качестве важнейшей партийной доктрины. Основные аргументы в принципиальных чертах совпали с аргументацией идей Мао Цзедуна, теории Дэн Сяопина, идеи «трех представительств»: она была «выдвинута с учетом основных реалий «начального этапа социализма», на основе обобщения практики Китая и заимствования зарубежного опыта, в свете новых требований самого развития». Признание, что Китай еще долгое время будет находиться на «начальном этапе социализма», где сохраняется основное противоречие социализма – между материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством – явилось, по-видимому, главной причиной отказа от приоритетного положения концепции «социалистического гармоничного общества», которая на протяжении длительного времени претендовала на то, чтобы считаться основным вкладом нового поколения руководства в идеологическую доктрину КПК²¹⁵. Она явно плохо сочеталась с теми проблемами, которые предстояло решать КНР в ближайшие годы. Вместе с тем она сохранила свое значение в качестве перспективной цели: «Претворение научной концепции развития требует от партии ... активно создавать гармоничное социалистическое общество».

Повторив все использовавшиеся на протяжении реформ лозунги идейного обновления: «продолжать раскрепощать сознание», «придерживаться реалистического подхода к делу», «шагать в ногу со временем», Ху Цзиньтао призвал «отважно заниматься реформированием и новацией», «никогда не давать своей мысли остыть», «никогда не топтаться на месте», «не страшиться никаких рисков и сохранять устойчивость против всех и всяких помех», нацелив партию и общество на масштабные перемены.

По своему фактическому месту в идеологической доктрине КПК «научная концепция развития» получила шанс встать выше частных идей «трех представительств», а, возможно, и других авторских теорий как исторически ограниченных, конкретных ее воплощений на разных этапах развития. Основным содержанием концепции называлось само развитие, что открывало самые широ-

²¹⁵ Это был второй после 6-го пленум ЦК КПК 12-го созыва, хотя и публично непризнанный, факт отказа от явно завышенной социальной цели. См. разд. 3.4.

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

кие возможности для введения новых и толкования старых положений и установок. Но этим значение «научной концепции развития» не исчерпывалось, у нее изначально был и другой, сугубо прикладной, политический смысл.

После введения новых идейно-теоретических положений в партийные документы и обретения самостоятельной идеологической легитимности, позиции Ху Цзиньтао стали практически непоколебимыми (что важно, если вспомнить судьбу Ху Яобана и Чжао Цзяяна). Поставив себя в один ряд с признанными лидерами китайского государства и китайской революции, он обрел высшую в Китае форму легитимности – идеологическую. В отличие от Цзян Цзэминя, сделавшего это накануне своей отставки на XVI съезде, Ху Цзиньтао удалось проделать эту процедуру уже в конце первого срока, создав серьезный инструмент идейной консолидации руководства в преддверии важных политических решений. Подтвержденная этим актом институционализация механизма смены власти стала надежной гарантией ее преемственности и стабильности.

Следствием этих процессов стали значительные изменения в кадровом составе высших партийных органов, в котором практически не осталось влиятельных оппонентов действовавшему генеральному секретарю. Проявились контуры ядра нового поколения руководителей в лице вошедших в состав ПК ПБ ЦК КПК – Си Цзиньпина и Ли Кэцяна²¹⁶.

Интеграция Китая в мировую экономику, рост его роли и влияния в мире повысили внимание к международным аспектам развития не только со стороны внешнего мира, но и внутри Китая. Именно с этим было связано исчезновение из партийных документов тезиса о «мирном возвышении Китая» как не соответствующего его образу на внешней арене. Мировой статус страны стал связываться с более фундаментальными и менее раздражающими, чем рост экономической и военной мощи, факторами – с мировым развитием его культуры, которая образует основу его новой мировой идентичности, отличной от диктовавшихся Западом – экономической и политической, где ему пока сложно претендовать на лидерство²¹⁷.

²¹⁶ По мнению В. Портякова, у этого тандема есть пара дублеров – Ли Юаньчао и Бо Силай, что в случае подтверждения, безусловно, может свидетельствовать о развитии механизмов института преемственности.

²¹⁷ Эта мысль неоднократно высказывалась в китайской печати. «Культура есть коренная опора совокупной мощи и международной конкурентноспособности государства». См.: Ляован. № 38, 24.09.2004. <http://russian.people.com.cn./31521/2807238.html>.

* * *

Отсутствие успехов «реального социализма» в последней трети XX в. вызвало его критику и способствовало усилению влияния социал-демократических идей на коммунистические партии. Однако переориентация на либеральные ценности, подтвердившие свою эффективность на Западе, была неприемлема для традиционного Китая, еще в начале века отдавшего предпочтение марксизму. Вписавшись с его помощью во внешний мир и успешно начав сокращать разрыв с ним в материально-технической области, Китай оказался заложником его успехов и неудач²¹⁸. Расставание с марксизмом оказалось болезненным и длительным процессом, но такова была цена за спасение.

Необходимость поддержания связи с победоносным западным символом воплотилась в поисках национальной концепции социалистического строительства. Развитию этого процесса помешали студенческие волнения 1989 г. в Китае и случившиеся вскоре после этого политические потрясения в СССР и Восточной Европе. Поражение символа веры во внешнем мире развязало руки КПК в строгости соблюдения ритуала. Для внутренней пропаганды китайский стандарт социализма стал единственным, расширив пространство поиска и маневра. Уход с политической арены поколения революционных войн ускорил процесс обновления, усилив роль практики по отношению к идеологическим принципам. В результате концепция социалистического строительства претерпела значительные изменения, обретя идеологически более нейтральную формулировку – «социалистической модернизации», придавшей социализму функциональный, а не этический оттенок, что в целом соответствовало характеру процесса²¹⁹.

Исчезновение этического компонента из социально-политического пространства дестабилизировало социальную среду, создав угрозу существующему общественному организму. Сохранив власть, КПК обновила свой тактический арсенал, который уже не требовал жесткой привязки к марксистской идеологической доктрине. Компартия стала инкорпорировать в свою концепцию важнейшие элементы программ своих оппонентов: рыночную экономику, высокие нравственные принципы, борьбу с коррупцией и

²¹⁸ Стоит подчеркнуть, что у либерализма как научной и политической школы в Китае не было традиции. Его восприятие было невозможно или заняло бы десятилетия, потерянные для модернизации, оставив единственный выбор – социализм и марксизм со свойственными им недостатками.

²¹⁹ Эта формулировка стала вытеснять социалистическое строительство. См.: документы 3-го пленума 16-го созыва. (ЖМЖБ. 22.10.2003).

Глава 4. Во власти реалистического подхода...

патриотизм, – а также частично отказалась от социалистических принципов в политике и экономике. У нее сформировался собственный, построенный на общественной консолидации алгоритм проведения реформы, завершающий период революционных потрясений и возвращающий ее к архетипу традиционной политической культуры²²⁰. Если в маоизме, придерживавшемся революционных методов и классовой борьбы, не могли прижиться идеи Конфуция о социальной гармонии и «золотой середине», «человеколюбии» и «справедливости», связанной с подчинением младших старшим, а не отдельного человека обществу и государству, то в идее Цзян Цзэминя и взглядах Ху Цзиньтао для их интеграции не осталось препятствий.

Заложив на XIV и XV съездах КПК принципиальные социально-экономические, а на XVI – политические основы современного китайского государства, совершенствование которых может стать задачей десятилетий и даже столетий, КПК нашла устойчивые формы воспроизводства социально-экономической и – затем – политической жизни. В отличие от периода острой борьбы за власть, их успешное функционирование зависит от механизма контроля, поддерживающего найденную формулу в рабочем состоянии и ограждающую ее от деградации и энтропии²²¹. На протяжении столетий такой механизм существовал в Китае в виде экзаменационной системы. После образования КНР эти функции взяла на себя кадровая политика КПК, препятствовавшая появлению на государственной службе представителей другой культуры. Однако идеологический догматизм обусловил недостатки такого механизма, преодолеть которые можно, во-первых, восстановлением авторитета нравственных норм, что стимулировало превращение КПК из мобилизующего ядра социально конфликтного общества в аппарат управления, аналогичный институту шэньши (книжников) в традиционном Китае²²². Во-вторых, таким

²²⁰ Традиционная китайская культура, регулируя противоречия, не отбрасывает их, а согласует на уровне системы или на более высоком уровне – ценностного идеала. (Шэньши кэсюэ яньцзю. 1999. № 2. С. 69).

²²¹ На Западе, при естественно-историческом развитии такой контроль осуществляют альтернативные политические силы, при мобилизационном – прежде всего сама власть, создающая внутренние механизмы саморегуляции.

²²² Две трети из 63 млн. членов КПК являются ганьбу, а из оставшейся трети большинство имеет возможность ими стать. В этих условиях членство в партии можно сравнить с успешной сдачей экзаменов на низшую чиновничью должность в императорском Китае. Возрождение традиций управления прослеживалось в призывах Цзян Цзэминя «создавать свой внутренний мир аналогичным предложенному древним мудрецом способом». (ЖМЖБ. 14.03.2000. С. 11).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

средством может стать диалог с другими социальными слоями, о котором все чаще говорят в КПК²²³.

В целом, складывающаяся в КНР общественная система демонстрирует свою жизнеспособность: она в состоянии обеспечить себе легитимность, успешно отвечает на внешние и внутренние вызовы и, наконец, обладает системой воспроизводства. Нельзя, конечно, утверждать, что в Китае не осталось нерешенных проблем, а тем более не появятся новых, но это уже вопросы, касающиеся деталей, а не принципиальной модели развития. Возможно, наиболее существенной гарантией успеха является сохранение в Китае мобилизационного ядра в лице компартии, которая оптимально подходит для проведения реформ, инициируемых сверху, а не революций, возникающих снизу²²⁴. Власть, обеспечивающая достижение целей экономической модернизации, стала важнейшим элементом новой формулы идентичности, воплотив этнокультурные традиции и требования мобилизационности. Связано это с тем, что политическая сила, которая выполняет взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен тремя факторами. Во-первых, способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей, не подчиняясь ей, чего не удалось сделать ни ГМД, слишком рано попавшему под власть традиции, которая серьезно приглушила преобразовательные импульсы, ни китайским либералам, ее отвергавшим. Во-вторых, дисциплинированной политической организацией и твердой политической волей, от которых в конечном итоге зависит успех мобилизационного развития. В-третьих, вниманием к науке, но не строгому, догматическому следованию выводам теории, а к ее потенциалу для анализа текущей ситуации и определению новых тенденций развития²²⁵.

²²³ Обновление политической культуры означает, что изменятся функции правительства, будет объединено управление государства законом и моралью. (Цзефан жибао. 2.07.2002). Ван Чжаого на встрече с руководством демократических партий заявил, что решение 6-го пленума 15-го созыва указывает на необходимость полностью развивать демократический контроль демократических партий для совершенствования партийного стиля. (Синьхуа. 29.09.2001). Вэнь Цзябао заявил, что КПК готова к контролю со стороны общества, а политическая система КНР нуждается в опеке со стороны КПК.

²²⁴ См.: Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 5. С. 25.

²²⁵ Ху Яобан в 1977 г оду, как и Ху Цзиньтао позже, был ректором ЦПШ ЦК КПК, являющейся одним из ведущих партийных органов, в котором теория обретает прикладной характер. Возможно, эта тенденция подготовки высших партийных кадров будет иметь продолжение.

Глава 5.

Идеология и логика китайской модернизации

Модернизация Китая, начало которой положили «опиумные» войны¹, была и в дальнейшем решающим образом связана с внешними факторами, определявшими ее стратегические цели и параметры преобразовательных импульсов. В конечном счете внимание наиболее динамичной и радикально настроенной части китайского общества, пристально изучавшего социально-политические процессы на Западе, остановилось на марксизме. Образованная ею КПК, наряду с положениями классовой теории, приняла характеристику эпохи, данную на VI конгрессе Коминтерна (июль-сентябрь 1928), как эпохи общего кризиса капитализма и перехода к социализму². Вытекая из ленинского определения империализма, такая формулировка примиряла построения Маркса и социалистическую революцию в России, которая, как выяснилось, не способна была осуществить предначертанную ей изначально историческую миссию – «революцию во всемирном масштабе» и была вынуждена на протяжении длительного времени догонять развитые капиталистические страны. Подобная оценка мирового развития в полной мере соответствовала интересам КПК, легитимизируя ее борьбу с ГМД и внушая оптимизм по поводу ее окончательном исходе³. Международное Совецание коммунистических и рабочих партий (1957), зафиксировав существенные изменения в характере мировых процессов, внесло соответствующие уточнения в характеристику эпохи. Признав жизненные силы государственно-монополистического капитализма, оно провозгласило мирное сосуществование и экономическое соревнование главной задачей мирового социализма⁴. Для руководства КПК, осуществлявшего в тот период радикальные социалистические преобразования и по-прежнему рассчитывавшего революционными методами добиться превосходства над капиталистическим Западом, это вывод был неприемлем,

¹ Шэхуйчжуи яньцзю. 1999. № 5. С. 6; 1998. № 1. С. 7, 49.

² Эта характеристика прямо следовала из представлений Ленина о сущности империализма. См.: Ленин. ПСС. Т. 27. С. 387. Т. 30. С. 163.

³ В 1940 г. Мао Цзэдун заявил, что мир вступил в новую эпоху – «эпоху революций и войн, неминуемой гибели капитализма и неизбежного расцвета социализма». Цит. по: Сюэси юй таньсо. Шанхай, 1990. № 4. С. 12.

⁴ См.: Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1960. С. 4–5.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

став одной из причин «прямой идеологической и межгосударственной конфронтации» с КПК и СССР⁵.

Поражение маоистской концепции социально-экономического развития заставило руководство КПК пересмотреть свои взгляды. Провозгласив на XIII съезде мир и развитие главными мировыми тенденциями, КПК ликвидировала почву для идеологических противоречий с другими социалистическими странами. Однако последовавший кризис мирового социализма и распад СССР обнажили несоответствие классических марксистских представлений ведущим тенденциям современности⁶. В результате их анализа претерпела изменение оценка исторической миссии социализма и капитализма, в котором «постепенно изменятся отношения между трудом и капиталом»⁷, а вместе с этим методы и цели социалистического строительства⁸. Главной задачей социализма было названо ускорение экономического развития и повышение совокупной мощи государства⁹. Таким образом, идеологическая доктрина КПК после 1978 г. постепенно переориентировалась с социально-политической на экономическую идентичность, ставшую основой для интеграции КНР во внешний мир.

Исчезновение вызванного классовый идентичностью противостояния двух систем вывело на арену исторического процесса глобализацию, превратившуюся в конце XX в. в важнейший фактор мирового развития¹⁰. Изменившийся характер внешних условий был зафиксирован на XV съезде КПК, охарактеризовавшем теорию Дэн Сяопина как соединение марксизма не только с практикой Китая, но и спецификой современной эпохи, позволившее «вскрыть сущность социа-

⁵ *Рахманин О.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX в. М., 2000. С. 17.

⁶ Из выделенных Лениным черт империализма первые три получили развитие, четвертая и пятая перестали существовать, появились новые черты, в т.ч. сотрудничество между капиталистическими странами, борьба за науку и технику как факторы совокупной мощи государства и др. (Шэхуйчжуи яньцзю. 1998. № 1. С. 75). Обращалось внимание, что еще до В. Ленина К. Маркс неверно оценил уровень развития капитализма и его скорую гибель. (Синьхуа вэньчжай. 1989. № 1. С. 65–69).

⁷ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 1. С. 28. Диктатура пролетариата не уничтожила классы в остальных странах, а в развитых даже не победила, классовая борьба ослабевает. (Там же).

⁸ Синьхуа вэньчжай. 1992. № 10. С. 11.

⁹ Кэсюэ шэхуйчжуи. 1993. № 3. С. 66, 71. Главным смыслом социализма стало быстрое развитие производительных сил, что вскрыл Дэн Сяопин в ходе поездки на юг. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 4. С. 8).

¹⁰ По мнению китайских обществоведов, глобализация стала важнейшей тенденцией мирового развития с 1960-х годов, а для Китая — с 1980-х. (Шэхуйчжуи яньцзю. 1999. № 5. С. 6).

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

лизма»¹¹. Показав возможность развития за пределами дихотомии европейских моделей, глобализация дала дополнительный импульс формированию новой идентичности. Важнейшими факторами мирового развития стала называться: несбалансированность международной ситуации, гегемонизм США, угроза американского «культурного империализма» безопасности Китая и национальному суверенитету¹². Мир и развитие, защищавшиеся социалистической идентичностью в период противостояния двух систем, оказались уязвимыми в глобализирующемся мире. В этих условиях КПК необходимо было вновь определить характер внешнего влияния, учитывая уже не столько борьбу капитализма и социализма, сколько тенденции мирового развития, особенно взаимоотношения по линии Восток-Запад¹³. Расширение сферы противостояния за счет культуры способствовало поискам идентичности в реконструкции собственной, национальной традиции, стихийно воспроизводившейся большинством элементов общественной жизни, а также отрицанию и критике западной цивилизации, но уже несколько с иных, чем марксизм, позиций.

Исходный пункт, таким образом, остался неизменен с тем, однако, отличием, что в социализме надо было найти не оптимистическое продолжение европейского развития, а цивилизационную перспективу Востока. Обострившееся противостояние по оси Восток-Запад было обосновано ссылками на основоположников марксизма, которые еще в середине XIX в. заметили, что под влиянием мирохозяйственных связей «социалистическое движение в Европе зашло в тупик»¹⁴, заставив Маркса отложить «Капитал» и обратить внимание на Восток, чтобы «найти новый путь социалистической революции»¹⁵. По мнению китайских обществоведов, именно этот поворот ознаменовал «окончательное формирование социалистической теории Маркса»¹⁶.

¹¹ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 5. С. 6.

¹² Шэхуй кэсюэ яньцзю. 2002. № 6. С. 1. Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 7. С. 10. Ван Нин. Цюаньцюхуа юй хоу чжиминь пипин. (Критика глобализации и постколониализма.) Пекин, 1998. С. 3. Конечным результатом глобализации станет потеря суверенитета национальными государствами. (Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 7. С. 11). Цюаньцюхуа юй шицзе. (Глобализация и мир.) Пекин, 1998. С. 16.

¹³ Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 73.

¹⁴ В частности, приводилось письмо Ф. Энгельса К. Марксу (1858), в котором отмечалось, что в результате воздействия мирового рынка английский пролетариат обуржуазивается. См.: Шэхуйчжун яньцзю. 1999. № 3. С. 10.

¹⁵ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 1. С. 206.

¹⁶ Шэхуйчжун яньцзю. 1999. № 3. С. 10. Из этого утверждения следовало, что предпосылкой социалистического движения и выбора отсталыми странами социалистического пути является мировой рынок. (Там же. С. 9).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Восточная перспектива социализма требовала доказательств внутреннего кризиса западной цивилизации, а также непригодности его модели развития для отсталых стран, консервируя их отставание. Эта часть доказательства была легко найдена. Объединив мир рациональностью и технической мощью, Западная Европа встала у истоков нового типа развития, в котором для других регионов стал невозможен естественный путь, неизбежно деформируемый интересами и влиянием Запада. «В процессе развития всемирной истории Китай упустил шанс для развития капитализма и уже не мог стать модернизированным капиталистическим государством», ему оставалось только принять вызов истории и совершить социалистическую революцию¹⁷. Таким образом, было признано, что с наступлением империалистической стадии мир стал развиваться по другим, не естественно-историческим законам, гарантировавшим выравнивание уровня стихийным путем, поэтому Китаю необходимо было найти новый тип развития, альтернативный естественно-историческому¹⁸. Подобная реинтерпретация марксизма позволяла адаптировать его к решению текущих задач.

В процессе повторного анализа западной цивилизации выяснилось, что составлявшие основу ее могущества черты не соответствуют не только задачам, которые стоят перед Китаем, но и перед современным миром в целом¹⁹. Главным фактором естественно-исторического развития в Европе была активность индивида, воплотившаяся в частной собственности и правах человека, создавших рынок и политическую демократию, регулируемые универсальными эквивалентами — стоимостью и законом. Сформированная в результате социально-экономическая модель обеспечила Западу переход в новое состояние, которое давало очевидное преимущество перед остальным миром в уровне технологического, военного и экономического развития. Есте-

¹⁷ Фудань сюэбао. 1991. № 1. С. 9. Высокий уровень развития капитализма на Западе «закрыв путь капиталистической модернизации Китая». (Там же. С. 10). Социалистические страны встали на открытый капитализмом путь промышленной цивилизации позже, поэтому им трудно было догонять по капиталистическому пути, им надо было найти новый путь — социализм. (Чжунго шэжун кэсюэ. 1997. № 4. С. 7).

¹⁸ Китай принял ленинский тезис — сначала взять власть, а затем создать условия для преодоления разрыва с другими странами, и не принял тезис Лян Цичао о возвращении на естественно-исторический путь. Позже внесенная марксизмом субъектность облегчила отказ Китая от формационной модели, начало которому положили концепции «строительства социализма с китайской спецификой» и «начального этапа социализма».

¹⁹ Соответствие времени является более универсальным критерием, чем экономическая мощь, которая представляет лишь одну из форм превосходства наравне, например, с религиозной чистотой, нравственным совершенством и т.д.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

венным было желание западной цивилизации свести мировое развитие к единообразию, закрепляющему ее превосходство и действующий статус локомотива истории. Теория модернизации (а до нее теории вестернизации) предлагала универсальный образец исторического развития, соответствующий глобальному характеру мировых процессов, а индустриально-либеральная идентичность объективно увлекала за собой другие страны и народы. Навязываемая остальному миру вместе с передовой техникой, она настойчиво доказывала, что только универсализм гарантирует переход в новое качество.

Изменение баланса между материальной и духовной культурой в пользу индивидуализма и материалистичности, обусловивших преимущество западной цивилизации, со временем вызвали в ней кризисные явления. Порожденные ею демократические и рыночные институты обнаружили неспособность решать появлявшиеся проблемы, в том числе проблемы развития, конфликты с окружающей средой и т.д.²⁰ Одна из причин этого заключалась в том, что, утверждая собственные принципы социальной организации, европейская культура утратила способность к заимствованиям и необходимую для реагирования на вызовы гибкость²¹. Ощущение предела развития и опасность самоуничтожения породили у теоретизирующей элиты пессимизм. «Конец философии» (Г. Гегель, Л. Витгенштейн), «смерть Бога» (Ф. Ницше), «закат Европы» (О. Шпенглер), «кризис западной цивилизации» (А. Тойнби и М. Хайдеггер), «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтона), «смерть Запада» (П. Бьюкенен) стали одной из основных сфер интеллектуальных усилий европейских мыслителей последних двух столетий²².

Оптимистическое продолжение развития западной цивилизации за счет возрождения коллективистских ценностей попытался найти марксизм. На основе анализа капиталистического общества

²⁰ Западная модель рыночной экономики имеет непреодолимые внутренние противоречия. (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 5. С. 27). Гражданское общество — это высшая историческая форма товарной экономики, в которой существуют противоречия частных и всеобщих интересов. Проект их решения выдвинула марксистская философия. (Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 7. С. 77).

²¹ Китай умело избегал такой участи, поставив на службу преимуществу духовной культуры, поэтому даже побежденный ассимилировал завоевателей и выживал. Но и он, утратив навык заимствования, не смог повторить успех Мэйдзи и оказался в XIX в. бессильным перед Западом. Решающее отличие между Китаем и Западом заключается в том, что Запад, преуспев в покорении природы, не выработал средства для борьбы с самим собой — самоограничения, развитого в изолированной китайской цивилизации.

²² На это обращалось внимание и в Китае. См., напр.: Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 51.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

он предложил стройную концепцию гармонизации общественных отношений и ускорения экономического развития через обобществление средств производства, централизацию управления и планирование. Открытые им в ходе естественно-исторического развития внутренние пружины могли быть использованы вне рамок естественным образом сложившегося механизма – в другой культурной среде. Коллективистские восточные общества, в которых были сглажены социальные конфликты и политические противоречия и господствовала единая государственная идеология, были внутренне готовы к тому, чтобы сконцентрировать ресурсы на наиболее важных проектах в целях ускорения экономического роста, используя для этого плановую экономику, авангардную партию и тоталитарную административно-политическую систему. Телеологический характер марксизма, таким образом, заложил основы мобилизационного развития. Именно так и стала оценивать марксизм китайская общественная мысль²³. Выбор социализма Китаем был обоснован желанием преодолеть отставание от Запада с учетом марксистской критики капитализма и отличным от естественно-исторического путем. Вместе с тем европейское происхождение делало противоположность капитализма и социализма абсолютной только в рамках одной цивилизации. Главное отличие между ними состояло не в уровне экономического развития и даже не в мере государственного регулирования, а в том, что стихийно сложившиеся демократия и рынок плохо сочетались с плановым характером экономики и политической однородностью, создававшими предпосылки для ускоренного развития. Все это позволяло Китаю прагматично подходить к использованию достижений западной цивилизации.

Кризис, поразивший социализм в конце XX века, потребовал новых аргументов для критики Запада и предлагаемой им модели развития в пользу собственной альтернативы²⁴. Набиравшие в Китае силу тенденции совпали с ростом влияния постмодернизма, который «нанес удар по капитализму, обратив взгляды на Восток»²⁵. Достижение значительным числом стран уровня модернити, обязательным этапом которого было разрушение старой идентичности,

²³ Субъектность (сознательное следование цели) – это сущность человечества. (Шэжуйчжуи яньцзю. 1998. № 2. С. 20).

²⁴ В этой связи в 90-е годы усилилось внимание китайских лидеров к близким в культурном отношении Сингапуру, Японии и Южной Корее. В 1995 г. в КНР активно проводилась кампания по пропаганде президента Сингапура Ли Куанью, которого на фоне пропаганды конфуцианства называли образцовым примером авторитарного правителя.

²⁵ Чжунго шэжуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 31. Концептуализация современного общественного развития неизбежно приводит исследователей к Китаю. (Д. Аптер, С. Хантингтон и др.)

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

вновь повысило интерес к «многообразию стилей мышления», «равенству онтологий» и диалогу²⁶. Одновременно стала подвергаться критике рациональность как одна из характерных черт модернити, неизбежно подавлявшая духовные ценности и препятствовавшая формированию новой, нематериальной идентичности²⁷.

Ссылаясь на критику капитализма постмодернизмом, Китай зафиксировал новые черты кризиса Запада и начало новой эпохи мирового развития²⁸. В этих обстоятельствах органичной выглядела мысль о том, что единственное эффективное средство для преодоления кризиса – развитие в антропоцентричной культуре Востока нравственные принципы и самоограничение, способные нейтрализовать негативные последствия рыночной экономики²⁹, а также восточная философия, предлагающая противоядие противопоставлению духа и материи, разделению субъекта и объекта и призывающая «западную философию повернуться к китайскому разуму в поисках своей духовной родины»³⁰.

В результате анализа, предпринятого уже не с классовых, марксистских позиций, а позиций цивилизационных, выяснилось,

²⁶ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 1. С. 25–35. Рассуждения китайских ученых опирались на серьезное изучение западных работ, в т.ч. на дискуссию Ю. Хабермаса и М. Фуко, считающуюся одной из классических монографий – *Best S., Keller D. Postmodern Theory. Guilford press. 1991.* и др.

²⁷ На Западе люди уже не верят в бога и рациональность, нет стабильного общепризнанного духовного стержня, нет цели в будущем. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1998. № 1. С. 18–19). «Причина упадка рациональной культуры заключается не в сущности рационализма, а в ее экспликации, погоне за натурализмом и объективизмом». (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1993. № 1. С. 55). В Китае в качестве основы был выбран китайский способ рационального мышления «шиши цю ши», который, в отличие от европейского, имеет практический и прикладной характер. (Шэхуй кэсюэ. 1990. № 6. С. 9). Существовала и другая точка зрения, согласно которой «практическая рациональность» китайской культуры придает марксистской теории пороки национальной культуры. (Фуцзянь луньтань. 1989. № 3. С. 44).

²⁸ По мнению западных ученых человечество вступило в период кризиса, созданного людьми. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1998. № 1. С. 21). Переломный характер мирового развития был признан Цзян Цзэмином на XIV съезде.

²⁹ На это в первую очередь и указывали китайские авторы: Постмодернизм нанес удар по капитализму и заставил обратиться к конфуцианству. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 31).

³⁰ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 1. С. 201. Вообще, идея первородства Китая приобретает все больше сторонников в КНР. См.: «Китайская Народная Республика в 1999 году». М., 2001. С. 261–266. Даже фундаментальные основы современной западной цивилизации они пытаются найти в Китае. Характерно, в частности, утверждение, что Лейбниц обратил внимание на появившийся в Европе трактат «Чжоу и» и создал двоичную систему исчисления, лежащую в основе современного программирования. (У Сюи. Чжунго взньхуа жэ. (Ажитаж вокруг китайской культуры.) Шанхай, 1988. С. 19).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

что в результате социалистического периода развития в Китае сложилась жизнеспособная общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, адекватна требованиям современного мирового развития – приоритету интересов государства. Основные контуры этой системы изначально были присущи социализму – авангардная партия, оперативно реагируя на внутренние и внешние вызовы, идеально подходила для мобилизационного развития и к тому же была близка традициям бюрократического управления, что значительно упрощало ее восприятие в обществе, а предлагаемая ею централизованная плановая экономика – адекватна задачам текущего развития³¹. Однако в процессе функционирования этой системы вскрылись ее недостатки, серьезно препятствовавшие достижению поставленных целей: высокая социально-политическая активность, мобилизуемая в ходе массовых общественных кампаний, дестабилизировала ситуацию, препятствуя экономическому росту, а идеологические принципы мешали повышению темпов с помощью рыночных механизмов.

Разделение хозяйственно-административных и партийных функций должно было приглушить этот конфликт, придав динамизм экономической политике и сохранив в неприкосновенности идеологические принципы, т.е. соединить требования рыночной экономики и преимущества социализма. На практике разделение функций не решило эту проблему. Проведенные рыночные реформы создали условия для экономического роста, но одновременно с ним стал формироваться новый центр силы, распространявший свое влияние и подчиняя интересам экономики остальные сферы общественной жизни. Предпринятые усилия по демократизации не оправдали возлагавшихся надежд. В этих условиях демократия в Китае стала оцениваться сугубо функционально. Обществоведами подчеркивалось, что китайское понимание демократической политики возникло не из внутренних потребностей, а под влиянием иностранного вторжения, и до сих пор не решены вопросы: является ли демократия в Китае средством или целью, каковы отношения политической культуры и политической системы, политики правящей партии и демократической политики³².

³¹ В Китае крепкие кровно-родственные связи делали невозможным первый этап индустриализации, связанный с массовым обнищанием. Современная техника позволила провести индустриализацию с минимумом разрушительных последствий для общины. Раньше всех это понял Сингапур, который, утвердив меритократию в качестве принципа государственного строительства, реконструировал конфуцианскую модель управления.

³² Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 4. С. 203.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

На этом фоне в руководстве КПК сложилось твердое убеждение, что одна из главных задач реформ заключается в создании единого механизма государственного управления, сочетающего динамизм и верность идеологическим принципам. Для его нормального функционирования необходимо было создать процедуру преемственности, которая бы придала стабильность и системность процессу обновления власти, наделив легитимностью инициативы нового поколения. В обществе, где идеалом справедливости является не социальное равенство, а следование нравственным принципам³³, политический механизм должен был не согласовывать общественные интересы, а осуществлять контроль над их соблюдением, заставляя власть совершенствоваться подобно тому, как это осуществляет политическая оппозиция на Западе. Стихийное возрождение конфуцианских норм, на определенном этапе поддержанное властью, ослабило социальное напряжение, а принятые КПК внутренние преобразования преодолели революционный радикализм и инерцию партийного догматизма, превратив партию в признанный обществом институт государственного управления³⁴. Китайская цивилизация в итоге восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни – не через авторитет силы, а через силу авторитета³⁵. Такая идентичность позволяла Китаю отстоять свою независимость, решив стоявшие с середины XIX в. задачи.

Между тем глобальная ситуация продолжала меняться. По мере того как материально-технические достижения Запада становились достоянием всего мира, стали обостряться противоречия между его частями. Приглушив под давлением нарастающего межцивилизационного напряжения остроту внутренних противоречий, западная цивилизация претерпела глубокие метаморфозы и стала воспринимать себя скорее как противоречивое целое, чем борющи-

³³ Одновременно решалась важная для Китая нравственная проблема – традиционное противопоставление долга-справедливости и пользы-выгоды, которая была признана неотъемлемой частью современной экономической жизни, соответствующей при совпадении с интересами общества долгу.

³⁴ КПК вовлекала массы в политический процесс, чтобы обеспечить себе легитимность, а вовсе не для того, чтобы наделить каждого гражданина субъектностью, препятствующей мобилизационному развитию. В Китае это называется «азиатская модель ограниченной демократии», «китайская демократическая модель единства законодательной и исполнительной власти» и т.д. (Шэхуйчжуи яньцзю. 1998. № 2. С. 17).

³⁵ Традиционная китайская этика считала, что человека можно изменить, и в этом ее современная ценность. Конфуцианство преодолевает материальное содержание в отношениях между людьми. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 41).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

еся противоположности, приступив к культурно-цивилизационной консолидации: сначала военной – североатлантической, а затем и экономической – европейской интеграции, постоянно усиливая свое давление на остальной мир³⁶.

Одновременно успешное экономическое развитие восточно-азиатских стран в конце XX в. создало принципиально новую ситуацию, доказывающую превосходство духовной культуры Востока, способной использовать и развивать достижения западного мира в производстве, торговле и рыночных отношениях, не жертвуя своими традициями³⁷. Более того, Китай, несмотря на давление Запада, мобилизовав потенциал социализма и традиционной культуры, нашел перспективное продолжение развития. Для воодушевленного успешным решением задач экономического роста китайского руководства все острее вставал вопрос о его роли в мире, которая не могла определяться только экономическим и технологическим уровнем. Постепенно социалистический характер модернизации стал связываться не столько с методами ее проведения, сколько с характерными чертами китайской культуры³⁸, а причина предыдущих неудачных попыток модернизации усматривалась в том, что в условиях национального кризиса и борьбы за спасение им «не хватало идейной и культурной подготовки»³⁹.

Таким образом, на протяжении предыдущего периода с момента образования КПК универсализм западной модели рассматривался как пропуск в новое состояние, объясняя популярность и влияние марксизма. В 1990-х годах ситуация изменилась, заставив пересмотреть прежние подходы⁴⁰. В первую очередь это затро-

³⁶ См.: ВФ. 2005. № 1. С. 1-13.

³⁷ «Европеизация не равняется модернизации». (Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1992. № 6. С. 80).

³⁸ «Социалистическая модернизация китайского типа — это социалистическая модернизация, имеющая характерные черты китайской культуры». У Сюи. Чжунго вэньхуа жэ. (Ажиотаж вокруг китайской культуры.) С. 135. «Социалистическая духовная культура — это основная черта социализма». (Чжунго шэжуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 39).

³⁹ У Сюи. Чжунго вэньхуа жэ. (Ажиотаж вокруг китайской культуры.) С. 45. Изучение заморских дел предшествовало рождению течения «за новое мышление», а Синьхайская революция произошла раньше, чем возникло «движение за новую культуру». В то время как западные страны сначала проводили реформы в идеологии и культуре, и только затем в экономике и технике. (Там же).

⁴⁰ Хотя сохранились и прежние точки зрения. Параллельное строительство экономики, социалистической духовной культуры и социалистической демократии «значительно ускорит процесс модернизации в Китае и непрерывно будет сокращать различия нашей страны с развитыми странами мира». (Шэхуйчжуй яньцзю. 1998. № 1. С. 49).

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

нуло идеологический фундамент КПК. Появились утверждения, что длительное время сущностью ленинизма считался его исключительно универсальный, интернациональный характер, объединенный классовой борьбой, тогда как на самом деле формирование ленинизма воплотило единство духа нарождающейся эпохи и национальных особенностей России⁴¹. Идентичность была признана источником развития и преимуществ, а в общественном развитии четко обозначались фазы универсализма и идентичности, свойственные соответственно подавляющему превосходству западной цивилизации и современному Востоку, демонстрирующему своими успехами ограниченность Запада⁴².

Доказав жизнеспособность своей модели, целью Китая стало уже не соответствие конкретному примеру или теоретически обоснованной модели, а новая стратегия развития, формирующая новую идентичность. Опыт социалистического строительства, интегрировавшего западную индустриальную культуру в национальные традиции и создавшего феномен мобилизационности, стал основой для такого движения. Проводившаяся КПК политика модернизации стала приобретать новые черты, превращаясь из единовременного акта приведения в соответствие определенным критериям реформируемого организма в тип развития, стремящийся к постоянно повышающейся планке мирового уровня, «соответствию времени». От мобилизационной модели, эксплуатирующей культуру традиционного общества, наметился переход к модели, более гибко реагирующей на постоянные внешние и внутренние вызовы. Китаю, таким образом, эмпирическим путем удалось преодолеть слабости постмодерна, выступавшего за равенство идентичностей, которое не могло утвердиться в едином мире, постоянно испытывая давление внешней среды.

После того как Китай определил контуры своей новой идентичности, ее легитимность тоже должна была обрести китайское происхождение, предопределив появление доказательств исключительности китайских прав на марксизм, изначально лежавший в основе китайской модернизации. «Некоторые пытаются объяснить марксистскую философию с позиций западной философии, перетянуть марксистскую философию на путь западной философии, счи-

⁴¹ ГМЖБ. 2.11.1992.

⁴² Возможна и другая трактовка. Для современной западной цивилизации идентичность — это всегда конфликт с другой идентичностью. Конфликту цивилизаций Восток противопоставляет синтез культур. См.: *Виноградов А.* Модель развития Китая: идентичность и универсализм. // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. М., 2005. Ч.II. С. 99–102.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

тают, что критика марксизмом капитализма и постмодернизма одинакова. Эта позиция полностью ошибочна, потому что у марксистской философии с западной философией не только идеи, метод и направление не одинаковы, но и основной дух не одинаков»⁴³. «Марксизм – самое мощное оружие для критики и предотвращения полной вестернизации»⁴⁴. Превосходству Китая в использовании марксизма в современных условиях после событий 1989–1991 годов в Европе было найдено практическое подтверждение. Современный социализм стал рассматриваться как продукт соединения основных положений научного социализма с социалистической практикой восточных стран в XX веке⁴⁵. Появились даже утверждения, что Дэн Сяопин первым системно ответил на вопрос, как строить социализм, обогатив теорию марксизма о восточных обществах, а его теория о строительстве социализма с китайской спецификой стала «полностью новой дорогой восточного социализма»⁴⁶.

Подчеркнутая преемственность с марксизмом сумела положить начало новой традиции. Но социалистического выбора было явно недостаточно для законченного оформления новой идентичности. Необходимо также было выработать «отношение к древности и борьбе Китая и Запада»⁴⁷. Очевидно, что этот процесс должен был быть двусторонним и состоять из китаизации марксизма и западного знания вообще и модернизации традиционной китайской

⁴³ Чжэсюэ яньцзю. 2002. № 7. С. 77–78. «Марксистская философия должна вскрыть свою современную ценность и урегулировать свои отношения с западной и восточной философией». (Там же). У марксизма и традиционной китайской философии много общего, эту общность обнаружил еще Гегель. (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 4. С. 3). Знания о Китае стали идейным оружием для зарождающегося буржуазного протестантства, вдохнули жизненные силы в западную философию. (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 4. С. 4).

⁴⁴ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 37–38.

⁴⁵ Его формирование начал Ленин, а Сталин и Мао Цзэдун его продолжили. (Шэхуйчжуи яньцзю. 1998. № 3. С. 1). Социализм в Китае мог быть только конфуцианским, «о китайском социализме писал еще Маркс». (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 4. С. 11).

⁴⁶ Шэхуйчжуи яньцзю. 1998. № 2. С. 40, 42. Его отличие от классического социализма заключается в китайских новациях форм собственности, распределения, товарной экономики, отношения к эксплуатации, методов проведения революции. (Там же. № 3. С. 1-2). Желание связать Китай и социализм на генетическом уровне возникло и раньше. Чэнь Бода на митинге в Яньани в мае 1938 г. заявил, что учение о социализме и коммунизме не внесено в Китай извне, а имеет корни в китайских национальных традициях. В период, когда Восток намеревался опередить Запад, оно вернулось на родину. См.: Гельбрас В. О классовой природе маоистской идеологии. Маоизм и массовое сознание. // Маоизм и мировой революционный процесс. М., 1974. Т. 4. С. 8.

⁴⁷ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 1. С. 202–203.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

культуры, т.е. должен был урегулировать отношения между марксизмом, китайской традиционной и западной культурами⁴⁸. Эта проблема сохраняла ключевое значение для Китая на всем протяжении XX века, несмотря на то что в отдельные периоды уходила из эпицентра общественно-политической жизни. Все ведущие политические силы рассчитывали на победу во внутрикитайском противостоянии, взяв за основу только одну из составных частей⁴⁹. Однако еще в 30-х годах крупнейший китайский историк Чжан Дайнянь заявил, что преимуществ нет ни у одной стороны, необходимо, взяв их достоинства, создать новую культуру⁵⁰. Политические процессы в конце XX в. подтвердили эту точку зрения, когда последовательно доминировавшие ортодоксально-марксистские, либеральные и традиционные взгляды и общественно-политические тенденции вызывали социальную нестабильность, препятствуя достижению экономических результатов. Выход стал связываться с принципом «и во вэй чжун, вей во со юн» (свое – главное, использовать на благо своего)⁵¹ и созданием новой национальной культуры⁵².

Однако детали и характер этого процесса по-прежнему во многом зависят от состояния современного Запада. Несмотря на охватывающий западную интеллектуальную элиту пессимизм, Китай отдает себе отчет в том, что пока не в состоянии противопоставить ничего, что

⁴⁸ Эта задача характерна и для Тайваня. «Если в континентальном Китае произошла китаизация марксизма, то у нас на Тайване произошла конфуцианизация европейско-американской модели демократии». (Чжан Сюйсинь) Цит. по: *Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* Из истории идеологии «сяокан» // ПДВ. № 3. С. 27. См. также: *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993; *Он же* Введение // Конфуцианское «четверокнижие». («Сы шу»). М., 2004. Понятие «конфуцианский капитализм» встречалось в китайской научной литературе значительно раньше. (Шэньси шидя сюэбао. 1989. № 4. С. 112).

⁴⁹ Первый спор между ними был в период «Движения 4 мая», когда отношения выясняли три точки зрения: почвенническая, западническая и марксистская. В 1949 г. победила марксистская. Дискуссия о культуре 1980–1990-х годов продолжила спор – куда идти Китаю? (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 36).

⁵⁰ Чжан Дайнянь считал, что теория превосходства восточной культуры, включая теорию «возрождения конфуцианства» обрекает Китай на возвращение в прошлое, а полная вестернизация ведет назад, к капитализму. (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 5. С. 40).

⁵¹ Шэхуй кэсюэ яньцзю. 1999. № 1. С. 20.

⁵² Чжунго шэхуй кэсюэ. 1998. № 2. С. 200. Некоторые авторы утверждали, что она уже создана. При этом отмечалось, что гонконгская и тайваньская культуры не являются собственно китайскими. Вероятно потому, что они конфуцианизируют капитализм. Проводимая в них модернизация – капиталистическая с конфуцианским оттенком, ее цель – укрепление и развитие частной собственности. (Там же. 1997. № 2. С. 34).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

могло бы нарушить сложившуюся иерархию, в которой за Западом сохраняется роль мирового лидера, и по-прежнему продолжает у него учиться, хотя и не так восторженно, как раньше, признав достоинства собственной традиции⁵³. В КНР существует понимание того, что ее успехи и экономический рост ЮВА, выдвинув конфуцианство на авансцену мировой культуры, не означают, что теория «ведущей роли восточной культуры» заменит теорию «центрального места западной культуры»⁵⁴. Если по валовым экономическим показателям ситуация еще может измениться в обозримом будущем, то по уровню развития фундаментальной науки и высоких технологий – важнейшего источника западного могущества – представить это пока невозможно⁵⁵. В этих условиях надежды на появление новой цивилизационной (социально-исторической) инициативы связываются с Востоком только при условии глубочайшего кризиса Запада и неизбежного вследствие этого кризиса всего нынешнего мироустройства⁵⁶.

* * *

В истории китайской модернизации отчетливо прослеживаются две фазы – революционная и реформационная. Первая сумела преодолеть инерцию и привести в движение традиционную культуру, не подчинявшуюся реформаторским импульсам, создав тем самым условия для перехода вслед за Западом в новое качественное

⁵³ Надо использовать положительные факторы китайской культуры, проявляющиеся в высокоцентрализованной модели управления, для создания рыночной экономики. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1993. № 2. С. 76).

⁵⁴ Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 31. Одна из причин этого в том, что Китай в силу этнокультурных особенностей не может концентрировать мировые интеллектуальные силы. А желание усилить влияние собственной культуры на международной арене, прослеживающееся в документах XVI съезда КПК и 4-го пленума ЦК 16-го созыва (сентябрь 2004), наталкивается на отсутствие на данный момент культурных интерфейсов с внешним миром.

⁵⁵ Все открытия последнего времени были сделаны европейцами. У китайцев отсутствует творчество как предельное выражение субъектности по отношению к природе, его заменяет созерцательность. Для китайского типа мышления характерно не открытие, а изобретение и бесконечное совершенствование, поэтому оно эффективно для выполнения поставленных задач, в т.ч. модернизационных, но не predisposed к созданию принципиально нового, нарушающего заведенный порядок вещей и возможного только в результате деятельности высокоабстрактного мышления. Это признают и сами китайцы.

⁵⁶ Такое уже было в раннее Средневековье, когда церковь играла определяющую роль в развитии Европы. Возможно, опасения вследствие этого нового синтеза с Востоком и порождают пессимизм западной философии. Тем не менее перспектива дестабилизации мировой системы в результате ее кризиса открыто обсуждается. См.: ВФ. 2005. № 1. С. 6.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

состояние⁵⁷. Избранная победившим в результате революции мобилизационность способствовала формированию новой идентичности, особенно заметной на фоне других государств, развивавшихся естественно-исторически. Однако революционные изменения в силу высокой динамичности оказались неспособными быстро создать стабильные формы воспроизводства и, в отличие от эволюционных, были отягощены обратимостью, а достигаемый ими рост был чреват тотальным разрушением социального организма.

Второй фазой преобразований неизбежно должны были стать реформы, трансформирующие уже новую революционную реальность в стабильную социальную систему. Институционализация мобилизационности в процессе реформ превратила ее из черты развития в более фундаментальную характеристику – элемент механизма развития, соответствующий уплотнившемуся социально-историческому, а не естественно-историческому времени. Модернизация как навязываемое силой обстоятельств и волей правящего класса приближение к уже существующим стандартам иной культурной среды стала уступать место мобилизационной модели, призванной поддерживать соответствие с постоянно меняющимися внешними условиями.

Результат этих процессов не был предопределен заранее. Интернационализация производства, предъявляя единые требования к национальным экономикам, способствовала формированию общей для всех стран индустриальной культуры, приближение к которой предполагало автоматические линейные изменения в других сферах жизни. Традиционная культура должна была расстаться с чертами, несовместимыми с западной материальной культурой, которой, в свою очередь, также необходим был компромисс с национальной традицией, поддерживавшей стабильность общественной системы в период трансформации⁵⁸. Главным препятствием для синтеза была традиция верховной власти, составлявшая основу китайской идентичности, которая не без оснований опасалась угрозы своей монополии со стороны более или менее отдаленных последствий развития материальной культуры. Нарушив преемственность власти и преодолев инерцию традиции, она тем не менее стремилась сохранить культуру в качестве основы новой социокультурной конструкции и найти адекватные формы для ее воспроизводства.

⁵⁷ Для конфликтного Запада революция была органичной формой развития, облегчив переход в новое состояние. В инертной традиционной культуре глубокие изменения также возможны только революционным путем, поскольку импульс от реформ недостаточно силен.

⁵⁸ Это требование не относится к Западу, где появление индустриальной культуры было естественным продолжением европейской техногенной цивилизации.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

Объективно существовало два варианта решения этой проблемы. Для стран, не обладающих цивилизационным ядром, модернизация неумолимо вела к западным ценностям и западному пути развития. Достигая сравнительно высокого экономического уровня, позволяющего интегрироваться в мировую систему, мобилизационная модель исчерпывала себя, вызывая желание принять существующие экономические, социальные и политические механизмы, используемые ведущими странами мира⁵⁹. Перспектива такого хода событий существовала и в КНР, которая, переориентировавшись на экономические критерии, создала предпосылки для сугубо экономической интеграции в современный мир. Однако появившиеся в конце XX в. свидетельства того, что и сам мир вступил в новую эпоху, параметры которой до конца не определены, потребовали дополнительных усилий по укреплению государства для защиты от внешних угроз. Повышение «совокупной мощи» не коррелировало в должной степени с традиционной культурой, которая стала отвоевывать утерянное пространство, чему способствовала и сама коммунистическая партия, в интересах поддержания стабильности вновь начавшая эволюционировать в сторону традиционных форм политической организации. Реваншистское давление собственной культуры невозможно было игнорировать, и реакция на него стала прологом к новому повороту в развитии.

Для цивилизаций достижение определенного уровня могло стать источником формирования новой идентичности, которая не противостоит традиции, а использует ее, заставляя отказываться от традиционного только там, где невозможна экономически обоснованная альтернатива. Для Китая, сохранившего цивилизационное ядро, было недопустимо смириться с ролью одной из частей современного мира. Его устраивала только абсолютная субъектность, не только полная независимость, но и авангардная, мобилизационная идентичность, сохраняющая власть КПК, сложившуюся модель общественного устройства и новый тип развития, гарантирующий адекватность цивилизации новым вызовам⁶⁰.

⁵⁹ Именно такая модель требует строгой очередности реформ. Однако, найдя таким образом модель воспроизводства, ГМД потеряла власть, а экономические результаты правления победившей Миньцзиндан пока вызывают разочарование. О политическом развитии на Тайване см.: *Ларин А.Г.* Два президента. Или путь Тайваня к демократии. М., 2000; *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М., 1997.

⁶⁰ Для Китая стало важным доказать свое интеллектуальное лидерство в регионе и незападном мире в целом. В научной периодике стала появляться новая интерпретация исторического развития региона: капиталистическая программа развития Хун Жэньгана появилась раньше, чем в Японии (Гуандун шэхуй кэсюэ. 1991. № 3.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

Возросшее влияние экономики необходимо было компенсировать соответствующим усилением власти, чтобы уравновесить новую общественную систему и придать стабильность воспроизводству ее культурных форм. Для этого, во-первых, был создан механизм воспроизводства власти, постоянно задающий новые цели и поддерживающий таким образом мобилизационный тип развития. Во-вторых, политическая монополия КПК была гарантирована не только возрождением конфуцианских норм и расширением социальной базы, но и закреплением за компартией функций по определению стратегических целей развития, восстановлению суверенитета над бывшими колониями и объединению с Тайванем, обеспечившим сохранение ее в качестве ядра китайской нации и китайского государства.

В отличие от европейских стран, затративших на естественно-историческую трансформацию в современное общество несколько поколений, постепенно приспосабливаясь к новым условиям и меняя традиционные ценности, Китай сохранил их в гораздо большей степени, продемонстрировав иную меру синтеза с новой материальной культурой⁶¹. Социализм воплотил европейскую техногенную традицию, которую не могла создать традиционная культура, но не принял европейского индивидуализма. Именно поэтому, признав связь материально-технической отсталости и культурных традиций, препятствовавших появлению динамичной экономики, новых орудий труда и производственных отношений, он подверг критике исключительно экономический характер общественных отношений, поместив отличия между социализмом и капитализмом в сферу культуры⁶². Усилившиеся тенденции к глобализации, сти-

С. 68.), а социализм в Китае — раньше, чем в Европе (Чжэсюэ яньцзю. 1999. № 4. С. 14, «Китайская Народная Республика в 1999». С. 206).

⁶¹ Здесь важно оговориться, что и материальная культура серьезно изменилась, открыв новые возможности для синтеза. Индустриальная, качественно чуждая восточной, культура уступает место постиндустриальной, информационной, в которой возможностей Востока проявить себя гораздо больше именно в силу отсутствия императивности такого понятия, как эквивалентный обмен.

⁶² В Европе в последнее время социализм часто трактуется как идея критики общества, в котором основой является политика и экономика, и критика цивилизации, в которой главное — разделение. Главная идея социализма связывается с обществом, где фундаментальными являются не экономические отношения, а, например, культурные, духовные и нравственные. В Китае пока еще преобладает более сдержанная позиция. «Этическое учение, содержащееся в традиционной китайской культуре, не является главной причиной экономического взлета Восточной Азии». Конфуцианская этика помогает решать вопросы, вызванные экономическим ростом и западным образом жизни. Но Сингапур, Корея и Япония живут не только по конфуцианской этике, но и по закону. (Чжунго шэхуй кэсюэ. 1997. № 2. С. 33—34).

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

рая различия в материальной культуре, сместили цивилизационную специфику в область духовной и политической культуры, совпав с постмодернистскими тенденциями. Материальная идентичность, обеспечившая превосходство западному миру, постепенно уступает место духовной, являющейся универсальным источником развития и новой формационной инициативы⁶³.

К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, решающей конфликты между властью и материальной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но ее механизм, в отличие от либерально-демократического, не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития, принявшего на себя функции поиска и поддержания идентичности. Окончательный исход модернизации, таким образом, не только в Китае зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей старые институты, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.

⁶³ Вызывает, однако, настороженность, что логическим продолжением усиливающегося внимания к нравственным аспектам и культурной идентичности с конца 1990-х годов стал ответ Западу и модерну со стороны культурно-религиозного фундаментализма, провоцирующего аналогии со Средневековьем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость предоставлять точную аналитическую информацию объясняет неистребимое желание политологов строить прогнозы, точность которых стала бы самым надежным показателем того, что загадку Поднебесной удалось наконец разгадать. Трудно представить, что в ближайшее время Китай ждут столь же масштабные перемены, с которыми ассоциируется его история XX века. Тем не менее непредсказуемость по-прежнему остается неотъемлемой частью его специфики. Прогнозы, которые строились политологами относительно дальнейшего пути развития после смерти Мао Цзэдуна, не оправдались, не произошло радикальных изменений и после ухода Дэн Сяопина, с которым многие связывали начало политической либерализации. Вместе с этим ничего существенного не изменилось и в парадигме осмысления политической истории КНР, которая, по замечанию Б. Шварца, носит «эпизодический характер» и в ней «не прослеживается ни одной константы»¹.

Очевидно, что причина неточности прогнозов заключается не в недостаточной квалификации наблюдателей и не в недостатке информации, а в способе ее освоения. Мы строим свою жизнь в соответствии со знанием об окружающем нас мире. Европейская наука стремится познать явление, сформулировав его законы. Именно поэтому история западного мира всегда была представлена социально-экономическими концепциями, не только описывающими и объясняющими, но и дающими основание прогнозировать. Попытки Китая положиться на западные схемы развития не увенчались успехом, заставив его вернуться к построению эмпирической модели, опирающейся на осязаемый опыт больше, чем на соответствие теории. Вместе с этим стали таять надежды на то, что Китаю удастся найти место в одной из известных европейских концепций, способной стать прочным основанием для прогноза. Еще более серьезную проблему для составления точных прогнозов представляет незавершившееся становление новой глобальной эпохи. Главный вопрос – сможет ли Китай вписаться в очередную поворот мирового развития – будет оставаться без ответа до тех пор, пока не удастся понять характер глобальных изменений.

Для того чтобы определить траекторию и параметры предполагаемого развития, в первую очередь следует обратиться к миро-

¹ *Schwartz B. On the New Turn in China // Dissent. NY. 1989. Vol. 36. № 4. P. 451.* Б. Шварц подробно аргументирует свою точку зрения примерами, свидетельствующими о непредсказуемости китайской истории.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

вой истории, вычислить фазу цикла, в которой она находится, и попытаться на этом основании определить вектор исторического движения Китая.

Появившись на Востоке в результате высокого уровня развития культуры, цивилизация постепенно продвигалась на запад, достигнув, в конце концов, Греции. В эпоху Александра Македонского Европа впервые бросила вызов Азии, заявив о себе как о самостоятельном субъекте, а создав античную цивилизацию, до сих пор считающуюся классическим примером развитой социальной организации, получила право называться Западом. С тех пор развитие двух миров происходило в постоянном соперничестве². В цикле мировой истории, начавшемся с появлением и широким распространением христианства, восточная религиозность почти на тысячу лет определила интеллектуальное и духовное лицо Европы. Этот период закончился Новым временем, восстановившим приоритет материального и положившим начало глобальной экспансии европейской цивилизации. В XIX в. Запад победил «окончательно».

Актуальную на протяжении последних пяти столетий проблему взаимодействия Востока и Запада описывают тесно связанные между собой понятия «вестернизация», «модернизация» и «глобализация». Характеризуя их отношения, исследователи, как правило, останавливались на первой строке «Баллады о Востоке и Западе» Д. Киплинга, фиксируя несводимость двух культурных миров³. Европейское материалистическое сознание буквально понимало следующую строку о «страшном господнем суде», отбрасывая ее как неактуальный религиозно-поэтический образ. Благодаря науке мир все-таки оказался сведен воедино развитием техники, транспорта и информационных потоков, и встреча Востока с Западом перестала восприниматься просто символом страшного суда, точно определив победителя. Однако все более заметные проявления его кризиса поставили вопрос о возможной утрате им лидирующего места в мире, дав шанс Востоку. Косвенно на это указывает европейская общественная мысль, на протяжении двухсот лет упрямо твердящая о кризисе не только западной цивилизации, но и

² Даже история Востока стала оцениваться по тому, как она отразилась на развитии Запада и его нынешнего превосходства.

³ О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?
(Перевод Е. Полонской.)

Восточные мотивы. М., 1985. С. 275.

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

ее философии, всегда находившей жизненно важные, спасительные решения. В этом отношении протекающую трансформацию по своему масштабу и последствиям можно сравнить, как уже отмечалось, даже не с Возрождением и Реформацией, а с переходом к неолиту⁴. Исход противостояния двух миров будет необычен и в соответствии с парадоксальной логикой гармонии, скорее всего, покажет несостоятельность нынешних критериев и подходов.

Доминирование Запада, породив чувство превосходства, одновременно указало на предел, который достигла его агрессивно-деятельностная сущность. Восстановить ощущение гармонии могла только соответствующая высокому уровню материальной культуры духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений. Пессимизм западной философии, исчерпавшей внутренние ресурсы, в значительной мере вызван воспоминаниями о религиозной, восточнической, средневековой фазе развития и опасениями, что Европе снова придется раствориться в Востоке, который с самого начала воспринимался как оппонент, не позволял выйти из бинарной логики и говорить о синтезе как о новом, третьем элементе исторического пространства. Восток, наоборот, демонстрирует деятельностный оптимизм на основе уже осуществленного синтеза. Породив Запад, он, похоже, готов принять его обратно, но уже с приданным в виде науки и техники.

В целом глобальное развитие дает основание говорить если не о наступлении, то о приближении незападной фазы, в которой особую роль приобретут черты, характеризующие современный Восток. Сможет ли Китай оказаться адекватным моменту? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было проанализировать его недавнюю историю под углом зрения мировых процессов, экстраполировав ее логику на современность.

Изолированное от внешнего мира традиционное китайское общество создало отлаженную систему государственного управления, которая подавляла внутренние импульсы к развитию. Активное проникновение западных держав заставило его искать ответы на внешние вызовы, ставшие первыми из вызовов времени. Попытки найти социальную силу преобразований внутри страны заканчивались неудачей. Ни чиновники-реформаторы, ни возглавляв-

⁴ А это уже глобальная проблема. По мнению академика П.Л. Капицы, «...глобальные проблемы — это проблемы, которые надо решать в масштабах всего земного шара. Еще в древние времена такие проблемы описывали в художественных и религиозных книгах, это были, например, страшный суд, всемирный потоп». *Капица. П.Л.* Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981, С. 430. Именно глобальные проблемы стимулируют поиски принципиально новой идентичности.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

шие крестьянские восстания народные вожди не смогли преодолеть инерцию традиционной культуры. Вынужденно встав на путь модернизации, Китай оказался во власти импульсов наиболее близкой современности и динамичной части населения, среди всех западных течений выделившей набиравший в начале XX в. популярность в западном мире марксизм. Под влиянием внутривнутриполитической борьбы и традиций национальной культуры период увлечения европейскими схемами быстро закончился, ориентировав ведущие политические силы на разработку собственных социально-политических концепций. Революция 1949 г. расширила сферу применения иностранного опыта, но ни использование зарубежных рецептов, ни последовавшие социально-экономические и социально-политические эксперименты не смогли нащупать эффективный путь общественного развития. Использование революции в качестве единственного действенного инструмента модернизации, заимствованного с Запада, закончилось «культурной революцией», революционно возродившей традиции азиатской системы государственного управления.

После 1976 г. у руководства страны постепенно созрело понимание ограниченности не только конкретных рекомендаций и зарубежных заимствований, но и прежней методологии преобразований, неадекватной изменившимся социально-политическим условиям и социокультурной среде. Дэн Сяопин восстановил реформы в качестве главного инструмента общественных преобразований. С этого момента началось успешное формирование китайской модели модернизации, которая воспользовалась мобилизационным потенциалом социализма для ускоренного экономического роста и одновременно стала целенаправленно вести поиски нового типа развития и соответствующей ему идентичности.

Реконструкция исторической логики позволяет выделить несколько стратегических констант в развитии Китая XX века. В первую очередь – экономический рост и «совокупную мощь государства». Но это всего лишь догоняющая фаза, необходимая для дальнейшего движения и гарантирующая многообразие развития. Длительная перспектива связывается с чертами, которые сформировались в современном Китае на основе его социокультурной традиции. Прежде всего, это мобилизационность, которая не могла возникнуть и длительное время функционировать в либеральном западном обществе. Появившись как продукт естественно-исторического развития с целью догнать передовые в материально-техническом отношении страны, она стала императивом развития, демонстрируя эффективность в борьбе с внешними угрозами. Однако, являясь инструментом ускоренного развития, мобилизационность

Глава 5. Идеология и логика китайской модернизации

в чистом виде оказалась неэффективна для решения возникающих внутренних проблем. Социально-политические институты, которые сопровождали экономический рост на Западе, также не подходили для их решения. Необходим был особый механизм социального регулирования, удовлетворяющий комплексу социально-исторических условий: социокультурной традиции и динамично развивающейся социально-экономической среде.

Такой механизм был найден. Ключом к нему стала европейская социалистическая мысль, осуществившая синтез социокультурных традиций и промышленного производства теоретически, и Советская Россия, нашедшая практические формы его воплощения. Аккумулировав достижения индустриального развития, миссия социализма состояла в улучшении капитализма за счет перенесения в него нравственного потенциала традиционного общества. Социалистическая мобилизационность стала локомотивом, перевозящем традиции в современность. Их сохранение в новой среде оказалось возможным только при изменении типа развития, обеспечившего преемственность культуры и воспроизводство цивилизации. Возрождение традиционных форм (элементов) общественной жизни существенным образом ограничило господство экономического детерминизма и привело к снижению роли социально-экономических идеалов и критериев в пользу социокультурных, которые, таким образом, превращаются в не менее надежные основания для прогнозов, чем законы экономического роста.

Оценивая перспективы Китая, следует учитывать, что нарастающие проблемы: разрыв в уровне доходов между приморскими и внутренними районами, городом и деревней и т.д., вызванные экономическим развитием, могут быть решены и уже решаются не только экономическими инструментами, но и традиционными социокультурными средствами, важнейшими из которых являются традиции сильной государственной власти, нравственный авторитет и основанная на твердой политической воле субъектность ее лидеров.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВФ – Вопросы философии
ГМЖБ – Гуанмин жибао
ЖМЖБ – Жэньминь жибао
МЭИМО – Мировая экономика и международные отношения
ИБ ИДВ – Информационный бюллетень Института Дальнего Востока
ИВ – Институт востоковедения
ИЭ – Институт экономики
ПДВ – Проблемы Дальнего Востока
ПСС – Полное собрание сочинений

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Алаев Л.* Формационные черты феодализма и Восток // Народы Азии и Африки. 1987. № 3.
- Алексеева Т.А.* Джон Роулс и его теория справедливости // ВФ, 1994, № 10.
- Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX века. (Материалы научной конференции 13 мая 1998 г.) ИСАА при МГУ, М., 1999.
- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М., 1991.
- Анисимов А.И.* Наследие Китая и современность: проблемы централизации и децентрализации в китайском обществе // VII научн. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. 3. М., 1976. С. 569–573.
- Античность и Византия / Отв. ред. Л.А.Фрейберг. М., 1975.
- Апалин Г.В.* Пекин: в сторону от социализма. // Вопросы истории КПСС. М., 1974. № 12.
- Аптер Д.* Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 309–386.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Ахметшин Н.Х. Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. М., 1996. № 2.
- Ашрафян К.Ц.* Феодальные системы в Азии // Восток. М., 1991. № 2.
- Бажанов Е.П.* Актуальные проблемы международных отношений. Избр. труды. В 3 т. М., 2002.
- Бажанов Е.П.* Китай и внешний мир. М, 1990.
- Барский К.* Компромисс в политической культуре Китая: Противоборство и сотрудничество неформальных группировок в руководстве // Восток. М., 1996. № 3.
- Барский К.* Что такое «сяокан»? // Восток. М., 1992. № 5.
- Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Белов Е.А.* Политика «самоусиления» цинского правительства в оценке современных историков КНР // XIII научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1982. Ч.III. С. 48–55.
- Белоусов С.Р.* Китайская версия «государственного социализма» (20–40-е годы XX в.). М., 1989.
- Бергер Я.* Модернизация и традиции в современном Китае // Полис, 1995. № 5.
- Бергер Я.М.* Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // ПДВ. М., 2004 № 1.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Березный Л.* Было ли на Востоке «Новое время»? // Филология и история стран Азии и Африки. СПб., 1994. С. 41–43.
- Березный Л.А.* Еще раз о теории новой демократии // ПДВ. М., 2002. № 2.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Березный Л.А.* Постмодернизм и проблемы ориенталистики. Заметки об одной дискуссии синологов США // Восток. М., 2004. № 2–3.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999, № 4.
- Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985.
- Бокщанин А.А.* Китайские историки о характерных чертах и особенностях феодального строя в Китае // Общественные науки в КНР. М., 1986. С. 85–116.
- Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX вв. М., 2001.
- Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм. (Начало XX в.) М., 1984.
- Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1987–1990.
- Бурлацкий Ф.М.* О социально-экономической и политической системе КНР // ВФ. М., 1986. № 2. С. 112–125.
- Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998.
- Буров В.Г.* Смена модели социально-экономического развития. (К итогам XVI съезда КПК) // Марксизм: прошлое, настоящее и будущее. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2003.
- Бутенко А.П.* Социализм как общественный строй. М., 1974.
- Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
- Васильев Л.* Конфуцианские традиции и современный Дальний Восток // Общественные науки и современность. М., 1994. № 6.
- Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. (Формирование основ мировоззрения и менталитета). М., 1989.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вехи. Из глубины. (Сб. статей о русской интеллигенции. Сб. статей о русской революции.) М., 1991.
- Виноградов А.В.* Вектор общественной мысли КНР в эпоху модернизации. (Некоторые подходы) // Проблемы развития внутриполитической ситуации в Китае. М., 1994. С. 17–38.
- Виноградов А.В.* Гипотеза о «двойке» и «тройке» // IX Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2004. С. 148–152.
- Виноградов А.В.* Дискуссия о путях социалистического строительства в КНР (1976–1978) // Реформы в КНР: замыслы и реальность. ИДВ АН СССР. М., 1991. Ч. II. С. 59–70.
- Виноградов А.В.* Идея «трех представительств» как элемент китайской модели модернизации // Актуальные проблемы внутреннего положения в Китае. М. 2003. ИДВ РАН. Информационные материалы. Выпуск 14–15. С. 61–69.
- Виноградов А.В.* Инверсия развития и общественное сознание: от Петра I до Ленина // Запад–Россия: культурная традиция и модели поведения. МОНФ. Научные доклады. М., 1998. С. 21–35.

Литература

- Виноградов А.В.* Интеллигенция и реформы // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI в. Тез. докл. VI Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1995. Ч.II. С. 208–213.
- Виноградов А.В.* К методологии изучения китайской модернизации // Проблемы Дальнего Востока. 2006, №2, с. 115–127.
- Виноградов А.В.* К проблеме модернизации традиционной китайской методологии // VIII Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2002. С. 66–70.
- Виноградов А.В.* Китайское обществоведение о проблемах стабильности и демократии // Китай и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. III Междунар. научн. конф. «Китай и мир». М., 1992. Ч.II. С. 20–24.
- Виноградов А.В.* Концептуальное поле китайской модернизации // Китай на рубеже тысячелетий. Информационные материалы ИДВ РАН. М., 1998. С. 30–40.
- Виноградов А.В.* Национальная идентичность и модернизация // III Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация». М., 1997. Информационные материалы ИДВ РАН. С. 130–135.
- Виноградов А.В.* О модели социализма с китайской спецификой. ИНИОН АН СССР. М., 1988.
- Виноградов А.В.* О проблемах развития марксизма на современном этапе: дискуссия в китайской печати. (Обзор) // Идеино-политические аспекты реформ в КНР. ИНИОН. М., 1988. С. 135–153.
- Виноградов А.В.* Политическая философия в Китае: эволюционный цикл в XX в. // VI Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2000. С. 75–79.
- Виноградов А.В.* Политический механизм Китая: соотношение эффективности и легитимности власти // Китай: Шансы и вызовы глобализации. Тез. докл. XIV Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2003. С. 206–210.
- Виноградов А.В.* Россия–Китай: параметры общности политической системы // КНР: проблемы демократизации и государственного управления. Информационные материалы ИДВ РАН. Серия В. М., 2007. С. 76–87.
- Виноградов А.В.* «Синтез» как категория исторического развития на современном Востоке // VII Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 2001. С. 54–59.
- Виноградов А.В.* Социализм или китайская специфика // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. IV-й Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1993. Ч.II. С. 99–103.
- Виноградов А.В.* Традиционализм политико-философского сознания как вызов линейно-прогрессивистской модели истории // IV Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация». М., 1998. С. 92–96.
- Виноградов А.В.* Формирование национальной концепции социалистического строительства в Китае. (1976–1987). ИБ ИДВ АН СССР. № 10, М., 1991.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Водолазов Г.Г.* От Чернышевского к Плеханову. (Об особенностях развития социалистической мысли в России.) М., 1969.
- Воейков М.И.* К вопросу об эволюции экономической концепции В.И.Ленина. М., ИЗ РАН, 1994.
- Воейков М.И.* Теоретическое наследие Л.Троцкого и современность. М., ИЗ РАН, 1994.
- Володин А.Г.* Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
- Восток-Запад-Россия. Сб. статей. /Составители Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. М., 2002.
- Восток-Россия-Запад: Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. Сб. статей. / Отв. ред. Тихвинский С.Л. М. 2001.
- Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. / Ред. кол. Титаренко М.Л., Мясников В.С. М., 1998.
- Врадий С.Ю.* Линь Цзэсуй и зарождение новых тенденций в общественной мысли Китая середины XIX в. Автореферат канд. дис., Ленинград, 1988.
- Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995.
- Галенович Ю.М.* Из истории политической борьбы в КПК (1966—1969). М., 1988.
- Галенович Ю.М.* Наказы Цзян Цзэминя. Принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003.
- Галенович Ю.М.* Новые тенденции в духовной жизни КНР на рубеже тысячелетий. (Экспресс-информ. / ИДВ РАН. № 6.) М., 2000.
- Галенович Ю.М.* Противостояние: Пекин, Тяньаньмэнь, 1989 г. ИБ ИДВ РАН, № № 6—8. М., 1995.
- Ганшин Г.А.* Экономическая реформа в Китае. Эволюция и реальные плоды. М., 1997.
- Гароди Р.* Марксизм XX века. М., 1994.
- Гвардини Р.* Конец Нового времени // ВФ. 1990. № 4.
- Гельбрас В.Г.* Китай: возрождение национальной идеи // Полития. М., 2003, № 2.
- Гельбрас В.* Национальная идентификация в России и Китае. (Опыт сравнительного анализа.) // Полис. 1997. № 1.
- Гельбрас В.* Роль государства в догоняющем развитии: Россия, Китай, Тайвань / МЭМО. 1998. № 12.
- Герцен А.* Собрание сочинений. М., 1954—1966. Т. 1—30.
- Глунин В.И., Григорьев А.М.* Коминтерн и китайская революция // ПДВ, М., 1989. № 1.
- Голыгина К.И.* «Великий предел». Китайская модель мира в литературе и культуре. М., 1995.
- Гоминьдан и Тайвань: история и современность. (Материалы научной конференции 23 апреля 1999 г.) М., 1999.
- Горбачев М.С.* Избранные произведения. М., 1987—1989. Т. 1—6.
- Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. / Отв. ред. Журавская Е.Г., Панарин С.А. М., 1990.

Литература

- Гране М.* Китайская цивилизация. Общественная и частная жизнь. М., 1938.
- Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае в 1927–1931 годах. М., 1980.
- Григорьева Т.П.* Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком. // История и философия культуры. М., 1996. С. 119–152.
- Гу Сюэу.* Превратится ли Китай в сверхдержаву? Перспективы Китайской Народной Республики на будущее // Interpolitic. Бонн, Москва. 2000. № 1.
- Гудошников Л.М.* Особенности начального этапа формирования политической системы КНР // ПДВ. М., 1987. № 3.
- Гудошников Л.М., Кокарев Н.А.* Политическая система Тайваня. М., 1999.
- Дэн Сяопин* и реформация китайского социализма. М., 2003.
- Делюсин Л.П.* Китай в поисках путей развития. М., МГУ. 2004.
- Делюсин Л.П.* Реформы в Китае и марксизм // Восток. М., 1992. № 5.
- Делюсин Л.П.* Спор о социализме в Китае. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М., 1980.
- Дин Шоухэ.* Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959.
- Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (1987). П., 1988.
- Доронин Б.Г.* Древность на службе современности: цивилизационные аспекты модернизации Китая // Восточная Азия — Санкт-Петербург — Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества. СПб., 2000.
- Доронин Б.Г.* «Культурный бум» (вэньхуа жэ) в КНР на рубеже XXI в. (К характеристике явления.) // Китай и АТР на пороге XXI в. Тез. докл. IX Междунар. научн. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир». М., 1998. Ч. II.
- Доронин Б.* Проблемы национальной культуры и современное китайское обществоведение // ПДВ. М., 1994. № 6.
- Дэн Сяопин.* Избранные произведения / Бюро переводов произведений Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПК. П., 1985.
- Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного Китая. М., 1988.
- Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой. М., 2002.
- Жуков В.В.* Китайский милитаризм. 10–20-е годы XX в. М., 1988.
- Загорский А.В.* Япония и Китай. Пути общественного развития в оценке японской историографии. М., 1991.
- Зайцев В.В.* Конфуцианская концепция человека в философской мысли КНР // Философия и религия на зарубежном Востоке: XX в. М., 1985. С. 120–129.
- Зиновьев А.* Коммунизм как реальность. М., 1994.
- И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения Скачкова П.Е. / Отв. ред. Тихвинский С.Л. М., 1993.
- Иванов Ю.* Восток-Запад: некоторые вопросы методологии // ПДВ, М., 1996. № 6.
- Идейно-политическая сущность маоизма. / Отв. ред. Сладковский М.И. М., 1977.
- Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Илюшечкин В.П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. (Опыт системно-структурного анализа.) М., 1986.
- Имамов Э.* Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы. Общая часть. М., 1990.
- Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993.
- Иноземцев В.В.* Глобализация и неравенство: что — причина, а что — следствие? // Россия в глобальной политике. М., 2003. № 1.
- Ипатов А.С.* Политика «закрытых дверей» Цинов: политика «самозащиты» или «самоубийства государства». (К постановке вопроса в современной историографии КНР.) // Всемирная история и Восток. М., 1989, С. 242—251.
- Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. Сб. статей. / Отв. ред. Рейснер Л.И., Славинский Б.И. М., 1986.
- История Китая / Под ред. Меликсетова А.В. М., 1998.
- История социалистических учений. Сб. статей / Ред. кол. Волгин В.П., Поршнева Б.Я. и др. М., 1962.
- Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в 80—90-е годы XX века / Рук. авт. кол. Гудошников Л.М. М., 2001.
- Калужная Н.М.* Восстание ихэтуаней. М., 1978.
- Кантор К.М.* История против прогресса. (Опыт культурно-исторической генетики.) М., 1992.
- Кара-Мурза А.А.* Между «империей» и «смутой». М., 1996.
- Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995.
- Караганов С.А., Бородачев Т.В.* Современный Китай: вызов или открывающиеся возможности? Ситуационный анализ // Россия в глобальной политике. М., 2004. Т. 2, № 2.
- Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996.
- Карпов М.В.* «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? (О типологии общественно-экономической системы КНР.) // Восток. М., 1996. № 3.
- Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект. М., 2001.
- Карымов Т.В. О понятии «комплексная государственная мощь» // Вопросы истории, экономики, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. М., ИДВ АН СССР. 1989. С. 173—180.
- Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В.* Китай — Япония: любовь или ненависть. М., 2001.
- Кива А.В.* Китайская модель реформ // Вопросы истории. М., 2002. № 5.
- Кинг-Фарлоу Дж.* Ценность и существование в китайской и западной философии // Общество и культура: проблемы множественности культур. М., 1988. Ч. II. С. 139—143.
- Китай в XXI в.: шансы, вызовы и перспективы. Тез докл. XI-й междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 2000.
- Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию акад. Титаренко М.Л. / Гл. ред Тихвинский С.Л. М., 2004.

Литература

- Китай и АТР на пороге XXI в. Тез. докл. IX Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1998.
- Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. Тез. докл. II Всесоюзной научн. конф. «Китай и социализм». М., 1991.
- Китай и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. III-й Междунар. научн., конф. «Китай и мир». М., 1992.
- Китай и социализм. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. Тезисы докл. I Всесоюзн. научн. конф. М., 1990.
- Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. IV Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1993.
- Китай и Россия: развитие экономических реформ / Под ред. Никифорова Л.В. М., 2003.
- Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI в. Тез. докл. VI-й Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1995.
- Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999 / Ред. кол. Титаренко М.Л. и др.) М., 1999.
- Китай на пути модернизации и реформ. Тез. докл. X Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1999.
- Китай: от закрытого общества к открытому миру. Сб. статей / Отв. ред. Бергер Я.М. М., 1995.
- Китай: поиски путей социального развития / Ред. кол. Делюсин Л.П. и др. М., 1979.
- Китай после «культурной революции». (Политическая система, внутривластное положение.) / Гудошников Л.М. и др.. М., 1979.
- Китай, Россия, страны АТР и перспектива межкультурных отношений в XXI в. Тез. докл. XII Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 2001.
- Китай: шансы и вызовы глобализации. Тез. докл. XIV Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 2003.
- Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тез. докл. V Междунар. научн. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир». М., 1994.
- Китайская философия и современная цивилизация. Сб. статей. / Ред. совет Титаренко М.Л. и др. М., 1997.
- Китайские социальные утопии / Отв. ред Л.П. Делюсин, Л.Н. Борох. М., 1987.
- Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993.
- Ковалев Е.Ф. Из истории влияния Октябрьской социалистической революции на Китай. (1917—1923). М., 1995, ИБ ИДВ РАН №4—5.
- Кожин П.М. Значение традиционной культуры в современной жизни КНР // ИБ ИДВ АН СССР №39. М., 1985. С. 118—121.
- Кожин П.М. Проблема изучения традиций КНР. (ИБ ИДВ АН СССР № 32.) М., 1982.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Кокарев К.А.* Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
- Кокарев К.* Традиционная политическая культура Китая и современность // ПДВ, М., 1997. № 2.
- Коминтерн. Исполком. 9-й пленум. М.-Л., 1928.
- Коммунистическая партия Китая: История и современные проблемы. К 80-летию КПК / Составитель Мамаева Н.Л. М., ИДВ РАН, 2001.
- Кондрашова Л.И.* «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения // ПДВ. М., 2002. № 4.
- Конотопов М.В., Сметанин С.И.* История экономики зарубежных стран. М., 2004.
- Конрад Н.И.* Запад и Восток. Сб. статей. М., 1972.
- Константинов Н.Н.* К вопросу об изучении политической организации общества КНР // Проблемы современного Китаеведения. М., 1973. С. 174–182.
- Конфуцианское «четверокнижие». («Сы шу») / Отв. ред. Переломов Л.С. М., 2004.
- Королева Н.А.* Историография КНР о роли Хун Сюцюаня в истории тайпинов // Вестник МГУ. Сер. 13., 1988. № 2.
- Кортунов С.* Россия: национальная идентичность на рубеже веков. М., 1997.
- Костяева А.С.* Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М., 1995.
- Красильщиков В.А.* Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
- Кривцов В.А.* Маоизм и китайская идейная и социально-психологическая традиция // ВФ. 1986. № 8.
- Крилл Х.Г.* Становление государственной власти в Китае. Империя Западное Чжоу. М., 2001.
- Крушинский А.А.* Трактовка либерализма в работах Янь Фу: семантика выражения «цзюю» как концептуальная основа // XIII научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1982. Ч.III. С. 63–74.
- Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000.
- Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1986.
- Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. (1949–1989) М., 2000.
- Кулик Б.Т.* Строительство социализма с китайской спецификой. // Новая и новейшая история. М., 2003. № 5.
- Кульпин Э.С.* Бифуркация Запад-Восток и экологический императив: о концепции развития Н.Н.Моисеева // Восток. М., 1993. № 1.
- Кульпин Э.С.* Восток. (Человек и природа на Дальнем Востоке.) М., 1998.
- Кульпин Э.С.* Об основах социоестественной истории. // Восток. 1994, № 1.
- Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.
- Кюзаджян Л.С.* Идеологические кампании в КНР. 1949–1966. М., 1970.
- Кюзаджян Л.С.* «Технологическое общество» Ж. Эллюля и «культурная революция» Мао // VI научн. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1975.
- Лазарев В.И.* Классовая борьба в КНР. М., 1981.

Литература

- Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
- Лапина З.Г.* Ритуал как способ организации жизни в традиционной китайской культуре // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. М., 1991, №3.
- Ларин А.Г.* Два президента или Путь Тайваня к демократии. М., 2000.
- Лебедева Н.А.* Культура, государство, личность в СССР и КНР: попытка сравнительного анализа // XXVIII научн. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. докл. М., 1998. Ч.II.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая: документы и свидетельства участников событий. 1937—1952. М., 1999.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55-ти т. М., 1978—1983.
- Ли Дачжао.* Избранные произведения. М., 1989.
- Ли Теин.* Теория и практика экономической реформы в КНР. М., 2002.
- Ли Цзинвэнь.* Теория Дэн Сяопина и расцвет общественных наук в Китае // Общество и экономика. М., 1999, №3/4.
- Ли Чуаньлунь.* Изучение трудов и деятельности Н.И.Бухарина в Китае // Вопросы истории. М., 1989. № 9.
- Литвинов О.В.* Китайский путь к демократии. М.: Научная книга, 2004.
- Личность в традиционном Китае* / Отв. редактор. Делюсин Л.П. М., 1992.
- Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002.
- Ломанов А.В., Борох О.Н.* Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае. // ПДВ. М., 2004. №
- Лукин А.В.* Дискуссия о роли традиционной культуры в КНР. (80-е годы.) // XXI научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1990, Ч. III.
- Лукьянов А.Е.* Война и мир цивилизаций // ПДВ. 2002. № 1—2.
- Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* Из истории идеологии «сяокан» // ПДВ. № 3.
- Лю Шаоци.* Об интернационализме и национализме. М. 1949.
- Лю Шаоци.* О работе коммуниста над собой. Пекин, 1965.
- Ма Луньшань.* Дискуссия китайских ученых по вопросам о народничестве и китайской революции // ПДВ. М., 2003. № 2.
- Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Минск, 1998.
- Максимов А.А.* Экономика Тайваня: итоги и перспективы. М., 1991.
- Малявин В.В.* Искусство управления. М., 2003.
- Малявин В.В.* Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиций? // ПДВ. М., 1995. № 5.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М. 2000.
- Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919—1929. М., 1999.
- Маомао.* Мой отец — Дэн Сяопин. М., 2001.
- Мао Цзэдун.* Избранные произведения. М., 1952—1953. Т. 1—4.
- Мао Цзэдун.* О диктатуре народной демократии. М., 1949.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е издание. Т. 1—50. М., 1954—1981.
- Мартынов А.С.* Конфуцианская личность и природа // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983. С. 180—191.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй». СПб., 2001. Т. 1—2.
- Мартынов А.С.* О некоторых специфических трудностях при определении роли традиции по отношению к современному Китаю // Место религий в идейно-политической борьбе развивающихся стран. (Тез. Рабочего совещания.) ИВ АН СССР. М., 1978. С. 162—163.
- Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956.
- Мау В., Стародубровская И.* Закономерности революционного процесса, опыт перестройки и наша перспектива. М., ИЭ АН СССР, 1991.
- Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927—1949 гг. М., 1977.
- Минь Синь Пэй.* Демократизируется ли Китай? // Институт международных экономических и политических исследований РАН. М., 1998. № 6.
- Мировицкая Р.А.* Советско-китайские отношения: проблемы военной помощи компартии Китая в 1927—1929 гг. М., 1993.
- Михеев В.В.* В поисках альтернативы. Азиатские модели развития: социалистические и «новые индустриальные страны». М., 1990.
- Михневич А., Салтыков Г.* О роли «неформальных объединений» в рабочем классе современного Китая. (К постановке проблемы.) // VI научн. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1975.
- Модернизация в России и конфликт ценностей. / Под ред. С.Я. Матвеевой. М., 1994.
- Модернизация: зарубежный опыт и Россия. / Рук. Красильщиков В.А. М., 1994.
- Моисеев Н.Н.* Быть или не быть ... человечеству? М., 1999.
- Моисеев Н.Н.* Вернадский и современность // ВФ. 1994. № 4.
- Моисеев Н.Н.* Мир XXI в. и христианская традиция // ВФ. 1993. № 8.
- Москалев А.А.* Доктрина китайской нации // ПДВ. М., 2002. № 5.
- Москалев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М., 2001.
- Мугрузин А.С.* Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
- Мясников В.С.* Россия началась реформами Петра I // Вестник РАН. 1994. № 7.
- Наумов И.Н.* Стратегия экономического развития КНР в 1996—2020 гг. и проблемы ее реализации. М., ИДВ. 2001.
- Немарксистские концепции социализма. / Отв. ред. Троицкий Е.С. М., 1986.
- Непомнин О.Е.* Деспотия и армия в переходном обществе Китая: проблемы синтеза. (конец XIX в. — начало XX в.) // XIV конференция «Общество и государство в Китае». М., 1983. Ч.III.
- Непомнин О.Е.* Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999.
- Никитина Т.И.* Политический облик Китая на пороге 90-х годов // Переход к рынку в КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее. М., 1994.
- Никифоров В.Н.* Первые китайские революционеры. М., 1980.
- Новейшая история Китая. В 2-х томах / Гл. редактор М.И. Сладковский. М., Т. 1. 1917—1927. М., 1983. Т. 2. 1928—1949. М., 1984.

Литература

- Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX — начало XX вв.). / Отв. ред. Делюсин Л.П. М., 1988.
- Общественные науки в КНР / Отв. ред. Делюсин Л.П. М., 1986.
- XI-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Документы. П., 1977.
- Ойзерман Т.* Марксизм и утопизм. М., 2003.
- Оникиенко А.Ф.* Экономика впереди политики. (Китай) // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
- Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах. / Отв. ред. Максименко В.И., Рейснер Л.И. М., 1992.
- Остров П.* Феномен «крестьянских императоров» в КНР: монархическая идея в китайской деревне 80-х годов // ПДВ. М., 1993. № 6.
- Островский А.В.* Вопросы социально-имущественной дифференциации в китайском обществе и их влияние на КПК // Экспресс-информация. ИДВ РАН. М., 2002. №3.
- Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М., 1999.
- От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре / Отв. ред. Борох Л.Н., Кобзев А.И. М., 1998.
- Оуэн Р.* Избранные сочинения. Т. 2. М.-Л., 1950.
- Очерк теории социализма / Смирнов Г.А. отв. ред. М., 1989.
- Пай Л.* «Азиатские ценности»: от динамо к домино // Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002, С. 221–236.
- Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996.
- Панарин А.С.* Политология. Западная и восточная традиции. М., 2000.
- Панцов А.В.* Из истории идеологической борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
- Переломов Л.С., Кожин П.М., Салтыков Г.Ф.* Традиции в социально-политической жизни Китая // ПДВ. М., 1983. № 1.
- Переломов Л.С., Кожин П.М., Салтыков Г.Ф.* Традиции управления в политической культуре КНР. (К методологии исследования.) // ПДВ. М., 1984. № 2.
- Перспективы сотрудничества Китая, России и др. стран Северо-Восточной Азии в к. XX — нач. XXI в. Тез. докл. VIII Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1997.
- Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
- Писарев А.А.* Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20–30-е годы XX в. М., 1986.
- Писарев А.* Общественный строй традиционного Китая: взгляды отечественных историков и ученых КНР // ПДВ. М., 1994. № 3.
- Писарев А.А., Фурсов А.И.* Клан и элита в Китае XIII — начала XX вв.: пространственно-временные характеристики // Общ. науки за рубежом. РЖ

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- ИНИОН АН СССР. Сер.9. Востоковедение и африканистика. М., 1983. № 1. С. 219–226.
- Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. / Отв. ред. Воскресенский А.Д. М., 2000.
- Политические традиции в КНР: Сб. статей по материалам научн. конф. ИДВ АН СССР в дек. 1979 г. / Гл. ред. Акимов В.И. ИБ ИДВ АН СССР. № 20. М., 1980.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1–2.
- Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: КНР на рубеже веков // Восток. 2004. № 2, 4.
- Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.
- Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае. (1979–1999) М., 2002.
- Преображенский Е.А., Бухарин Н.И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.
- Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в.. Тез. докл. VII Междунар. научн. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». М., 1996.
- Развитие азиатских обществ в XVII – начале XX вв. Современные западные теории. Выпуск 2. (Обзор.) ИНИОН М., 1991.
- Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2000.
- Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Тойнби. Опыт критического анализа. М., 1976.
- Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока. М., 1990.
- Роль традиций в истории и культуре Китая / Ред. кол. Васильев Л.С., Никифоров В.Н., Свищунова Н.П. М., 1972.
- Россия в многообразии цивилизаций. Доклады Института Европы РАН, М., 2007, № 192, 193.
- Рубин В. Личность и власть в Древнем Китае. М., 1999.
- Салицкий А.И. Экономика и политика в современном Китае // Восток. М., 2002. № 4.
- Се Юши. Изучение в Китае теоретического наследия Н.И.Бухарина. (Обзор работ за 80-е годы.) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1991. № 6.
- Сестон В. Римское гражданство. XIII Всемирный Конгресс исторических наук. М., 1970.
- Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
- Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978.
- Смирнов Д.А. Дэн Сяопин и модернизация Китая // ПДВ. 2004. № 5.
- Смирнов Д.А. Морально-этические аспекты модернизации в КНР // Инф. материалы. Сер. Идеино-теоретические тенденции в современном Китае, национальные традиции и поиски путей модернизации. ИДВ РАН. М., 1998. вып.3. С. 84–91.
- Смирнов Д.А. Реформа политической системы в теории модернизации Дэн Сяопина // Инф. материалы. Серия: Общество и государство в Китае в ходе реформ. ИДВ РАН. М., 2001. вып.10–11. С. 30–39.

Литература

- Современный Китай в зарубежных исследованиях. (Основные тенденции в Китае-ведении капиталистических стран.) / Отв. ред. Кюзадзьян Л.С. М., 1979.
- Сорокина Т.* Дискуссия в КНР о взаимодействии традиционной китайской культуры с культурой Запада // III Всесоюзная конф. востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». М., 1988. Т. 2. С. 162–163.
- Сорокина Т.* Китайская традиционная культура и модернизация: дискуссия в КНР. (Обзор) // Культурные традиции и современность. М., 1989. С. 49–87.
- Социальная структура Китая. XIX–первая половина XX в. / Отв. ред. Непомнин О.Е. М., 1990.
- Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время / Отв. ред. Сухарчук Г.Д. М., 1991.
- Социальный облик Востока / Отв. ред. Р.Г.Ланда. М., 1999.
- Стабурова Е.Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синь-хайской революции. М., 1992.
- Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1985.
- Сунь Ятсен.* К 120-летию со дня рождения. / Отв. ред. Тихвинский С.Л. М., 1987.
- Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в. (Сравнительный анализ.) М., 1983.
- Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период. М., 1957.
- Тертицкий К.М.* Изучение китайской традиционной культуры в КНР. (вторая половина 80-х годов). (Обзор) // Восток. М., 1991. № 6.
- Тертицкий К.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., МГУ. 1994.
- Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
- Титаренко М.Л.* Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М., 2000.
- Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М., 2003.
- Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.
- Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980.
- Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М. 1988.
- Тойберт А.Ж.* Современные китайские историки о внешнеполитической деятельности Ли Хунчжана // XXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1996. С. 165–169.
- Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
- Тошич К.* Made in China: как построить социализм с капиталистическим лицом // Евразия сегодня. М., 2003. № 1.
- Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР / Отв. ред. Титаренко М.Л., Переломов Л.С. М., 1994.
- Традиции Китая и «четыре модернизации» / Отв. за выпуск Переломов Л.С., Кожин П.М. М., 1982. ИБ ИДВ АН СССР №33.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Треверс П.* Проблема политического равновесия в классической античности // XIII Всемирный конгресс исторических наук. М., 1970.
- XIII съезд КПК и реформа в Китае. П., 1987.
- Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990.
- Троцкий Л.* Коммунистический Интернационал после Ленина. М., 1993.
- Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991.
- Тяпкина Н.И.* О характере социально-классовой конфронтации в традиционном Китае // XVIII научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1987, Ч.III. С. 13–24.
- Тяпкина Н.И.* Роль шэньши в социально-политической организации Китая XIX в. // XII научн. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1981, Ч.III. С. 13–24.
- Универсалии восточных культур / Отв. ред. Степанянц М.С. М., 2001.
- Усов В.Н.* Изучение «культурной революции» в КНР в 1996–2000 // Инф. материалы. Серия Г. Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации. М., 2001, вып. 7/8. С. 140–149.
- Усов В.Н.* КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». (1960–1966) М., 1998, ИБ ИДВ РАН. № 4–5.
- Усов В.Н.* От «культурной революции» к реформам и открытости. 1976–1984. М., 2003.
- Утопический социализм / Общ. ред. А.И. Володина. М., 1982.
- Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958.
- Федотова В.Ф.* Модернизация другой Европы. М., 1997.
- Филология и история стран Азии и Африки / Отв. ред Смолин Г.Я. СПб., 1994.
- Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993.
- Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. М., 1992.
- Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // ВФ. 1992. № 4.
- Ху Яобан.* Великая истина марксизма озаряет нам путь продвижения вперед. Доклад на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня смерти К.Маркса. П., 1983.
- Цверганишвили А.Г.* Культурологические воззрения Лян Шумина. Общественно-политическая мысль в Китае. (конец XIX — начало XX в.). М. 1988.
- Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой. Сб. высказываний по темам / Пер. с кит. Галенович Ю.М., Сорокин В.Ф. и др. М. 2002. Т. 1.
- Цымбурский В.* Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером, Тойн-би над глобусом XXI в.) // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 3.
- Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М., 1939–1959.
- Чешков М.А.* Критика миросистемного подхода и концепция капитализма И. Валерстайна. М. 1992.
- Чешков М.А.* Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. В поисках глобального теоретического синтеза. М., 1994.
- Чжоу Эньлай.* Об урегулировании основных показателей народнохозяйственного плана на 1959 г. П., 1959.

Литература

- Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Рейснер Л.И., Симония Н.А. М., 1984.
- Этика и ритуал в традиционном Китае. (Сб. статей.) / Отв.ред. Васильев Л.С. М., 1988.
- Юнг К.Г.* О психологии восточных религий и философий. М., 1994.
- Юрьев М.Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20—40-е годы. М., 1983.
- Яковлев А.Г.* Россия, Китай и мир. (Сб. ст.) М., 2002.
- Яковлев А.Г.* «Третья угроза»: Китай — враг №1 для России? // ПДВ, 2002, № 1.
- Ян Хиншун.* Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае. М., 1957.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
- Яценко Г.Н.* Идеологическая борьба в КНР. 1957—1964. М., 1977.

На западных языках

- Apter D.* The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965.
- Apter D., Saich T.* Revolutionary Discourse in Mao's Republic. L., 1994.
- Bary T., de.* Continuity and Change In Neo-Confucianism Concepts, Ideologies and Institutions. Bellagio, 1981.
- Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. NY., 1996.
- Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. NY., 1976.
- Bell D.* Democracy with Chinese Characteristics: a political proposal for the post-communist era. [Afictitious dialogue between a Chinese professor and an American democrat.] // Philosophy East and West. Honolulu. 1999. Vol. 49. № 4.
- Berger P.L.* Capitalist Revolution. Fifty Propositions about Prosperity, Equality, and Libery. N.Y., 1986.
- Bernal M.* Chinese Socialism to 1907. L., 1976.
- Bernstein R., Munro R.U.* The Coming Conflict with China. NY., 1998.
- Black C.E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. NY., 1968.
- Brugger B., Hannan K.* Modernization and Revolution. Kent, Croom Helm, 1983.
- Brugger B., Kelly D.* Chinese Marxism In the Post-Mao Era. Stanford, 1990.
- Burus J.P.* The People's Republic of China at 50s: national political reform. // China Quarterly. L., 1999. № 159.
- Chamberlain H.B.* Civil Society with Chinese Characteristics? // China Journal. Canberra. 1998, iss.39.
- Chang Peng-guan.* Modernization and the Revolution in China, 1860—1949. // Jindaisuo jikan, qi 19, minguo 79.
- Chang Wen Wei.* China under Deng Xiaoping. Political and Economic Reform. L., 1988.
- Changes and Continuities in Chinese Communism / Ed. by Yu-ming Shaw. Boulder, L. 1988. Vol. 1—2.

A.B. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Chen Feng.* An Unfinished Battle in China: leftist criticism of the reform and the third thought emancipation // *China Quarterly*. L., 1999. № 158.
- Chen Jie, Zhong Yang, Hillard J.W.* The Level and Sources of Popular Support for China's Current Political Regime // *Communist and post-communist studies*. Los Angeles, 1997. Vol. 30. № 1.
- Chen Jie, Zhong Yang.* Mass Political Interest (or Apathy) in Urban China. // *Communist and post-communist studies*. LA., 1999. Vol. 32. № 13.
- Cheng Gonglu.* Lin Tse-hsu. Pioneer Promoter of the Adoption of Western Means of Maritime Defence in China. Peiping, Yenching University. 1934.
- Chi Wen-shun.* Ideological Conflicts in Modern China. Democracy and Authoritarianism. New Brunswick, Oxford, 1986.
- China's Changed Road to Development / Ed. by N.Maxwell, McFarlane). Oxford, 1984.
- China's Global Presence: Economics, Politics and Security / Ed. by Lampton D.M. Washingto, 1988.
- China's Military In Transition / Ed. by Shambaugh D. Oxford, 1997.
- China's Quiet Revolution: New Interactions Between State and Society / Ed. by Goodman D.S.G. NY., 1994.
- The Chinese and the Japanese. Essays in Political and Cultural Interactions / Ed. by Iriye A. Princeton, 1980.
- The Chinese City between Two Worlds / Ed. by M. Elvin and G.W.Skinner. Stanford, 1974.
- Chinese Marxism in Flux. 1978–1984. Essays on epistemology, ideology and political economy / Ed. by Brugger B. L., 1985.
- Chinese Modernization. Papers presented at the First Sino-European Conference. (National Chengchi University, Taipei, Taiwan, September 10–15, 1984). Edited by Yu-ming Shaw. San Francisco, 1985.
- Chinese Society on the Eve of Tiananmen: the Impact of Reform. L., 1990.
- The Chinese State in the Era of Economic Reform: the Road to crisis / Ed. by White S. L., 1990.
- Chinese Studies in the U.K. / Ed. by W. McDonald. Б.м., 1998.
- Cho-Yong-nam.* From «rubber stamps» to «iron stamps»: the emergence of Chinese Local People's Congresses as supervisory powerhouses // *China Quarterly*. L., 2002. № 171.
- Chopan A.* A Table for Two: Jiang Zemin and PLA // *Journal of Contemporary China*. Abingdon, 2002. Vol.11. № 31.
- Chu Hong-guan.* The Evolutionary Nature of the Chinese Revolution. *American Journal of Chinese Studies*. Vol. 1, № 2. Oct. 1992.
- Chung Jaeho.* China's Reforms at Twenty-five: Challenges for the New Leadership // *China*. Singapore, 2003. Vol.1. № 1.
- Cohen Paul A.* Discovering History In China. *American Historical Writings on the Recent Chinese Past*. NY., 1984.
- Cohen P.* The Post-Mao Reforms in Historical Perspectives // *The Journal of Asian Studies*. 1988, Vol. 47. № 3.

- The Communist Revolution in Asia. Tactics, Goals and Achievements / Ed. by Scalapino, Robert. Englewood Cliffs. 1965.
- Croizier R.* The Avantgarde and the Democracy Movement: Reflections on the Late Communism in USSR and China // Europe-Asia Studies. Glasgow. 1999. Vol. 51. № 3.
- Diamant N.J.* Conflict and Conflict Resolution in China: beyond mediation-centered approaches // Journal of conflict resolution. Beverly Hills; L., 2000. Vol. 44. № 4.
- Diamond L.* The Rule of Law as Transition to Democracy in China // Journal of contemporary China. Abingdon, 2003. Vol. 12. № 35.
- Ding X.L.* The Decline of Communism in China. Legitimacy Crisis. 1977–1989. Cambridge, 1994.
- Dittmer L.* The Changing Shape of Elite Power Politics // China Journal. Canberra, 2001. Iss. 45.
- Dittmer Lowell.* China's Continuous Revolution. The Post-Liberation Epoch. 1949–1981. Berkeley. Univ. of California. 1987.
- Dittmer L.* Leadership Change and Chinese Political Development. // China Quarterly. L., 2003. № 176.
- Dowd D.V., Carlson A., Shen Mingming.* The Prospects for Democratization in China: evidence from 1995 Beijing area studies // Journal of contemporary China. Abingdon, 1999. Vol. 8. № 22.
- Driven by Growth: Political Change in the Asia-Pacific region / Bernstein Th.P. et al., Moorley J. eds. L., 1993.
- The Economic Development of China and Japan. Studies in Economic History and Political Economy / Ed. by Cowan C.D. L., 1964.
- Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs. 1966.
- Eisenstadt S.N.* Tradition, Change and Modernity. NY., 1973.
- Fairbank J.K.* The Great Chinese Revolution. 1800–1985. New York, 1986.
- Fairbank J.K., Reischauer E.O.* China: Tradition and Transformation. Boston, 1989.
- Fairbank J.K., Reischauer E.O., Craig A.M.* A History of East Asian Civilization. Vol. II, East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1964.
- Fei John.* The Chinese Market System in a Historical Perspective / The Second Conference on Modern Chinese Economic History. Taipei, January 1989.
- Felber R.* Kontinuität und Wandel im Verhältnis des Maoismus zum Konfuzianismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1975, XXIII. Jahrgang, Heft 6.
- Frank Andre Gunder.* Crisis: In the World Economy. New York, 1980.
- Friedman E.* Backward toward Revolution: The Chinese Revolutionary Party. Berkely, 1974.
- Friedman E.* A Comparative Politics of Democratization in China // Journal of contemporary China. Abingdon, 2003. Vol. 12. № 34.
- Friedman E.* Modernization and Democratization in Leninist States // Studies in Comparative Communism. Guilford. 1989. Vol. 22. № 2–3.
- Gilbert A., Gugler J.* Cities, Poverty and Development. London, 1982.
- Goldman M.* Politically-Engaged Intellectuals in the 1990s // China Quarterly. L., 1999. № 159.

A.B. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Goldman M.* Sowing the Seeds of Democracy in China: Political Reform in the Deng Era. L., 1994.
- Gong Ting.* Dangerous Collusion: corruption as a collective venture in contemporary China // Communist and Post-Communist Studies. LA., 2002. vol. 33. № 1.
- Guo Sujian.* The totalitarian model revisited // Communist and post-communist studies. LA., 1998. Vol. 31. № 3.
- Guthrie D.* Between Markets and Politics: Organizational responses to reform in China // American Journal of sociology. Chicago, 1997. Vol. 102. № 5.
- Harberger C. Arnold.* Growth, Industrialization and Economic Structure: Latin America and East Asia Compared. Taibei, 1988.
- Hong Zhaohui.* The Subordinate Men and Social Stability in Twenties Century China // Asian thought and society. Oneonta, 1995. Vol. 20. № 60.
- Hooper B.* Rethinking Contemporary China. Canberra, 1991.
- Hoston Germaine.* The State, Identity and National Questions in China and Japan. Princeton, 1994.
- Hsiao Kung-chuan.* A Modern China and a New World: K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858—1927. Seattle, 1975.
- Hua Shiping.* Definition and Methodology of Political Culture Theory: A case study of sinology // Asian thought and society. Oneonta, 1999. Vol. 24. № 70.
- Huntington Samuel P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
- In Search of an East Asian Development Model / Ed. by P.L.Berger, H.H.M.Hsiao. New Brunswick. Oxford, 1988.
- In Search of a New Order in East Asia / Ed. by Lee Chong-Sik. Berkeley. 1991.
- Kleinman A.* Somatization: the interconnections in Chinese society among culture, depressive experiences, and the meanings of pain // Culture and Depression. A. Kleinman and B.Good ed. Berkeley, 1985.
- Kuan Hsin-chi, Lan Sin-kai.* Traditional Orientations and Political Participation in Three Chinse Societies. [Mainland China, Taiwan, Hong Kong.] // Journal of contemporary China. Abingdon, 2002. Vol. 11, № 31.
- Kuhn Thomas S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970.
- Kwong L.S.K.* Chinese Politics at the Crossroads: Reflections on the Hundred Days Reform of 1898. // Modern Asian studies. Cambridge. NY, 2000. Vol. 34, pt. 3.
- Ladany L.* The Communist Party of China and Marxism. 1921—1985. Stanford, 1988.
- Lei Guang.* Conceptual Change and the Chinese Democracy Movement, 1978—1979 to 1989 // Modern China. L., 1996. Vol. 22, № 4.
- Levenson J.R.* Confucian China and Its Modern Fate. Vol. 1—3, L., 1958—1965. Vol. 1. 1958, Vol. 2. 1964, Vol. 3. 1965.
- Levenson J.R.* The Place of Confucius in Communist China. L., 1962.
- Levy Marion.* Contrasting Factors in the Modernization of China and Japan. // Economic Development and Cultural Change. 1953. № 2.
- Lewis J.W., Xue Litai.* Social Change and Political Reform in China: Meeting the challenge of success // China Quarterly. L., 2003. № 176.

- Li Chelan L.* The «Rule of Law» Policy in Guandong: Continuity or departure? Meaning, significance and processes // China Quarterly. L., 2000. № 161.
- Li R.* China in Transition: Nationalism, regionalism and transnationalism // Contemporary politics. Abingdon, 1997. Vol. 3. № 4.
- Lin Junning.* Classical Liberalism Catches on in China // Journal of democracy. Washington, 2000. Vol. 11. № 3.
- Lin Yu-sheng.* The Crisis of Chinese Consciousness: Radical Antitraditionalism in the May Fourth Era. Madison, 1979.
- Market Reform and Civil Society: A China Case Study / Howell J., Sun Bingyao et. al. Geneve, 1994.
- Mazur M.G.* Public Space for Memory in Contemporary Civil Society: freedom to learn from the mirror of the past // China Quarterly. L., 1999. № 160.
- McCormick B.L.* Political Reform in Post-Mao China: Democracy and Bureaucracy in a Leninist State. Berkeley, 1990.
- Meyer John W., Boli-Bennet J., Chase-Dunn C.* Convergence and Divergence in Development // Annual Review of Sociology. Alex Inkeles et al., eds., Vol. 1, CA: Annual Review, 1975.
- Models of the Chinese Economy / Ed. by Lloyd P., Xiao-guang Zhang. Chel-tenhum, 2001.
- The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study / Black C.E., Jansen M.B. et al. Ed. by Black C. NY., 1975.
- Modernization of China / Bernstein Th.P., Black C. et al., NY., 1991.
- Modernizing China: Post-Mao Reform and Development. / Barnett A.D. eds. NY., 1986.
- Mohanty Manorajan.* The Political Philosophy of Mao Tse-tung. Colombia, 1979.
- Moody P.R., Jr.* Political Opposition in Post-Confucian Society. NY., 1988.
- Moore Wilbert E.* Modernization as Rationalization: Processes and Restraints // Essays on Economic Development and Cultural Change in Honor of Bert F. Hoselitz. Manning Nash, ed. Chicago, 1977.
- Moulder Frances.* Japan, China, and the Modern World Economy: Toward a Reinterpretation of East Asian Development, ca 1600 to ca 1918. Cambridge, 1979.
- Murphey Rhoads.* The Outsiders: The Western Experience in India and China. Ann Arbor, 1977.
- Murphey R.* The Treaty Ports and China's Modernization: What went wrong? Ann Arbor, 1970.
- Myers Ramon.* The Socialist Market Economy in the People's Republic of China: Fact or Fiction? Canberra, 1994.
- Nathan A.J.* China's Crisis: Dilemmas of reform and prospects for democracy. NY., 1990.
- Nathan A.J.* The Tiananmen. Papers and Editor's Reflections // China Quarterly. L., 2001. № 167.
- Naughton B.* Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978–1993. Cambridge-NY., 1995.

A.B. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Nee Victor, Peck James.* Introduction // *China's Uninterrupted Revolution: From 1840 to the Present.* Victor Nee, James Peck eds. NY., 1975.
- Needham J.* The Grand Titration. Science and Society in East and West. L. 1969.
- Needham J.* Time and Eastern man. L., 1965.
- New Perspectives on Chinese Communist Revolution* / ed. by P.E. Apter, Averill S.C. et. al. L., 1995.
- Nolan Peter.* China and the Global Economy: National Champions industrial policy and the big business revolution. NY., 2001.
- Nolan Peter.* China's Rise, Russia's Fall. Politics, Economics and Planning in the Transition from Stalinism. Basingstoke, 1995.
- North R.* Kuomintang and Chinese Communist Elites. Stanford. 1952.
- North Robert C.* Moscow and Chinese Communists. Stanford. 1967.
- Oksenberg M.* China's Political System: challenges of the twenty-first century. // *China Journal.* Canberra. 2001, Iss. 45.
- Peck James.* The Roots of Rhetoric: The Professional Ideology of America's China Watchers // *Bulletin of Concerned Asian Scholars.* 1969, October. № 2.
- Pye Lucian.* The Dynamics of Chinese Politics. Cambridge, 1981.
- Pye L. W.* The Mandarin and the Cadre: China's political cultures. Ann Arbor, 1988.
- Rethinking the «Cultural Revolution».* Beijing, 2000.
- The Rise to Power of the Chinese Communist Party: Documents and analysis* / Ed. by T.Saich. L., 1996.
- Rostow Walt W.* The World Economy: History and Prospect. Austin: TX, 1978.
- Roxborough Ian.* Modernization Theory Revisited. A Review Article. // *Comparative studies of sociology and history.* October 1988. Vol. 30. № 4.
- Russia and China: Traditional values and modernization.* Taipei, 2004.
- Saich T.* Governance and Politics of China. Houndmilly, 2001.
- Santoro M.A.* Global Capitalism and the Road to Chinese Democracy // *Current History.* Philadelphia. 1999. Vol. 99. № 638.
- Scalappino Robert, George T.Wu.* Modern China and Its Revolutionary Process. Berkeley. 1985.
- Schottenhammer A.* Fifty years of socialism in China. From the selfassertion of a communist regime to the new «Middle Kingdom» // *International Asienforum = International quarterly for Asien Studies.* Munchen. 2000, Jg. 31. H. 1/2.
- Schram S.R.* Ideology and Policy in China since the Third Plenum. 1978–1984. L., 1984.
- Schram S.* The Thought of Mao Tsetung. Cambridge, 1989.
- Schurman Franz.* Ideology and Organization in Communist China. Berkeley, 1971.
- Seton-Watson H.* The Russian and Chinese Revolution // *China Quarterly.* L., 1962. № 2.
- Shambaugh D.* The Dynamics of Elite Politics during the Jiang Era. // *China Journal.* Canberra. 2001. Iss.45.
- Sheridan J.* China in Disintegration. The Republican Era in Chinese History. 1912–1949. NY.- L., 1975.
- Shi Tianjian.* Cultural Values and Democracy in the People's Republic of China // *China Quarterly.* L., 2000. № 162.

- Shlapentokh D.* Post-Mao China: an alternative to «The End of History»? // Communist and post-communist studies. LA., 2002. Vol. 35. № 2.
- Show B.* Red Star over China. NY., 1944.
- Skocpol Theda.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge (UK). 1979.
- The Storm Clouds Clear Over China. The Memoir of Ch'en Li-fu. 1900–1993. (S.H. Chang, R.H. Myers eds.) Hoover Institution Press, 1994.
- Stover L.* The Cultural Ecology of Chinese Civilization. Peasants and elites in the last of agrarian state. NY., 1974.
- Su Shaozhi.* A decade of crises at the Institute of Marxizm-Leninizm-Mao Ze-dong thought 1974–84. // China Quarterly. L. 1993, № 134.
- Tan Chester C.* Chinese Political Thought in the Twenties Century. NY., 1971.
- Tang Wenfeng.* Political and Social Trends in Post-Deng urban China: crisis or stability // China Quarterly. L., 2001, № 168.
- Teiwes F.C.* Normal politics with Chinese Characteristics. // China Journal. Canberra. 2001. Iss.45.
- Thornton P.* Framing Dissent in Contemporary China: Irony, Ambiguity and Metonymy // China Quarterly. L., 2002, № 171.
- Three visions of Chinese Socialism. L., 1984.
- Tiananmen papers / Introduction by Nathan A.J. // Foreign Affairs. NY, 2001, vol. 80. № 1.
- Tipps Dean C.* Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective. // Comparative Studies in Society and History. Berkeley, 1973. №2.
- Toffler Alvin.* The Third Wave. New York, 1981.
- Transition and Permanence: Chinese History and Culture / Ed. by David C.Buxbaum and Frederick W. Mote. Hong Kong, 1972.
- Voegel A.* Japan Modernization. L., 1972
- Wallerstain Immanuel.* Crises: The World Economy, the Movements, and the Ideologies // Crises in World System. Beverly Hills / Albert Bergesen, ed., CA, 1983.
- Wallerstain I.* Revolution in the World-System: theses and querieties. Bingham. (NY). 1990.
- Wang E. Qingjia.* Interpreting the Chinese revolution: Chinese and American scholarship on Chinese peasant rebellions // Asian thought and society. Oneonta. 1995, Vol. 20. № 60.
- Wasserstrom J.N.* Student protests in fin de siecle China // New left review. L., 1999. № 237.
- Westernizing Russia and China // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 3.
- Wild lily, prairie fire: China's road to democracy, Yan'an to Tian'anmen. 1942–1989. / Ed., Benton Gr. Princeton. (NJ). 1995.
- Xu Ben.* The Cultural revolution and modernity: the contradictory political implications of postmodernism in China. // Journal of contemporary China. Abingdon. 1991. Vol. 8. № 21.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Yang D.L.* China in 2002: Leadership transition and the political economy of governance // Asian survey. Berkeley (Cal.), 2003. Vol. 43. № 1.
- Yang D.L.* China in 2001: Economic liberalization and its political discontents. // Asian survey. Berkeley (Cal.), 2002. Vol. 42. № 1.
- Yao Shuntian.* Privilege and corruption: The Problems of China's socialist market economy. // American journal of economics and sociology. NY. 2002. Vol. 61. № 1.
- Yee A.H., Cheng Y.S.* Enhancing China studies: Social psychology and the Chinese stepping-store syndrome. // Asian thought and society. Oneonta. 1999. Vol. . № 71.
- Zhao Suisheng.* Political liberalization without democratization: Pan Wei's pro-posal for political reform. // Journal of contemporary China. Abingdon. 2003. Vol. 12. № 35.

На китайском языке

- Айгочжуи хэ гунчаньчжуи. (Патриотизм и коммунизм.) / Отдел пропаганды парткома пров. Гуандун. Гуанчжоу. 1984.
- Ань Цинянь.* Дунфан гоцзя дэ шэхуй тяоюэ юй вэньхуа чжихоу. Элосы вэньхуа юй ленинчжуи вэньти. (Социальный скачок восточных стран и задержка культуры. Русская культура и вопросы ленинизма.) П., 1994.
- Ван Жошуй.* Макэсычжуи хэ сюэпай вэньти (Марксизм и вопрос о школах) // Синьхуа вэньчжай. 1987. № 11.
- Ван Лие.* Цюаньцюхуа юй шицзе. Глобализация и мир. П., 1998.
- Ван Мэнкуй.* Шэхуйчжуи чуцзи цзедуань дэ цзинцзи. (Экономика начального этапа социализма.) П., 1988.
- Ван Цзишэн.* Дандай гуаньли синьлисюэ. (Современная инженерная психология.) П., 1986.
- Вого цзинцзи тичжи гайгэ дэ цзибэнь вэньти: лилунь, нэйжун, ии. (Основные вопросы хозяйственной реформы в КНР: теории, содержание, значение.) / Под. ред. Юй Гуаньюаня. П., 1986.
- Вэй Аньфу.* Чжунго сяньдайхуа дэ эго гуаньдянь. (Китайская модернизация: Взгляд из России.) /Цзиньдай Чжунго ши яньцзю тунсюнь. Тайбэй, 1996. № 22.
- Гао Фан.* Шэхуйсюэ юй кэсюэ шэхуйчжуи. Шэхуйчжуи дэ гоцюй, сянь-цзая хэ вэйлай. (Социология и научный социализм. Прошлое, настоящее и будущее социализма.) П., 1986.
- Го Дэхун.* Чжун гундан ши луньцзи. (История компартии Китая.) П., 1989.
- Гофу цюаньцзи.* (Полное собрание сочинений отца-основателя государства.) Тайбэй, 1981. Т. 2.
- Гуаньйюй вого году шици дэ цинцзи гуйлюй вэньти таолунь чжуанцзи. (Дискуссия об экономических законах переходного периода в Китае.) П., 1956.
- Дэн Лицзюнь.* Шанпин цзинцзи дэ гуйлюй хэ цзихуа. (Законы товарной экономики и план.) П., 1979.
- Дэн Сяопин Вэньсюань.* (Избранные произведения Дэн Сяопина). П., 1993. Т. 3.

Литература

- Дун Жунышэн.* Чжунго нунцунь цзинци гайгэ. Экономическая реформа сельского хозяйства в Китае. П., 1985.
- Е Цзяньин.* Цзай цинчжу Чжунхуа жэньминь гунхэго чэнли саньши чжо-унянь дахуй шан дэ цзян хуа. (Выступление на торжественном собрании, посвященном 30-летию образования КНР.) // Хунци. 1979. № 10.
- Кэсюэ шэхуйчжуи. (Научный социализм.) / Гл. ред. Чжао Минъи. Цзи-нань, 1981.
- Кэсюэ шэхуйчжуи гайлунь. (Краткий очерк научного социализма.) / Составитель У Цзисян. Наньчан, 1983.
- Кэсюэ шэхуйчжуи гайлунь. (Краткий очерк научного социализма.) / Гл. ред. Чжэн Цзяньбан. П., 1986.
- Кэсюэ шэхуйчжуи цзибэнь юаньли. (Основные положения научного социализма.) / Гл. ред. Чжу Нинъюань. Шанхай, 1985.
- Кэсюэ шэхуйчжуи цысюэ даи. (Вопросы и ответы по научному социализму для обучающихся самостоятельно.) П., 1985.
- Ли Мин.* Чжунгожэнь син фэньси баогао. (Аналитический доклад о китайском характере.) П., 2003.
- Ли Сюлинь.* Бяньчжэн вэйучжуи хэ лиши вэйучжуи юаньли. (Основы диалектического материализма и исторического материализма.) П., 1985.
- Ли Цзэхуо.* Чжунго сяньдай сысян ши лунь. (Очерки по истории китайской мысли новейшего времени.) П., 1987.
- Лю Гогуан.* Чжунго гоючжи цзинци гайгэ дэ таньсо. (Поиск экономической реформы государственной собственности.) П., 1989.
- Лю Гогуан.* Чжунго цзинци дэ бяньдун юй макэсычжуи цзинци лилунь дэ фачжань. (Изменения в экономике Китая и развитие экономической теории марксизма.) Нанкин, 1988.
- Лю Хун, Вэй Лицунь.* Вого гоцин юй цзинци шэхуй фачжань. (Национальные особенности и стратегия социально-экономического развития Китая.) П., 1982.
- Люй Чжэньюй.* Чжунго чжэнчи сысян ши. (История политической мысли Китая.) П., 1962. Т. 1–2.
- Макэсы жэньшилунь яньцзю юй вого шэхуйчжуи сяньдайхуа цзяньшэ. (Марксистская теория познания и строительство модернизации в нашей стране.) / Гл. ред. Сяо Цянь. П., 1986.
- Ма Хун.* Шилунь вого шэхуйчжуи цзинци фачжань дэ синь чжаньлюэ. (О новой стратегии развития социалистической экономики.) П., 1982.
- Синь Бэньсы.* Чжэсюэ юй шидай. (Философия и современность). Ухань, 1984.
- Синьбянь лиши вэйучжуи. (Новая редакция исторического материализма.) / Отв. ред. Чэнь Чжанлянь. Шанхай, 1987.
- Синь шици тунъи чжаньсянь вэньсянь сюаньбянь. (Единый фронт в новый период. Избранные произведения.) П., 1985.
- Су Хайтао.* Чуаньтун вэньхуа юй сяндай вэньмин. (Традиционная культура и современная цивилизация.) Нанкин, 1998.
- Сун Шупин.* Чжунго чжэсюэ шигао. (Очерки истории китайской философии). Шанхай, 1980–1981. Т.1–2.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Сунь Ефан.* Гуаньйю чжунго шэхуй цзици гэмин синчжиды жогань ли-лунь взньти. (О характере китайского общества и китайской революции). П., 1985.
- Сысян гунцзо хэ сяньдайхуа. (Идеологическая работа и современность). Гл. ред. Ся Юйлун. Шанхай, 1986.
- Сюэ Муцяо.* Почу цзяотяочжуй хэ цзянхуа моши (Покончить с догматизмом и за- костеневшей моделью) // ЖМЖБ. 7.12.1987.
- Сяньдай ганьбу гуаньли. (Современная система управления ганьбу.) Цзи-нань, 1987.
- Тао Даюн.* Кэсюэ шэхуйчжуй шилуе. (Краткий исторический очерк социалисти- ческой мысли). П., 1985.
- Тунчжань лилунь яньцзю. (Исследование теории единого фронта.) Тай-юань, 1987.
- У Липин.* Шэхуйчжуй ши. (История социализма.) П., 1986.
- У Сюн.* Чжунго взньхуа жэ. (Дискуссия о культуре в Китае.) Шанхай, 1988.
- Фань Вэньлань. Лиши луньвэнь сюаньцзи. (Избранные статьи по истории). П., 1979.
- Хоу Вайлу.* Чжунго сысян ши ган. (Очерк истории китайской мысли). П., 1980—1981. Т. 1—2.
- Ху Цяому.* Данцянь сысян чжаньсяньды жогань взньти. (Некоторые вопросы со- временного идеологического фронта.) П., 1982.
- Ху Шэн.* Вэйшэммо Чжунго бу нэн цзоу цзэбэньчжуй даолу. (Почему Китай не мо- жет идти по капиталистическому пути.) П., 1987.
- Ху Шэн.* Лиши хэ сянши. (История и действительность.) Сб. статей. Шанхай, 1988.
- Хуа Гофэн.* Ба учань цзеци чжуаньчжэн ся ды цзисюй гэмин цзинсин дао-ди. (До конца продолжать революцию при диктатуре пролетариата.) П., 1977.
- Хуан Иньтао.* Чжунго тэсэды цзихуа цзинцзи. (Плановая экономика с китайской спецификой.) Чунцин, 1985.
- Хуан Сяохуй.* Гайгэ чжундэ сысян чжэнчжи гунцзо. (Идейно-политическая работа в период реформ.) П., 1988.
- Хуймоу шицзи гао: Чжунго гунчаньдан «и да» дао «шиу да» чжэньдянь цзици. (Ог- лядывая ход столетия: ценнейшие документы истории китайской компартии от I до XV съезда.) / Гл. ред. У Цзе. П., 1998. Т. 1—3.
- Хун Ляндэ.* Синьцзяпо сюэ. (Изучение Сингапура.) Тайбэй, 1994.
- Цао Сижэнь.* Хуаньсян юй сяньши: Чжунго даолу. (Мечты и реальность: путь Ки- тая.) Сиань, 1999.
- Цзай синьды лиши тяоцзянь ся цзяньчи хэ фачжань макэсычжуй. Сюэси Ху Яобан взньцянь. (В новых исторических условиях отстаивать и развивать марк- сизм. Изучая труды Ху Яобана.) Под ред. Су Шаочжи. П., 1983.
- Цзинцзи тичжи гайгэ дянъши цзянхуа. (Телевизионный курс лекций по реформе эко- номической системы.) / Комитет по реформе экономической системы. П., 1985.
- «Цзяньшэ ю чжунго тэсэды шэхуйчжуй». (Цзэндинбэн.) Фудао цзянцзо. (Руководя- щий цикл лекций «Строительство социализма с китайской спецификой») / гл. ред. Чжан Юйкан. П., 1987.
- Цюаньцзюхуа юй взньхуа. Сифан юй Чжунго. (Глобализация и культура. Запад и Китай.) / Гл. ред. Ван Нин. П., 2002.

Литература

- Чжан И.* Гайгэ юй цзяньшэ ю чжунго тэсэды шэхуйчжуи. (Реформа и строительство социализма с китайской спецификой.) П., 1985.
- Чжао Фэн.* Чжунго да фань «цзо». (Осуждение левачества в Китае. (20–90-е годы)). П., 1993.
- Чжу Хунъюань.* Тунмэнхуй дэ гэмин лилунь. (Революционная теория Тун-мэнхуа.) Тайбэй, Миньго 84.
- Чжу Хунъюань.* Цун бяньлуань дао цзюньшэн. Гуанси дэ чуци сяньдай хуа. 1860–1937. (От смуты к милитаризированной провинции. Начальный этап модернизации в Гуанси. 1860–1937.) Тайбэй, Миньго 84.
- Чжунго вэньхуа юй чжунго чжэсюэ. (Китайская культура и китайская философия. Институт государства Шэньчжэньского университета.) П., 1986.
- Чжунго гэмин ши 250 ти цзеда. (250 вопросов и ответов по истории китайской революции.) П., 1983.
- Чжунго гунчаньдан лиши. (История КПК.) / Отдел исторических исследований ЦК КПК. Пекин, 1991. Т. 1.
- Чжунго гунчаньдан ды сысян цзяньшэ. (Идеологическое строительство КПК. (1919–1989) / Гл. ред. Е Уси. Тяньцзинь, 1991.
- Чжунго гунчаньдан сысян чжэнчжи гунцзо ши. (1919–1987) (История идейно-политической работы КПК. (1919–1987). / Гл. ред. Сюй Чанбинь. Хээрбин, 1990.
- Чжунго гунчаньдан сысян ши. (Идеологическая история КПК.) / Гл. ред. Чжан Цзинжу. Циндао, 1991.
- Чжунго гэмин ши. (История китайской революции.) / Гл. ред. Сунь Уся. Шанхай, 1986.
- Чжунго тэсэды шэхуйчжуи. (Социализм с китайской спецификой.) / Гл. ред. Ян Чжэньсин. Ухань, 1987.
- Чжунго цзинци тичжи синь моши. (Новая модель экономической системы в Китае.) П., 1984.
- Чжунго шэхуйчжуи шичан вэньти яньцзю. (Вопросы социалистического рынка в Китае.) / Гл. ред. Ван Цайнань. Чанчунь, 1984.
- Чжэнчжи тичжи гайгэ и бай вэнь / 100 вопросов по реформе политической системы. / Отв. ред. Цэнь Ицзы, Сун Фанмин. Чанчунь, 1987.
- Чуаньтун юй чжунгожэнь. (Традиции и китайцы.) П., 1988.
- Чэнь Чжэньянь, Линь Цитань.* Чжунго гудай датун яньцзю. (Изучение древнекитайской идеи «датун».) Шанхай, 1986.
- Чэнь Юнь.* Цзай чжунго гунчаньдан цюаньго дайбяо хуйи шан ды цзян хуа. (Речь на Всекитайской конференции КПК. 23 сентября 1985 г.) // Хунци, 1985. № 19.
- Шэхуйчжуи дэ цыдянь. (Энциклопедия социализма.) / Гл. ред. Гао Фан. Чжэнчжоу. 1988.
- Шэхуйчжуи сяньдай хуа цзяньшэ хэ гунчаньчжуи. (Строительство социалистической модернизации и коммунизм.) / Гл. ред. Чжан Чаоцзунь. П., 1984.
- Шэхуйчжуи цзинци цзяньшэды жогань цзибэнь юаньли. (Некоторые основные принципы экономического строительства при социализме. В помощь изучающим труды Чэнь Юня.) / Гл. ред. Ван Цзюэ. П., 1982.

А.В. Виноградов. Китайская модель модернизации

- Юй Гуанъюань.* Лунь вогоды цзинцзи тичжи гайгэ. 1978—1985. (О реформе экономической системы Китая. 1978—1985.) Чанша, 1985.
- Юй Гуанъюань.* Чжунго шэхуйчжуи чуцзи цзедуань цзинцзи. (Экономика Китая на начальном этапе социализма.) П., 1988.
- Юй Юаньпэй, Ся Гэн.* Шэхуйчжуи лиши бяньчжэнфа. (Диалектика социалистической истории.) Шэньян, 1991.
- Ян Гэн.* Вэй Макэсы бяньхуа. (В защиту Маркса.) Харбин. 1990.
- Ян Сяньчжэнь.* Во дэ чжэсюэ «цзуйань». («Дело по обвинению» моей философии.) П., 1981.

Журналы

- Вопросы философии. 1982—2005.
- Восток. 1989—2004.
- Коммунист. 1982—1988.
- Мировые процессы. 2004—2005.
- Народы Азии и Африки. 1989—1996.
- Полис. 1995—2001.
- Проблемы Дальнего Востока. 1978—2005.
- Свободная мысль. 1991—2002.
- Pro et Contra. 1996—2003.
- China Information. 1996—1997.
- China News Analysis. 1989—1990.
- China Quaterly. 1975—2003.
- Discent. 1989.
- Foreign Affairs. 1997.
- History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Wesleyan University. 1995.
- Studies in Comparative Communism. Guilford. 1989.
- Tamkang International Studies. 1994—1995.
- Байкэ чжиши. 1988.
- Бэйцзин дасюэ сюэбао. 1988, 1990, 1992, 1993.
- Вэнь ши чжэ. 1988, 1989, 1993.
- Гоцзи гунчаньчжуи юньдун. (D.3) 1992, 1993.
- Гуандун шэхуй кэсюэ. 1991.
- Дун'оу чжун'я яньцзю. 1999—2000.
- Кэсюэ шэхуйчжуи. 1987, 1992—1994.
- Лилунь юй шицзянь. (Шэньян) 1987.
- Лилунь юэкань. 1988.
- Лиши яньцзю. 1978.
- Ляован. 1989.
- Ляонин дасюэсюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 1986—1988.
- Наньцзин дасюэ сюэбао. 1980.
- Синь цзяншэ. 1959.

Литература

Синьхуа вэньчжай. 1986—1992, 1999
 Синьхуа юэбао (вэньчжай). 1979.
 Синьцзян шэхуй кэсюэ. 1987, 1989.
 Сысян чжаньсянь. 1980, 1988.
 Сюэси юй пипань. 1976
 Сюэси юй таньсо. 1990.
 Сюэси юй яньцзю. 1986.
 Сюэшу юэкань. 1979.
 Сямэнь дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйкэсюэ бань. 1987—1988.
 Ухань дасюэ сюэбао. 1987—1988, 1990—1991.
 Фудань сюэбао. 1987, 1990, 1992.
 Фуцзянь луньтань. 1987—1989.
 Хунци. 1978—1988.
 Цзинань сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ). 1989.
 Цзинцзи юй гуаньли яньцзю. 1987.
 Цзинцзи яньцзю. 1988.
 Цзянхан луньтань. (Учан). 1989.
 Цюши. 1989—1991.
 Чжэнняо. 1991—1992.
 Чжэсюэ яньцзю. 1987—1988, 1999, 2002.
 Чжэцзян сюэкань. 1987.
 Чжунго шэхуй кэсюэ. 1982—1992, 1997.
 Чжунго шэхуй кэсюэюань яньцзюшэньюань сюэбао. 1992.
 Чжуншань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуйкэсюэ бань. 1988.
 Шэхуй кэсюэ. 1985—1992.
 Шэхуй кэсюэ цзикань. 1987.
 Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1987—1988, 1990.
 Шэхуй кэсюэ яньцзю. Чэнду. 1986—1987, 1990, 1993, 1999.
 Шэхуйчжуи яньцзю. 1998, 1999.
 Юньнань шэхуйкэсюэ. 1986—1987.

Газеты

Коммерсант. 2002—2005.
 Независимая газета. 1998—2002.
 Правда. 1986—1993.
 Вэньхуа бао. 1983.
 Гуанмин жибао. 1978—2004.
 Гунжэнь жибао. 1979—2002.
 Жэньминь жибао. 1976—2004
 Цзефан жибао. 1999—2001.
 Цзефанцзюнь бао. 1991—2002.

Сведения об авторе

Виноградов Андрей Владимирович (1962 г.р.) в 1984 г. закончил Социально-экономический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «международные экономические отношения» со специализацией по Китаю, кандидат исторических наук (1989). С 1984 года – аспирант, младший, старший, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, в 1984–1985 годах – стажер Пекинского института иностранных языков, в 1995–1996 годах – приглашенный эксперт (visiting scholar) Института современной истории «Academia Sinica» (Тайвань).

Автор более ста опубликованных работ, в т.ч. двух авторских монографий. Основные работы посвящены проблемам модернизации и исследованию общественно-политической мысли Китая, а также политическим процессам в КНР и России.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (Университет) МИД РОССИИ

ПРИГЛАШАЕТ АБИТУРИЕНТОВ НА

ОТДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Отделение является частью Факультета политологии МГИМО-Университета и ориентировано на подготовку бакалавров и магистров в области отношений политической власти и бизнеса, взаимодействия государств и международных институтов, политических аспектов формирования экономического курса государства.

Вступительные экзамены

Проводятся письменно по географии, иностранному языку, русскому языку и литературе.

Имеются бюджетные и платные места.

*** * ***

«...Современные специалисты в идеале должны быть подготовлены для работы всюду, где соприкасаются интересы политики и бизнеса. Эксперт по экономической политологии должен в рамках задания «с колес» вести переписку на иностранных языках и включаться в организацию серьезных переговоров...»

«...Учащиеся должны обладать навыком не столько давать событиям политическую оценку, сколько самостоятельно вырабатывать оптимальную стратегию поведения (личности, корпорации, органа государственной власти) в ситуации столкновения интересов бизнеса и власти. Типичные конфликты, стратегии примирения интересов, факторы личности политика в деловом мире и бизнесмена в политике, правовая и этическая основа сотрудничества бизнеса и власти — повестка дня экономической политологии приблизительно такова...».

«...Сегодня речь идет о необходимости в менеджерах «второго поколения», менеджерах-стратегах, мастерах долгосрочного и комплексного политического управления — в том числе в сфере экономики. Экономическая политология предназначена решить свою часть этой сложной, грандиозной и привлекательной задачи...».

Алексей Богатуров
проректор МГИМО
«НГ-Сценарии», 29.01.2008

Научно-образовательный форум по международным отношениям — неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996–1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума
Алексей Богатуров

С 1996 года Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал 15 монографий и сборников, среди которых:

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

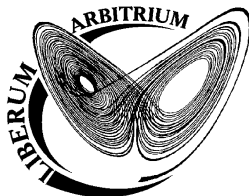
Системная история международных отношений. 1918–2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том 1 и том 2. М.: Московский рабочий, 2000; том 3. М.: НОФМО, 2003; том 4. М.: НОФМО, 2004.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., д. 9, строение 2, офис 29

Телефон: (495) 790 73 94, факс: (495) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» — фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор

д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*,
заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«*Международные процессы*» — первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов — сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макаруров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Открыта общедоступная подписка на журнал «Международные процессы» на второе полугодие 2008 года. Индекс издания по каталогу «Роспечать» — 46768.

<http://www.intertrends.ru>

Андрей Владимирович Виноградов

Китайская модель модернизации
Поиски новой идентичности

Издание второе, исправленное и дополненное

Редактор А.А. Байков
Компьютерная верстка И.А. Николаевой

Подписано в печать 04.03.2008. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Печ. л. 23.
Тираж 650 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5